

Министерство науки и образования РФ
Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«ПЕТРОЗАВОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

На правах рукописи

Брусницына Дарья Владимировна

ПАШЕННЫЕ СОЛДАТЫ
В СЕВЕРО-ЗАПАДНОМ РОССИЙСКОМ ПРИГРАНИЧЬЕ:
ОПЫТ ПРИВЛЕЧЕНИЯ КАРЕЛЬСКИХ КРЕСТЬЯН К ВОЕННОЙ СЛУЖБЕ
(1649—1666)

Специальность 07.00.02. — Отечественная история

Диссертация на соискание учёной степени
кандидата исторических наук

Научный руководитель
к. и. н., доцент И. А. Чернякова

Петрозаводск 2014

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
ГЛАВА 1. СОЗДАНИЕ ПОЛКОВ ПАШЕННЫХ СОЛДАТ	56
1.1. Подготовительные мероприятия к введению солдатской службы	56
1.2. Наказ о записи крестьян Заонежских и Лопских погостов в солдаты и его реализация в 1649 г.	80
1.3. Количественные данные о солдатах и драгунах	109
ГЛАВА 2. ОРГАНИЗАЦИЯ СЛУЖБЫ ПАШЕННЫХ СОЛДАТ (1649—1666)	118
2.1. Обеспечение и обучение местных крестьян военному делу (1649—1654)	118
2.1.1. Вооружение, снабжение, сборы, смотры	118
2.1.2. Подготовка к участию в военных действиях	132
2.2. Участие в войнах с Польшей (1654—1667) и Швецией (1656—1658)	141
2.3. Бегство со службы: проблема и пути решения	150
2.3.1. Причины и масштабы бегства	150
2.3.2. Сыск и высылка: взаимодействие воеводы с солдатскими сыщиками и высылщиками	157
2.3.3. Мероприятия по предупреждению бегства	173
ГЛАВА 3. НОВЫЕ ЯВЛЕНИЯ В ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ КРЕСТЬЯНСКОГО СООБЩЕСТВА ОЛОНЕЦКОГО УЕЗДА В ПЕРИОД СУЩЕСТВОВАНИЯ ИНСТИТУТА ПАШЕННЫХ СОЛДАТ (1649—1666)	191
3.1. Начальные люди полков пашенных солдат — иноземные и русские офицеры	191
3.1.1. Взаимоотношения с местным населением и подчинёнными солдатами	191
3.1.2. Принятие иноземными военными служащими православия	207
3.1.3. Появление русских офицеров в полках пашенных солдат	213
3.2. Олонецкие крестьяне — пашенные солдаты	217
3.2.1. Способы активного и пассивного сопротивления	217
3.2.2. Наймиты — новый социальный феномен в олонецкой деревне	221

3.2.3. Осложнения в повседневной жизни крестьянского сообщества	236
ЗАКЛЮЧЕНИЕ: КРЕСТЬЯНСКОЕ СООБЩЕСТВО ОЛОНЕЦКОГО УЕЗДА И ПОСЛЕДСТВИЯ СЛУЖБЫ В ПАШЕННЫХ СОЛДАТАХ	241
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ	247
ПРИЛОЖЕНИЯ	
1. Карта Заонежских и Лопских погостов XVII в.	292
2. Карточка базы данных, составленной по переписным книгам пашенных солдат и крестьян И. Дивова 1657 г.	293
3. Карточка просопографической базы данных «Пашенные солдаты Олонецкого уезда»	294

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы. Оборона государственной границы во все времена являлась важнейшей задачей правительства России. Вопросы о том, кем и на каких условиях должна осуществляться защита границ, всегда были в фокусе внимания российской власти. От эффективности решения данной задачи во многом зависело как благополучие народов, проживавших на территории нашей страны, так и целостность государства. В центре данного диссертационного исследования — полки пашенных солдат и драгун, организованные в Заонежских и Лопских погостах Олонецкого уезда в 1649 г. по образцу западноевропейских армий для обороны того участка русско-шведской границы, с которым соприкасался этот приграничный регион.

Полки пашенных солдат и драгун, укомплектованные местными черносошными крестьянами, были сформированы в рамках общероссийской модернизации вооруженных сил XVII века. Уже в начале столетия стало ясно, что русская армия значительно уступает по своим боевым качествам армиям западноевропейских государств. Осознание этого факта привело сначала к попыткам исправить ситуацию путем набора на военную службу иноземных солдат и офицеров и организации так называемых полков «нового (иноземного) строя». Следующим этапом реформирования армии стал набор в полки «нового строя» детей боярских и других вольных «охочих» людей, обучать которых должны были офицеры, приглашённые из-за границы. Ещё позже, в 40-е гг. XVII в., в правящих кругах созрела идея создания поселённых войск, также устроенных по новым правилам. Полки карельских пашенных солдат и драгун появились в 1649 г. в результате воплощения в жизнь именно этой идеи. Все местные годные к службе черносошные крестьяне были записаны в солдаты практически поголовно. За службу правительство освободило их от уплаты тягла, а также обещало не посылать служить на «дальние службы», то есть за пределы Карелии. Предполагалось, что главной задачей пашенных солдат станет охрана границы со Швецией, от которой постоянно исходила угроза

военного нападения. Недавние крестьяне обучались в полках не просто азам военного дела, но искусству вести бой по новейшим европейским канонам. Можно сказать, это была попытка организации эффективного и в то же время дешёвого войска, так как, обучившись иноземному солдатскому и драгунскому строю и охраняя границу в своих родных местах, солдаты должны были жить за счёт ведения своих хозяйств, не получая никакого жалования. Именно так правительство предполагало решить проблему обороны северо-западного участка государственной границы в середине XVII века.

До настоящего времени создание поселённых солдатских и драгунских полков на территории Карелии не становилось предметом специального научного исследования. Некоторые аспекты данной темы раскрыты в существующей историографии, однако, не все стороны явления исследованы в должной степени и очевидна необходимость его более глубокого и детального изучения, тем более, что в архивах хранятся целые комплексы документов, имеющих прямое отношение к теме диссертации, но не введённых в научный оборот.

Географические рамки исследования охватывают территорию пятнадцати Заонежских и семи Лопских погостов (см. Приложение 1), где летом-осенью 1649 г. была введена служба пашенных солдат. В начале 1650 г. Заонежские и Лопские погосты были объединены в единый Олонецкий уезд с административным центром в городе-крепости Олонце.

Хронологические рамки исследования. В основном в диссертации рассматривается период, когда чернососшные крестьяне Заонежских и Лопских погостов были обязаны нести солдатскую или драгунскую службу: с 1649 г. (введение) и по 1666 г. (отмена). Однако в связи с тем, что мероприятия по подготовке региона к введению солдатской службы начали проводиться с 1647 г., а последствия несения службы местными крестьянами проявлялись в повседневной жизни местного населения спустя годы после её отмены, а также благодаря использованию данных переписных книг Заонежских погостов 1646 г. и 1678 г. и возможности на их основе проследить вехи индивидуальных

судеб отдельных крестьян, оказавшихся в солдатских рядах, мы посчитали возможным в некоторых случаях нашего исследования выходить за пределы периода существования института пашенных солдат и привлекать документальный материал за период с 1646 по 1678 гг.

Объект исследования — локальное крестьянское сообщество, члены которого на протяжении около двух десятилетий обязаны были служить государству на военном поприще, чьи личные судьбы оказались под воздействием новых факторов, связанных с введением службы пашенных солдат: обучением иноземному строю и владению оружием, участием в войсковых походах и боях.

Предмет исследования — институт пашенных солдат как социальный феномен, оказавший воздействие на все сферы повседневной жизни обитателей Заонежских и Лопских погостов.

Степень разработанности проблемы. Исторические работы, затрагивающие те или иные аспекты заявленной темы диссертации, можно условно разделить на несколько групп.

Первую, самую важную группу составляют исследования, которые либо полностью, либо частично посвящены рассмотрению различных сторон службы олонецких пашенных солдат, а также содержат сведения о различных аспектах жизни крестьян Олонецкого уезда в XVII веке.

В 1889 г. военный историк, генерал от инфантерии Александр Казимирович Пузыревский в одном из своих трудов, очевидно, имея в виду полки олонецких и сумерских пашенных солдат, кратко заострил внимание на «военных колониях», созданных в 1649 г. в Олонецком и Старорусском «районах»¹. При этом формулировка автора о том, что в Олонецком «районе» вместе с солдатами были поселены драгуны, не даёт читателю ясного понимания того, что данные полки полностью были укомплектованы из местных черносошных крестьян. Далее автор отметил, что все селения этой

¹ Пузыревский А. К. Развитие постоянных регулярных армий и состояние военного искусства в век Людовика XIV и Петра Великого. СПб., 1889. С. 74.

местности «обязаны были солдатскою службою»², однако это также не проясняет вопрос, тем более, что из монастырских вотчин, расположенных в Олонецком уезде, крестьян в пашенные солдаты и драгуны не прибирали. Ещё одна неточность А. К. Пузыревского состоит в определении численности «поселённых солдат». По словам историка, их число было незначительно — около 3000 человек³. На самом деле уже летом 1649 г. в солдаты были записаны около 8000 человек⁴. Автор отметил участие этих солдат в войнах, но не указал в каких именно военных кампаниях они участвовали. Также в работе ничего не написано о том, сколько такие полки просуществовали, когда и по каким причинам солдатская служба была отменена. В целом, А. К. Пузыревский критически оценил как состав офицеров поселённых полков, назвав его «дурным», так и боеспособность самих «поселённых солдат», назвав их «посредственным боевым материалом»⁵.

Впервые в исторической науке вопрос о создании на территории Заонежских и Лопских погостов в 1649 г. солдатских полков для охраны русско-шведской границы с опорой на большой массив актового материала затронул дореволюционный исследователь Михаил Михайлович Богословский в вышедшем в 1909—1912 гг. двухтомном труде «Земское самоуправление на Русском Севере в XVII веке»⁶. Исследователь назвал эти полки, укомплектованные местными черносошными крестьянами, «военными поселениями». В связи с тем, что в большей степени учёный изучал социально-экономическую жизнь Севера России в целом, среди рассмотренных им вопросов — землевладение и общественный строй, органы самоуправления и деятельность земского мира, взаимоотношения земства и государства. Солдатской службе историк посвятил по две страницы своего труда в каждом

² Пузыревский А. К. Развитие постоянных регулярных армий ... С. 75.

³ Там же. С. 74.

⁴ Мюллер Р. Б. Очерки по истории Карелии XVII века. Петрозаводск, 1947. С. 133. В настоящей диссертации показано, что в последующие годы количество одновременно служивших пашенных солдат доходило до 12000 человек.

⁵ Пузыревский А. К. Развитие постоянных регулярных армий ... С. 75.

⁶ Богословский М. М. Земское самоуправление на Русском Севере в XVII в. Т. 1: Областное деление Поморья. Землевладение и общественный строй. Органы самоуправления. М.: Синодальная типография, 1909. 321 с.; Т. 2: Деятельность земского мира. Земство и государство. М.: Синодальная типография, 1912. 311 с.

томе. М. М. Богословский кратко упомянул деятельность крестьянского свозчика дворянина Василия Даниловича Золотарева и предварительные мероприятия, проведённые этим должностным лицом в 1647 г. по разъяснению местным жителям выгоды, которую они могли получить, записавшись в солдаты. При этом учёный подчеркнул нежелание крестьян, особенно Лопских погостов, записываться в солдатские ряды даже несмотря на обещание правительства не взимать с солдат подати⁷.

На основе актовых материалов из фонда «Приказные дела старых лет» автор показал, как крестьяне сопротивлялись этому нововведению: писали челобитные на имя царя и посылали ходоков в Москву с поручением добиться отмены солдатской службы, оказывали вооружённое сопротивление представителям власти, избивали и изгоняли их из своих деревень.

Благодаря архивным изысканиям М. М. Богословскому удалось выявить сведения о количестве крестьян, прибранных в солдаты в трёх Лопских погостах в 1649 г. Тогда с 351 двора Дмитрий Волконский зачислил в солдатскую службу 548 человек⁸. Для нашего исследования очень важно, что историк опубликовал эти количественные данные, так как архивное дело, на которое в работе дана ссылка, в настоящее время не выдаётся исследователям по причине ветхого состояния⁹. В то же время никаких других сведений о количестве прибранных солдат в остальных погостах ни за тот же, ни за последующие годы учёный не привёл.

Кратко остановившись на обучении прибранных солдат иноземными начальными людьми, историк назвал имя только одного из двух присланных в 1649 г. полковников — Александра Гамольта. При этом на основании слов олонецкого воеводы о том, что он должен был сам выезжать в погосты «для ссорных дел у начальных людей с солдаты», автор предположил, что «немцы» были встречены крестьянами недружелюбно¹⁰. В завершении рассмотрения

⁷ Богословский М. М. Земское самоуправление ... Т. 1. С. 144—145; Т. 2. С. 63—64.

⁸ Там же. Т. 1. С. 144.

⁹ Имеется в виду дело, хранящееся в настоящее время в РГАДА: Ф. 141. 1649. Д. 75.

¹⁰ Богословский М. М. Земское самоуправление ... Т. 1. С. 145.

«военных поселений» М. М. Богословский, ссылаясь на опубликованный акт от 1658 г., пришёл к выводу, что несение крестьянами солдатской службы привело к разорению крестьянских хозяйств¹¹. О том, что происходило с пашенными солдатами в предшествующие и последующие годы, в частности об их участии в войнах с Польшей и Швецией, учёный не написал, как и о том, чем завершилась солдатская служба, когда и по какой причине была отменена.

Вскоре после выхода в свет труда М. М. Богословского другой дореволюционный исследователь земельного быта сельского населения Русского Севера XVI—XVIII веков Мария Александровна Островская также обратила внимание на солдатскую службу олонечских крестьян¹². Именно в этой работе впервые в историографии встречаются понятия «институт пашенных солдат» и «пашенные солдаты» в отношении крестьян Заонежских и Лопских погостов, записанных в 1649 г. в солдатскую службу¹³. Автор определила их как особую группу земледельческого населения, вынужденного совмещать нелёгкий крестьянский труд не только с военной муштрой и пограничной службой, но и со службой в действующей на театрах боевых действий русской армии¹⁴. Вместе с тем исследовательница вслед за М. М. Богословским применительно к системе пашенных солдат Олонечского уезда также употребляла понятие «военные поселения».

В работе М. А. Островской для освещения некоторых аспектов солдатской службы местных крестьян привлечено гораздо больше различных опубликованных и архивных актов материалов, чем в труде М. М. Богословского. Впервые в историографии исследовательница проанализировала отписки в Москву солдатского переписчика и высылщика Ивана Семёновича Дивова, который в 1657 г. прибыл в Олонечский уезд с наказом переписать всех пашенных солдат и других крестьян, не прибранных на службу. В духе традиции дореволюционной исторической науки

¹¹ Богословский М. М. Земское самоуправление ... Т. 1. С. 145.

¹² Островская М. А. Земельный быт сельского населения Русского Севера в XVI—XVIII веках. СПб., 1913. С. 83—90.

¹³ Там же. С. 83.

¹⁴ Там же.

М. А. Островская привела в своей работе обширные цитаты из использованных источников, сделав особый акцент на явлении найма крестьянами для отправки на солдатскую службу вместо себя кого-либо другого за определённую плату. Автор установила, что солдаты сталкивались с проблемой бегства «наймитов», многие из которых, по словам Дивова, получив плату за найм, сбегали, не отслужив положенного срока, в особенности это касалось наймитов из числа монастырских крестьян, укрывавшихся в вотчинах монастырей. В связи с этим, М. А. Островская рассмотрела предложение Дивова набирать в солдаты крестьян и из монастырских владений, где в это время «учинилось многолюдно», однако, пришла к заключению, что радикальная мера, предложенная солдатским переписчиком, не была осуществлена¹⁵.

Также исследовательница обратила внимание на свидетельства документов о злоупотреблениях, допущенных Дивовым при записи крестьян в солдаты и кратко упомянула, что для расследования нарушений в деятельности переписчика в уезд из Москвы был послан дворянин Сергей Андроникович Малово, которому поручалось сказать солдатам, сбежавшим со службы из-за «насильств» должностных лиц «милостивое слово». Автор не привела никаких данных о том, как проходило расследование Малово, чем оно завершилось, и самое главное, был ли Дивов признан виновным в тех «беззакониях», в которых его обвиняли, однако на основе изученного актового материала пришла к выводу, что «все государевы милости такого рода не могли уничтожить отвращенья сельского населения к институту пашенных солдат». В целом М. А. Островская дала негативную оценку итогам функционирования отменённых в 1666 г. «военных поселений». По убеждению автора, это была «затея, бесполезная для государства и ненавистная местному населению: оборона границы от нея не выиграла, государевы доходы пострадали, крестьянские хозяйства были подорваны»¹⁶.

¹⁵ Островская М. А. Земельный быт ... С. 84—85.

¹⁶ Там же. С. 90.

Как труды достойные серьёзного внимания стоит отметить работы советского исследователя Раисы Борисовны Мюллер. В 1947 г. вышел её труд «Очерки истории Карелии XVI—XVII вв.»¹⁷. Это первое в историографии исследование, в котором в фокусе внимания автора находилась история собственно Карелии, а не всего Русского Севера, как в двух выше названных работах. В очерках представлены результаты изучения практически всех сторон истории Карелии указанного периода, в том числе института пашенных солдат. Правда, при рассмотрении данной темы исследовательница не привлекла работы ни М. М. Богословского, ни М. А. Островской, тем не менее, благодаря изучению большого количества опубликованных и неопубликованных актов автору удалось воссоздать более полную картину организации и функционирования полков олонецких пашенных солдат, чем её предшественникам. В очерках подробно описан процесс подготовки и проведения мероприятий по привлечению карельских черносошных крестьян к солдатской службе, в том числе возвращение «сошлых» крестьян на прежние места жительства, и в связи с этим охарактеризована деятельность свозчика Золотарева. Автор ярко изобразила недовольство местного населения новой для них военной обязанностью, ставшей для крестьян тяжёлым бременем. Указав на массовое бегство пашенных солдат со службы, Р. Б. Мюллер особо подчеркнула, что оно было бы невозможно в таких масштабах, если бы не те поддержка и сочувствие, которые беглые находили у местных жителей, не выдававших их солдатским сыщикам и высылщикам. Автор также подняла вопрос найма солдат за плату, подчёркивая, что воспользоваться такой возможностью могли только зажиточные крестьяне¹⁸. Вероятно, ввиду того, что труд М. А. Островской не был использован при подготовке работы, Дивов и Малово упомянуты лишь мельком в ряду других переписчиков и высылщиков. Отметив обвинение Дивова в злоупотреблениях, Р. Б. Мюллер указала, что по его переписи в солдатских рядах числилось 9 500 человек. На основе этих

¹⁷ Мюллер Р. Б. Очерки по истории Карелии XVI-XVII вв. Петрозаводск, 1947. 176 с.

¹⁸ Там же. С. 139.

данных исследовательница пришла к заключению, что в некоторые годы численность пашенных солдат доходила до 10 000¹⁹.

Главный вывод Р. Б. Мюллер о последствиях солдатской службы для крестьян Олонецкого уезда сводится к признанию негативного воздействия «солдатчины» на развитие экономики края. По словам историка, один из основных результатов существования «пашенных солдат» в Карелии было разорение средних слоёв крестьянства и усиление его экономической дифференциации²⁰. В то же время автор увидела и положительный итог: «до конца XVII столетия из-за шведского рубежа не было больше ни одного набега в пределы Олонецкого уезда»²¹.

Ценность труда Р. Б. Мюллер состоит в том, что написан он с опорой на большое количество неопубликованных актовых материалов из фондов «Олонецкая воеводская изба» (Архив СПбИИ РАН) и «Приказные дела старых лет» (РГАДА). Важным вкладом историка в науку является опубликование в 1948 г. сборника документов по истории Карелии²². Этим самым в научный оборот были введены до тех пор практически никому неизвестные документы.

В 50-е гг. XX века вышло несколько работ, в которых приведены сведения о военных реформах в допетровскую эпоху и появлении в России войск «нового строя». Ведущим советским специалистом по этой проблематике по праву считается Анатолий Васильевич Чернов. Его докторскую диссертацию современный исследователь, старший научный сотрудник Центра военной истории России Института Российской истории РАН, Александр Витальевич Малов назвал «настоящей энциклопедией по истории русского войска XVII столетия», заметив при этом, что в работе есть отдельные неточности и ошибки²³. В монографии, вышедшей в свет в 1954 г.²⁴, на ряде примеров А. В. Чернов проследил эволюцию войск «нового строя» и отметил специфику

¹⁹ Мюллер Р. Б. Очерки по истории Карелии ... С. 133.

²⁰ Там же. С. 139.

²¹ Там же. С. 140.

²² Мюллер Р. Б. Карелия в XVII веке. Сборник документов. Петрозаводск, 1948. 443 с.

²³ Малов А. В. Конница нового строя в русской армии в 1630—1680-е годы // Отечественная история. 2006. № 1. С. 118.

²⁴ Чернов А. В. Вооружённые силы Русского государства в XV—XVII вв. М., 1954. 224 с.

их положения как в структуре самой армии, так и по отношению к различным группам служилого и тяглого населения²⁵. Исследователь кратко отметил и создание на северо-западной границе (в Заонежских и Лопских погостах Олонецкого уезда, а также в Сумерской и Старопольской волостях Старорусского уезда) поселённых солдатских и драгунских полков из черносошных и дворцовых крестьян. Автор упомянул о постройке в 1649 г. города Олонца и записи в солдатскую службу крестьян, бобылей и их родственников во всех Заонежских и Лопских погостах, указав, что за ними оставили их земельные участки, а вместо денежного жалованья освободили от податей. Историк полагал, что каждый крестьянский двор должен был дать в солдаты одного человека в возрасте от 20 до 50 лет. Что касается количества записанных в службу крестьян, А. В. Чернов привёл данные только по шести Заонежским и трём Лопским погостам: 7902 человека, из которых сформировали два солдатских полка²⁶. Эти цифры, посчитанные старостами погостов в первый год организации солдатской службы в Карелии, были введены в научный оборот ещё Р. Б. Мюллер в очерках по истории Карелии в 1947 г.²⁷ Сколько точно крестьян было записано в солдаты в остальных погостах, а также в последующие годы, историк не указал, однако, завершая обзор истории разных поселённых солдатских и драгунских полков, заметил, что в результате неоднократных наборов в солдаты было взято и отправлено на войну практически все трудоспособное население²⁸.

В том же 1954 г. во 2-м издании Большой советской энциклопедии была опубликована краткая статья Якова Алексеевича Балагурова «Олонецкие пашенные солдаты»²⁹. Историк дал им следующее определение: «пограничные военные отряды, созданные русским правительством в связи с агрессивной политикой Швеции в XVII в. в количестве нескольких полков из крестьян

²⁵ Чернов В. А. Вооружённые силы ... С. 221—223.

²⁶ Там же. С. 144.

²⁷ Мюллер Р. Б. Очерки по истории Карелии ... С. 133.

²⁸ Чернов В. А. Вооружённые силы ... С. 144.

²⁹ Большая советская энциклопедия (Далее — БСЭ). 2-е изд. М., 1954. Т. 30. С. 653.

Заонежских и Лопских погостов в Карелии»³⁰. В статье указано, что пашенные солдаты не получали из казны жалованья, были обязаны содержать себя и свои семьи за счёт своего хозяйства, обучались военному строю в своих погостах и волостях, несли караульную службу в Олонецкой крепости и пограничных острожках. Автор отметил, что в 1657 г. олонецкие пашенные солдаты смогли отбить нападение шведских отрядов на русскую территорию, а в 1654—1662 гг. они сражались против польских войск в рядах русской армии под Полоцком, Брестом, Смоленском, Витебском и Псковом. Со ссылкой на работу А. В. Чернова автор приводит данные о восьми тысячах воевавших солдат, а также ошибочное мнение историка о периоде, когда пашенные солдаты привлекались к участию в боевых действиях — 1654—1662 гг. А. В. Чернов полагал, что после 1662 г. солдат, прибранных из крестьян, более не высылали на театр боевых действий. Вероятно, Я. А. Балагуров опирался на его мнение. В завершение историк сделал вывод, что «пограничная служба и походы, дополняемые рядом натуральных повинностей, разоряли хозяйства» солдат, а массовые побег и участвовавшие столкновения с иноземными офицерами и администрацией вынудили царское правительство в 1666 г. ликвидировать институт пашенных солдат³¹. Автор не отметил, что полки пашенных солдат комплектовались только из числа черносотных крестьян, а также не затронул вопрос о порядке прибора и общем количестве прибранных, о способах борьбы с бегством и о явлении найма. Не написано об участии пашенных солдат в русско-шведской войне 1656—1658 гг. на территории Швеции. Также перечень городов, под которыми сражались или находились в осаде пашенные солдаты, неполон. Не названы Корела, Орешек, Рига, Динабург, Кокенгаузен, Десна, Вялиж, Суша, Динабург, Юрьев Ливонский, Кастерсканс.

Татьяна Владимировна Старостина, изучавшая карельское крестьянство и его борьбу против феодального гнёта³², выясняя причину резкого обострения

³⁰ БСЭ. 2-е изд. Т. 30. С. 653.

³¹ Там же.

³² Старостина Т. В. Борьба крестьян Карелии против феодального гнета в 70-е гг. XVII века (Массовые волнения в Заонежских и Лопских погостах. Восстание Толвуйского погоста в 1678 г.) // Ученые записки

ситуации в 1660—1670-х гг., показала, что налоговая политика государства и монастырская эксплуатация, отягощённые мероприятиями оборонного характера, всё более способствовали дифференциации внутри крестьянской общины³³. Таким образом, автор согласилась с мнением Р. Б. Мюллер о влиянии солдатской службы на процесс экономического расслоения карельского крестьянства. В 2000 г. в альманахе «Военный вестник» Т. В. Старостина опубликовала статью, посвящённую пашенным солдатам и приуроченную по мнению издателей к 450-летию русской регулярной армии³⁴. В этой работе исследовательница в целом повторила известные в историографии положения о тяжком, непосильном бремени солдатской службы для карельских крестьян и их массовом бегстве. Однако впервые в историографии в этой статье приведены сведения об общем количестве карельских крестьян, прошедших службу в пашенных солдатах за всё время её существования — 17 000 человек. По утверждению историка, «это цифры по данным крестьянских миров»³⁵. К сожалению, ссылки на конкретные документы, откуда получены сведения, в статье нет.

Об участии пашенных солдат в русско-шведской войне 1656—1658 гг. писали Алексей Степанович Жербин и Геннадий Михайлович Коваленко. Труд А. С. Жербина посвящён изучению переселения карел из Корельского уезда в Россию на протяжении периода от Столбовского мира 1617 г. до Кардисского мира 1661 г.³⁶ На годы русско-шведской войны, по мнению исследователя, приходится второй этап этого переселения. Рассматривая основные события военной кампании автор отметил, что до начала войны русское правительство провело в Карелии целый ряд военных мероприятий, рассчитанных на укрепление русско-шведской границы, среди которых назвал постройку города-

Петрозаводского университета. 1957. Т. VII. Вып. I. С. 41—64; Она же. Мирская челобитная Заонежских погостов 1677 г. // Вопросы истории: Сборник статей. Петрозаводск, 1961. Вып. I. С. 107—127; Она же. Волнения крестьян Толвуйского погоста в XVII в. (до конца 60-х гг.) // Вопросы истории: Сборник статей. Петрозаводск, 1961. Вып. I. С. 128—145.

³³ Старостина Т. В. Борьба крестьян ... С. 57.

³⁴ Старостина Т. В. Пашенные солдаты: К 450-летию русской регулярной армии // Военный вестник: Ежемесячный военно-патриотический историко-культурный альманах. 2000. № 7. С. 3.

³⁵ Там же.

³⁶ Жербин А. С. Переселение карел в Россию в XVII веке. Петрозаводск, 1956. 79 с.

крепости Олонца и нескольких порубежных острожков. Придавая большое значение введению в Карелии института пашенных солдат, А. Ю. Жербин ошибочно указал год осуществления этого мероприятия как 1648. Также историк неверно отметил, что в солдаты было записано всё мужское население Карелии, на самом деле, только чернососшные крестьяне. Совершенно справедливо автор подчеркнул, что во время русско-шведской войны карельские пашенные солдаты, наряду с драгунами, составляли основную массу войска, находившегося под начальством Петра Пушкина, однако при этом не затронул вопросы трудностей несения солдатской службы карельскими крестьянами и не упомянул об их бегстве со службы, в том числе из войска Пушкина.

Геннадий Михайлович Коваленко обратился к теме пашенных солдат в связи с изучением роли и места Карелии в русско-шведской войне 1656—1658 гг.³⁷ В целях сравнения с приграничной ситуацией на юге России того времени автор указал, что от стрельцов и казаков карельские пашенные солдаты отличались тем, что первые были воинами, посаженными на землю, а вторые были крестьянами, обязанными помимо своих обычных сельскохозяйственных занятий исполнять солдатскую службу³⁸. При этом автор не прибегнул к сравнению положения карельских пашенных солдат с подобными поселёнными драгунскими полками, созданными на южной и юго-западной границе России также из местных крестьян. Как и предшественники, автор обратил внимание на бегство пашенных солдат, подчеркнув, что дезертирство из армии было в то время распространённым явлением, исследователь отметил, что у пашенных солдат были на то особые причины. Среди таких причин Г. М. Коваленко назвал две: первая заключалась в том, что длительные походы, оставляли хозяйства без работников и как следствие приводили к ухудшению их экономического положения, вторая — в том, что в

³⁷ Коваленко Г. М. Карелия в русско-шведской войне 1656—1658 гг.: Препр. докл. на Учен. совете Ин-та яз., лит. и истории 29 июня 1978 г. Петрозаводск, 1978. 76 с.

³⁸ Там же. С. 11.

первые годы пашенные солдаты не получали жалованья³⁹. Автор указал, что в 60-е гг. XVII века начался массовый организованный отказ крестьян идти на службу и даже «угроза смертной казни с конфискацией имущества и высылкой семей в Сибирь не были страшны пашенным солдатам и все меры правительственной администрации были бессильны»⁴⁰.

В 1994 г. вышел в свет сборник работ Алексея Андреевича Новосельского, не опубликованных при жизни учёного⁴¹, в том числе очерк военных действий в 1654 г. полка Василия Петровича Шереметева, к которому были присоединены и полки олонецких пашенных солдат⁴². Исследователь выявил и привёл в статье текст челобитной заонежских солдат от 13 сентября 1654 г., в которой они, находясь под Витебском, описывали своё бедственное положение. Изучая данные о потерях русских под Витебском, автор пришёл к выводу, что они были невелики: с учётом убитых, умерших от ран, раненых и взятых в плен и больных — 383 человека. Историк указал, что все они «из одного полка М. Каршихина — из 613 человек»⁴³. По архивным документам нами установлено, что здесь имеет место неправильное прочтение имени полковника — М. Кармихеля⁴⁴. Таким образом, все данные о больных, раненых, убитых, умерших от ран и взятых в плен относятся к пашенным солдатам Олонецкого уезда.

Современный исследователь истории Карелии Ирина Александровна Чернякова впервые изучила переписные книги Ивана Дивова 1657 г. и, коснувшись в своей монографии сюжета службы пашенных солдат, дополнила имевшиеся в историографии знания данными из этого источника. Автор привела сведения о погибших, умерших и не вернувшихся со службы солдатах Олонецкого уезда в 50-е гг. XVII века.⁴⁵ Кроме того, для нашей работы

³⁹ Коваленко Г. М. Карелия в русско-шведской войне ... С. 67—68.

⁴⁰ Там же. С. 76.

⁴¹ Новосельский А. А. Исследования по истории эпохи феодализма (Научное наследие). М., 1994. 223 с.

⁴² Новосельский А. А. Очерк военных действий боярина Василия Петровича Шереметева в 1654 г. на новгородском фронте // Исследования по истории эпохи феодализма ... С. 117—135.

⁴³ Там же. С. 131.

⁴⁴ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Севского стола. Стб. 157. Л. 218.

⁴⁵ Чернякова И. А. Карелия на переломе эпох: Очерки социальной и аграрной истории XVII века. Петрозаводск, 1998. С. 120—122.

оказались полезными опубликованные автором количественные данные о дворах, крестьянах и бобылях по переписной книге 1646 г.⁴⁶

В 1998 г. в России была переведена и опубликована коллективная монография финляндских историков Хейкки Киркинена, Пекки Невалайнена и Ханнеса Сихво, посвящённая истории карельского народа с древнейших времён до современности⁴⁷. Авторы рассмотрели события, происходившие как на территории Карелии, которая вошла в состав сначала Шведского королевства, затем Финляндии, так и на карельской территории, входившей в состав России. Несмотря на то, что исследователи кратко затронули русско-шведскую войну 1656—1658 гг., запись практически всех крестьян Олонецкого уезда в солдатские полки и последствия этого военного мероприятия оказалась вовсе не упомянута в книге. Единственное замечание авторов о присутствии военных в уезде было сделано в отношении города Олонца, в котором, по словам историков, с 1649 г. был размещён постоянный гарнизон⁴⁸.

Алексей Юрьевич Жуков в коллективной монографии, посвящённой истории Карелии с древнейших времён до наших дней, уделил истории службы пашенных солдат всего две страницы, повторив основные положения известные в историографии⁴⁹. Однако в рамках своего монографического исследования, в целом посвящённого изучению системы управления и самоуправления в Заонежских и Лопских погостах в XVII веке, в разных главах, в особенности в части, посвящённой выявлению внешнеполитических факторов в управлении уездом и внешнеполитических функций олонецких воевод, историк сделал более широкий обзор истории олонецких полков пашенных солдат⁵⁰. Как особый вклад исследователя в науку следует отметить, что он первым обратился к изучению смет доходов и расходов Олонецкого уезда за 1649/50—1661/62 гг., хранящихся в фонде 137 «Боярские и городские

⁴⁶ Чернякова И. А. Население Олонецкого края в XVII веке (по писцовым и переписным книгам) // Вопросы истории Европейского Севера (социально-экономические проблемы): Межвузовский сборник. Петрозаводск, 1988. С. 115—133.

⁴⁷ Киркинен Х., Невалайнен П., Сихво Х. История карельского народа. Петрозаводск, 1998. 322 с.

⁴⁸ Там же. С. 115.

⁴⁹ История Карелии с древнейших времён до наших дней. Петрозаводск, 2001. С. 122—123.

⁵⁰ Жуков А. Ю. Управление и самоуправление в Карелии в XVII в. Великий Новгород, 2003. 256 с.

книги» (РГАДА). На основе смет историк впервые ввёл в научный оборот данные о размерах денежных выплат карельским пашенным солдатам, находившимся на службе в различных городах за пределами Карелии за 1656/57—1660/61 гг., а также перечислил имена некоторых «начальных людей» одного из воинских подразделений — солдатского полка Вальтера Кармихеля⁵¹. В то же время следует отметить, что при подготовки монографии исследователь не работал с неопубликованными документами фондов 98 «Олонецкая воеводская изба» (Архив СпБИИ РАН), 141 «Приказные дела старых лет» и 210 «Разрядный приказ» (РГАДА) и при рассмотрении прочих вопросов, касающихся службы пашенных солдат, опирался в основном на опубликованные акты. В связи с этим, некоторые положения монографии требуют как дополнения, так и некоторой корректировки.

В 2014 г. А. Ю. Жуков опубликовал подборку актовых материалов из фонда 210 «Разрядный приказ» за 1662 г.⁵² По словам исследователя, 1662 г. особо выделяется среди полутора десятков лет военной службы тем, что он оказался наиболее конфликтным во взаимоотношениях крестьянского (солдатского) населения Олонецкого уезда с командованием и верховными властями страны⁵³. В предисловии к публикации автор сообщил, что выявил и использовал в издании 333 архивных документа⁵⁴, однако многие акты опубликованы частично, некоторые использованы в подстрочных примечаниях. Среди опубликованных документов отписки различных должностных лиц, челобитные пашенных солдат и драгун, «судебно-следственная документация» о розыске, наказании и высылке на службу беглых солдат. Очень важно выявление историком 201 поручной записи по солдатам, прибранным в Олонецком уезде, однако полностью опубликован текст только одной записи, а заголовки остальных перечислены в табличной форме. Это снижает научную

⁵¹ Жуков А. Ю. Управление и самоуправление ... С. 208, 217—219.

⁵² Жуков А. Ю. Олонецкие полки «нового строя» в 1662 г.: документы и материалы // Истоки Карелии: время, территория, народы. Полевые исследования и архивные материалы. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2014. С. 91—187.

⁵³ Там же. С. 91.

⁵⁴ Там же. С. 94.

ценность издания, так как многие важные сведения, в том числе имена пашенных солдат и драгун во многих случаях не приведены.

В 2006—2008 гг. Андрей Сергеевич Рыжков опубликовал три статьи, затрагивающие разные сюжеты исследуемой темы. В первой статье автор заострил внимание на проблеме адаптации иноземных офицеров в крестьянском сообществе Заонежских и Лопских погостов⁵⁵. Исследователь проанализировал как складывались взаимоотношения местных крестьян и чуждых им по культуре, вероисповеданию и языку иноземных офицеров. Автор обозначил проблему бытовых конфликтов крестьян с офицерами, поселёнными к ним в избы, и связанные с этим неудобства для обеих сторон. Следует отметить, что в связи с тем, что работа А. С. Рыжкова находилась на начальной стадии, как сообщил об этом сам автор, сведения статьи нуждаются в значительных дополнениях. В частности, автор ничего не написал об установленном сроке проживания иноземцев в крестьянских дворах, об имевшем место найме иноземными офицерами дворов за свой счет и не привёл ни одного случая благополучного разрешения проблемы с предоставлением жилья иноземцам.

Во второй работе на основе документов одного судебного дела из фонда 98 «Олонецкая воеводская изба" (Архив СПбИИ РАН) А. С. Рыжков предпринял попытку реконструировать события, произошедшие в Лопских погостах Олонецкого уезда осенью — зимой 1657 г. в связи с приездом туда солдатского высельщика поручика Богдана Головина, когда практически всё население восстало против этого должностного лица, обвинив его не только в злоупотреблениях своим положением и вымогательстве, но также в издевательствах над мужчинами и насилии над женщинами⁵⁶. Задавшись вопросом о достоверности сведений, сообщаемых крестьянами в своих

⁵⁵ Рыжков А. С. Офицер – иноземец: проблемы адаптации в местном крестьянском сообществе [Электронный ресурс] // Журнал отчетов и публикаций ИЛЛМИК. (ISSN 1819-9399). 2006. № 1—2. Электрон. ст. URL: <http://illmik/petsu.ru/2006news3/Ryzhkov2.html>. Дата последнего обращения: 05.11.2014.

⁵⁶ Рыжков А. С. Поручик Богдан Головин — организатор службы пашенных солдат в Карелии во второй половине XVII века. [Электронный ресурс] // Журнал отчетов и публикаций ИЛЛМИК. (ISSN 1819-9399). 2007. № 1 (3). Электрон. ст. URL: <http://illmik.petsu.ru/2007news3/Ryzhkov2.html>. Дата обращения: 05.11.2014.

челобитных, автор показал, что, несмотря на действительно имевшие место злоупотребления поручика, некоторые обвинения всё-таки были вымышлены, для чего крестьяне, по их же признанию, составили заведомо ложную челобитную⁵⁷. Причину таких действий со стороны крестьян исследователь объяснил их нежеланием отправляться на солдатскую службу, тем более далеко от дома.

В третьей статье А. С. Рыжков представил информацию о начале составления электронной базы данных по переписным книгам карельских пашенных солдат Ивана Дивова 1657 г.⁵⁸ Однако, во-первых, автор внёс в базу данных лишь очень небольшую часть информации (не в полном объёме первую книгу из восьми), а во-вторых, количественные подсчёты имён солдат, приведённые им в статье по первым трём переписным книгам оказались неточными: цифры меньше, чем получившиеся по нашим окончательным подсчётам⁵⁹.

Кроме того, опубликован доклад А. С. Рыжкова, с которым он выступал в 2007 г. на трансграничной международной Летней Школе в Урозере (Петрозаводск) «State and Periphery in Controversy: The Local society formation on the Karelian borderland in a European context», организованной И. А. Черняковой в рамках работы Исследовательской лаборатории локальной и микроистории Карелии (ИЛЛМИК) исторического факультета ПетрГУ⁶⁰. В докладе автор сделал обзор источников и литературы по истории полков пашенных солдат и обозначил некоторые новые явления, возникшие в Карелии в период существования солдатской службы: повышение мобильности крестьянства в связи с привлечением на театры военных действий в войнах с Польшей и

⁵⁷ Рыжков А. С. Поручик Богдан Головин – организатор службы пашенных солдат в Карелии во второй половине XVII века. [Электронный ресурс] // Журнал отчетов и публикаций ИЛЛМИК. (ISSN 1819-9399). 2007. № 1 (3). Электрон. ст. URL: <http://illmik.petsu.ru/2007news3/Ryzhkov2.html>. Дата обращения: 05.11.2014.

⁵⁸ Рыжков А.С. Опыт составления электронной базы данных по переписным книгам карельских пашенных солдат Ивана Дивова // Материалы XV Всероссийской научной конференции «Писцовые книги и другие массовые источники XVI—XX веков». К столетию со дня рождения П. А. Колесникова. М., 2008. С. 269—274.

⁵⁹ Там же. С. 273.

⁶⁰ Ryzhkov A. S. Ploughmen-soldiers' social phenomenon in the Russian-Swedish borderland (Karelia) at the early-modern Time. [Электронный ресурс] // Журнал отчетов и публикаций ИЛЛМИК. (ISSN 1819-9399). 2007. № 2 (4). Электрон. ст. URL: <http://illmik.petsu.ru/2007news4/Ryzhkov.html>. Дата обращения: 05.11.2014.

Швецией и бегством со службы; профессиональное обучение военному делу; появление у крестьян новых обязанностей, связанных с солдатской службой; возникновение новых социальных конфликтов; усиление административного контроля над местным населением; увеличение числа контактов с представителями других национальностей и конфессий. По мнению автора, произошедшие социальные изменения имели как положительные, так и отрицательные последствия. Новый опыт в социальном и межличностном общении, а также новые навыки были полезны для солдат, однако, рост уровня бедности, запустение пахотных земель, снижение доли мужского населения — негативный результат солдатской службы, заключил А. С. Рыжков. В завершении доклада автор отметил, что упомянутые вопросы представляют собой широкое поле для исследования.

В 2013 г. в свет вышла монография Евгении Дмитриевны Суловой, посвящённая становлению священнических династий в Карелии во второй половине XVI — начале XVIII вв.⁶¹ В этой работе одну главу автор посвятила военным разборам духовенства в середине XVII века и службе причетников в рядах пашенных солдат⁶². Всего Е. Д. Сулова выявила по документам пятьдесят семь имён клириков и причетников, прибранных в солдаты в тот период⁶³. Вопрос о приборах солдат затронут также в одной из статей автора⁶⁴.

В целом, на основе сделанного обзора историографии, касающейся службы пашенных солдат в Олонецком уезде, видно, что этот сюжет всё ещё мало изучен. Практически все исследователи подчеркнули тяжесть солдатской службы для местных крестьян и их нежелание воевать далеко за пределами родного края. Однако вопросы влияния солдатской службы на всё крестьянское сообщество в целом, кроме того, что служба привела к разорению крестьянских

⁶¹ Сулова Е. Д. Служители церкви в Карелии раннего нового времени: складывание династий. [Электронный ресурс]. Петрозаводск, 2013. 162 с. URL: http://carelica.petsu.ru/CARELICA/Suslova_2.html. Дата обращения: 05.11.2014.

⁶² Там же. С. 60—70.

⁶³ Там же. С. 61.

⁶⁴ Сулова Е. Д. Конфликт братьев Маркеловых: опыт урегулирования спора о причетнической должности церковного дьячка в Кижском погосте в середине XVII века // Рябининские чтения – 2011: Материалы VI научной конференции по изучению и актуализации культурного наследия Русского Севера. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2011. С. 182—184.

хозяйств, большим людским потерям и запустению земель, практически не рассматривались. Из хранящихся в архивах источников до настоящего времени в научный оборот введено лишь небольшое количество, поэтому в историографии неизвестны многие подробности как организации солдатской службы в Заонежских и Лопских погостах в 1649 г., так и существования и функционирования солдатских полков до отмены службы в 1666 г., в частности неизвестны порядок прибора в солдаты и отставки из солдат, не прояснён критерий разделения черносошного населения Заонежских и Лопских погостов на пашенных солдат и охудалых крестьян, не изучены подробности снабжения вооружением и обучения военному делу пашенных солдат, их подготовки к участию в русско-польской войне в 1653—1654 гг. До настоящего времени в историографии не был представлен полный перечень городов Речи Посполитой и Швеции, в которых в ходе участия в боевых действиях побывали олонецкие пашенные солдаты и драгуны. Также в научный оборот не были введены все количественные данные из доступных для изучения архивных источников, в частности из переписных книг Ивана Дивова 1657 г. и актового материала. Организация высылки пашенных солдат на театры военных действий и способы борьбы с бегством солдат, к которым прибегали центральные и уездные власти, в том числе оформление поручных записей, их виды и содержание, также не были исследованы в историографии. Проблема найма солдат и бегства наймитов была обозначена в историографии, однако как процедура заключения договоров найма, так и условия в них содержащиеся, изучены не были. Повседневная жизнь пашенных солдат, их взаимоотношения с иноземными и русскими офицерами и другими должностными лицами, а также новые явления и бытовые конфликты, возникавших в результате функционирования института пашенных солдат, из-за вопросов прибора или освобождения от службы, длительного отсутствия солдат дома, наделения земельными участками для обеспечения службы — все эти вопросы недостаточно изучены в историографии и требуют более обстоятельного

исследования и осмысления для формирования полного представления о жизни карельских пашенных солдат в период их привлечения к военной службе.

Дополнительная информация для осмысления темы диссертации почерпнута ещё в ряде работ. В 1935 г. вышла работа Михаила Николаевича Тихомирова, посвящённая рассмотрению событий Псковского восстания 1650 г.⁶⁵ Автор упомянул о привлечении к участию в подавлении мятежа заонежских пашенных солдат. Исследование этой темы на основе документов Разрядного приказа продолжила Е. В. Градобойнова. Автор изучила участие армии И. Н. Хованского в этом событии, однако о привлечении военной силы пашенных солдат также лишь кратко упомянула⁶⁶.

Проблемам приграничных отношений и поведения карелов, разделённых границей после Столбовского мира, посвящены работы Александра Ивановича Чепеля⁶⁷ и финляндского исследователя Юкки Кокконена⁶⁸. А. И. Чепель установил, что некоторые пашенные солдаты, жившие в порубежных деревнях, сбегали от высылщиков за границу, на шведскую сторону, и прятались там в домах своих родственников. Автор выявил случаи, когда высылщики переходили границу вслед за беглецами и предпринимали действия по возвращению их на российскую сторону. Такие действия приводили к возмущению шведских властей, что находило отражение в официальных письмах на имя русского царя. В центре внимания работ Ю. Кокконена такое явление как заключение населением приграничных территорий так называемых

⁶⁵ Тихомиров М. Н. Псковское восстание 1650 г. Из истории классовой борьбы в Русском городе XVII в. // Он же. Классовая борьба в России XVII в. М.: Наука, 1969. С. 23—138. (переизд. с изд. 1935 г.)

⁶⁶ Градобойнова Е. В. Вооружённое противостояние мятежного Пскова и армии И. Н. Хованского в 1650 г. // Вестник Московского государственного университета. 2011. Сер. 8: История. № 3. С. 22—34; Она же. Документы Разрядного приказа о Псковском мятеже 1650 г. // Отечественные архивы. 2011. № 6. С. 23—32.

⁶⁷ Чепель А. И. Проблема перебежчиков в русско-шведских отношениях: от Столбовского до Кардисского мира (по материалам Архива Санкт-Петербургского Института истории Российской Академии Наук) // Проблемы истории, филологии, культуры. 2009. № 26. С. 29—41; Он же. «Заставу учал было обходить лесом»: шведско-русское приграничье после Столбовского мира // Новый исторический вестник. 2010. Т. 24. № 2. С. 43—50; Он же. Шведские «державцы» и русские воеводы на страже рубежей: от Столбовского до Кардисского мира (по документам российских архивов) // Вестник Псковского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные и психолого-педагогические науки. 2010. № 11. С. 108—113.

⁶⁸ Кокконен Ю. Безопасность, обеспеченная «снизу»: соглашения о мире на границе в период шведского правления в Финляндии с XIV века по 1809 г. // Восточная Финляндия и Российская Карелия: традиция и закон в жизни карел: Материалы междунар. семинара историков, посвящ. 65-летию ПетрГУ. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2005. С. 48—52; Kokkonen J. Border peace agreements: local attempts to regulate early modern border conflicts // Imagined, negotiated, remembered: Constructed European borders and borderlands. London, 2012. P. 47—66.

локальных мирных соглашений, имевших целью уберечь население обеих сторон от разорения в период военных действий между двумя государствами. Исследователь особо подчеркнул, что для местного населения, проживавшего в приграничных зонах и со стороны России, и со стороны Швеции, как сама граница, так и периодическое изменение ее расположения, не служило преградой для перемещения с территории одного государства на территорию другого. Одной из причин такого поведения была слабая охрана границы, другой — традиционно сложившиеся экономические и родственные связи между населением, разделённым границей. Остановившись на рассмотрении проблемы перебежчиков с одной стороны на другую, Ю. Кокконен классифицировал их на четыре группы, в числе которых назвал и нежелание служить в армии.

Помимо рассмотренных исследований, которые полностью или частично посвящены различным вопросам службы олонечких пашенных солдат, при написании настоящей диссертации использовались работы историков, которые позволяют лучше понять обстоятельства создания в России полков «нового строя» и в особенности поселённых солдатских и драгунских полков в приграничных регионах, где они были укомплектованы местными крестьянами. Для того, чтобы выяснить, насколько при создании полков пашенных солдат в Заонежских и Лопских погостах в 1649 г. правительство учитывало опыт создания подобных формирований на юге России при написании диссертации использованы работы Алексея Андреевича Новосельского⁶⁹ и Антона Сергеевича Ракитина⁷⁰, посвящённые дворцовым крестьянам Комарицкой волости Севского уезда, записанным в 1646 г. в драгуны.

А. А. Новосельский выявил, что по первоначальному проекту из дворцовых крестьян Комарицкой волости в драгуны с каждого двора брали по

⁶⁹ Новосельский А. А. Дворцовые крестьяне Комарицкой волости во второй половине XVII века // Вопросы истории сельского хозяйства, крестьянства и революционного движения в России. М., 1961. С. 65—80. [Электронный ресурс]. URL: <http://diderix.petergen.com/lub-nvskj.htm>. Дата обращения: 05.11.2014.

⁷⁰ Ракитин А. С. Непослушание драгун Комарицкой волости иноземцам начальным людям (1647 год) // Курский край. Курск, 2010. № 3. С. 40—44. [Электронный ресурс]. URL: <http://sevsk32.ru/bylinspast/8/78/>. Дата обращения: 05.11.2014.

одному человеку. При этом они освобождались от платежа податей, а обучать драгунскому строю их должны были иноземные офицеры. По данным автора, «семьянистые» крестьяне обрадовались реформе, так как содержать одного драгуна им было нетрудно, а освободившись от всяких иных повинностей они могли направить избыток рабочих рук на разработку свободных земель и угодий. В то же время малосемейные и малообеспеченные камаричане, по словам автора, «о том скорбят», что «с драгунскую службу их не будет»⁷¹. Однако исследователь установил, что действительность оказалась не такой радужной и для обеспеченных крестьян. Автор показал, что Разряд, «соблазненный» лёгкостью, с какой прошла вся операция, приказал воеводе Замятне Леонтьеву увеличить набор драгун и взять из комаричан еще «сколько человек пригоже»⁷².

Уже в январе 1647 г., по словам историка, начали обнаруживаться первые признаки недовольства новой повинностью, тяжестью службы и муштры, которой подвергали недавних крестьян иноземные наёмные командиры. Автор установил, что триста драгун даже отказались идти на учения. Этот же случай непослушания драгун иноземным офицерам подробно проанализировал А. С. Ракитин⁷³. По словам А. А. Новосельского, в Разряде сделали разумные выводы и «начальным людям» было предписано учить драгун «с тихостью и не с большим оскорбленьем, чтоб им к нашей службе исподволь быть привычными». Семьянистых учить «с переменою», а одиноких один день в неделю. На караулы брать не более трети прежнего, чтобы им «пашен своих не отбыть». Новый набор драгун был отменен: «позгодить до нашего указа, чтоб их тем не изжесточить»⁷⁴. Тем не менее, по подсчётам А. В. Чернова, накануне русско-польской войны всё взрослое население Комарицкой волости было вооружено и привлечено к военной службе⁷⁵. Активное участие комарицких драгун в войне с Польшей привело, по словам А. А. Новосельского, к большим

⁷¹ Новосельский А. А. Дворцовые крестьяне ...

⁷² Там же.

⁷³ Ракитин А. С. Непослушание драгун ...

⁷⁴ Новосельский А. А. Дворцовые крестьяне ...

⁷⁵ Чернов А. В. Вооружённые силы ... С. 140.

людским потерям и разорению их хозяйств, тем более, что правительство в нарушение обещания снова начало взимать с них различные подати и привлекать к исполнению различных повинностей. Исследователь сделал вывод, что драгунская служба стала непосильной для крестьян.

Тяжесть драгунской службы отметил и А. В. Чернов, полагавший, что об этом свидетельствует характерное явление, возникшее среди драгун: чтобы облегчить свою службу, драгуны сдавали часть этой службы (треть или половину) другим лицам за деньги или за соответствующую часть своего земельного участка⁷⁶. В результате такой операции драгун являлся на службу через год или два. По данным, выявленным А. А. Новосельским, в 1672—1673 гг. в Киев на службу явилось вместо самих камарицких драгун 25 человек складников, 7 дольников, 15 наймитов, 26 детей и родственников драгун⁷⁷. А. В. Чернов полагал, что сдача части службы приводила к отрицательным результатам: материальное положение драгун становилось еще тяжелее, служба драгун через год-два превращалась во временную повинность и снижала их боеспособность. В результате сначала в 1666 г., затем в 1667 г. драгуны подавали челобитные с просьбами вернуть их в прежнее состояние — крестьянское. Однако удовлетворена их просьба была только в 1679 г. Таким образом, очевидно, что на южной границе, где опасность вражеских нападений сохранялась и после окончания русско-польской войны, поселённые драгунские полки просуществовали ещё тринадцать лет после того, как подобные солдатские формирования в Олонецком уезде были отменены.

В историографии до настоящего времени нет работ, специально посвящённых истории возникновения и функционирования солдатского полка, укомплектованного сумерскими и старорусскими крестьянами. Цель нашей работы не подразумевает его изучение, поэтому мы ограничимся привлечением только некоторых отдельных фактов, известных нам об этом полке и служивших в нём солдатах.

⁷⁶ Чернов А. В. Вооружённые силы ... С. 141.

⁷⁷ Новосельский А. А. Дворцовые крестьяне ...

При подготовке диссертации также изучены труды по истории русской армии, в особенности полков «нового строя», среди них как обобщающие труды, охватывающие большие исторические периоды и все рода войск, так и работы более узкой направленности, посвященные какому-либо одному роду войск или истории воинских формирований одного какого-либо региона. Изучение этих работ позволяет правильно определить то место, которое создание полков олонецких пашенных солдат занимает в контексте общероссийской модернизации вооружённых сил в XVII веке, выявить специфику их функционирования и пользу для обеспечения безопасности государства.

Работы по истории русской армии сконцентрированы вокруг нескольких основных тем: причины, предпосылки, этапы реформирования русской армии в XVII веке; анализ сильных и слабых сторон как традиционного устройства русского войска (поместной конницы, стрелецкого и казачьего войск, ополчения даточных людей), так и полков, устроенных по западноевропейским образцам; дискуссия о времени возникновения в России регулярной армии. Кроме того, в некоторых работах показана региональная специфика устройства полков «нового строя» или поселённых войск, организованных в разных частях государства.

В дореволюционной историографии истории армии уделялось значительное внимание, и было издано большое количество работ по этой теме, однако специальных исследований, посвященных полкам «нового строя» было мало, и они были небольшими по объему.

Первым отечественным исследователем, специально обратившимся к истории русской армии, был Николай Герасимович Устрялов. Еще в 1834 г. он опубликовал статью, в которой сделал краткий обзор устройства русской армии в XVII веке, посвятив несколько страниц и появлению «новых» войск. Н. Г. Устрялов подчеркнул, что создание полков «нового строя» в России XVII века диктовалось военной необходимостью, так как русская поместная конница не выдерживала столкновений с регулярными пехотными частями,

входившими в состав армий европейских государств (прежде всего польской) и вооружёнными огнестрельным оружием⁷⁸.

Другой дореволюционный историк Иван Дмитриевич Беляев, опираясь на материалы, опубликованные в «Актах исторических», в одной из своих работ собрал воедино все выявленные им данные, относящиеся к русской армии XVII века: о принципах её устройства, вооружении, материальном обеспечении и повседневном существовании⁷⁹. Эта работа оказала большое влияние на последующую историографию, из нее заимствовались как конкретные факты, так и наблюдения и выводы. Однако в настоящее время некоторые положения его работы устарели, в частности, причисление драгунов XVII века к коннице⁸⁰.

Среди русских военных историков не было единого мнения о том, какое значение следует придавать появлению в России XVII века войск, построенных по европейским образцам, и постепенному вытеснению ими прежней организации армии. В 80—90-х гг. XIX века в военно-исторической науке наметились два направления: академическая и русская школы⁸¹. Если Павел Осипович Бобровский, представитель академической школы, считал, что заимствованный европейский опыт благотворно сказывался на развитии русских вооружённых сил, хотя и отмечал при этом специфику, с которой он воплощался в тогдашних условиях⁸², то Дмитрий Фёдорович Масловский, являвшийся сторонником русской школы, полагал, что по своим боевым качествам, а также по уровню дисциплины новые войска уступали поместной дворянской коннице. Военная же подготовка, на его взгляд, во всех частях тогдашней русской армии была неудовлетворительной⁸³. Крупный военный

⁷⁸ Устрялов Н. Г. Ратное дело в России до Петра Великого // Библиотека для чтения. 1834. Ч. III. С. 72—88.

⁷⁹ Беляев И. Д. О русском войске в царствование Михаила Федоровича и после его, до преобразований, сделанных Петром Великим. М., 1846. 120 с.

⁸⁰ Малов А. В. Конница нового строя в русской армии в 1630—1680-е годы // Отечественная история. 2006. № 1. С. 118.

⁸¹ Бескровный Л. Г. Очерки военной историографии России. М., 1962. С. 185.

⁸² Бобровский П. О. Постоянные войска и состояние военного права в России в XVII веке. По русским и иностранным памятникам. М., 1882; Он же. Переход России к регулярной армии. М., 1885. С. 7—37.

⁸³ Масловский Д. Ф. Записки по истории военного искусства в России. СПб., 1891. Вып. 1. С. 24—25; Он же. Поместные войска русской армии в XVII столетии // Военный сборник. 1890. Вып. 195. № 9. С. 5—36.

историк Алексей Константинович Баиов стремился в своих трудах примирить оба направления и выработать единую военно-историческую концепцию⁸⁴.

Гражданские историки Сергей Михайлович Соловьев и Василий Осипович Ключевский затрагивали вопросы о состоянии русской армии XVII века. Характеризуя старое поместное войско, С. М. Соловьев отметил как плохое вооружение, так и нежелание дворян воевать. Говоря о полках «нового строя», автор упомянул о существовании солдатских и драгунских военных поселений, где крестьян учили «воинскому строю», не отрывая от хозяйственных занятий. Коренных изменений в устройстве русской армии на протяжении всего XVII века, по мнению С. М. Соловьева, не произошло⁸⁵.

В. О. Ключевский первым поставил вопрос о прямой зависимости положения армии от состояния государственных финансов. Главный его вывод заключался в том, что полки «нового строя» в XVII веке численно уже преобладали в русской армии, хотя и не стали ещё постоянными войсками: «И новые полки распускались по домам, оставляя после себя только офицерские кадры»⁸⁶. Кроме того, историк подчеркнул, что содержание войск «нового строя» казне обходилось очень дорого, указав, что «при численном увеличении армии почти в 2,5 раза стоимость ее возросла больше, чем втрое»⁸⁷.

В советской историографии перечисленные выше вопросы на протяжении долгого времени мало изучались в связи с тем, что до 1950-х гг. основное внимание исследователей уделялось сфере социально-экономических отношений и вопросам классовой борьбы. Тем не менее, и в этот период выходили труды, посвящённые истории русской армии, в частности вопросы вооружения различных частей русского войска (дворянской конницы,

⁸⁴ Баиов А. К. Курс истории русского военного искусства. Вып. I: От начала Руси до Петра Великого. СПб., 1909. 177 с.

⁸⁵ Соловьев С. М. Сочинения. Кн. 7. С. 71.

⁸⁶ Ключевский В. О. Сочинения. Т. 3. М., 1988. С. 202.

⁸⁷ Там же. С. 203.

народного ополчения, стрельцов, полков «иноземного строя») в XVI—XVII веках рассмотрел Сергей Константинович Богоявленский⁸⁸.

Военный историк Фёдор Иванович Калинычев, опубликовавший своё исследование в 1954 г., придерживался мнения, что войска «нового строя» «обладали всеми характерными признаками регулярных армий эпохи поднимавшегося абсолютизма»⁸⁹. Рассмотрев на основе норм Соборного Уложения 1649 г. и большого массива законодательных актов правовые основы военной организации Русского государства, Ф. И. Калинычев, в частности, представил систематизированные сведения о применявшихся наказаниях за преступления, связанные с бегством разных категорий ратных людей со службы, в том числе солдат⁹⁰.

С начала 1960-х гг. тематика исследований расширяется. В 1962 г., вышла книга Любомира Григорьевича Бескровного, в которой автор проследил развитие военно-исторической мысли со времён Киевской Руси до начала XX века и дал характеристику трудов наиболее видных военных историков⁹¹.

Появляются новые работы по истории служилого населения, в том числе выполненные на региональных материалах. Владимир Павлович Загоровский изучил историю строительства в XVII веке «засечных черт» на южных границах Европейской России⁹². При рассмотрении указанных сюжетов автор уделил заметное внимание дислоцированным там армейским соединениям: принципам их комплектования, материальному положению, боевым задачам. В статье о солдатских сёлах и солдатском землевладении Воронежского края в XVII веке⁹³ исследователь показал, что солдатская служба для сына стрельца, казака или поселённого драгуна создавала потенциальные возможности войти в число служилых людей «по отечеству» и верстаться помещным и денежным

⁸⁸ Богоявленский С. К. Вооружение русских войск в XVI—XVII вв. // Исторические записки. 1938. Вып. 4. С. 258—283.

⁸⁹ Калинычев Ф. И. Правовые вопросы военной организации Русского государства второй половины XVII века. М., 1954. С. 167.

⁹⁰ Там же. С. 146—158.

⁹¹ Бескровный Л. Г. Очерки военной историографии России. М., 1962. 323 с.

⁹² Загоровский В. П. Белгородская черта. Воронеж, 1969. 291 с.; Он же. Изюмская черта. Воронеж, 1980. 238 с.

⁹³ Загоровский В. П. Солдатские села и солдатское землевладение в Воронежском крае XVII века // Из истории Воронежского края. Вып. 4. Воронеж, 1972. С. 90—97.

окладом⁹⁴. Автор пришёл к выводу, что стать солдатом во второй половине XVII века в России было более почётно, чем стрельцом⁹⁵. К изучению строительства и роли «засечных черт» в обороне Русского государства в XVI—XVII вв. также обратился В. В. Каргалов⁹⁶.

Пётр Павлович Епифанов в 1969 г. защитил докторскую диссертацию по истории армии и военного дела в России второй половины XVII — первой половины XVIII вв., а спустя десять лет опубликовал очерки о русском войске и оружии XVII века⁹⁷. Л. В. Беловинский рассмотрел жанр историй полков русской армии, развивавшийся в рамках военной историографии XIX — начала XX столетия и со ссылкой на мнения дореволюционных авторов сделал вывод о важности написания историй отдельных полков и освещения различных сторон их жизни⁹⁸.

Серьёзное исследование офицерского корпуса российской армии XVII — начала XX веков выпустил в 1993 г. Сергей Владимирович Волков. В работе рассмотрены такие вопросы как социальное и материальное положение русских офицеров, система офицерских чинов и порядок прохождения службы, стимулы к службе, понятия о долге и чести русских офицеров и их эволюция на протяжении указанного периода⁹⁹. В разделе, посвящённом офицерам до создания регулярной армии, С. В. Волков подчеркнул, что становление системы офицерских чинов современного типа связано с привлечением на русскую службу иностранцев и созданием полков «иноземного строя» накануне Смоленской войны 1632—1634 гг.¹⁰⁰

⁹⁴ Загорский В. П. Солдатские села ... С. 96.

⁹⁵ Там же. С. 96—97.

⁹⁶ Каргалов В. В. Засечные черты и их роль в обороне Русского государства в XVI—XVII вв. // Воен.-ист. журн. 1986. № 12. С. 61—67.

⁹⁷ Епифанов П. П. Очерки из истории армии и военного дела в России (вторая половина XVII — первая половина XVIII вв.): Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 1969. 30 с.; Он же. Войска // Очерки русской культуры XVII века. М., 1979. Ч. 1. С. 234—264; Он же. Оружие // Очерки русской культуры XVII века. М., 1979. Ч. 1. С. 265—283.

⁹⁸ Беловинский Л. В. Истории полков русской армии // Военно-исторический журнал. 1988. № 12. С. 88—90.

⁹⁹ Волков С. В. Русский офицерский корпус. М., 1993. [Электронный ресурс]. URL: http://militera.lib.ru/h/volkov_sv1/index.html. Дата обращения: 05.11.2014.

¹⁰⁰ Волков С. В. Русский офицерский корпус ...

Некоторые вопросы организации поместного войска в XVII веке рассмотрел в своих статьях Владимир Миронович Воробьёв¹⁰¹. А. А. Михайлов в качестве источника впервые в историографии изучил списки раненых в период русско-польской войны 1654—1667 гг.¹⁰²

В последние пятнадцать лет отмечается возрастание интереса к военной истории и истории армии: появились как обобщающие труды, так и монографии и статьи по конкретным сюжетам. В большинстве обобщающих работ по истории русской армии событиям XVII века уделяется не очень много внимания¹⁰³. Тем не менее, имеется целый ряд публикаций, непосредственно либо косвенно затрагивающих историю войск «нового строя».

Процесс формирования первых военных подразделений подобного рода освещён в соответствующей главе монографии современного историка русской армии Владимира Алексеевича Волкова, собравшего большой объем фактического материала¹⁰⁴. Исследователь кратко затрагивает организацию поселённых полков «нового строя» на северо-западе России, но в общих чертах повторяет по поводу этих формирований факты, приведённые в монографии А. В. Чернова¹⁰⁵. Недостатком данной работы является отсутствие в тексте ссылок на использованные источники, несмотря на то, что в конце книги приведён обширный перечень изученных архивных фондов.

Проблеме заимствования и творческого использования опыта западноевропейского военного строительства в России на протяжении XVII—XVIII вв. посвящен ряд статей, монография, а также докторская диссертация

¹⁰¹ Воробьёв В. М. Из истории поместного войска в условиях послесмутного времени (на примере новгородских служилых городов) // Мавродинские чтения: Материалы к докладам 10—12 октября 1994 г. Санкт-Петербург: Межвузовская научная программа «Исторический опыт русского народа и современность». СПб., 1994. С. 82—91; Он же. «Конность, людность, оружность и сбруйность» служилых городов при первых Романовых // Дом Романовых в истории России. СПб., 1995. С. 93—108; Он же. Воробьёв В. М. Новгород и Псков – два важных центра военно-политической истории России XVII века // Псков в Российской и Европейской истории (к 1100-летию летописного упоминания). Сб. ст. М., 2003. С. 314—326.

¹⁰² Михайлов А. А. Списки раненых как источник по русской военной истории второй половины XVII века // Россия в X—XVII вв. Проблемы истории и источниковедения: Тезисы докладов и сообщений Вторых чтений, посвящённых памяти А. А. Зимина (Москва, 26—28 января 1995 г.). Ч. 2. М.: РГГУ, 1995. С. 355—360.

¹⁰³ Золотарев В. А. История военной стратегии России. М., 2000. 592 с.; Он же. Военная история России. М., 2001. 736 с.

¹⁰⁴ Волков В. А. Войны и войска Московского государства. М., 2004. С. 391—407.

¹⁰⁵ Там же.

Виталия Викторовича Пенского. Исследователь проанализировал, как «военная революция», свершившаяся в странах Западной Европе в XVI веке, повлияла на развитие русских вооружённых сил¹⁰⁶.

Восприятие в России западноевропейского опыта военных преобразований изучается и в зарубежной историографии, правда, опираются эти работы в основном на русскую историографию и опубликованные документы из российских архивов¹⁰⁷.

Реформам, предпринимавшимся в правление царя Алексея Михайловича, уделяет большое внимание в своих публикациях Сергей Александрович Нефедов¹⁰⁸. По мнению исследователя, истоки этих реформ лежали в техническом и культурном превосходстве Запада. Среди достижений Запада того времени автор называет изобретение доменных печей и литьё чугуна. «Чугун и железо — это пушки и мушкеты, полки нового строя, перед которыми была бессильна средневековая русская конница», — подытоживает С. А. Нефедов¹⁰⁹. Именно военная реформа стала первой в ходе модернизации различных сфер жизни России, поэтому автор называет эту реформу «вопросом жизни и смерти»¹¹⁰.

Целый ряд научных работ, посвящённых различным аспектам устройства пехоты и конницы «нового строя», опубликовали в 2000-х – 2010-х гг. старший научный сотрудник Центра военной истории России ИРИ РАН Александр

¹⁰⁶ Пенской В. В. Попытка военных реформ в России начала XVII века // Вопросы истории. 2003. № 11. С. 127—138; Он же. Военная революция в Европе и вооружённые силы России второй половины XV—XVIII вв.: от дружины к регулярной армии. М., 2004. 283 с.; Он же. От лука к мушкету: вооружённые силы российского государства во 2-ой половине XV—XVII вв.: проблемы развития. Белгород, 2008. 256 с.; Пенской В. В. Переворот в военном деле Западной Европы конца XV—XVII века в новейшей англоязычной историографии // Новая и новейшая история. 2012. № 3. С. 152—158.

¹⁰⁷ Reger IV William M. European mercenary officers and the reception of military reform in the seventeenth-century Russian army // *Modernizing Muscovy: Reform and social change in seventeenth-century Russia* / Edited by J. Kotilaine, Marshall Poe. London, 1994. P. 214—237; Poe M. The Consequences of the military revolution in Moscow: a comparative perspective // *Comparative studies in society and history*. Vol. 38. № 4 (Oct., 1996), pp. 603—618.

¹⁰⁸ Нефедов С. А. Первые шаги на пути модернизации России: реформы середины XVII века // Вопросы истории. 2004. № 4. С. 33—52; Он же. Еще раз о спорных вопросах русской военной истории середины XVII века // Вопросы истории. 2005. № 8. С. 174—175.

¹⁰⁹ Нефедов С. А. Первые шаги ... С. 33.

¹¹⁰ Там же. С. 41.

Витальевич Малов¹¹¹ и ведущий специалист Российского государственного архива древних актов Олег Александрович Курбатов¹¹². Опираясь на ранее не введённые в научный оборот архивные материалы из фондов РГАДА, исследователи осветили разные стороны из истории пехоты и конницы нового строя.

А. В. Малов убеждён, что история России XVII века «в целом изучена совершенно недостаточно». Анализируя один из главных предметов расхождений историков (вопрос оценки армии нового строя как регулярной) и дискуссии, которые ведутся вокруг проблем типологии и терминологии, специалист подчеркнул поверхностность и обобщённость исследований исторической конкретики и пришёл к выводу, что это приводит к неизбежным заблуждениям и пристрастностям¹¹³. Среди недостатков существующих работ по истории русской армии XVII века А. В. Малов называет многочисленные ссылки на труды С. М. Соловьёва и В. О. Ключевского, что, по мнению автора, понижает «источниковую базу исследования до состояния позапрошлого века»¹¹⁴. Отмечая недостаточность конкретно-исторических исследований, исследователь впервые подробно рассмотрел историю московских выборных полков солдатского строя в начальный период их истории с конца 1656 до 1671 г. Благодаря тому, что исследование осуществлено на большом

¹¹¹ Малов А. В. Конница нового строя в русской армии в 1630—1680-е годы // Отечественная история. 2006. № 1. С. 118—131; Он же. Русско-польская война 1654—1667 гг. М., 2006. 48 с.; Он же. Московские выборные полки солдатского строя в начальный период своей истории. 1656—1671 гг. М., 2006. 624 с.

¹¹² Курбатов О. А. Рецензия на книгу: Саганович Г. Невядомая вайна 1654—1667. Минск, 1995 // Архив русской истории. М., 2002. С. 339—344; Он же. Русско-шведская война 1656—1658 гг.: проблемы критики военно-исторических источников // Россия и Швеция в средневековье и новое время: архивное и музейное наследие. М., 2002. С. 150—166; Он же. «Литовский поход 7168 года» князя И. А. Хованского и битва при Полонке // Славяноведение. 2003. № 4. С. 25—40; Он же. Морально-психологические аспекты тактики русской конницы в середине XVII века // Военно-историческая антропология: Ежегодник. 2003/2004: Новые научные направления. М., 2005. С. 193—213; Он же. Организация и боевые качества русской пехоты «нового строя» накануне и в ходе русско-шведской войны 1656—1658 гг. // Архив русской истории: сб. рос. гос. архива древних актов. М., 2007. Вып. 8. С. 157—195; Курбатов А. А., Курбатов О. А. Инженерно-артиллерийское обеспечение Смоленского и Рижского государевых походов 1654—1656 гг. // Военно-исторический журнал. 2008. № 8. С. 29—34; Курбатов О. А. Рижский поход царя Алексея Михайловича 1656 г.: Проблемы и перспективы исследования // Проблемы социальной и политической истории России: Сборник научных статей. М., 2009. С. 83—88; Он же. Писано кровью: к истории правил техники безопасности по обращению с огнестрельным оружием в середине XVII века [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. 2012. Т. 1. С. 233—257. URL: <http://www.milhist.info/2012/05/04/kyrbatov>. Дата обращения: 05.11.2014; Он же. Западноевропейские военно-теоретические модели XVII в. и их место в реформировании русской армии // Феномен реформ на западе и востоке Европы в начале Нового времени (XVI—XVIII вв.): сборник статей. СПб., 2013. С. 231—249.

¹¹³ Малов А. В. Московские выборные полки ... С. 7.

¹¹⁴ Там же.

количестве архивных материалов, в монографии показан широкий исторический фон периода создания в России полков «нового строя».

Изучением войск «нового строя» в Сибири второй половины XVII века на региональных материалах занимается Андрей Владимирович Дмитриев. Исследователь опубликовал ряд статей и монографию, в которой осветил различные аспекты истории сибирских полков «нового строя» от момента их создания до начала петровских преобразований: причины организации войск этого рода в Сибири, цели их использования, основу комплектования личного состава, размер жалования и другого обеспечения¹¹⁵. Одна из целей А. В. Дмитриева — показать, что полки «нового строя» по сути не являлись еще регулярной армией, но опыт их создания был учтён и продолжен Петром I в ходе проведённого им реформирования устройства и комплектования вооружённых сил России.

Николай Николаевич Петрухинцев в одной из своих статей охарактеризовал состояние полков «нового строя» накануне военных реформ Алексея Михайловича¹¹⁶. Правда, полкам олонецких пашенных солдат автор не дал оценку, но указал, что в Заонежье и Сумерской волости численность военнообязанных крестьян составляла в общей сложности 9994 человека. При этом была сделана оговорка, что далеко не все из них входили в число действительно служивших в солдатских полках¹¹⁷. Эти количественные данные историк получил сложив известные в историографии 7902 солдата, прибранных в Заонежских и Лопских погостах в середине 1649 г. и 2092 человек, зафиксированных в списках крестьян Сумерской волости накануне введения

¹¹⁵ Дмитриев А. В. Материальное положение и служебный статус полков «нового строя» в Сибири во второй половине XVII в. // *Сибирь в XVII—XX веках: Проблемы политической и социальной истории*. Бахрушинские чтения 1999—2000 гг.: Межвуз. сб. науч. тр. Новосибирск, 2002. С. 37—38; Он же. Личный состав сибирских полков «нового строя» во второй половине XVII века (статья первая) // *Вестник НГУ. Серия: История, филология*. 2006. Т. 5. Вып. 1. С. 19—23; Он же. Войска «нового строя» в Сибири во второй половине XVII века. Новосибирск, 2008. 240 с.

¹¹⁶ Петрухинцев Н. Н. К характеристике формирований «нового строя» накануне военных реформ Алексея Михайловича // *Война и оружие: Новые исследования и материалы*. Труды Четвёртой Междунар. научно-практ. конф. 15—17 мая 2013 года. СПб., 2013. Ч. III. С. 502—523.

¹¹⁷ Там же. С. 508—509.

там солдатской службы¹¹⁸. Ввиду того, что автор не пояснил, что данные цифры верны только для определённого момента 1649 г., у читателей может возникнуть неправильное представление о действительном количестве крестьян, прибранных в солдаты в этом регионе.

Таким образом, именно на первое десятилетие XXI века приходится появление значительного числа публикаций отечественных специалистов, в которых рассматриваются те или иные аспекты истории войск «нового строя» в России.

В связи с тем, что полки карельских пашенных солдат и драгун в нарушение обещания, данного правительством, не высылать их на «дальние службы», участвовали в войнах с Польшей и Швецией (1654—1667, 1656—1658 гг.) с самого начала боевых действий вплоть до 1666 г., в нашем исследовании важно привлечение работ по истории этих войн. Практически все указанные выше исследователи, изучавшие вооружённые силы России XVII века, в большей или меньшей степени касались и истории войн, которые Россия вела в этот период. Кроме того, различные аспекты указанных войн изучали С. С. Гадзяцкий, О. Л. Вайнштейн, А. Н. Мальцев, Л. В. Заборовский, Е. И. Кобзарева, Б. Н. Флоря, А. Н. Лобин, Н. В. Смирнов¹¹⁹.

Отдельно следует отметить труды белорусских историков Геннадия Николаевича Сагановича и Вячеслава Леонидовича Носевича. Эти работы

¹¹⁸ Автор сделал подсчёт по данным, опубликованным в статье: Курбатов О. А. Организация и боевые качества русской пехоты «нового строя» ... С. 166—167.

¹¹⁹ Гадзяцкий С. С. Карелия и южное Приладожье в русско-шведской войне 1656—1658 гг. // Исторические записки. М., 1941. С. 236—279; Он же. Борьба русских людей Ижорской земли в XVII веке против иноземного владычества // Исторические записки. М., 1945. Т. 16. С. 14—57; Вайнштейн О. Л. Русско-шведская война 1655—1660 годов: историографический обзор // Вопросы истории. 1947. № 3. С. 53—72; Мальцев А. Н. Война за Белоруссию и освобождение Смоленска в 1654 г. // Исторические записки. М.: АН СССР, 1951. С. 125—143; Заборовский Л. В. Россия, Речь Посполитая и Швеция в середине XVII в.: из истории международных отношений в Восточной и Юго-Восточной Европе. М.: Наука, 1981. 178 с.; Кобзарева Е. И. Дипломатическая борьба России за выход к Балтийскому морю в 1655—1661 гг. М.: ИРИ РАН, 1998. 300 с.; Она же. Зарубежная историография о русско-шведских отношениях 1655—1661 годов // Отечественная история. 1993. № 4. С. 115—125; Она же. Вестфальская мирная система и Россия // Отечественная история. 1999. № 4. С. 146—151; Кобзарева Е. И., Коваленко Г. М. Дипломатический этикет и диалог в условиях подготовки к войне и разрыва дипломатических отношений: шведское посольство в Москве в 1655—1656 гг. // ... С. 70—78; Лобин А. Н., Смирнов Н. В. Борьба за Юрьев-Ливонский в годы русско-шведской войны (1656—1658) // Война и оружие: Новые исследования и материалы. 2-я междунар. научно-практ. конф. СПб., 2011. С. 534—549; Флоря Б. Н. Русское государство и его западные соседи (1655—1661). М., 2010. 655 с. Смирнов Н. В. Военная кампания 1654—55 гг. на литовском направлении // Судьбы славянства и эхо Грюнвальда: Выбор пути русскими землями и народами Восточной Европы в Средние века и раннее Новое время (к 600-летию битвы при Грюнвальде/Танненберге). Матер. междунар. науч. конф. СПб., 2010. С. 284—289.

отличаются негативной оценкой действий русской армии, которая в ходе русско-польской войны, по их мнению, несла местным жителям и территории огромное разорение и ущерб, в результате чего белорусское население в ряде мест сократилось более, чем на половину¹²⁰. Историки О. А. Курбатов, написавший рецензию на книгу Г. Н. Сагановича, и А. Н. Лобин выступили с критикой некоторых радикальных утверждений этого автора¹²¹. А. Н. Лобин, в частности, убедительно показал применяемую Г. Н. Сагановичем избирательность исторических фактов. Исследователь выявил, что автор не учитывает моровых последствий чумы, прошедшей по Европе в середине XVII века, в том числе по территориям не только белорусским, но и российским¹²².

Для настоящей диссертации важны также исследования, в фокусе которых изучение правового статуса и повседневной жизни иноземцев, приехавших в Россию и оставшихся здесь навсегда или нашедших временное занятие. В связи с тем, что карельских пашенных солдат и драгун военному делу обучали иноземные офицеры, для нас особенно важна информация о служивых иноземцах как «старого выезда», так и нанятых на военную службу в 40-х гг. XVII века. Вопросы правового статуса иноземцев в России и отношение к ним русских людей интересовали историков ещё в дореволюционный период. В частности, на эти проблемы обращали внимание П. О. Бобровский и А. В. Бородин¹²³. Так, П. О. Бобровский особо подчёркивал, что иноземцев в России не любили, им не доверяли, но при этом не могли от них устраниваться, так как осознавали их превосходство в ратном деле, заимствуя у них военные знания и навыки¹²⁴.

Вопросы, связанные с пребыванием иноземцев в России, активно разрабатываются рядом историков и в последние годы. В 2002 и 2004 гг.

¹²⁰ Сагановіч Г. Н. Невядомая вайна: 1654—1667. Менск, 1995; Носевич В. Л. Традиционная белорусская деревня в европейской перспективе. Минск, 2004. 350 с.

¹²¹ Курбатов О. А. Рецензия на книгу: Сагановіч Г. Невядомая вайна 1654—1667. Мінск, 1995 // Архив русской истории. М., 2002. С. 339—344; Лобин А. Н. Неизвестная война 1654-1667 гг. [Электронный ресурс]. На рус. яз. URL: http://scepsis.ru/library/id_1104.html. Дата обращения: 05.11.2014.

¹²² Лобин А. Н. Неизвестная война ...

¹²³ Бобровский П. О. Переход России к регулярной армии ...; Бородин А. В. Иноземцы – ратные люди на службе в Московском государстве. Пг., 1916. 19 с.

¹²⁴ Бобровский П. О. Переход России к регулярной армии ... С. 73.

состоялись конференции, посвящённые этой тематике. В итоге был выпущен сборник материалов¹²⁵. В диссертации использованы две работы из этого сборника – О. А. Курбатова¹²⁶ и Олега Григорьевича Усенко¹²⁷. Следует подчеркнуть, О. Г. Усенко пришёл к важному выводу, что отношение к «немцам» в России в XVII веке по меркам той эпохи было в целом толерантным¹²⁸. Олег Яковлевич Ноздрин в статье, посвящённой биографии иноземца Александра Крафферта, привёл сведения из донесения шведского резидента Карла Поммеренинга от 1647 г. с оценкой количества иноземных офицеров в Москве: "Иноземных, как шведских, так и немецких офицеров здесь много, но полковников только трое, все шотландцы: Александр Краффорд, Александр Гамильтон и Мунк Кармикель"¹²⁹.

Также следует отметить статьи и монографические исследования Сергея Павловича Орленко и Татьяны Анатольевны Опариной¹³⁰. Оба историка останавливались на вопросе взаимоотношений карельских пашенных солдат с их иноземными командирами в связи с рассмотрением царского указа 1652 г. о запрете русским людям работать на иноземцев и жить у них во дворах. В связи с этим историки разрабатывали вопрос о значении принятия иноземцами православия. Этому же вопросу касались в своих работах О. А. Курбатов и Татьяна Александровна Лаптева¹³¹. Т. А. Опарина изучила род Иоганна Эйлофа и приехавшего в Россию в XVI веке и выявила факты принятия православия рядом его потомков, в том числе Иваном Даниловым Ильфовым, служившим некоторое время в олонечких полках пашенных солдат.

¹²⁵ Иноземцы в России в XV—XVII веках. Сборник материалов конференций 2002—2004 гг. М., 2006. 536 с.

¹²⁶ Курбатов О. А. Роль служилых «немцев» в реорганизации русской конницы в середине XVII века // Иноземцы в России в XV—XVII веках ... С. 18—22.

¹²⁷ Усенко О. Г. Отношение к «немцам» в России XVII века (на примере движений социального протеста) // Иноземцы в России в XV—XVII веках ... С. 395—404.

¹²⁸ Усенко О. Г. Отношение к «немцам» ... С. 403.

¹²⁹ Цит. по: Ноздрин О. Я. Воин, инженер, предприниматель. Дела и служба Александра Крофорда в Московском государстве // Война и оружие: новые исследования и материалы. Труды Третьей междунар. научно-практ. конф. 16—18 мая 2012 г. СПб., 2012. Ч. II. С. 437.

¹³⁰ Орленко С. П. Правовой статус выходцев из Западной Европы в России XVII в. // Вопросы истории. 2000. № 6. С. 137—141; Он же. «Немцы» и московское правительство в XVII веке // Проблемы изучения памятников духовной и материальной культуры. М., 2001. Вып. 4. С. 15—26; Он же. Выходцы из стран Западной Европы в России XVII века (правовой статус и реальное положение). М., 2004. 343 с.; Опарина Т. А. Иноземцы в России XVI—XVII вв. Очерки исторической биографии и генеалогии. М., 2007. 384 с.

¹³¹ Курбатов О. А. Организация и боевые качества ...; Лаптева Т. А. Документы Иноземного приказа как источник по истории России XVII века // Архив русской истории. Вып. 5. 1994. С. 109—127.

Исследовательница связывает направление православного иноземца на службу в олонецкие солдатские полки с политикой, нацеленной на умиротворение солдат, не желавших обучаться под командованием инославных офицеров¹³². В целом, важно отметить, что об иноземцах, служивших в олонецких полках пашенных солдат, в историографии известно очень мало.

Цель данной диссертации — всестороннее рассмотрение службы в пашенных солдатах как фактора, который в изучаемый период оказывал влияние на ориентиры и линии поведения олонецких крестьян, их межличностные и внутрисемейные отношения, формировал взаимодействие с представителями местного самоуправления и уездной администрации, военачальниками и различными должностными лицами.

Для достижения поставленной цели в диссертации поставлены следующие **задачи**:

1. Рассмотреть предпосылки, причины и обстоятельства введения в Карелии службы пашенных солдат в 1649 г. как одного из мероприятий по созданию особого рода поселённых войск в приграничье, укомплектованных черносотными крестьянами;
2. Исследовать состояние полков олонецких пашенных солдат в мирное время (вооружение, обучение) и их участие в боевых действиях в войнах с Польшей и Швецией (1654—1667, 1656—1658);
3. Проанализировать командный состав полков пашенных солдат по признакам национальной и конфессиональной принадлежности, изучить взаимоотношения офицеров с подчинёнными солдатами и местными крестьянами;
4. Показать новые социально-бытовые явления в крестьянском сообществе, возникшие в результате учреждения службы пашенных солдат.

Новизна исследования заключается во введении в научный оборот новых сведений об организации полков пашенных солдат в Олонецком уезде и повседневной жизни карельских крестьян в период, когда они были вынуждены

¹³² Опарина Т. А. Иноземцы в России ... С. 198—200.

нести солдатскую службу. Применение просопографического метода и микроисторического подхода позволит по-новому взглянуть на уже известные факты, а также выявить новую историческую информацию персонифицированного характера о пашенных солдатах. В данном исследовании институт пашенных солдат и его влияние на крестьянское сообщество впервые всесторонне исследуются с привлечением большого количества архивных документов, многие из которых либо совершенно не изучались, либо использовались учеными для подготовки работ общего характера или для исследования других исторических явлений.

Источниковой базой исследования являются как опубликованные документы, так и неопубликованные архивные материалы: акты (законодательные и приказного делопроизводства), массовые источники (переписные книги), сметы доходов и расходов Олонецкого уезда.

Законодательные акты центральной государственной власти (царские указы, грамоты, Соборное Уложение 1649 г.) использовались для прояснения правовой основы деятельности светских представителей власти и офицерских чинов в сфере организации службы пашенных солдат в Заонежских и Лопских погостах. Из Соборного Уложения 1649 г. были проанализированы главы касающиеся правового регулирования воинской службы, оформления поруки, судопроизводства, а также семейных и имущественных отношений крестьян. Мы использовали текст Соборного Уложения, изданный в 1987 г. в серии «Законодательные памятники Русского централизованного государства XV—XVII веков» под руководством Аркадия Георгиевича Манькова и сопровождаемый постатейными комментариями специалистов¹³³. Также при работе с Уложением привлекалась монография А. Г. Манькова, в которой автор сделал обстоятельный анализ глав и статей этого важного источника¹³⁴.

Что касается актового материала, при написании работы мы опирались по большей части на неопубликованные материалы из фондов научного архива

¹³³ Соборное Уложение 1649 года. Текст. Комментарии. Л., Наука. 1987. 448 с.

¹³⁴ Маньков А. Г. Уложение 1649 г. — кодекс феодального права России. Л., 1980. 271 с.

Санкт-Петербургского Института истории РАН (далее — Архив СПбИИ РАН) и Российского государственного архива древних актов (далее — РГАДА).

На основе документов, хранящихся в Российском государственном архиве древних актов (РГАДА) в фондах 141 «Приказные дела старых лет» и 210 «Разрядный приказ» (документы Белгородского, Новгородского, Севского столов, Книги разных городов) рассмотрены вопросы, связанные с обстоятельствами введения и существования в Карелии службы пашенных солдат: подготовительные мероприятия, запись крестьян в солдаты, формирование полков, командный состав полков (иноземные и русские «начальные люди»), обучение солдат военному делу, вооружение и снабжение, участие олонечских полков в боевых действиях русско-польской и русско-шведской войн 1654—1667, 1656—1658 гг.

Среди актовых материалов РГАДА, на основе которых исследованы указанные вопросы:

- 1) царские указы и грамоты, посланные из Москвы в Олонец к различным должностным лицам, назначенным для выполнения важных обязанностей в Заонежских и Лопских погостах в разные годы в период существования службы пашенных солдат: олонечским воеводам (Фёдору Фёдоровичу Волконскому и Степану Парфеньевичу Елагину, Александру Васильевичу Чоглокову, Петру Михайловичу Пушкину, Терентию Васильевичу Мышецкому и дьяку Дружине Протопопову), крестьянскому свозчику Василию Даниловичу Золотареву, солдатским переписчикам (Ивану Семёновичу Дивову и Сергею Андрониковичу Малово), новгородским воеводам и воеводам полков Новгородского разряда (Фёдору Андреевичу Хилкову и дьяку Савину Завесину, Григорию Семёновичу Куракину, Ивану Андреевичу Хованскому);
- 2) отписки всех вышеназванных должностных лиц в Москву или Новгород;
- 3) челобитные различных лиц по вопросам, связанным с солдатской службой, в том числе поступившие от солдат и крестьян Заонежских и Лопских погостов, а также от иноземных и русских «начальных людей».

Очень важен для изучения истории Карелии второй половины XVII века в целом, и для выбранной темы диссертации в частности, комплекс документов фонда 98 «Олонецкая воеводская изба», хранящийся в Архиве Санкт-Петербургского Института истории РАН¹³⁵. В нём также содержится разнообразный актовый материал, но в отличие от фондов 141 и 210, хранящихся в РГАДА, среди документов, дошедших до нас в фонде Олонецкой воеводской избы, большую часть актов составляют дела, возникшие в результате подачи местными жителями (крестьянами, бобылями, пашенными солдатами и драгунами) олонецким воеводам челобитных с жалобами или просьбами по различным вопросам. Некоторые такие дела состоят из двух документов: собственно челобитной, на обороте которой обычно присутствует резолюция, а также наказной памяти волостному или погостскому старосте с предписанием, как следует решить дело. В составе других дел могут содержаться также расспросные речи. Кроме того, в фонде хранятся дела, связанные с розыском и высылкой пашенных солдат на службу в походную армию. Среди документов, освещающих этот аспект исследуемой темы памяти, посланные олонецкими воеводами солдатским сыщикам и высылщикам, командирам олонецких полков (полковникам, подполковникам, майорам, капитанам), а также росписи олонецких солдат за разные годы (отправленных на службу, сбежавших, погибших), в том числе с пометами о замене некоторых солдат наймитами.

По актовым материалам фонда «Олонецкая воеводская изба» исследован вопрос адаптации иноземных офицеров в местном крестьянском сообществе в 1649—1652 гг., в том числе проблемы взаимоотношений иноземцев с

¹³⁵ Акты Олонецкой воеводской избы были доступны нам для изучения в Исследовательской лаборатории локальной и микроистории Карелии (ИЛЛМИК) действующей на Историческом факультете Петрозаводского государственного университета под руководством к.и.н., доцента И. А. Черняковой, где в рамках проекта, поддержанного РФФИ и РГНФ в 2005—2007 гг., эти документы были прочитаны и транслитерированы силами студентов и соискателей. В настоящее время документы проходят завершающую стадию редактирования и будут опубликованы в сети Интернет в виде полнотекстовой базы данных в сопровождении каталога заголовков дел. См. статью: Чернякова И. А. Опыт подготовки электронной публикации архивной коллекции «Олонецкая воеводская изба» в исследовательской лаборатории локальной и микроистории Карелии // Рябининские чтения – 2011: Материалы VI научной конференции по изучению и актуализации культурного наследия Русского Севера. Петрозаводск, 2011. С. 196—199.

подчинёнными солдатами и местными крестьянами. Следует отметить, что в этом фонде практически не сохранились документы за 1656—1657 гг. и за первое полугодие 1658 г., поэтому события этих лет изучены на основании источников из фондов РГАДА.

Большая часть актов из фонда «Олонецкая воеводская изба» никогда не публиковалась, и работа с ними открыла широкие перспективы для исследования истории солдатской службы в Олонецком уезде. В сборнике «Карелия в XVII веке», составленном Р. Б. Мюллер, из этого фонда опубликовано всего несколько десятков документов, касающихся службы пашенных солдат¹³⁶.

Немаловажное значение для изучения приграничных отношений России и Швеции, а также сыскных мероприятий, проводившихся в приграничье и даже на территории соседнего государства имеют документы из хранящейся в Архиве СПбИИ РАН Коллекции 2¹³⁷. В числе актов Коллекции есть документы, проливающие свет на поведение некоторых беглых солдат, пытавшихся укрыться от сыщиков и высельщиков за рубежом — на территории Шведского королевства. Частично информация этих документов введена в научный оборот в вышеназванных статьях А. И. Чепеля, занимающегося изучением приграничных отношений жителей России и Швеции в XVII веке.

Важными источниками по истории олонецких полков пашенных солдат являются сметы доходов и расходов Олонецкого уезда, хранящиеся в фонде 137 «Боярские и городовые книги» (РГАДА)¹³⁸. В них находим сведения, проясняющие вопрос о финансировании полков пашенных солдат, в том числе информацию о расходах на жалованье «начальных людей» и денежное вознаграждение за службу на войне, выданное как офицерам, так и солдатам, а также записи о различных тратах на вооружение, снаряжение, обмундирование, хозяйственные нужды полков. Кроме того, изучение смет позволило уточнить и

¹³⁶ Мюллер Р. Б. Карелия в XVII веке ...

¹³⁷ Архив СПбИИ РАН. Колл. 2. Оп. 1. Д. 28. 311 с об. л.

¹³⁸ РГАДА. Ф. 137. Оп. 1. Олонец. Д. 2. 63 л., Д. 3. 46 л., Д. 4. 259 л., Д. 6. 573 л.

скорректировать вопрос о том, кем являлись «охудалые крестьяне», освобождённые от записи в солдаты.

Как было отмечено выше, сметы изучал А. Ю. Жуков. Однако исследователь привлек в своей работе только часть сведений источника, а именно сметы за 1649/50—1661/62 гг. В настоящей диссертации изучены сметы не только за указанные годы, но также за последующие (по 1666 г. включительно). Это позволило дополнить работу А. Ю. Жукова, а также уточнить некоторые его выводы.

Из массовых источников в ходе исследования темы диссертации привлечены четыре переписные книги населения, информация которых относится к трём временным срезам (1646, 1657 и 1678 гг.).

Три из них являются традиционными переписями, осуществлявшимися государством с целью учёта налогоплательщиков. Одна из таких книг была составлена в 1646 г. писцами И. П. Писемским, Л. Г. Суминым и подьячим Я. Еуфимьевым и охватывала территорию только Заонежских погостов¹³⁹, две другие были составлены в 1678 г. писцами И. А. Аничковым, И. Н. Аничковым и подьячим И. Веняковым. Одна из этих книг охватывала территорию Заонежских погостов, другая — Лопских. Переписная книга 1646 г. отражает демографическую ситуацию в Заонежских погостах накануне введения службы пашенных солдат, две другие — спустя двенадцать лет после её отмены¹⁴⁰.

Наибольшую важность среди переписных книг для нашей диссертации представляет книга пашенных солдат и крестьян Заонежских и Лопских погостов, составленная в 1657 г. солдатским переписчиком, сыщиком и высельщиком И. С. Дивовым¹⁴¹. Эта книга отличается от трёх других как по содержанию, так и по целям создания. Дивов был послан из Москвы в

¹³⁹ РГАДА. Ф. 1209. Кн. 980: Переписная книга Заонежских погостов И. П. Писемского, Л. Г. Сумина и подьячего Я. Еуфимьева 1646 г. 577 л.

¹⁴⁰ РГАДА. Ф. 1209. Кн. 1137: Переписная книга Заонежских погостов Олонецкого уезда И. А. Аничкова, И. Н. Аничкова и подьячего И. Венякова 1678 г. Ч. 1. 186 л.; Ч. 2. 427 л.; РГАДА. Ф. 1209. Кн. 8573: Переписная книга Лопских погостов Олонецкого уезда И. А. Аничкова, И. Н. Аничкова и подьячего И. Венякова 1678 г. 110 л.

¹⁴¹ РГАДА. Ф. 137. Оп. 1. Кн. 5: Переписная книга солдат и крестьян Олонецкого, Заонежских и Лопских погостов переписи И. С. Дивова, 1657 г. 1130 л. с об.

Олонецкий уезд для выполнения нескольких задач: разыскать и выслать на службу беглых солдат, принять челобитные от местных жителей и, самое главное, составить списки имён всех пашенных солдат, а также их родственников, которые по возрасту или состоянию здоровья были не годны к службе и «охудалых крестьян». Переписные книги Дивова — единственный дошедший до наших дней полный перечень имён лиц мужского пола, проживавших в Олонецком уезде в 1657 г., а также тех, что уже умер или погиб на службе из ранее записанных в ряды солдат. В силу этого привлечение сведений данного источника очень важно при исследовании института пашенных солдат.

Все указанные переписные книги не опубликованы, хотя в разной степени изучались исследователями.

Цифровые итоги переписной книги 1646 г. ввёл в научный оборот М. М. Богословский ещё в начале XX века¹⁴². Занимаясь изучением численности и структуры населения Олонецкого края в нескольких временных срезах XVII века, И. А. Чернякова уточнила данные, опубликованные исследователем¹⁴³. Несмотря на то, что обычно переписные книги содержат данные обо всех населявших двор мужчинах, в переписной книге Заонежских погостов 1646 г., как убедительно показала исследовательница, было учтено лишь взрослое мужское население дворов, без детей¹⁴⁴.

Заслуга введения в научный оборот сведений переписной книги 1678 г. принадлежит Т. В. Старостиной, установившей, что эта книга дошла до наших дней в двух частях — с описанием монастырских вотчинных земель и с описанием чёрных волостей, — и использовала обе части. В 1961 г. была опубликована её статья «Волнения крестьян Толвуйского погоста в XVII веке», в которой приведены данные о населении Толвуйского, Олонецкого и Кижского погостов из двух переписных книг: 1646 и 1678 гг.¹⁴⁵ Обратив

¹⁴² Богословский М. М. Земское самоуправление ... Т. 1. Прил. 1. С. 3—8.

¹⁴³ Чернякова И. А. Население Олонецкого края ... С. 124.

¹⁴⁴ Чернякова И. А. Карелия на переломе эпох ... С. 52, 110.

¹⁴⁵ Старостина Т. В. Волнения крестьян Толвуйского погоста ... С. 139.

внимание на большое количество имён маленьких мальчиков и определения их отцов такими словами как «стар", «дрякл", зафиксированных переписью 1678 г., Т. В. Старостина сделала вывод о причинах этого явления. По мнению исследовательницы это был результат службы местных крестьян в полках пашенных солдат, из-за которой мужчины поздно стали отцами и рано состарились из-за подорванного службой здоровья¹⁴⁶. И. А. Чернякова поддерживает это мнение, дополняя, что гибель многих пашенных солдат на службе привело к увеличению в Олонецком уезде числа семей бокового родства, состоявших из неженатых братьев¹⁴⁷.

В целом, по словам И. А. Черняковой, переписные книги 1646 и 1678 гг. весьма плодотворно изучены современными исследователями процессов становления и развития структуры русского феодального землевладения XVII века. Исследовательница указывает, что данные этих источников тотально подсчитаны и введены в научный оборот на уровне количественной информации¹⁴⁸. Соглашаясь с автором, полагаем, что остаётся ещё широкое поле для изучения демографических процессов региона на уровне не количественной, а персональной информации. Именно поэтому для цели и задач настоящей диссертационной работы нам важна в переписных книгах информация об именах пашенных солдат и их родственников, их местожительстве, а также времени жизни.

Переписная книга, составленная Дивовым в 1657 г., до настоящего времени мало изучалась. Дореволюционный историк М. А. Островская, изучив отписки переписчика в Москву о ходе его деятельности в Олонецком уезде, не касалась содержания составленных им книг. М. М. Богословский, Р. Б. Мюллер, Т. В. Старостина, Г. М. Коваленко, А. Ю. Жуков, в той или иной степени касаясь службы пашенных солдат, также не анализировали этот источник. При этом хотя Р. Б. Мюллер и А. Ю. Жуков указывали на обвинение Дивова в злоупотреблениях и на слова крестьян о том, что переписчик за

¹⁴⁶ Цит. по: Чернякова И. А. Карелия на переломе эпох ... С. 108.

¹⁴⁷ Чернякова И. А. Карелия на переломе эпох ... С. 120.

¹⁴⁸ Там же. С. 49.

посулы писал годных к службе крестьян в категории больных, увечных, старых и охудалых, а больных, увечных и старых в солдаты, историки не дали оценку переписным книгам Дивова как источнику. Важно подчеркнуть, что сведения о злоупотреблениях Дивова почерпнуты историками из двух опубликованных ещё в XIX веке документов: челобитной крестьян нескольких погостов с жалобой на различных должностных лиц и трудности, связанные со службой, и царской грамоты Сергею Малово с указанием провести расследование деятельности различных должностных лиц, в том числе Дивова, переписать солдат и сказать им "милостивое слово"¹⁴⁹.

Впервые обратилась к тексту переписных книг Дивова И. А. Чернякова. Исследовательница сделала систематизированные выписки из источника и подсчёты по ним, но в своей монографии (1998 г.) привела только часть данных. По сведениям автора 1230 солдат погибли, умерли или не вернувшихся со службы в 1650-х гг.¹⁵⁰ Также выявив в источнике записи о различных ранениях пашенных солдат, исследовательница отметила, что книги Дивова позволяют судить о степени последствий солдатской службы в том аспекте, что эти люди, призванные на службу в расцвете сил и здоровья, в большинстве своём рано умирали по возвращении¹⁵¹. Кроме того, А. С. Рыжков, некоторое время занимавшийся изучением службы пашенных солдат под руководством И. А. Черняковой, опираясь на конспекты исследовательницы, в 2008 г. опубликовал статью, посвящённую опыту создания компьютерной базы данных по переписным книгам Дивова¹⁵², однако, как было указано выше, фактически внес в базу лишь очень небольшую часть информации (не в полном объеме первую книгу из восьми). Исследователь отмечает ценность источника как единственного сохранившегося полного перечня имён солдат и крестьян, записанных в солдатскую службу, за всё время существования института пашенных солдат и подчёркивает важность введения в научный оборот

¹⁴⁹ ДАИ. Т. IV. № 146. С. 389—397.

¹⁵⁰ Чернякова И. А. Карелия на переломе эпох ... С. 120—122, 173—176.

¹⁵¹ Там же. С. 121.

¹⁵² Рыжков А. С. Опыт составления электронной базы данных ... С. 269 — 274.

незадействованной ранее главной и ценнейшей информации, содержащейся в книгах Дивова — имена нескольких тысяч обитателей карельских деревень, обычных крестьян, большей частью остававшихся до сих пор вне истории¹⁵³. Однако автор не упомянул в статье об уличении Дивова в злоупотреблениях и не оценил источник с точки зрения степени достоверности содержащихся в нем сведений. Полагаем, это связано с тем, что работа А. С. Рыжкова с данными переписных книг на момент подготовки статьи была в самом начале и автор, не столкнувшись с противоречиями или фактами, которые сложно объяснить, при сопоставлении информации из книг Дивова с данными из других источников, не счёл нужным затронуть вопрос о критике источника.

В настоящей диссертации мы не только подчеркнули важность содержащейся в переписных книгах Дивова количественной и персонифицированной информации, но также проанализировали сложности анализа и интерпретации данных этой переписи. Для решения этой задачи нами выдержан принцип сопоставления информации переписных книг со сведениями актового материала, названный И. А. Черняковой обязательным¹⁵⁴.

Методологической основой исследования явились принципы историзма, позитивизма, научного объективизма и системности, применение которых позволило максимально полно и комплексно изучить институт пашенных солдат во взаимосвязи всех новых явлений, возникших в период существования в Олонецком уезде солдатской и драгунской службы. Новая историческая информация в диссертации была получена благодаря использованию ряда исследовательских методов.

Историко-сравнительный метод использовался, во-первых, для проведения сравнительного анализа поселённых полков пашенных солдат Олонецкого уезда с подобными формированиями в других частях России XVII века, во-вторых, для сопоставления информации источников массового характера (переписных книг) с актовыми материалами, что является

¹⁵³ Рыжков А. С. Опыт составления электронной базы данных ... С. 269, 274.

¹⁵⁴ Чернякова И. А. Карелия на переломе эпох ... С. 48.

важнейшим условием для получения достоверных сведений об изучающихся явлениях. Для сравнительного изучения сведений переписных книг пашенных солдат и крестьян Заонежских и Лопских погостов 1657 г. с переписными книгами населения этой территории 1646 и 1678 гг. использовался историко-генетический метод.

В ходе исследовательской работы с переписными книгами Дивова применялся метод количественных подсчётов, осуществлённых с использованием возможностей компьютерной обработки данных.

Для анализа собранных сведений биографического характера о пашенных солдатах в диссертации использовался просопографический метод. По словам историка Ю. Ю. Юмашевой, просопография как жанр исследований предполагает изучение массовых источников с целью создания на основе статистического анализа их информации динамических «коллективных биографий» определенных социальных групп при возможности сохранения и изучения отдельных индивидуумов, составляющих данные социальные группы¹⁵⁵. Автор подчеркнула, что в исследованиях, выполненных на основе просопографических баз данных, впервые в исследовательской практике удалось осуществить синтез философских подходов двух полярных философско-исторических традиций: сохранить внимание к объективному и закономерному в силу массовости в историческом развитии (марксистская философия истории) и показать индивидуальное и неповторимое, случайное и стихийное, эволюционное и традиционное (немарксистская философия истории)¹⁵⁶. Ирина Марковна Гарскова в одной из своих статей на ряде примеров рассмотрела методику анализа баз данных, составленных с

¹⁵⁵ Юмашева Ю. Ю. Историография просопографии [Электронный ресурс] // Известия Уральского государственного университета. Сер.: Гуманитарные науки. История. 2005. № 39. URL: [http://proceedings.usu.ru/?base=mag/0039\(01_10-2005\)&doc=../content.jsp&id=a09&xslt=showArticle.xslt](http://proceedings.usu.ru/?base=mag/0039(01_10-2005)&doc=../content.jsp&id=a09&xslt=showArticle.xslt). Дата обращения: 05.11.2014.

¹⁵⁶ Юмашева Ю. Ю. Историография просопографии ...

применением просопографического метода и пришла к выводу о его эффективности для составления и изучения динамических биографий¹⁵⁷.

В последние пятнадцать лет просопографический метод стал широко применяться в исторических исследованиях. В 2009 г. А. А. Селин защитил докторскую диссертацию, посвящённую новгородскому обществу начала XVII века, новизна которой заключалась в том, что основные выводы исследования были получены на основе анализа составленной электронной просопографической базы данных¹⁵⁸. В 2013 г. состоялся международный научный семинар, посвящённый проблемам и перспективам развития просопографии, а по итогам мероприятия был выпущен сборник материалов по докладам историков, апробировавших в своих работах метод просопографии¹⁵⁹, в том числе опубликован доклад А. А. Селина, подготовившего обзор просопографических исследований за 2000—2013 гг.¹⁶⁰

Просопографии близки такие направления исторической науки как микроистория, историческая антропология и история повседневности. Также много общего у просопографии с биографическим и генеалогическим жанрами. В то же время цели просопографии гораздо шире. Генеалогическое исследование в совокупности с имеющимися, зачастую разрозненными, фактами биографического характера в рамках просопографического подхода дает возможность проследить социальные взаимоотношения внутри определенной группы населения, составить целостное представление об этой группе и выявить то, что скрывалось от исследователей за единичными фактами.

¹⁵⁷ Гарскова И. М. От просопографии к статистике: методика анализа баз данных по источникам, содержащим динамическую информацию // Источник, метод, компьютер. Сб. науч. трудов. Барнаул, 1996. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.hist.msu.ru/Labour/Article/barnaul.htm>. Дата обращения: 05.11.2014.

¹⁵⁸ Селин А. А. Новгородское общество эпохи Смуты. [Электронный ресурс]. URL: <http://nwaе.spbu.ru/?0-314>, свободный. Яз. Рус. Проверено: 30.04.2014; Он же. Просопографическая база данных «Новгородское общество начала XVII века». [Электронный ресурс]. URL: <http://nwaе.spbu.ru/?0-315>. Дата обращения: 05.11.2014.

¹⁵⁹ Исторические биографии в контексте региональных и имперских границ Северной Европы: Материалы Междунар. науч. семинара (Санкт-Петербургский кампус НИУ ВШЭ, 24—26 октября 2013 г.). СПб., 2013. 144 с.

¹⁶⁰ Селин А. А. Обзор просопографических исследований 2000—2013 гг. // Исторические биографии в контексте ... С. 4—12.

В настоящей диссертации мы предприняли попытку сложить собранные с применением просопографического метода, а также в рамках микроисторического подхода крупницы информации, из которых невозможно составить исчерпывающе полные индивидуальные биографии отдельных людей, в коллективный портрет жителей Олонецкого уезда периода функционирования на этой территории института пашенных солдат.

Комплексное использование всех указанных методов дало возможность наиболее полно исследовать привлечённые источники, выявить новые сведения о пашенных солдат и других крестьянах Олонецкого уезда XVII века.

Методика исследования. Занимаясь изучением крестьянского сообщества Заонежских и Лопских погостов, исследователи сталкиваются с рядом проблем. Главная из них состоит в скудости источниковой базы. Дошедшие до нас источники состоят из писцовых и переписных книг, а также актовых материалов. Все эти документы содержат буквально крупницы информации об упоминаемых в них людях. Выше была отмечена важность изучения института пашенных солдат на уровне судеб отдельных личностей, поэтому ещё одна проблема заключается в том, что удержать в уме и сопоставить имена тысяч солдат и других крестьян, которые очень похожи, а зачастую абсолютно одинаковы, и крупницы информации о них, невозможно без применения современных методов обработки данных. При внесении всех известных сведений из одного или нескольких источников в компьютерную базу данных перед исследователем открываются совершенно новые перспективы.

В ходе работы над диссертацией нами выявлены казусы, когда сами представители власти ошибочно принимали одного человека за другого с таким же именем, поэтому создание электронного ресурса, в котором информация источника зафиксирована в определённом структурированном виде, является важнейшей основой для дальнейшего изучения внесённых сведений, в том числе на уровне имён. Возможности систематизации, поиска и выборки

нужных данных делают информацию наглядной и более доступной для изучения.

В настоящем диссертационном исследовании важной основой для достижения поставленной цели послужили две базы данных, разработанные в компьютерной программе FileMaker Pro¹⁶¹: одна — по переписным книгам Ивана Дивова 1657 г., содержащая более 19 000 имён пашенных солдат, их родственников и "охудалых крестьян"; вторая — просопографическая — создана на основе информации сразу из нескольких разновременных источников. Первая база данных была разработана под один конкретный источник — переписные книги Дивова — и абсолютно повторяет его структуру, в том смысле, что для каждой из восьми переписных книг сформирован отдельный слой базы, то есть всего восемь слоев. В каждом слое заведено более двух тысяч карточек по населённым пунктам, в том порядке, в каком они упомянуты переписчиком. С каждым слоем и каждой карточкой соединены ключевые поля с географической информацией, такие как «деревня», «выставка», «волость», «треть», «погост», «стан». Параллельно созданы дополнительные поля, предназначенные для внесения информации о разных категориях солдат и крестьян.

В целях наиболее эффективного пользования собранными сведениями базу данных (карточки) можно конвертировать в формат Excel и затем создавать таблицы с выбранными данными по деревням, волостям или в целом по погостам. Данная методика расширила возможности в изучении сведений источника, позволила осуществить исследование наиболее эффективным способом. Система поиска и выборки позволила находить ответы на поставленные вопросы и получать искомые количественные данные о

¹⁶¹ Программа FileMaker Pro успешно применяется для создания электронных просопографических баз данных. См.: Сулова Е. Д. Служители церкви в Карелии раннего нового времени: складывание династий. [Электронный ресурс]. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2013. 162 с. URL: http://carelica.petsu.ru/CARELICA/Suslova_2.html. Дата обращения: 05.11.2014; Чернякова И. А. База данных, составленная по архивным документальным источникам массового характера, как способ историко-демографического исследования семьи и домохозяйства карельского крестьянства XIX века // Информационные технологии и письменное наследие: материалы IV междунар. науч. конф. (Петрозаводск, 3—8 сентября 2012 г.). Петрозаводск, Ижевск, 2012. С. 279—285.

карельских пашенных солдатах в пределах всего Олонецкого уезда, какого-то одного погоста, волости или деревни. Получение перечней имён лиц, в них проживавших, особенно важно для локального или микроисторического исследования, а также изучения истории повседневности.

Во второй базе данных на каждого человека заводится отдельная карточка, в которой предусмотрены поля для введения различной информации: географической — о месте жительства человека с указанием погоста, волости и деревни; персональной — с указанием имени, отчества, прозвища, социального статуса, состава семьи; биографической — представление сведений о жизни человека, выявленных из различных источников; архивной — показывающей, в каких источниках (переписных книгах и актах) встречается имя этого человека. Источниками сведений служат четыре переписные книги — 1646, 1657 и 1678 гг., а также актовые материалы. Таким образом, в одной карточке происходит сохранение и накопление информации из разных временных срезов. В некоторых случаях имеется возможность проследить изменения в семейном и социальном статусе человека, уточнить его родственные связи. Путем сравнения информации переписных книг нам удалось выявить имена пашенных солдат и других крестьян, переживших период службы в пашенных солдатах и две войны: русско-польскую и русско-шведскую. Имена некоторых пашенных солдат отмечены всеми названными переписями, то есть в трёх временных срезах. В базе данных содержатся имена не только солдат, но также их родственников, причем на родственников солдат могут быть заведены отдельные карточки в том случае, если в их жизни и деятельности происходило что-то важное для изучения истории пашенных солдат. Эта база данных составлялась по мере необходимости зафиксировать выявленную в источниках информацию, и работа по дополнению полей карточек может быть продолжена в последующем.

Осуществить изучение института пашенных солдат на уровне персоналий без использования преимуществ компьютерной базы данных было бы невозможно. Накопление персонифицированной информации создало

потенциал более глубокого проникновения в реалии повседневности локального крестьянского сообщества.

Структура диссертации. Диссертационное исследование состоит из введения, трёх глав, подразделённых на параграфы, заключения, списка использованных источников и литературы и приложений.

ГЛАВА 1. СОЗДАНИЕ ПОЛКОВ ПАШЕННЫХ СОЛДАТ

1.1. Подготовительные мероприятия к введению солдатской службы

В работах историков утвердилось справедливое мнение, что к реформам в военной сфере правительство России подтолкнули печальные итоги Смутного времени, когда выяснилось, что русские войска значительно уступают в своей боеспособности армиям ближайших соседей: Польши и Швеции, а затем итоги Смоленской войны и необходимость организации обороны государственной границы. Дореволюционный историк И. Д. Беляев объяснил необходимость реформирования армии в начале XVII века нуждой в большом и устроенном войске, которое требовалось как для прекращения еще тлевших мятежей в разных концах государства, так и для отражения нападений со стороны Польши и Швеции. Исследователь пояснил, что достижение этих целей настоятельно требовало «обратить особое внимание как на увеличение числа войска, так и на то, чтобы дать ему лучший порядок и управление»¹⁶². А. К. Байов подытожил в своей работе основные недостатки прежней военной системы России: отсутствие единой организации, невозможность постоянного обучения войск, пассивно-оборонительная тактика, медленность мобилизации, громоздкая система снабжения. Поэтому, по словам автора, надо было найти новый способ организации вооружённых сил. «Но у себя дома нового найти не могли. Приходилось за ним обращаться к нелюбимым иноземцам», так военный специалист подвёл к объяснению причин создания в России полков «нового» (иноземного) строя¹⁶³.

С. А. Нефедов подчеркнул, что после страшного разорения территории России во времена Смуты, обнажившей военную слабость государства, модернизация армии оставалась вопросом жизни и смерти. Исследователь указал, что главной заслугой реформаторов того времени было понимание той угрозы, перед которой стоит страна, и понимание того, что ответить на силу

¹⁶² Беляев И. Д. О русском войске в царствование Михаила Федоровича и после его, до преобразований, сделанных Петром Великим. М., 1846. С. 1.

¹⁶³ Байов А. К. Курс русской истории военного искусства. Вып. 1. С. 126—127.

Запада можно только с помощью Запада. В сущности, это было понимание необходимости модернизации по западному образцу¹⁶⁴. Кроме того, С. А. Нефедов обратил внимание на то, что в российской истории XVII век ознаменовался активным вовлечением России в общеевропейские военно-политические блоки и союзы, и возрастающая роль страны на международной арене настоятельно диктовала правительству Михаила Федоровича необходимость заимствования и освоения достижений Западной Европы в военной сфере¹⁶⁵.

Преемники Михаила Федоровича продолжали следовать принятой им системе и по возможности современных им обстоятельств старались ее усовершенствовать. Так, по словам А. В. Малова, Алексей Михайлович, используя опыт создания полков иноземного строя во времена царствования своего отца, а также существовавших в составе вооружённых сил России к концу 1640-х гг. ратных людей нового строя, кардинально реформировал армию. В 1648—1654 гг. главной составляющей военных преобразований стало массовое создание полков иноземного строя — рейтарских, драгунских и солдатских, составивших костяк новой армии¹⁶⁶.

А. В. Чернов связывает создание в России полков нового строя с завершением в 30-х – 40-х гг. XVII века восстановления народного хозяйства и укреплением самодержавия. В виду того, что XVII век, особенно его вторая половина, по словам автора, явился новым, решающим этапом в образовании абсолютистской монархии в России, важнейшим орудием в укреплении абсолютизма являлись вооружённые силы государства¹⁶⁷. Для охраны существующего государственного строя от внутренней и внешней опасности и расширения территории государства были необходимы такие вооружённые силы, которые находились бы постоянно под ружьём, состояли в полном

¹⁶⁴ Нефедов С. А. Первые шаги российской модернизации: реформы середины XVII века // Вопросы истории. 2004. № 4. С. 33—52.

¹⁶⁵ Там же. С.

¹⁶⁶ Малов А. В. Конница нового строя в русской армии в 1630 – 1680-е годы // Отечественная история. 2006. № 1. С. 119.

¹⁶⁷ Чернов А. В. Вооружённые силы Русского государства в XVI—XVII вв. М, 1954. С. 134.

распоряжении верховной власти, то есть на полном содержании государства, и обладали достаточно высокой боеспособностью¹⁶⁸. Также в качестве причины модернизации русской армии по западноевропейскому образцу называется подготовка к Смоленской войне за возвращение утраченных по Деулинскому перемирию смоленских, черниговских и новгород-северских земель, захваченных Речью Посполитой в результате военной интервенции¹⁶⁹.

По данным В. А. Волкова к 1630 г. общая численность русского войска достигла 92 555 человек. Однако, по подсчётам автора, использовать в военных операциях командование могло менее четверти от этого числа, так как около 72 000 человек находилось на городской службе, а оставшихся 20 000 человек не хватало даже для обороны границ. В этих условиях, подчеркнул исследователь, необходимость реорганизации вооружённых сил была очевидна¹⁷⁰.

Создание в 40-х гг. XVII века в ряде северо-западных, западных, юго-западных и южных приграничных областях России поселённых драгунских и солдатских полков стало чем-то совершенно новым в истории нашего государства. Эти полки, организованные по иноземным образцам, отличались от ранее создававшихся полков «нового строя» системой комплектования личного состава этих воинских соединений. До этого времени полки иноземного строя комплектовались из иноземцев или русских детей боярских, беспоместных и малопоместных дворян, детей и племянников казацких и стрелецких, новокрещенов, татар, а также вольных охочих людей. Главным условием было то, чтобы у них не было поместий, с которых они обязаны были нести службу или они не состояли бы в тягле или холопстве. Эти полки требовали больших затрат из казны на жалованье как иноземным начальным людям, так и самим солдатам, драгунам и рейтарам, а также на оружие и обмундирование.

¹⁶⁸ Чернов А. В. Вооружённые силы ... С. 135.

¹⁶⁹ Там же.

¹⁷⁰ Волков В. А. Войны и войска ... С. 294.

В 1640-х гг. было решено в приграничных районах организовать поселённые полки «нового строя» на принципиально иной основе. Рядом указов царя Алексея Михайловича было приказано перевести черносозных и дворцовых крестьян этих территорий в солдаты и драгуны с тем, чтобы они, обучившись новейшим навыкам военного дела по западноевропейским образцам, могли участвовать в обороне того участка государственной границы, поблизости от которого они проживали. Для этого государство забрало некоторые частновладельческие и митрополичьи земли в свой фонд, наделив их бывших владельцев землями в других местностях. Так, находившиеся под Лебедяню вотчины князя А. Н. Трубецкого в 1647 г. были заменены ему на другие земли, а крестьяне Лебедянского уезда в возрасте от 18 до 45 лет (по одному с каждого двора) были записаны в драгуны¹⁷¹. Таким же образом земли Новгородского и Великолуцкого митрополита Афония в Олонецком погосте, в 1648 г. были отписаны на государя, а местные крестьяне и бобыли назначены к записи в драгунскую службу «для того, что те крестьяне и бобыли живут смежно с немецкими людьми»¹⁷². Правда, первоначально, в 1649 г. они были записаны не в драгуны, а в солдатский полк Александра Гамильтона¹⁷³. Взамен утраченной вотчины митрополит получил ряд сел с деревнями в Новгородском регионе: «село Королево да село Тесово с деревнями и с пустошми, с пашнею и со всеми угоды и с доходы»¹⁷⁴.

На момент введения солдатской службы в Заонежских и Лопских погостах в 1649 г. поселённая форма полков нового строя, укомплектованных местными черносозными крестьянами, существовала на юге России уже на протяжении более двух лет — с конца 1646 г. Таким образом, могло правительство учесть этот опыт и те проблемы, с которыми пришлось столкнуться при организации такого рода войск, в частности, касающиеся численности прибранных в драгуны крестьян и положения их родственников,

¹⁷¹ Волков В. А. Войны и войска ... С. 403.

¹⁷² Беляев И. Д. О русском войске ... С. 35.

¹⁷³ РГАДА. Ф. 141. 1649. Д. 29. Л. 15, 280—281.

¹⁷⁴ Карелия в XVII веке. № 41. С. 71—72.

освобождения от податей и повинностей, снабжения необходимым вооружением, режима обучения военному делу, взаимоотношений драгун с иноземными начальными людьми. Тем не менее, организаторы солдатской службы в Заонежских и Лопских погостах и в 1649 г., и в последующие годы сталкивались со всеми обозначенными проблемами. В первую очередь это было обусловлено тем, что в наказе от 1 марта 1649 г. некоторые условия записи в солдаты были прописаны нечётко, другие вовсе не были прописаны. Об этих условиях речь пойдёт ниже в соответствующем параграфе, а здесь рассмотрим предысторию создания полков пашенных солдат в Заонежских и Лопских погостах.

Вероятно, идея создания поселённых полков из местных черносошных крестьян на южных, юго-западных и северо-западных границах государства возникла у правительства практически в одно время. В 1646 г. в России была проведена перепись населения, и по итогам этой переписи были получены сведения о численности населения, в том числе на приграничных территориях, необходимые для оценки демографического потенциала регионов в экономической сфере, а также возможности использования местного населения для охраны государственных рубежей. По подсчётам В. А. Волкова, в 1630-м году в России не хватало военнотружущих для охраны всех участков границы¹⁷⁵. Содержание создававшихся в 30-е — 40-е гг. дополнительно к традиционному войску полков нового строя стоило очень дорого, их численность всё ещё была недостаточной для того, чтобы обеспечить и охрану границы, и участие в военных походах, в случае необходимости. Поэтому, оценив численность крестьян южных, юго-западных и северо-западных приграничных территорий, правительство пришло к идее использовать для охраны местных участков границы местное население. Однако если в случае с южными и юго-западными уездами эта идея была быстро проведена в жизнь — в конце 1646 г., то в отношении северо-западных уездов реализация реформы была отложена до 1649 г. Полагаем, что причиной могли послужить итоги

¹⁷⁵ Волков В. А. Войны и войска ... С. 294.

переписи 1646 г., выявившие в Заонежских погостах большую убыль населения¹⁷⁶: многие крестьяне «сошли» от хлебной зябели, недородов и высоких податей в другие волости, города или уезды, в том числе в поместные и монастырские вотчины. Вероятно, по этой причине правительством было принято решение сначала вернуть «сошлых» крестьян в Заонежские погосты на их прежние земельные участки и только после восстановления таким путём численности населения вводить на этой территории солдатскую службу, тем более, что заонежские крестьяне уже неоднократно подавали челобитные с просьбами или вернуть «сошлых» крестьян на их прежние участки, или снять с оставшихся крестьян те подати, которые они были вынуждены платить за ушедших по писцовым книгам.

Для осуществления необходимых мероприятий в 1647 г., когда комарицкие крестьяне уже получали опыт драгунской службы, в Заонежские погосты из Москвы был направлен дворянин Василий Данилович Золотарев — должностное лицо, наделённое обширными полномочиями по подготовке этого приграничного северо-западного региона к введению солдатской службы. Р. Б. Мюллер установила, что Золотареву было поручено выполнить несколько важных задач¹⁷⁷. Во-первых, он должен был собрать подати, а также недоимки за прошлые годы. Во-вторых, Золотареву надо было решить проблему численности населения указанных погостов: крестьян, сошедших в прежние годы в другие уезды, он должен был разыскать и вернуть на прежние места жительства, а затем переписать всё население: и взрослых, и детей. С тех помещиков или монастырей, на землях которых жили «сошлые» заонежские крестьяне, Золотарев должен был взыскать все причитающиеся с крестьян платежи. Кроме того, одной из его главных задач было сообщить местным жителям о «государевой милости», благодаря которой они, если пожелают, смогут записаться в солдаты для того, чтобы после обучения военному делу нести службу по охране границы в своих родных местах. Золотарев довел до

¹⁷⁶ Чернякова И. А. Карелия на переломе эпох ... С. 174.

¹⁷⁷ Мюллер Р. Б. Очерки по истории Карелии ... С. 126.

сведения крестьян, что те из них, которые запишутся в солдаты, будут освобождены от уплаты податей.

Осуществить эти задачи было нелегко. Золотарев сталкивался не только с нежеланием части крестьян давать согласие на службу, но также с нежеланием «сошлых» крестьян возвращаться на прежние свои участки, а представителей администрации различных уездов и городов, а также помещиков и монастырей отдавать этих крестьян. Нередко дело доходило до прямых столкновений. Однако, как выявила Р. Б. Мюллер, сопротивление мало помогало: «сошлых» крестьян большими партиями привозили на места их прежнего жительства¹⁷⁸. Но тут, по словам исследовательницы, возникло новое затруднение. В виду того, что чернососшные крестьяне Заонежских погостов имели право распоряжения землей, уходя из погостов, они нередко закладывали или продавали свои деревенские участки, а некоторые из тех участков, которые не были ни проданы, ни заложены, а были покинуты «в мир», были уже отданы миром новым жильцам. Эти новые владельцы в течение ряда лет платили подати и выполняли повинности с освоенной ими земли¹⁷⁹.

Золотареву, обязанному вернуть «сошлых» крестьян на места их прежнего жительства, было очевидно: чтобы лишить в дальнейшем чернососшных крестьян возможности «сойти» в другие уезды к другим землевладельцам и чтобы впредь избежать путаницы в ходе возвращения «сошлых» крестьян на их прежние места жительства, практику свободного распоряжения землей следует запретить. В ответ на отписку В. Д. Золотарева, поданную 19 января 1648 г., в том же году был издан царский указ о запрете чернососшным крестьянам Заонежских погостов продавать или закладывать свои земельные участки¹⁸⁰. Это было первое новшество, возникшее в повседневной жизни крестьян этого региона в связи с планируемым введением солдатской службы.

¹⁷⁸ Мюллер Р. Б. Очерки по истории Карелии ... С. 127.

¹⁷⁹ Там же.

¹⁸⁰ Законодательные акты Русского государства второй половины XVI – первой половины XVII века. Л., 1986. № 327. С. 221.

В комментариях к данному указу, подготовленных Р. Б. Мюллер и Ю. Г. Алексеевым, подчёркнуто, что указ должен был повести к коренному изменению установившихся на чернососных землях земельных отношений, но в нём заметны поспешность и непродуманность. По мнению специалистов, указ имел обратную силу и был нечётко сформулирован: в нем нет указания на срок давности, который прекращал бы действие указа, так что безденежному отнятию подлежали участки, которые были проданы за десятки лет до издания указа, если только удавалось разыскать и вернуть продавца и его детей. На подобные случаи было подано немало жалоб и запросов о том, за сколько лет купленные и заложенные участки следовало отнимать и отдавать назад. К тому же многие новые владельцы деревенских участков с середины 1649 г. были уже привлечены к солдатской службе, исправность несения которой должна была обеспечиваться теми же спорными участками. Всё это привело к тому, что в сентябре 1649 г. указ был отменён: «... тем жить на купленных и на закладных участках по-прежнему, для того что они на них живут многие лета и построились, а ныне записаны в солдатскую службу». Однако запрещение земельных сделок на будущее время осталось в силе¹⁸¹. Возвращённых крестьян, видимо, стали размещать на свободных землях.

Р. Б. Мюллер указала на колебания в политике правительства в отношении вывода сошлых крестьян и в вопросе о том, кто из бежавших подлежал возврату. По данным исследовательницы, Золотареву в течение двух лет было дано три различных предписания. В первом предписывалось выводить всех сошлых крестьян, во втором — только ушедших не более чем за пятнадцать лет до того, в третьем — подтверждался 15-летний срок для крестьян, которые после выхода поселились на государевых тяглых землях, а тех, кто жил за частными владельцами, указано было выводить «без урочных лет»¹⁸².

Подводя итог мероприятиям, предшествующим введению солдатской службы в Заонежских и Лопских погостах, И. А. Чернякова делает вывод:

¹⁸¹ Законодательные акты Русского государства второй половины XVI – первой половины XVII века: Комментарии. Л., 1987. № 327. С. 216—217.

¹⁸² Мюллер Р. Б. Очерки по истории Карелии ... С. 128.

правительство обнаружило, наконец, решительность в отношении Заонежских погостов и всего этого приграничного края в силу нескольких обстоятельств. Во-первых, к началу 1647 г. стали известны итоги переписи, только что здесь осуществлённой. В центре осознали, что край запустевает с катастрофической быстротой. «Опасность подобных процессов, — пишет исследовательница, — в условиях близкой границы была очевидна»¹⁸³.

Кроме того, не последним из мотивов, по мнению И. А. Черняковой, явилось и то, что как раз в это время на фоне обнаружившихся чудовищных злоупотреблений воевод вдруг выяснилось: новгородские власти проявляют очевидную заинтересованность в том, чтобы Заонежские погосты вновь были у них в подчинении. Автор замечает, что совсем недавно утвердившаяся на троне новая династия не могла не опасаться центробежных тенденций окраинных областей, особенно с большим недоверием относились к Новгороду¹⁸⁴. Ввиду того, что в 1646 г. подьячий из Новгорода Мишка Семенов был схвачен в Заонежье «с готовыми написанными ложными челобитными, чтоб их ведать во всем в Великом Новгороде боярам и воеводам и дьяком»¹⁸⁵, в Москве решили, что вмешательство в дела региона не терпит отлагательств¹⁸⁶. И тогда, по словам И. А. Черняковой, в правительственных кругах созрела идея, казавшаяся на первых порах чрезвычайно удачной, — организовать полки пашенных солдат — с тем, чтобы живущие близ государственной границы крестьяне одновременно несли службу по ее охране и сами себя обеспечивали, продолжая вести земледельческое хозяйство¹⁸⁷.

Р. Б. Мюллер подчёркивала, что правительству было важно перед шведским резидентом, жившим в Москве, представить дело так, будто инициатива введения солдатской службы исходила от самих заонежских крестьян¹⁸⁸. Для того, чтобы получить от крестьян соответствующие

¹⁸³ Чернякова И. А. Карелия на переломе эпох ... С. 174.

¹⁸⁴ Там же.

¹⁸⁵ Цит. по кн.: Чернякова И. А. Карелия на переломе эпох ... С. 174.

¹⁸⁶ Там же.

¹⁸⁷ Чернякова И. А. Карелия на переломе эпох ... С. 175.

¹⁸⁸ Мюллер Р. Б. Очерки по истории Карелии ... С. 128.

письменные документы, в которых они сами просили бы царя «устроить» их в солдатскую службу, Золотарев, объезжая в 1647 г. погосты, сообщал местным жителям о царской милости, благодаря которой крестьяне, записавшиеся в солдаты, будут освобождены от уплаты податей. Среди части крестьян этот вопрос вначале встречал решительный отпор. Однако в виду того, что оповещая крестьян о новой для них возможности, Золотарев одновременно собирал налоги и взыскивал недоимки, хотя, как он сам позже сообщал в Москву в 1648 г., многим крестьянам, если править на них по писцовым книгам, даже если их разуть и босым «ноги отбить прочь, им отнюдь будет не заплатить»¹⁸⁹, многие из них, по словам Р. Б. Мюллер, оказавшись в безвыходной ситуации, приходили к сборщику и заявляли о своем согласии нести службу при условии освобождения их от уплаты податей. Таким образом, пришла к выводу автор, обещаниями освобождения от тягла Золотарев добился расслоения крестьян на тех, кто готов был записаться в солдаты и тех, кто выступал против.

Согласие на введение солдатской службы крестьяне выражали в челобитных или сказках на имя государя, которые они приносили Золотареву. В них говорилось, что Золотарев обещал им освобождение от всех податей, если они «примутца к службе», к солдатскому и драгунскому строю, и выражали своё на это согласие. Иными словами, солдатская служба в Заонежских погостах была введена не просто царским указом «сверху», как могло бы быть, но царским указом, который последовал в ответ на челобитья местных черносошных крестьян с просьбами о записи их в солдаты, правда с условием освобождения от уплаты данных и оброчных денег и использовании солдат исключительно на «ближних службах», то есть в острожках, расположенных по русско-шведской границе¹⁹⁰. В то время правительство и не

¹⁸⁹ Мюллер Р. Б. Очерки по истории Карелии ... С. 129; Карелия в XVII веке. С. 71.

¹⁹⁰ Важно подчеркнуть, что крестьяне Комарицкой волости Севского уезда, записанные в драгуны в 1646 г., тоже были освобождены от уплаты податей и их также планировали использовать только для охраны границы.

предполагало использовать заонежских пашенных солдат где-либо, кроме шведского рубежа, поэтому условие было принято¹⁹¹.

В фонде 141 «Приказные дела старых лет» (РГАДА) сохранились челобитные и сказки с согласием на солдатскую службу крестьян семи Заонежских погостов: Важенского (от 26 апреля 1647 г.), Остречинского (от 3 мая 1647 г.), Веницкого (от 8 мая 1647 г.), Мегорского (от 9 мая 1647 г.), Оштинского (от 9 мая 1647 г.), Вытегорского (от 17 мая 1647 г.) и Андомского (от 18 мая 1647 г.)¹⁹². Таким образом, видно, что эти семь погостов Золотарев объехал и добился от крестьян согласия на службу в течение месяца. Из отписки дворянина известно, что только в двух из обозначенных семи погостов у него возникли сложности, связанные с разногласиями среди крестьян. Это Остречинский и Оштинский погосты.

В Остречинском погосте, по словам Золотарева, старосты и «добрые крестьяне» согласились служить в солдатах и подали ему соответствующую челобитную, однако некоторые «худые молоумные немногие людишка, на тех добрых людей и на старост закричали, что челобитную принесли, а говорили, станем-де хотя втрое денги ежегод платить, а служить не хотим». Безусловно, такое заявление о согласии платить налоги в тройном размере могли сделать только зажиточные крестьяне. Один из крестьян, согласившихся на службу, — Ивашко Игумнов «бил челом» Золотареву «словесно» о том, что крестьяне Ивашко Сенка Лихач, Костка Фомин и Прошка Микитин «с товарищи» «кричат-де на него ... за то, что наговорил он Ивашко крестьян к службе»¹⁹³. После жалобы Ивашки Игумнова Золотарев, собрав старост и крестьян в церкви, снова спросил у них, «примутца» ли они за службу и получил положительный ответ, что они государеву службу «ради служить». Правда, у дворянина осталось сомнение в их искренности, поэтому сообщение о крестьянах Остречинского погоста он завершил так: «А впрям ли оне

¹⁹¹ Впоследствии, с началом войн с Польшей и Швецией это условие было нарушено как в отношении комарицких драгунов, так и олонецких пашенных солдат.

¹⁹² РГАДА. Ф. 141. 1647. Д. 26. Л. 301—307об., 309—314об.

¹⁹³ Там же. Л. 295—296.

бесповоротно учнут служить твою государеву службу или нет, того не ведаю»¹⁹⁴. Об Ивашке Игумнове мы нашли сведения в переписной книге 1646 г., где он вместе с двумя сыновьями Ортюшкой и Федкой зафиксирован в деревне Онтушевской Ладвинской волости Остречинского погоста¹⁹⁵. В переписи Ивана Дивова 1657 г. его имени нет, однако имя Федки Иванова, вероятно его сына, значится в списке солдат той же деревни¹⁹⁶. О трёх крестьянах, выступивших против Ивашки Игумнова, дополнительных сведений в источниках не выявлено, кроме того, что их имена присутствуют в челобитной с согласием на солдатскую службу¹⁹⁷.

Больше важной для нашего исследования информации мы получили, изучив обстоятельства переговоров Золотарева с крестьянами Оштинского погоста. Как и в Остречинском погосте местные старосты и крестьяне сначала сказали дворянину, что «ради служить». Однако крестьяне Сенка Иванов и Томилка Андреев «на них закричали, не хотим-де служить», после чего, по словам Золотарева, старосты и крестьяне «опять перемолыли» и вслед за Сенкой и Томилкой сказали, что служить не хотят, а на просьбу дворянина дать ему сказку с ответом, сначала Сенка, а за ним старосты и крестьяне заявили, что не дадут ему «скаска ни худой, ни доброй»¹⁹⁸. Однако один из крестьян — Родка Симанов — переломил ситуацию в пользу записи в солдаты. Во-первых, перед всеми старостами и крестьянами он заявил, что «хочет и радеет» служить государеву драгунскую или солдатскую службу для того, чтобы «государь пожаловал ево Родку, велел обелить», и изложил своё согласие письменно в сказке, заявив при этом, что «охотников» служить будет много, «большая половина Заонежских погостов»¹⁹⁹. Во-вторых, в той же самой сказке Родка дал объяснение, почему, по его мнению, старосты и крестьяне Сенка Иванов и

¹⁹⁴ РГАДА. Ф. 141. 1647. Д. 26. Л. 296.

¹⁹⁵ РГАДА. Ф. 1209. Кн. 980. Л. 314об.

¹⁹⁶ РГАДА. Ф. 137. Оп. 1. Олонец. Кн. 5. Л. 159об.

¹⁹⁷ РГАДА. Ф. 141. 1647. Д. 26. Л. 303—304.

¹⁹⁸ Там же. Л. 297.

¹⁹⁹ Там же.

Томилка Андреев «с товарищи» выступают против записи в солдаты: потому что «им самим хочетца мир есть по прежнему, в розсылке ездить».

Из сообщённого Родкой становится известно о поведении Томилки, когда при воеводах он был «в розсылке»: «... как опояшет полаш да сядет на лошадь и сказывался, яз-де сам сын боярской, начальной человек, холоп государев, а тепере-де и служить государю не хочет, не помня государева крестнова целованья». Также Родка дал нелицеприятную характеристику деятельности старост: «... а старосты-де накупные, дали они воеводе по десяти рублей и воевода их и в старосты поставил и при воеводах ходили также в розсылке и наряжались и корыстовались и подвигались на мир и ходили от воевод ломать нашу братью, а ныне-де государю служить не хотят, а больши тово с миру зберут и пропьют»²⁰⁰. Кроме того, Родка указал ещё на один недобросовестный поступок Томилки Андреева — утаивание сыновей от переписчиков в 1646 г.: «А в переписные книги он Томилка писался один без детей, а у самого пять сыновей и шесть племянников»²⁰¹. При этом Родка сообщил, что сам он «писался» с детьми²⁰². Следует заметить, что относительно Томилки его сведения оказались не совсем верными, два сына Томилки — Лучка и Гаврилка — всё же были указаны вместе с ним во дворе²⁰³. Тем не менее, если всего их у него было пять, да еще шесть племянников, тогда, действительно, либо речь идёт о намеренном утаивании Томилкой своих родственников от переписчиков, либо это вопрос о том, кого переписчики считали нужным вносить в свои книги. Вероятно, упрёк Родки Симанова в адрес Томилки является всё-таки свидетельством в пользу преднамеренного сокрытия настоящего числа взрослых лиц мужского пола, проживавших во дворе. Также Родка добавил,

²⁰⁰ РГАДА. Ф. 141. 1647. Д. 26. Л. 308.

²⁰¹ Там же.

²⁰² Действительно, в переписной книге 1646 г. в деревне Кипровской на Шустьручье Оштинского погоста Родка Симанов зафиксирован во дворе с четырьмя сыновьями: Игнашкой, Якушкой, Дейкой и еще одним Игнашкой (РГАДА. Ф. 1209. Кн. 980. Л. 509).

²⁰³ РГАДА. Ф. 1209. Кн. 980. Л. 501об.

что, «глядя» на Томилку, и другие крестьяне записались в книги без детей²⁰⁴. Видимо, Томилка имел влияние на крестьян, раз они следовали его примеру²⁰⁵.

В итоге, по словам Золотарева, узнав о сказке Родки Симанова и «убоясь» того, что в ней сообщалось, старосты и крестьяне и Томилка Андреев в тот же день принесли всё-таки дворянину сказку о желании служить²⁰⁶. Да те же старосты и крестьяне приходили к Золотареву и «упрашивали» отдать им сказку Родки Симанова, не отсылать в Москву, и принесли за это ему деньги 4 рубля 26 алтын 4 деньги, «а сверх больши того сулили» ему денег на лошадь. при этом, как сообщил в отписке Золотарев, деньги ему оставили, а «сами вон вышли». Но дворянин оказался неподкупен: сказку Родки Симанова, а вместе со сказкой самого Родку «для веры и полинного допросу» и посульные деньги — всё отправил в Москву с собственной отпиской и приставом²⁰⁷.

Для нашего исследования важно выяснить были ли позиции Томилки Андреева и Родки Симанова (против и за введение солдатской службы) обусловлены их имущественным положением в крестьянском сообществе.

В историографии есть два мнения относительно того, какие группы крестьян выступали против записи в солдаты, а какие — за. Первое принадлежит Р. Б. Мюллер, второе — А. Ю. Жукову.

Р. Б. Мюллер утверждала, что многие крестьяне, и среди них нередко наиболее влиятельные люди, категорически отказывались дать согласие на проведение реформы²⁰⁸. На основании слов Золотарева, переданных в Москву, исследовательница выявила, что от службы отказывались три категории крестьян: 1) «худые, которые бражники»; 2) зажиточные крестьяне, которых автор назвала "деревенские богачи", потому что они хотели «мир есть по-

²⁰⁴ РГАДА. Ф. 141. 1647. Д. 26. Л. 308.

²⁰⁵ На самом деле, в 1646 г. действительно были возможности для сокращения реального количества крестьянских дворов и людей мужского пола в них. Когда в 1649 г. накануне введения в Заонежских погостах солдатской службы Золотарев объезжал все населённые пункты для переписи крестьян, он лично убедился в неполноте переписных книг 1646 г., так как часто находил неучтённые этой переписью дворы и крестьян. Такой результат переписи дворянин объяснил тем, что писцы Ларион Сумин и Иван Писемский по деревням сами не ездили, а писали свои книги со слов старост (РГАДА. Ф. 141. 1649. Д. 29. Л. 207—216, 218—227, 257, 263, 266).

²⁰⁶ РГАДА. Ф. 141. 1647. Д. 26. Л. 298.

²⁰⁷ Там же. Л. 298—299.

²⁰⁸ Мюллер Р. Б. Очерки по истории Карелии ... С. 129.

прежнему»; 3) некоторые крестьяне, ещё не свыкшиеся с мыслью о новом для них деле (Золотарев написал о них: «покаместа сперва им кажетца опасно, а как утвердятца, ино, государь, все будут охотники, как поввыкнут»²⁰⁹). Согласие на службу, по мнению автора, давали бедняки, не имевшие средств для уплаты налогов и поступавшие так ради освобождения от тягла.

А. Ю. Жуков полагает, что зажиточные крестьяне и середняки были согласны перейти в солдаты при условии, что на время службы с них снимут все прямые государственные земельные налоги, и лишь часть беднейших жителей, по мнению историка, противилась нововведению²¹⁰. В виду того, что сноски на источник сведений в монографии нет, непонятно, на основании каких данных исследователь сделал такой вывод, однако совершенно очевидна ошибочность такого деления согласных и не согласных на солдатскую службу крестьян по имущественному признаку.

Во-первых, в опубликованной Р. Б. Мюллер отписке Золотарев совершенно определённо сообщил о сопротивлении записи в солдаты трёх выше названных категорий крестьян, которых нельзя отнести исключительно к зажиточным или исключительно к бедным. Среди них могли быть как те, так и другие. В то же время в рассмотренном случае слова Родки Симанова показывают, что противник солдатской службы Томилка Андреев был из числа зажиточных и влиятельных крестьян²¹¹. В более поздних документах есть свидетельства, что в 1648/49 и 1658 гг. этот крестьянин исполнял обязанности старосты, а его сын Ивашко Томилов был старостой Оштинского погоста в 1668 г.²¹² На основании приведённых данных полагаем, что это была зажиточная крестьянская семья, члены которой на протяжении десятилетий занимали ответственные исполнительные должности в крестьянском мире. Можно предположить две причины, почему Томилка Андреев выступал против введения солдатской службы. Во-первых, он мог опасаться, что его обман с

²⁰⁹ Мюллер Р. Б. Очерки по истории Карелии ... С. 129; Карелия в XVII веке. С. 63, 65.

²¹⁰ Жуков А. Ю. Управление и самоуправление ... С. 142.

²¹¹ РГАДА. Ф. 141. 1647. Д. 26. Л. 308.

²¹² Архив СПбИИ РАН. Ф. 98. Оп. 1. К. 6. Д. 14. Ст. 1 с об.

укрывательством от переписи сыновей будет выявлен, он сам наказан, а сыновья записаны в солдаты. Во-вторых, имея в виду слова Родки Симанова о том, что некоторые крестьяне, в том числе Томилка, не желали введения солдатской службы, потому что хотели «мир есть по прежнему», предполагаем, что Томилка выступал против записи крестьян в солдаты, потому что хотел сохранить свое влияние на крестьянский мир и опасался, что в результате военного устройства он и его зажиточные родственники будут иметь меньше возможностей влиять на местные дела.

Что касается Родки Симанова, то по документам 1647 г. определить его имущественное положение не представляется возможным. Однако в ходе изучения источников за последующие годы нами выявлено, что в 1657 г. Родка Симанов был старостой Оштинского погоста²¹³. В виду того, что в старосты обычно выбирали людей «добрых», «прожиточных», полагаем, что и Родка Симанов был из числа зажиточных крестьян. Более того, из документов выяснилось, что староста Родка был уличён в злоупотреблении своим положением — в присвоении ста рублей из денег, собранных с волостных людей²¹⁴. Отметим, что Родка не признал своей вины, тем не менее, для нас важен сам факт: противнику солдатской службы зажиточному крестьянину Томилке Андрееву противостоял сторонник записи в солдаты зажиточный же крестьянин Родка Симанов. Остаётся догадываться, искренно ли Родка Симанов желал введения солдатской службы или просто ему было выгодно выступить против позиции влиятельного человека Томилки Андреева. Тем не менее, тот факт, что выступление Родки Симанова заставило крестьян Оштинского погоста дать согласие на запись в солдаты, свидетельствует и о его особом положении среди местных жителей.

Таким образом, в данном случае имело место противостояние не зажиточных и бедных крестьян, а борьба двух зажиточных семей за влияние на местных жителей, от которых зависело, кто в следующем году будет избран на

²¹³ РГАДА. Ф. 210. Оп. 7а. Д. 53. Л. 805.

²¹⁴ Там же.

должность старосты погоста. В 1647 г. решение вопроса о введении солдатской службы могло оказаться для каждого из них подходящим способом показать себя как защитника интересов крестьянского мира. Мы не знаем, кто исполнял обязанности старосты Оштинского погоста в 1647/48 г., но в 1648/49 г. старостой был Томилка Андреев. Полагаем, его избрание не было случайным. По данным Р. Б. Мюллер, Золотарев уже в сентябре 1649 г. признавал, что вызвал к себе ненависть заонежских крестьян тем, что «их во 155-м году в солдатскую службу уговорил», так как по мнению крестьян, челобитные о солдатской службе были взяты у них обманом²¹⁵. Вероятно, крестьяне Оштинского погоста тоже пожалели о своем согласии на службу, тем более, что от уплаты данных и оброчных денег их освободили не в 1647 г., как они ожидали, а только в 1649 г., когда были сформированы полки и началось обучение прибранных солдат военному делу. В результате, разочарованные в обещаниях Золотарева, крестьяне могли выбрать на должность старосты противника службы Томилку.

О переговорах Золотарева с крестьянами других Заонежских погостов в 1647 г. нам ничего неизвестно. С жителями Лопских погостов в 1647—1648 гг. никаких переговоров, вероятно, не было. Собственно запись крестьян в солдаты и, как уже было отмечено, освобождение их от тягла отложились до середины 1649 г. Главной причиной такой отсрочки было намерение правительства сначала вернуть в Заонежские погосты на прежние места жительства как можно больше «сошлых» крестьян. Золотарев, на которого была возложена обязанность по их сыску и возвращению, занимался этим в течение 1648—1649 гг. Потом эту задачу на протяжении ещё нескольких лет продолжили выполнять другие свозчики. Всех крестьян Заонежских погостов, находившихся вне этой административной территории, требовалось незамедлительно отсылать по месту жительства. В марте — апреле 1649 г. в ряд городов были посланы царские грамоты с требованием, «чтоб всяких чинов люди Заонежских погостов крестьян ни кто у себя на дворах стоять не давали и

²¹⁵ Мюллер Р. Б. Очерки по истории Карелии ... С. 130.

работать не наймовали, а у которых людей Заонежских погостов крестьяне стоят или из найму работают и те б люди про них объявляли», а про которых заонежан «объявят» или которые вновь придут, всех их было велено «выслать в Заонежские погосты тотчас»²¹⁶.

В русле тех же подготовительных к введению солдатской службы мероприятий в 1648 г. на государя был отписан Рождественский Олонецкий погост, находившийся ранее в вотчине новгородского митрополита Аффония. Митрополиту взамен были даны из дворцовых земель новгородские села Королево и Тесово «з деревнями и с пустошми, и с пашнею и со всеми угоды и з доходы», а крестьяне Олонецкого, теперь уже государева, погоста, согласно царской грамоте должны были быть «устроены» в драгунскую службу²¹⁷.

Основываясь на формулировке данного указа, А. Ю. Жуков полагает, что реформу начали на землях бывшего кормления Дома св. Софии на Олонце, упраздненного в 1648 г., и только после, в 1649—1650 гг., в солдаты перевели крестьян Заонежских и Лопских погостов. На самом деле в 1648 г. был осуществлён только перевод митрополичьей вотчины в фонд государственных земель. Солдатская служба в том году не была введена, и этому есть ряд доказательств. Во-первых, распоряжение о записи крестьян Заонежских и Лопских погостов в солдаты содержится в наказе от 1 марта 1649 г. назначенным в Олонец Ф. Ф. Волконскому и С. П. Елагину²¹⁸. Во-вторых, иноземные офицеры, которые должны были начать обучение крестьян солдатскому строю, начали прибывать в Заонежские погосты только с конца марта 1649 г. Большинство из них прибыли и привезли посланное из Москвы вооружение только в мае 1649 г. В-третьих, олонецкие воеводы Волконский и Елагин сообщили в Москву о записи крестьян Олонецкого погоста, и в том числе крестьян бывшей митрополичьей вотчины, в солдаты и о передаче их начальным людям для обучения в конце июня 1649 г.

²¹⁶ РГАДА. Ф. 141. 1649. Д. 29. Л. 105, 137, 138.

²¹⁷ Карелия в XVII в. С. 71—72.

²¹⁸ РГАДА. Ф. 141. 1649. Д. 29. Л. 14—41.

Важной задачей, возложенной на Золотарева, было также составление списков всех черносошных крестьян и бобылей с их детьми, братьями, племянниками и захребетниками с указанием их возраста и состава дворов. Золотарев должен был объехать все погосты и, переписав людей во дворах, составленные списки послать в Олонец воеводам Волконскому и Елагину, которые должны были на основании этих списков «пересмотреть всех налицо», годных к солдатской службе привести к присяге и отдать в обучение к иноземным офицерам, прибывшим в погосты.

Выше было отмечено, что деятельность Золотарева по возвращению сошлых заонежских крестьян сопровождалась значительными трудностями и конфликтами как с феодалами и администрацией городов и уездов, так и с самими крестьянами. Не вполне гладко проходили и переговоры с крестьянами о записи в солдаты. Однако самый, пожалуй, главный конфликт произошёл у свозчика вовсе не с защитниками «сошлых» крестьян и не с противниками введения солдатской службы, а с олонецким воеводой Волконским, которому он должен был передать списки местных крестьян и бобылей.

Волконский прибыл в Заонежские погосты 24 марта, а его помощник Елагин — 31 марта 1649 г.²¹⁹ Эти должностные лица были направлены в регион для непосредственного формирования солдатских полков из крестьян Заонежских и Лопских погостов и постройки города-крепости Олонца. Возведению Олонца придавалось особо важное значение: эта крепость должна была заменить собой утраченный по Столбовскому мирному договору 1617 г. город Корелу и выполнять «роль пограничного стража России против Швеции»²²⁰.

В царском наказе, который Волконский привез с собой, ему и Елагину было предписано, взяв у Золотарева списки с его переписных книг, пересмотреть всех крестьян налицо и годных к службе записать в два полка —

²¹⁹ РГАДА. Ф. 141. 1649. Д. 29. Л. 149—150.

²²⁰ Киркинен Х., Невалайнен П., Сихво Х. История карельского народа. Петрозаводск, 1998. С. 115.

полковников Александра Гамильтона и Мартына Кармихеля²²¹. В свою очередь Золотарев, находившийся в Заонежских погостах, также был уведомлён царским указом о приезде воевод и необходимости передать им данные своей переписи²²². Также воеводе Волконскому были переданы некоторые другие обязанности Золотарева, в частности, сбор налогов и пошлин. Вероятно, это послужило одной из причин конфликта двух должностных лиц. В результате Волконскому в течение нескольких месяцев так и не удалось получить списки крестьян от Золотарева, и в июне 1649 г., не дождавшись сведений переписчика, воеводы сами приступили к смотрам крестьян, одновременно записывая их по полкам и ротам²²³. Времени ждать у них больше не было, так как, во-первых, затягивалось исполнение царского наказа, а во-вторых, иноземные офицеры, основной состав которых прибыл в Заонежские погосты в мае 1649 г. для обучения крестьян солдатскому строю, получив в феврале своё жалованье за полгода, пребывали без дела.

Ввиду таких серьезных последствий конфликта Золотарева и Волконского для процесса организации полков пашенных солдат нам представляется важным показать и проанализировать в настоящем исследовании развитие этого конфликта.

На основании отписок Золотарева и Волконского, посылаемых ими из Заонежских погостов в Москву с марта по июль 1649 г., и царских указов, получаемых ими в ответ, в нашей работе сделана реконструкция взаимоотношений этих двух должностных лиц на протяжении нескольких месяцев.

Из отписки воеводы Волконского, посланной в Москву в мае 1649 г., известно, что он неоднократно писал Золотареву, находившемуся тогда в Шуйском погосте, о необходимости прислать списки крестьян, а именно 26 марта, 10 и 25 апреля, и тем не менее, по 7 мая включительно ответа не

²²¹ РГАДА. Ф. 141. 1649. Д. 29. Л. 20—21.

²²² Там же. Л. 22.

²²³ Там же. Л. 280—286.

получил²²⁴. Из другой отписки известно, что 24 июня воевода всё ещё не получил списки от Золотарева²²⁵.

Царскими грамотами в этот период Золотареву неоднократно предписывалось завершить перепись крестьян Заонежских погостов «без мотчанья» и представить списки воеводам²²⁶. И каждый раз в своих отписках в Москву Золотарев сообщал, что перепись ещё не завершена, так как Заонежские погосты и деревни в них расположены далеко друг от друга, добираться до населенных пунктов очень трудно, а он лично заезжает в каждую деревню и каждый двор, «не имея веры никому», ни старостам, ни попам²²⁷. Закончить перепись Золотарев обещал к Покрову Пресвятой Богородицы²²⁸, то есть к 1 октября 1649 г. Оправдывая свой медленный способ переписи населения, Золотарев сообщал об обнаруженных им неучтённых недавней переписью 1646 г. дворах и людях. По его словам, он выявил более тысячи неучтённых ранее дворов, которые крестьяне смогли утаить²²⁹.

Из упрека, высказанного Волконским, что Золотарев в три года не переписал крестьян²³⁰, следует, что приступить к переписи тот должен был еще в 1647 г. и если не все погосты, то хотя бы несколько из них, он должен был успеть посетить и переписать. Тем не менее, поначалу Золотарев не дал Волконскому никаких списков, а некоторое время спустя вместо списков прислал ему сказки старост о количестве крестьян, которым, однако, по его же собственным словам, сам он не верил. Кроме того, воеводы сообщили, что по тем спискам «и знать не по чему, згодитца ль хто салдатцкому ученью или нет», так как в них не был указан возраст крестьян и было неясно, «кто с кем в одном дворе живет»²³¹.

²²⁴ РГАДА. Ф. 141. 1649 Д. 29. Л. 179—181.

²²⁵ Там же. Л. 279.

²²⁶ Там же. Л. 60, 87—88, 172—173, 243—255.

²²⁷ Там же. Л. 207—216, 218—227, 257, 263, 266.

²²⁸ Там же. Л. 266.

²²⁹ Там же. Л. 168—170.

²³⁰ Там же. Л. 58.

²³¹ Там же. Л. 279—280.

Возникает впечатление, что Золотарев был безответственным и неисполнительным человеком, и именно по его вине затягивалось введение солдатской службы в Заонежских погостах. Однако жалобы Золотарева, содержащиеся в его отписках в Москву, рисуют несколько иную картину. По его словам, князь Волконский, приехав в Заонежские погосты, сразу же разослал всем старостам памяти, в которых распорядился крестьянам Золотарева не слушаться и подвод ему не давать²³². Об этом же сообщил в своей сказке и крестьянин Шунгского погоста Ондрюшка Одинцов, добавив, что Волконский не велел давать подводы «никому, хто от Василья Даниловича приедет»²³³. Золотарев сетовал, что узнав об этом, крестьяне не только перестали повиноваться ему, но даже стали писать на него ложные челобитные якобы из-за того, что он «им ни в чем не потакнул и посульных денег у них не имал»²³⁴. Таким образом, получается, что Волконский своими распоряжениями препятствовал осуществлению Золотаревым возложенных на него обязанностей по переписи крестьян.

Что толкнуло воеводу на такие действия, из сохранившихся в фонде РГАДА документов непонятно. Изученные нами царские указы ничего подобного ему не предписывали, и ни одна из сохранившихся отписок Волконского не содержит его оправданий по этому вопросу. Однако один из конфликтов, произошедших между Волконским и Золотаревым, мы можем проанализировать с привлечением отписок обоих должностных лиц, в которых содержится точка зрения каждого на случившееся.

Как сообщил в Москву Золотарев, в апреле 1649 г. по приказу воеводы Волконского у него был отобран карбас, построенный им годом ранее, в 1648 г., для своих надобностей — для поездок по погостам. Построил судно он на свои деньги силами нанятых им крестьян Юрьева монастыря в Пудожском погосте. В деле сохранилась купчая Золотарева на карбасные канаты и якорь, купленные им 11 мая 1648 г. у крестьянина Кижского погоста Захарки

²³² РГАДА. Ф. 141. 1649. Д. 29 л. 209.

²³³ Там же. Л. 240.

²³⁴ Там же. Л. 231.

Кирилова сына Игумнова²³⁵. В летний период Золотарев использовал карбас по прямому назначению, а на зимний период оставил судно на пристани Александро-Свирского монастыря на хранение. С началом навигации в апреле 1649 г. он послал крестьянина Шунгского погоста Ондрюшку Одинцова за своим карбасом, чтобы тот доставил судно к нему. Однако когда крестьянин Одинцов шёл на карбасе по реке Свири к Золотареву, по пути ему встретились люди Волконского, которые его «с судна збили», а карбас забрали и передали воеводе. На просьбы Золотарева вернуть карбас, Волконский ответил отказом²³⁶. Золотарева очень возмутил поступок воеводы, и он обвинил Волконского в желании «покорыствоватьца» его карбасом²³⁷.

В объяснении, направленном в Москву, отвечая на обвинения Золотарева, Волконский не отрицал того факта, что у крестьянина Одинцова был отобран карбас. Однако ничего противозаконного в этом он не видел. Воевода написал, что расспросив местных крестьян, есть ли здесь какое судно, чтобы он или его помощник могли ездить для государевых дел по погостам, он узнал, что есть карбас, на котором ездил в прошлом году Василий Золотарев. Местные жители якобы сказали ему, что карбас этот не Золотарева, а государев, так как строили его государевы крестьяне «миром». Таким образом, по словам Волконского, он взял карбас не из корыстных побуждений, а из желания поскорее исполнить царский наказ и пересмотреть всех крестьян на предмет их годности к солдатской службе, для чего ему и было необходимо судно для поездок по погостам²³⁸.

Обращает на себя внимание тот факт, что в апреле 1649 г. Волконский ещё не располагал списками местных крестьян и бобылей и ожидал получить их от Золотарева. В то же самое время он запретил крестьянам давать Золотареву и его людям подводы и тогда же отобрал карбас. Получается, что воевода сделал всё, чтобы отстранить Золотарева от выполнявшихся им обязанностей и

²³⁵ РГАДА. Ф. 141. 1649. Д. 29. Л. 241.

²³⁶ Там же. Л. 228—230, 237.

²³⁷ Там же. Л. 229—230.

²³⁸ Там же. Л. 312—313.

сконцентрировать все полномочия по управлению Заонежскими погостами в своих руках.

К сожалению, никакого документа, исходящего из Москвы и проясняющего позицию центральной власти по отношению к этому конфликту, не сохранилось. Зато жалобы Волконского и Золотарева друг на друга продолжали поступать в Новгородскую четверть. В одной из своих следующих отписок воевода обвинил Золотарева в непослушании царскому указу о переписи крестьян из-за чего задерживалось введение солдатской службы²³⁹. Возмущённый таким обвинением Золотарев в своей отписке в Москву подчеркнул, что Волконский подавал на него ложные жалобы и делал это в отмщение за карбас, за то, что он — Золотарев — сообщил о незаконных действиях воеводы в Москву²⁴⁰.

В сохранившихся документах нет сведений о том, был ли Золотарев признан владельцем карбаса и получил ли его обратно. Вероятно не получил, так как на этом карбасе сначала в Оштинский погост были посланы прибывшие в мае 1649 г. «учительные люди» Томаса Бели и вооружение, а с 20 июня того же года на этом карбасе помощник Волконского Елагин ездил по погостам «пересматривать» крестьян для записи в солдатское ученье²⁴¹. Сам же Золотарев для своих поездок брал судно у крестьян Шунгского погоста Федки и Никонки Глухих²⁴².

После такого конфликта, который возник вскоре после прибытия Волконского в Олонец, между этими двумя должностными лицами не могло быть и речи о взаимодействии и сотрудничестве. Возможно, поэтому Золотарев не торопился предоставлять воеводам списки крестьян.

Однако промедление с началом введения солдатской службы в Заонежских погостах на несколько месяцев, ставшее следствием конфликта властных полномочий и одновременно антипатии, возникших между

²³⁹ РГАДА. Ф. 141. 1649. Д. 29. Л. 280.

²⁴⁰ Там же. Л. 257.

²⁴¹ Там же. Л. 285, 313.

²⁴² Там же. Л. 234—235.

Золотаревым и Волконским, вызывало недовольство центральной власти в первую очередь в отношении свозчика. В царском указе от 26 июня 1649 г. Золотареву в ответ на его отписку было сделано замечание, что ему за воеводами смотреть не велено²⁴³, а 12 июля 1649 г. он получил указ «совсем быть к Москве»²⁴⁴.

Тем не менее, Золотарев выполнил свои основные задачи, получил от крестьян Заонежских погостов челобитные и сказки с согласием на введение солдатской службы, на протяжении двух лет занимался розыском и возвращением на прежние места жительства «сошлых» заонежских крестьян. Изданный по его инициативе указ о запрещении крестьянам Заонежских погостов продавать и закладывать земельные участки стал первым ощутимым для местных жителей новшеством, введённым в рамках подготовительных мероприятий накануне организации полков пашенных солдат на этой территории. Из-за конфликта с воеводой Волконским Золотарев не завершил выполнение своей последней задачи, не переписал крестьян. В итоге формирование полков и начало обучения солдат военному делу осуществилось с задержкой на несколько месяцев, а воеводам Волконскому и Елагину пришлось крестьян «пересмотреть на лицо» на основании сведений, поданных старостами, поэтому не исключено, что в 1649 г. некоторым крестьянам удалось избежать записи в солдаты или скрыть от воевод кого-либо из своих родственников.

1.2. Наказ о записи крестьян Заонежских и Лопских погостов в солдаты и его реализация в 1649 г.

Крайне важно подчеркнуть, что в солдаты были записаны не все черносошные крестьяне Заонежских и Лопских погостов, часть из них воеводы выделили в особую группу так называемых «охудалых» крестьян. До

²⁴³ РГАДА. Ф. 141. 1649. Д. 29. Л. 254.

²⁴⁴ Там же. Л. 325.

настоящего времени в существующей историографии вопрос о критериях, по которым прибирали или не прибирали в солдаты или записывали в категорию «охудалых» крестьян, не получил должного освещения. В то же время в этом вопросе много неясности.

Записывая крестьян в солдаты, воеводы действовали в соответствии с царским наказом от 1 марта 1649 г., который был дан Волконскому в Москве перед его отъездом в Олонец. Этот наказ, хранящийся в РГАДА, не опубликован и подробно не анализировался в историографии. Только дважды этот документ упомянут в работах историков, однако детально его содержание авторами не разбиралось²⁴⁵. Р. Б. Мюллер в отношении данного наказа ограничилась всего одной фразой, что этим документом воеводам предписывалось «принимать соответствующие меры к устройству пашенных солдат»²⁴⁶. А. В. Чернов написал, что наказ этот был о постройке г. Олонца и о записи в солдатскую службу крестьян, бобылей и их родственников во всех заонежских и лопских погостах. Историк отместил то, что за крестьянами оставляли из земельные участки, а вместо жалованья за службу освобождали от податей, а также то, что каждый крестьянский двор должен был дать одного человека в солдаты²⁴⁷.

Для нашего исследования этот источник имеет первостепенную важность. Именно в нём были даны первые распоряжения относительно устройства крестьян в солдатский строй, поэтому мы рассмотрим этот документ подробно.

Наказ от 1 марта 1649 г. содержит различные указания Волконскому и Елагину по их будущей деятельности в Заонежских и Лопских погостах: об «исправлении» ими воеводской должности, о постройке города Олонца и об «устройстве» солдатской службы²⁴⁸.

²⁴⁵ Мюллер Р. Б. Очерки по истории Карелии ... С. 152; Чернов А. В. Вооружённые силы ... С. 144.

²⁴⁶ Мюллер Р. Б. Очерки по истории Карелии ... С. 152.

²⁴⁷ Чернов А. В. Вооружённые силы ... С. 144.

²⁴⁸ РГАДА. Ф. 141. 1649. Д. 29. Л. 14—41.

На основании этого наказа в настоящей диссертации мы предприняли попытку ответить на несколько вопросов до сих пор неясных в историографии: из каких групп населения прибирали в солдаты (черносошные крестьяне, бобыли); на каком основании черносошные крестьяне и бобыли были поделены на тех, кого записали в солдаты, и тех, кто попал в категорию "охудалых"; по сколько человек брали в солдаты с одного двора и каков был статус остальных жителей двора, с которого уже были взяты один или несколько человек в солдаты. Прояснение этих вопросов необходимо для понимания позиции правительства по отношению к созданию полков пашенных солдат в 1649 г. и прослеживания изменений этой позиции на протяжении всего периода существования солдатской службы до 1666 г.

На основании анализа наказа мы выяснили, что на некоторые вопросы этот документ может дать ответы, а на другие ответы можно получить только проводя сравнительное изучение всего массива актового материала, переписных книг и бюджетных смет Олонецкого уезда.

По словам Р. Б. Мюллер, первоначальный проект введения солдатской службы предполагал привлечение к службе всего трудоспособного населения Заонежских и Лопских погостов, но, по мнению исследовательницы, этот проект не был осуществлён, так как выяснилось, что в регионе было много крестьян с трудом тянувших своё хозяйство, задолжавших или совсем безземельных, которые по причине своей крайней бедности не могли нести солдатскую службу²⁴⁹. Поэтому Р. Б. Мюллер предположила, что черносошных крестьян поделили на солдат и "охудалых" крестьян на основании их зажиточности или бедности, хотя и сделала оговорку, что точный критерий, по которому крестьянское хозяйство зачислялось в охудалое, неизвестен²⁵⁰. При этом исследовательница не поднимала вопрос о том, что бобыли тоже были записаны либо в солдаты, либо в категорию охудалых. Ниже мы подробно

²⁴⁹ Мюллер Р. Б. Очерки по истории Карелии ... С. 131.

²⁵⁰ Там же.

остановимся на этом вопросе и предложим наше понимание этого сюжета и выводы, которые отличаются от ранее существовавших в историографии.

Что касается содержания наказа от 1 марта 1649 г., в нём об устройстве солдатской службы написано следующее: «... а Заонежских и Лопских всех погостов крестьян и бобылей и их детей и братью и племянников и захребетников устроить в салдатскую службу, для того в прошлом во 155-м году били челом государю, царю и великому князю Алексею Михайловичю всеа Руси Заонежских погостов крестьяне, чтоб государь их пожаловал, велел быть в салдатской службе. И государь, царь и великий князь Алексей Михайлович всеа Руси их Заонежских погостов всех крестьян пожаловал в салдатскую службу устроить велел, а для того пожаловал государь данных и оброчных денег и всяких доходов впредь по вся годы имать с них не велел вместо своего государского жалованья»²⁵¹.

На основании этого отрывка мы приходим к нескольким выводам. Во-первых, подтверждаются слова Р. Б. Мюллер о том, что правительство стремилось представить введение солдатской службы на русско-шведской границе как инициативу местных крестьян. Во-вторых, несмотря на то, что крестьяне Лопских погостов не подавали челобитных с просьбой записать их в солдаты, введение солдатской службы распространили и на них. В-третьих, в наказе совершенно определенно написано, что «устроению» в солдаты подлежали все крестьяне и бобыли Заонежских и Лопских погостов, а также их дети, братья, племянники и захребетники. В-четвёртых, в документе было велено с записавшихся в солдаты впредь «данных и оброчных денег и всяких доходов» не взимать, то есть солдаты освобождались от тягла.

Судя по тому, что в черновике наказа изначально было велено устроить крестьян не только в солдатскую, но и в драгунскую службу, такое намерение тоже было. Об этом свидетельствует и царский указ об отписке вотчины Новгородского митрополита Аффония в Олонецком погосте на государя в

²⁵¹ РГАДА. Ф. 141. 1649. Д. 29. Л. 14—15. В рукописи первоначально было написано «в солдатскую и в драгунскую службу», но потом по всему тексту указа слова «и в драгунскую» были вычеркнуты.

1648 г.²⁵² В качестве обоснования данного мероприятия было сообщено о планируемом «устройстве» местных крестьян, отписанных на государя, в драгунскую службу. В черновике наказа от 1 марта 1649 г. слова «и в драгунскую» везде по тексту были зачёркнуты. По-видимому, было решено начать с более лёгкого и доступного большому количеству крестьян обучения — солдатскому строю, и только потом из обученных солдат выбрать годных для обучения строю драгунскому. Важно отметить, что в историографии существует мнение, высказанное А. Ю. Жуковым, о том, что в отписанном на государя Олонецком погосте крестьян начали обучать военному делу уже в 1648 г. и создали из их числа драгунский полк²⁵³. Это мнение ошибочно. Ранее наказа от 1 марта 1649 г., полученного воеводами Волконским и Елагиным, прибор крестьян на военную службу ни в одном из погостов будущего Олонецкого уезда не проводился, потому что ещё не было списков крестьян, годных к несению службы и не прибыли ещё иноземные офицеры, которые должны были начать обучение. Фактически, как было написано выше, к записи местных жителей (в том числе Олонецкого погоста) в полки и их обучению приступили только в июне 1649 г. А. Ю. Жуков ошибочно интерпретировал сведения указа об отписке Олонецкого погоста на государя в 1648 г., в котором было дано объяснение, что местные крестьяне будут записаны в драгунскую службу. На самом деле, эти слова не означали, что запись будет проведена сразу же в 1648 г. Начало практическому воплощению реформы в жизнь положил наказ от 1 марта 1649 г.

Однако при подготовке наказа правительство обошло вниманием ряд важных вопросов. Во-первых, в наказе не был прописан возраст, при достижении которого крестьян могли прибирать в солдаты, и не указан возраст, при достижении которого крестьяне освобождались от несения солдатской службы. Во-вторых, не было прописано, какое количество солдат ожидалось прибрать и расписать по полкам.

²⁵² Карелия в XVII веке. № 41. С. 71—72.

²⁵³ Жуков А. Ю. Олонецкие полки «нового строя» в 1662 г.: документы и материалы // Истоки Карелии: время, территория, народы. Петрозаводск, 2014. С. 111.

Р. Б. Мюллер отметила, что «все сколько-нибудь зажиточные крестьяне в возрасте от 20 до 50 лет были вписаны в солдатские списки»²⁵⁴. Те же сведения о возрасте прибиравшихся в солдаты крестьян Заонежских погостов привёл А. В. Чернов²⁵⁵. Правда, Р. Б. Мюллер выявила, что в 1657 г. «... Дивов расширил круг лиц, из которых комплектовались солдаты, включив в составленные им солдатские списки крестьян от 15-летнего возраста ...»²⁵⁶. А. С. Рыжков отметил, что «к военной службе привлекалось всё мужское население региона в возрасте от 25-ти (с 1657 г. — от 15-ти) до 50-ти лет, за исключением самых бедных («охудалых») крестьян»²⁵⁷.

Таким образом, если совершенно очевидно, что прибор солдат с 15-ти летнего возраста осуществлялся по крайней мере с 1657 г., то вопрос о том, откуда Р. Б. Мюллер и А. В. Чернов почерпнули сведения о первоначальном приборе солдат с 20 до 50-летнего возраста, остаётся неясным, так как историки не сделали ссылку на источник информации. А. С. Рыжков также не указал источник приведённых им данных о привлечении к службе мужчин с 25-летнего возраста.

В изученных актовых материалах нам не встретились сведения, подтверждающие, что годными к солдатской службе считались мужчины в возрасте от 20-ти до 50-ти лет. Полагаем, что Р. Б. Мюллер и А. В. Чернов при анализе вопроса о возрасте прибора заонежских крестьян в солдаты в 1649 г. могли провести параллель с содержанием наказа от 21 ноября 1649 г. Этот документ опубликован и содержит информацию об условиях записи черносошных крестьян Сумерской и Старопольской волостей Старорусского уезда в солдаты. Условия эти схожи с теми, по которым несколькими месяцами ранее происходила запись в солдаты в Заонежских погостах, но в отличие от наказа от 1 марта 1649 г. в этом документе чётко прописаны и возраст солдат — от 20 до 50 лет и то, что в солдаты должны были взять с двора по человеку, но

²⁵⁴ Мюллер Р. Б. Очерки по истории Карелии ... С. 131.

²⁵⁵ Чернов А. В. Вооружённые силы ... С. 144—145.

²⁵⁶ Мюллер Р. Б. Очерки по истории Карелии ... С. 135.

²⁵⁷ Рыжков А. С. Опыт составления ... С. 270.

из «семьянистых» дворов и по два, и по три человека²⁵⁸. Так как создание солдатских полков из черносошных крестьян как в Заонежских и Лопских погостах, так и в Сумерской и Старопольской волостях Старорусского уезда, проводилось в рамках единого мероприятия по укреплению обороноспособности северо-западной государственной границы России, справедливо признать, что условия записи крестьян в солдаты должны были быть схожими. Не исключено также, что правительство учло опыт организации солдатской службы в Заонежских погостах и поэтому в изданном позже наказе о записи в солдаты крестьян Старорусского уезда оказались прописаны и возраст, и количество солдат, которых должны были прибрать с одного двора.

К написанному можно добавить, что согласно Положению о службе 1555/56 г. ратные люди начинали служить с 15-летнего возраста. В Соборном Уложении 1649 г. возрастная планка была повышена до 18 лет, что, по мнению учёных, подготовивших комментарии к Уложению, было связано с широким внедрением в практику огнестрельного оружия и тем, что для обучения навыкам обращения с таким оружием требовался более зрелый возраст. Данная норма уравнивала возраст прибора в поместную конницу с возрастом зачисления в полки «нового строя»²⁵⁹.

Полки пашенных солдат в Олонецком и Старорусской уезде формировались по образцам полков нового строя и обучались военному делу, в том числе стрельбе из мушкетов, иноземными офицерами, однако прибирали в солдаты, по крайней мере в Старорусском уезде не с 18-ти, а с 20-ти лет. Как это можно объяснить? Вероятно, первоначально правительство полагало, что обучение крестьян, в большинстве своём незнакомых с военной службой, будет более результативным, если возраст прибора повысить до 20-ти лет.

В то же время в документах есть сведения о приборе в 1657 г. олонецких крестьян на солдатскую службу с 15-ти летнего возраста. Возможно, решение о таком понижении возрастной планки было принято правительством в период

²⁵⁸ ДАИ. Т. III. № 65. С. 231—239.

²⁵⁹ Соборное Уложение 1649 г. Комментарии. Л., 1987. С. 167—168.

войн с Польшей и Швецией из-за большой потребности государства в солдатах. С другой стороны, на основании слов Дивова о том, что моложе 15 лет он в солдаты не прибирал²⁶⁰, нельзя сделать однозначный вывод, что именно он впервые стал записывать в солдаты с этого возраста. Такая практика могла применяться и в прежние годы.

Важно отметить, что среди той части сохранившихся актовых материалов, в которых поднимался вопрос о приборе в солдаты или отставке из солдат и дело решалось в зависимости от физического состояния человека, указание конкретного возраста встречается только один раз. В остальных случаях в документах писали либо «мал», то есть ещё не годен к службе, либо «стар», то есть уже не годен к службе. Кроме того, встречаются указания на болезни и увечья, а также худобу или немощность.

Единственный выявленный нами случай, когда в документе был упомянут возраст, вызывает необходимость пересмотреть вопрос о верхней возрастной границе освобождения от солдатской службы. В наказной памяти воеводы Чоглокова, подготовленной в ответ на челобитье солдата Шуйского погоста Сергушки Васильева сына Готушкова с просьбой перевести его в «охудалые» крестьяне, воевода среди прочих условий перевода указал на возраст: «... будет тот Сергушка семидесяти лет ...»²⁶¹. Не исключено, что в наказной памяти содержится описка и возраст Сергушки был не семьдесят, а пятьдесят лет. С другой стороны, данное документальное свидетельство может означать также то, что в Олонецком уезде воеводы прибирали в солдаты всех годных к службе мужчин независимо от возраста, оценивая лишь их здоровье, поэтому верхней возрастной границей для солдатской службы могло быть не установлено вовсе и срок службы мог зависеть только от физического состояния солдата.

Тем не менее, если по аналогии с сумерскими и старопольскими крестьянами мы можем признать справедливым и в отношении заонежских и лопских крестьян и бобылей, что в 1649 г. их тоже прибирали на службу в

²⁶⁰ РГАДА. Ф. 141. 1657. Д. 1. Л. 85.

²⁶¹ Архив СПбИИ РАН. Ф. 98. Оп. 1. К. 3. Д. 16 (т). Ст. 1об.

возрасте от 20-ти до 50-ти лет, то есть в возрасте, в котором «с них служба сталася», то совершенно очевидно, что норма прибора с одного двора по человеку в солдаты в Сумерской и Старопольской волостях, не применялась в Заонежских и Лопских погостах. В данном случае Р. Б. Мюллер права, подчеркивая, что к солдатской службе нередко одновременно привлекалось несколько членов семьи — отец, сыновья, братья²⁶². Это подтверждается сведениями источников. В конце июня 1649 г. воевода Волконский впервые сообщал в Москву о записи в солдаты крестьян Олонецкого погоста и Святозерской выставки Важенского погоста: «... а написали государь тех всех людей салдатскому ученью с Олонецкова погосту и с Святозерския волости з двора по человеку, итаво тысеца четыреста пять человек, да в тех же дворех тех солдатов семейнистых людей братьи и детей и племянников и зятьев семьсот девятнатцать человек, и по твоему государеву указу привели их всех ко кресту и отдали имяна их и их всех налицо полковнику Александру Гамонту с товарищи и велели их учить салдатцкому ученью»²⁶³. Из приведённого отрывка видно, что прибранных на службу солдатских родственников примерно в два раза меньше, чем дворохозяев записанных в солдаты, то есть примерно с половины дворов взяли только по одному человеку, с остальных по два или более. В источниках есть сведения о том, что с одного двора могли взять по два, три или четыре человека.

В 1649 г., в мирное время, не было необходимости записывать на службу всех мужчин, начиная с юного возраста. В наказе о записи в солдаты крестьян Сумерской и Старопольской волостей было велено взять с двора по человеку. О. А. Курбатов приводит данные о том, что солдатское снаряжение прибыло в волостной центр на тысячу человек (на 10 рот) и всего семеро начальных людей из иноземцев. В то же время исследователь привёл сведения о количестве дворов в этих волостях — 656, и что годных к службе в них оказалось 2092 человека. Однако, при норме службы один, максимум два человека со двора,

²⁶² Мюллер Р. Б. Очерки по истории Карелии ... С. 131.

²⁶³ РГАДА. Ф. 141. 1649. Д. 29. Л. 281—282.

полк не достигал тысячного состава. В итоге, по словам историка, было сформировано всего 5 рот по 160—180 человек в каждой²⁶⁴.

В рассмотренной выше отписке воевода сообщал о записи в солдаты крестьян Остречинского, Важенского и, предположительно, Оштинского погостов, но из-за плохой сохранности документа часть сведений утрачена. Однако мы можем частично восстановить утраченный текст упомянутой отписки по тексту грамоты, посланной в Олонец, в которой были повторены первые количественные данные о записи в солдаты крестьян по четырём погостам и одной волости. Вот что написано в грамоте: «... Рождественского Олонецкого, Оштинского, Остречинского, Важенского погостов и Святозерской волости написано в салдаты з двора по человеку и отдано в ученье июня по 26 число 2237 человек да их братьи и детей и племянников и зятьев 1157 человек. Обоего 3394 человека»²⁶⁵.

Таким образом, очевидно, что с двора могли взять несколько человек в солдаты, хотя, судя по цифрам, больше одного человека в солдаты брали далеко не с каждого двора, так как с 2237 дворов солдатских родственников взято в солдаты всего 1157 человек. В то же время, по словам воеводы Волконского, с дворов «семьянистых» крестьян могли взять по два, три или четыре человека. Однако значит ли это, что при наборе одного, двух, трёх или четырёх солдат со двора, во дворе могли остаться крестьяне, годные к солдатской службе, но оставленные вне разбора для того, чтобы крестьянское хозяйство не приходило в упадок, чтобы было кому работать на земле и заниматься промыслами? Полагаем, что в 1649 г. так и было и только в последующие годы, когда полки олонецких пашенных солдат было решено привлечь для участия в войнах с Польшей и Швецией и возникло явление массового бегства пашенных солдат со службы, в солдаты начали прибирать всех годных к военной службе мужчин. Подробнее эта проблема будет рассмотрена во второй главе.

²⁶⁴ Курбатов О. А. Организация и боевые качества русской пехоты ... С. 167.

²⁶⁵ РГАДА. Ф. 141. 1649. Д. 29. Л. 326.

Для того, чтобы внести ясность в эти вопросы, важно выяснить, какое количество солдат правительство планировало прибрать из крестьян и отдать в обучение иноземным начальным людям в 1649 г. В наказе от 1 марта 1649 г. количество солдат, которое требовалось прибрать не было определено, поэтому можем сделать выводы об этом на основании косвенных данных о посланном в Заонежские погосты количестве вооружения и количестве начальных людей. Среди всего перечня вооружения в Заонежские погосты было послано по шесть тысяч мушкетов, шпаг и бандалеров. Это те виды оружия, которые должны были быть розданы прибранным солдатам. Таким образом, очевидно, что у правительства было намерение прибрать не более шести тысяч солдат в этом приграничном регионе. Тот факт, что среди иноземных военных, отправленных для обучения крестьян солдатскому строю, было всего два полковника, свидетельствует о планах распределить прибранных солдат по двум полкам. Правда, при изучении этого вопроса сразу становится очевидным малое количество иноземных военных — всего 104 человека. В сравнении с обычным количественным составом командного звена полков нового строя этого количества было явно недостаточно для полноценной деятельности воинских подразделений. Летом 1649 г. полковник А. Гамильтон подавал челобитную в Олонце с просьбой, во-первых, увеличить количество начальных людей у него в полку, во-вторых, разрешить перевести некоторых военнослужащих в более высокий чин. По его словам, урядников, посланных с ним из Москвы, хватало только на устройство восьми рот. Однако из центра ему велели, «чтоб он учил теми людьми, которые с ним посланы все 15 рот 3000 человек», а «из чину в чин не переводить»²⁶⁶. Таким образом, в Заонежских и Лопских погостах были сформированы два полка, по своей численности значительно превосходящие принятую величину такого воинского подразделения: вместо полка в 1600 человек подразделённых на 10 рот по 160 солдат, в каждый из двух полков в Заонежских и Лопских погостах планировалось устроить по 3000 человек, подразделённых на 15 рот. Причины такого решения, вероятно, заключаются,

²⁶⁶ РГАДА. Ф. 141. 1649. Д. 29. Л. 334—335.

во-первых, в нехватке начальных людей, способных обучить солдат иноземному строю, во-вторых, недостаточном объёме денежных средств, которые казна могла выделить на оплату жалованья начальным людям. Тем не менее, несмотря на недовольство полковников недостаточным количеством начальных людей, находившихся у них в подчинении, число крестьян записанных в ряды солдат уже в 1649 г. превысило первоначально установленное количество в 6000 человек. По неполным данным, собранным по части погостов, приведённых в работе Р. Б. Мюллер, в июле 1649 г. в солдаты уже было записано 7902 человека.

Таким образом, можно сделать ещё один очень важный вывод: воеводы, записывая годных к солдатской службе крестьян, ориентировались не на число в 6000 человек, а на царский наказ, повелевавший записать в солдаты всех крестьян и бобылей Заонежских и Лопских погостов. Возникает правомерный вопрос: откуда появилось это планируемое количество в 6000 солдат? Полагаем, что правительство основывало свои намерения на данных переписи 1646 г., по которой в Заонежских погостах числилось на черносошных землях 4674 двора, а на митрополичьих — 915 дворов крестьян и бобылей²⁶⁷. Ввиду того, что в 1648 г. митрополичьи земли были отписаны на государя, всего в Заонежских погостах стало 5589 дворов, с которых можно было прибирать солдат. Очевидно, что это количество дворов и рассматривалось правительством как основа для набора солдат как минимум по человеку с каждого двора. Превышение количества в 6000 человек связано, вероятно, как с формулировкой царского наказа о записи в солдаты всех крестьян и бобылей, так и с деятельностью Золотарева по возвращению «сошлых» крестьян, которые также устраивались в солдатскую службу.

Однако важно заметить, что воеводам не удалось с каждого двора взять в солдаты по человеку. Часть крестьян была записана в категорию «охудалых». Ниже рассмотрим, на основании какого критерия произошло это разделение

²⁶⁷ Чернякова И. А. Население Олонецкого края в XVII веке (по писцовым и переписным книгам) // Вопросы истории Европейского Севера: Межвузовский сборник. Петрозаводск, 1988. С. 124.

местного населения, а сейчас остановимся на анализе деятельности воевод Волконского и Елагина по организации солдатской службы в первые несколько месяцев после их приезда в Олонец в марте 1649 г. Это важно сделать, чтобы восстановить ход событий 1649 г.

Выше уже был подробно разобран конфликт, произошедший между свозчиком Золотаревым и воеводой Волконским, и последствия этого конфликта — промедление с записью крестьян в солдаты и началом их обучения солдатскому строю. Теперь будут проанализированы действия воевод, имеющие непосредственное отношение к «устройству» полков пашенных солдат.

В своей первой отписке от 4 апреля с сообщением о своем прибытии на место службы воеводы повторяют слова наказа о записи крестьян в солдаты как о царской милости: «а Заонеских и Лопских погостов старостам и целовальником и крестьяном, скольким человеком пригожа, велети быть к себе на Олонец и сказать им твой государев милостивой указ: пожаловал ты, государь, по их челобитью велел им быть в своей государственной милости в солдатской службе и своих государевых данных денег и всяких податей с них впредь имать не велел»²⁶⁸. Из следующей отписки узнаём, что старосты, целовальники и крестьяне, по три-четыре человека от погоста, приходили к Волконскому в Олонец 24 апреля, где он объявил им царский наказ, что государь пожаловал, «с них своих государевых данных и оброчных денег и никаких податей имать не велел вместо своего государева жалованья, а им за то быти в солдатском строе, писатца им солдатами»²⁶⁹. При этом им было велено, чтобы они в «... на прежних своих участках жили и пашни пахали и угодья всякими владели и ... государеву службу служили». Отпустив старост, воеводы велели им в своих погостах переписать всех «государевых крестьян и бобылей, хто с кем во дворе живет, сколько у каво братья и детей и внучат и племянников и зятьев и приимышев и захребетников и сколько хто лет», а

²⁶⁸ РГАДА. Ф. 141. 1649. Д. 29. Л. 149.

²⁶⁹ Там же. Л. 149.

переписные книги «за поповыми руками» привезти в Олонец «не мешкая», чтобы «государеву указу мотчанья не было»²⁷⁰.

Как видно, уже в конце апреля олонецкие воеводы, не дождавшись списков Золотарева, поручили перепись крестьян старостам погостов. Правда, в Москве всё ещё ожидали, что Золотарев все-таки завершит свою перепись, но когда стало известно, что и в мае он все ещё не переписал крестьян, 1 июня олонецким воеводам был послан указ, взять «для салдатцкого и городского строенья и для иных дел» у крестьян списки с писцовых книг Ивана Долгорукого и Микиты Панина 1628—1629 гг. Взяв списки, воеводы должны были «Заонежских и Лопских погостов крестьян в салдатцкую службу строити и всякие дела делати», а крестьянам из ближних погостов следовало «быть для ученья тотчас, а в дальние погосты послать кого пригожа»²⁷¹. Возникает вопрос, почему воеводам было велено пользоваться писцовыми книгами 1628—1631 гг., а не последней переписью 1646 г.? Скорее всего, правительство прислушалось к мнению Золотарева о том, что сведениям Ивана Писемского и Лариона Сумина не стоило доверять, так как они, составляя свои книги со слов старост, многие дворы и крестьян пропустили. Кроме того, по писцовым книгам 1628—1631 гг. воеводы могли решать вопросы о возвращении крестьян, сошедших из Заонежских погостов в период после составления этого описания.

Что касается освобождения крестьян, записанных в солдаты, от тягла, оно было реализовано с 7158-го года (1649/50 г.). Денежные доходы (данные и оброчные и таможенные и кабацкие деньги), которые были собраны Золотаревым на 157 год (1648/49 г.), 17 марта 1649 г. было велено оставить в Олонце: одну половину раздать солдатам, другую половину — держать в казне в Олонце и не расходовать до указа²⁷². Спустя несколько дней указ был уточнён: была подтверждена раздача одной половины денег солдатам «всем налицо», другая половина была предназначена на выдачу жалованья

²⁷⁰ РГАДА. Ф. 141. 1649. Д. 29. Л. 180.

²⁷¹ Там же. Л. 184—185.

²⁷² Там же. Л. 98—99.

иноземным военным, приехавшим в Заонежские погосты²⁷³. Таким образом, часть денежных доходов, собранных с крестьян, которые позже были записаны в солдаты, было велено им вернуть в целях реализации царского наказа о замене обязанности платить подати обязанностью нести солдатскую службу.

Однако 10 апреля 1649 г. воеводы Волконский и Елагин сообщили в Москву, что Золотарев, собрав все деньги, уже в марте отправил их в Москву. В этой связи воеводы довели до сведения государя: «у нас холопей твоих никакие твоей государевой денежной казны нет и как дойдет срок сентября с 1 числа давати иназемцом учительным людем кормовые месешняя деньги дать нечева и о том нам холопом своим как укажешь, где на корм немецким учительным людем сентября с 1 числа нам деньги имать»²⁷⁴. О том, где взять деньги, которые ранее было указано вернуть солдатам, воеводы не спрашивали.

В итоге для выплаты жалованья иноземцам воеводам было велено взять у Золотарева деньги, которые он собирал с монастырей и помещиков за беглых заонежских крестьян и с «прибылых дворов», с которых ему было велено собрать «по гривне с двора за даточных людей»²⁷⁵. Ещё одним источником доходов, который разрешалось использовать на выплату жалованья иноземцам, были «откупные» деньги с олонецкой тамги и с кабаков (Кузарандского и Шунгского)²⁷⁶. Кроме того, в грамоте было написано, что если потребуется, деньги пришлют из Москвы из доходов Новгородской четверти²⁷⁷. При этом требовалось сказать иноземцам, что им в «жалованье скудости не будет», главное, чтобы служили государю и «Заонежских и Лопских погостов крестьян салдатцкой службе учили с великим раденьем»²⁷⁸.

По поводу возврата собранных денежных доходов крестьянам, записанным в солдаты, олонецкие воеводы также получили разъяснения, как им поступить в сложившейся ситуации. Было велено крестьянам Заонежских и

²⁷³ РГАДА. Ф. 141. 1649. Д. 29. Л. 103—104.

²⁷⁴ Там же. Л. 147—148.

²⁷⁵ Там же. Л. 155.

²⁷⁶ Там же. Л. 155—156.

²⁷⁷ Там же. Л. 156.

²⁷⁸ Там же. Л. 157.

Лопских погостов «про отдачу половины доходов» не объявлять, «потому что те деньги привезены к Москве», «а вместо тех данных и оброчных денег, что было им указано отдать из доходов нынешняго 157 году, доимочных доходов, которые на них в доимке на прошлые годы, имать с них не велели»²⁷⁹. С таким указанием была послана грамота и Золотареву, в чьи обязанности входило взыскание с крестьян долгов: «И как к тебе ся наша грамота придет и ты б з Заонежских погостов доимочных денег на прошлые годы не збирал, потому что те доимочные денги пожаловал есмя Заонежских погостов крестьяном, которые будут в салдатцкой службе»²⁸⁰. Здесь особо надо заметить, что грамота эта была составлена в мае 1649 г. В то время перепись крестьян, которую должен был осуществить Золотарев, еще не была завершена, и не было известно ни количество крестьян годных к службе, ни количество к службе не годных. Именно поэтому в грамоте не сделана оговорка, должны ли будут крестьяне, которые окажутся по какой-либо причине не способными нести солдатскую службу, уплачивать доимочные деньги и если да, то в каком размере.

В Лопских погостах к проведению реформы приступили несколько позднее. М. М. Богословский и Р. Б. Мюллер изучали архивное дело, которое в настоящее время не выдается исследователям по причине ветхости²⁸¹, и указали в своих трудах, что олонецкий воевода Ф. Ф. Волконский поручил запись в солдаты крестьян Лопских погостов своему племяннику Дмитрию Андреевичу Волконскому²⁸². По словам Р. Б. Мюллер, он был послан туда в июле 1649 г.²⁸³ В нашем исследовании эти данные немного скорректированы. Мы выяснили, что Дмитрий Андреевич был отправлен в Лопские погосты в июне 1649 г., не позднее 26-го числа²⁸⁴.

По причине того, что архивное дело, с которым работали выше названные историки, сейчас недоступно для исследования, далее приведём сведения уже

²⁷⁹ РГАДА. Ф. 141. 1649. Д. 29. Л. 156.

²⁸⁰ Там же. Л. 166—167.

²⁸¹ РГАДА. Ф. 141. 1649. Д. 75.

²⁸² Богословский М. М. Земское самоуправление ... Т. 1. С. 144; Мюллер Р. Б. Очерки по истории Карелии ... С. 130.

²⁸³ Мюллер Р. Б. Очерки по истории Карелии ... С. 130.

²⁸⁴ РГАДА. Ф. 141. 1649. Д. 29. Л. 279—286.

известные в историографии. В погостах Линдозерском, Семчезерском, Селецком и в Юштозерской выставке, по словам Р. Б. Мюллер, Д. А. Волконский без затруднений провёл дело: выяснил наличное количество годных к службе крестьян и привел их к присяге. Видимо, об этих трёх погостах писал М. М. Богословский, сообщая о количестве записанных в солдаты крестьян — с 351 двора 548 человек²⁸⁵. В Паданском погосте Д. А. Волконский натолкнулся на сопротивление: старосты и крестьяне отказались дать ему списки крестьян и заявили, что не подчинятся указу. При этом они ссылались на старые грамоты, запрещающие правительственным чиновникам въезд в Лопские погосты. Такой же прием ожидал его в Ругозерском и Шуезерском погостах. Там крестьяне заявили, что «у них одна мысль с Паданским погостом, што им в салдатцкой службе не бывать», и, отказав, выслали Д. А. Волконского из погостов. Не помогли и посланные ему на помощь 50 стрельцов²⁸⁶.

В сентябре того же года в Лопские погосты с той же целью — записать крестьян в солдаты — были посланы подьячие. На этот раз крестьяне Паданского, Шуезерского и Панозерского погостов просили о прощении и дали требуемые сведения. Только крестьяне Ругозерского погоста и двух выставок Паданского погоста — Андозерской и Кузозерской — «учинились непослушны». Они заявили: «В салдатцком ученье быть не хотим; а станете нам какую неволю чинить, и вам быть у нас в воде. Хотите живы быть, поедьте из погосту вон»²⁸⁷. Для их наказания был послан сотник со стрельцами²⁸⁸, которым плохо организованные, невооруженные крестьяне не имели возможности сопротивляться. Они сделали ещё одну попытку избежать солдатской службы, обратившись с челобитной непосредственно к правительству, в которой писали: «Людишки маломочные, питаемся рыбою и сосною, и твоей государевы службы служить не можем, потому что питаемся

²⁸⁵ Богословский М. М. Земское самоуправление ... Т. 1. С. 144.

²⁸⁶ Мюллер Р. Б. Очерки по истории Карелии ... С. 130.

²⁸⁷ Цит. по кн.: Мюллер Р. Б. Очерки по истории Карелии ... С. 130.

²⁸⁸ Пятьдесят стрельцов были присланы в Олонец в 1649 г. из Ладоги.

рыбою и сосною. И не вели, государь, для того солдатского ученья из Олонца присылать в Лопские погостишка немец полковников и полуполковников, потому что людишки малодушные, глупые, и русского и немецкого языков не знаем»²⁸⁹.

Несмотря на недовольство части крестьян, по мнению Р. Б. Мюллер, в 1649 г. солдатская служба была введена на всей территории Заонежских и Лопских погостов²⁹⁰. Современный историк А. Ю. Жуков полагает, что крестьяне Лопских погостов были записаны в солдаты только в начале 1650 г., основывая свой вывод на опубликованном наказе Василию Александровичу Чоглокову, назначенному в декабре 1649 г. воеводой в Олонец на место Волконского²⁹¹. Тем не менее, не подлежит сомнению, что во всех Заонежских погостах и на большей части территории Лопских погостов обучение крестьян солдатскому строю началось в 1649 г. Первая группа новоприборных солдат была отдана в учение еще в конце июня того же года²⁹².

Теперь ещё раз вернёмся к вопросу о принципе разделения в 1649 г. черносошных крестьян Заонежских и Лопских погостов на пашенных солдат и охудалых крестьян. Со времён выхода в свет очерков по истории Карелии XVI—XVII вв. Р. Б. Мюллер в историографии утвердилось мнение, что группу «охудалых крестьян» Олонецкого уезда составляли его беднейшие жители²⁹³. По словам исследовательницы, первоначальный проект введения солдатской службы предполагавший привлечение к службе всего трудоспособного населения Заонежских и Лопских погостов, не был осуществлен в таком виде, так как выяснилось, что в регионе было много крестьян с трудом тянувших своё хозяйство, задолжавших или совсем безземельных, которые по причине своей крайней бедности не могли нести солдатскую службу²⁹⁴. Р. Б. Мюллер отметила, что все сколько-нибудь зажиточные крестьяне в возрасте от 20 до 50

²⁸⁹ Богословский М. М. Земское самоуправление ... Т. 1. С. 145; Мюллер Р. Б. Очерки по истории Карелии ... С. 131.

²⁹⁰ Мюллер Р. Б. Очерки по истории Карелии ... С. 132.

²⁹¹ Жуков А. Ю. Управление и самоуправление ... С. 155.

²⁹² РГАДА. Ф. 141. 1649. Д. 29. Л. 326.

²⁹³ Мюллер Р. Б. Очерки по истории Карелии ... С. 131.

²⁹⁴ Там же.

лет были вписаны в солдатские списки, а в группу «охудалых» были включены только совсем маломощные хозяева²⁹⁵.

Таким образом, Р. Б. Мюллер предположила, что крестьянское население поделили на солдат и «охудалых крестьян» на основании их зажиточности или бедности, хотя и сделала оговорку, что точный критерий, каким руководствовалась администрация при зачислении хозяйства в «охудалое», неизвестен²⁹⁶. При этом совершенно очевидно, что в качестве основного критерия деления населения на две группы, Р. Б. Мюллер признавала экономическую обеспеченность хозяйства, необходимую крестьянам для несения солдатской и драгунской службы.

Ввиду того, что «охудалые крестьяне» были освобождены от солдатской службы, они продолжали уплачивать тягло, называвшееся в период существования института пашенных солдат «охудалым», как и сами крестьяне это тягло уплачивавшие. Важно заметить, Р. Б. Мюллер полагала, что «охудалые крестьяне» несли тягло в пониженном размере²⁹⁷.

Т. В. Старостина также придерживалась точки зрения Р. Б. Мюллер о крайней бедности «охудалых» крестьян. Такой вывод следует из её слов, что в солдаты не писали только «совсем “охудалых” или монастырских крестьян»²⁹⁸. А. Ю. Жуков и А. С. Рыжков, упоминая «охудалых крестьян», в скобках делали пояснения, что это были беднейшие крестьяне²⁹⁹. И. А. Чернякова, изучив землевладение и землепользование чернососных, монастырских, помещичьих и обельных крестьян в Карелии XVII века, не выделяла отдельно группу «охудалых крестьян»³⁰⁰. Е. Д. Суслова, рассмотрев в своей диссертации вопрос о службе причетников и детей клириков в пашенных солдатах, выявила, что

²⁹⁵ Мюллер Р. Б. Очерки по истории Карелии ... С. 131.

²⁹⁶ Там же.

²⁹⁷ Мюллер Р. Б. Карелия в XVII веке: Сборник документов. Петрозаводск, 1948. С. 394.

²⁹⁸ Старостина Т. В. Пашенные солдаты ... С. 3.

²⁹⁹ Жуков А. Ю. Управление и самоуправление ... С. 109; Рыжков А. С. Опыт составления ... С. 270.

³⁰⁰ Чернякова И. А. Карелия на переломе эпох ...

стремясь избежать службы, они принимали духовный сан или испрашивали для себя статус «охудалых»³⁰¹.

В двух ранее опубликованных статьях мы вслед за Р. Б. Мюллер, Т. В. Старостиной, А. Ю. Жуковым и А. С. Рыжковым так же отождествляли «охудалых крестьян» с беднейшими жителями Олонецкого уезда³⁰². Однако в ходе дальнейшего изучения источников, содержащих сведения о крестьянах этого приграничного региона в период существования института пашенных солдат (1649—1666), выявились случаи, не вписывающиеся в концепцию, предложенную Р. Б. Мюллер. В частности, некоторые «охудалые крестьяне» являлись крупными кредиторами в отношении «волостных людей» или занимали должности старост и целовальников, что также подразумевает определённую материальную обеспеченность. Это привело нас к мысли о необходимости более глубокого исследования вопроса о том, кем являлись олонецкие «охудалые крестьяне» и почему их не прибирали на солдатскую службу. Мы убеждены, что изученный нами комплекс документов, включающий актовые материалы, переписную книгу 1657 г. солдатского высылщика Ивана Семёновича Дивова и бюджетные сметы доходов и расходов Олонецкого уезда, представляет собой достаточную источниковую базу, чтобы обосновать иную точку зрения на то, кем являлись «охудалые крестьяне» и почему их не прибирали на солдатскую службу.

В выпуске словаря русского языка XI—XVII вв., вышедшем в свет в 1988 г. прилагательное «охудалый» трактуется как обедневший и приводятся ссылки на два опубликованных документа за 1611 и 1627 гг.³⁰³ Также в словаре дано определение «охудалого тягла», понимаемого составителями как «тягло с предоставлением льгот обедневшим крестьянам». При этом в подтверждение

³⁰¹ Сулова Е. Д. Церковь и крестьянское сообщество в Карелии в конце XV – начале XVIII в. Автореф. дис. на соиск. уч. степ. к.и.н. Специальность 07.00.02. – Отеч. история. СПб., 2012. С. 21.

³⁰² Брусницына Д. В. Оформление поручных записей как способ борьбы с дезертирством пашенных солдат в Карелии второй половины XVII века: по материалам Олонецкой воеводской избы // Вестник Тверского государственного университета. 2011. № 31. С. 104; Брусницына Д. В. Переписные книги Ивана Дивова 1657 г. как источник по истории карельских пашенных солдат // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. Серия: Исторические науки. Историография. Источниковедение. Методы исторических исследований. 2012. № 21 (101). С. 110—111.

³⁰³ Словарь русского языка. Вып. 14. М., 1988. С. 88.

такой трактовки приведена следующая цитата из документа фонда «Олонецкая воеводская изба» от 1664 г.: «А в прошлые годы я холоп платил охудалое тягло ... а ныне на мне холопе правят»³⁰⁴.

Мы обратились к полному тексту цитируемого документа³⁰⁵ и определили, что этот акт является челобитной солдата Шуйского погоста деревни Бесовец Ивашки Иванова с просьбой о снятии с него «охудалого тягла» и позволении служить в солдатах, как прежде³⁰⁶. Вывод составителей словаря о том, что «охудалое тягло» предоставляло обедневшим крестьянам льготы, сделанный на основании этой челобитной, не может считаться обоснованным, так как в документе нет никаких указаний ни на бедность челобитчика, ни на какие-либо льготы, которые у него были в период уплаты им «охудалого тягла». Ивашка Иванов действительно сообщил, что в прежние годы платил «охудалое тягло», и пожаловался, что после того, как был записан в солдаты и, следовательно, должен был быть освобождён от такой уплаты, староста продолжал требовать с него деньги и государев четвертной хлеб как с «охудалого». Таким образом, в документе не было речи о том, что «охудалое тягло» было льготным. Это было тягло, уплачивавшееся крестьянином, не прибранным на солдатскую службу.

Подытожим, один и тот же человек — Ивашка Иванов из деревни Бесовец Шуйского погоста — сначала был «охудалым крестьянином» (то есть очень бедным, в соответствии с существующей в историографии точкой зрения), потом он был прибран в солдаты. Возникает вопрос: что изменилось в положении этого «охудалого крестьянина» так, что его стало возможным записать в солдаты? Если развивать концепцию Р. Б. Мюллер, то придётся предположить, что улучшилось его материальное положение, и он из группы беднейших перешёл в группу более обеспеченных. Однако, во-первых, таких

³⁰⁴ Словарь русского языка. Вып. 14. М., 1988. С. 88.

³⁰⁵ Поиск цитируемого документа показал, что в словаре ошибочно дана ссылка на картон 6. На самом деле документ хранится в картоне 5.

³⁰⁶ Архив СПбИИ РАН. Ф. 98. Оп. 1. К. 5. Д. 56. Ст. 1.

сведений в изученных источниках нет, во-вторых, совершенно неясно, как материальное положение могло улучшиться в течение всего нескольких лет.

Попробуем объяснить данную ситуацию с иной точки зрения. Дело в том, что имя Ивашки Иванова зафиксировано в перечне «охудалых крестьян» в переписных книгах солдатского высылщика И. С. Дивова в 1657 г.³⁰⁷ В то время ему было 14 лет и по возрасту он не подходил для солдатской службы (Дивов записывал в солдаты с 15 лет). В переписных книгах 1657 г. нет сведений об отце или братьях Ивашки Иванова. Вероятно, в то время он был единственным мужчиной во дворе. Важно подчеркнуть, что если со двора хоть один мужчина был прибран на солдатскую службу, остальные члены семьи, проживавшие с ним в одном дворе, получали статус солдатских родственников или захребетников. Следовательно, если Ивашка Иванов не являлся солдатским родственником, значит в 1657 г. у него не было родственников-солдат, которые проживали бы с ним в одном дворе. После достижения 15-летнего возраста, в период между 1658 и 1662 гг., он был внесён в солдатские списки, что подтверждается его челобитной. Однако, в связи с тем, что после «разбора» на очереди, произведённого в 1663/64 г. стольником Петром Зиновьевым, имя Ивашки Иванова «в книги не попало», и староста снова стал «править» на нём тягло, крестьянин подал челобитную с просьбой разобраться в сложившейся ситуации и велеть ему снова служить в солдатах «как прежде», а старосте не велеть «править» с него «охудалое тягло». Резолюция была положительной. Было велено внести его имя в солдатские списки вместо корелянина, записанного в солдаты «не делом», а «охудалое тягло» не править³⁰⁸.

Разобранный случай, во-первых, показывает необоснованность привлечения данной челобитной для определения «охудалого тягла» как тягла с предоставлением крестьянам льгот, а во-вторых, демонстрирует явление, на которое ранее в историографии не обращали внимания, а именно на случаи перевода «охудалых крестьян» в солдаты и обратно. На протяжении всего

³⁰⁷ РГАДА. Ф. 137. Оп. 1. Олонец. Кн. 5. Л. 1077об.

³⁰⁸ Архив СПбИИ РАН. Ф. 98. Оп. 1. К. 5. Д. 56. Стл. 1об.

периода существования солдатской службы крестьяне Олонецкого уезда могли быть переведены из пашенных солдат в «охудалые крестьяне» (и, как следствие, они снова должны были уплачивать тягло, называвшееся в то время «охудалым»), или из «охудалых крестьян» в пашенные солдаты (в этом случае, наоборот, приобреталось освобождение от уплаты тягла). Выявление таких переводов подтверждает нашу мысль о необходимости пересмотра вопроса о критериях разделения черносошного населения в период с 1649 по 1666 гг. на пашенных солдат и «охудалых крестьян» и уточнения, действительно ли бедность являлась основанием для зачисления в «охудалые».

На основании изученных источников мы выяснили, что солдаты могли быть переведены в группу «охудалых крестьян», если становились не годными к службе по состоянию здоровья или в результате достижения преклонного возраста при условии, что с их двора больше некого было прибрать на службу. Так же солдатские отцы, то есть крестьяне, сами к службе не годные, в случае смерти или гибели их сыновей-солдат, переводились в состояние «охудалых», то есть с них снималась льгота по освобождению от тягла, но только в том случае, если во дворе больше не было мужчин, годных к службе. В подтверждение приведём сведения из источника о крестьянине Шуйского погоста Сергушке Васильеве сыне Готушкове. В период до 1655 г. он и его сын Тимошка служили солдатскую службу, потом Тимошка погиб, а его отец подал челобитную с просьбой об освобождении его от службы из-за старости и о записи в «охудалые крестьяне»³⁰⁹. Наказная память по этой челобитной проливает свет на критерии записи в группу «охудалых». Сергушке было велено «для одиночества и старости быти в охудал[ых] крестьянех». При этом перечислялись все условия, необходимые для перевода в «охудалые»: если «тот Сергушка будет семидесяти лет»³¹⁰, а сын его Тимошка будет ум[ер], а иных

³⁰⁹ Архив СПбИИ РАН. Ф. 98. Оп. 1. К. 3. Д. 16 (а). Ст. 3об., Д. 16 (т). Ст. 1об.

³¹⁰ В историографии принято, что с 1649 г. в солдаты в Олонецком уезде записывали крестьян в возрасте от 20 до 50 лет [22; 131], а с 1657 г. – с 15-летнего возраста. В связи с этим указанный возраст – 70 лет, значительно превышает принятый в историографии предельный возраст службы в солдатах. Полагаем, что это либо описка, либо пример того, как по-разному реализовывался указ о записи в солдатскую службу в отношении отдельных крестьян.

детей у него будет нет, и в салдацкую службу б[удет] из двора его написать некого, и тебе б тому Сергушки впр[едь] велет[ь] быти в охудалых»³¹¹. Также, вероятно для определения размера тягла, было велено сообщить воеводе, «сколько под ним тяглою участ[ка] живущей и оброчной и пустые земли вытным числом»³¹². Таким образом, из приведённого примера очевидно, что в группу «охудалых крестьян» зачисляли и бывших солдат, если сами они по возрасту уже не могли служить и больше со двора в солдаты записать было некого.

В то же время «охудалые крестьяне» могли стать солдатами, как в рассмотренном выше случае с Иваном Ивановым, или солдатскими родственниками, когда с их двора кого-либо прибирали на службу. Это приводило к освобождению двора от уплаты тягла. Для подтверждения нашего вывода особенно важны случаи, когда из категории «охудалых» в категорию солдатских родственников переводили увечных, то есть не годных к службе крестьян. Так, в 1657 г. в Важенском погосте Иван Дивов написал в перечень солдатских родственников не годных к службе по возрасту или состоянию здоровья (книга 7) «вновь из худалых» увечного солдатского брата Симачку Панфилова, а с ним его племянника солдатского сына 11-летнего Сенку Агапитова³¹³. Нами установлено, что отец Сенки и брат Симачки – Агапитко Панфилов был прибран в солдаты Дивовым в 1657 г.³¹⁴ и именно это привело к переводу Симачки и Сенки из категории «охудалых» в категорию солдатских родственников, несмотря на то, что сами они в службу были не годны, один по причине увечья, другой по возрасту.

В восьмой из переписных книг Дивова с перечнем «охудалых крестьян», бобылей, вдов и их родственников из 1052 имён нами выявлено 27 случаев, когда в категорию «охудалых» были записаны или бывшие солдаты, которые состарились, получили увечье или тяжело заболели, или бывшие солдатские

³¹¹ Архив СПбИИ РАН. Ф. 98. Оп. 1. К. 3. Д. 16 (т). Ст. 1об.

³¹² Там же.

³¹³ РГАДА. Ф. 137. Оп. 1. Олонец. Кн. 5. Л. 1094об.

³¹⁴ Там же. Л. 339.

отцы, братья или племянники, потерявшие после смерти солдата-родственника право не уплачивать тягло.

Формулировки напротив имён в выявленных случаях были даны разные: от кратких «вновь охудалой», «написан вновь в охудалые» или «из солдатских отцов вновь в охудалые» до развернутого объяснения, почему производился такой перевод. Не в каждом случае нам удалось выяснить причину перевода в «охудалые крестьяне», но некоторые факты довольно убедительны.

Вот три пояснения из восьмой книги Дивова о переводе в «охудалые»: «Михалка Фёдоров был в салдатах и по досмотру околничего и воеводы Василья Александровича Чоглокова отставлен из салдат и ныне быть в охудалых»³¹⁵; «Ивашко Маркелов да брат ево Митрошка по государеве грамоте из салдат отставлены, бы[ть] им обоим в охудалых, у Митрошки три сына Ивашко 11 лет, Сенка 10 лет, Ивашко 9 лет»³¹⁶; «Филка Кручинин по досмотру из салдат отставлен, потому что на брюхи вал прогрызло и быть ему в охудалых»³¹⁷.

Также приведём факты о переводе в «охудалые» солдатских родственников по причине гибели на службе их сыновей, отцов и других членов семьи. Так, в Шунгском погосте в «охудалые» были переведены солдатский отец Курявка Меркурьев (у него умер сын-солдат Гришка Куренков), Роспутка Еремеев с двумя внуками 11 и 8 лет (у него умер сын-солдат Гаврилка Роспутин), Васка Семёнов (его сын-солдат Дмитрейко Васильев сбежал в 1650/51 г.), Климко Июдин (его отец-солдат Июдка Васильев умер «на Великих Луках»)³¹⁸; в Выгозерском погосте – Ортёмко Еустафьев (его сын-солдат Сергушка Артемьев был убит на службе), Осташко Терентьев (его сын-солдат Савка Остафьев умер), Ивашко Козмин (два его сына-солдата умерли: Кондрашко Иванов – в Витебске, Конашко Иванов – «на Великих Луках»), Юрейко Наумов (его сын-солдат Петрушка Юрьев был убит

³¹⁵ РГАДА. Ф. 137. Оп. 1. Олонец. Кн. 5. Л. 1085.

³¹⁶ Там же. Л. 1087—1087об.

³¹⁷ Там же. Л. 1093.

³¹⁸ Там же. Л. 1083—1084.

под Озерищами), Семешка Костянтинов с внуком Овдокимком Томилиным 11 лет (два его сына-солдата умерли: Томилка Семёнов умер в Вялиже, Сергушка Семёнов был убит под Сурошком)³¹⁹; в Кижском погосте – Созонко Фёдоров (его сын-солдат Ивашко Созонов умер в Усвяте), Жданко Левонтьев с сыном Марчком и внуком (правнуком) Микифорком Шумилиным (в этой семье погибли три солдата – сыновья Марчко: Савка и Ивашко Марковы были убиты в Озерищах, а Шумилка Марков – умер «на Олонце»)³²⁰; в Важенском погосте – Павелко Микитин (два его сына-солдата умерли: Прошка Павлов был убит на службе, Степашко Павлов – умер дома)³²¹.

Проведенный нами анализ показал, что черносозных крестьян Олонецкого уезда в период с 1649 по 1666 гг. делили на пашенных солдат и «охудалых крестьян» вовсе не на основании их хозяйственной обеспеченности, а по критерию наличия или отсутствия во дворах мужчин годных по возрасту и состоянию здоровья к несению солдатской службы. Даже если это были дворы бедных крестьян или у них был совсем небольшой участок земли, но во дворе проживали годные к службе мужчины, этих мужчин записывали в солдатские ряды, а дворы освобождали от тягла. В подтверждение нашего вывода приведём ещё некоторые данные источников.

Во-первых, среди актов Олонецкой воеводской избы есть челобитные «охудалых крестьян», с жалобами на других крестьян и солдат, задолжавших им крупные суммы денег³²². Совершенно очевидно, что беднейшие крестьяне не могли оказаться в роли кредиторов, наоборот, они зачастую являлись должниками.

Во-вторых, в документах встречаются данные о старостах и целовальниках, которые являлись «охудалыми крестьянами»³²³. Как известно, существовало требование на должность старосты выбирать людей «добрых», «прожиточных», то есть тех, которые в случае недоимки или в случае

³¹⁹ РГАДА. Ф. 137. Оп. 1. Олонец. Кн. 5. Л. 1085—1086об.

³²⁰ Там же. Л. 1087—1091об.

³²¹ Там же. Л. 1094—1094об.

³²² Архив СПбИИ РАН. Ф. 98. Оп. 1. К. 2. Д. 86. Сст. 1—2.

³²³ Там же. К. 4. Д. 118. Сст. 1 с об.; К. 5. Д. 1. Сст. 1.

необходимости внести в казну сразу большую сумму денег, могли это сделать из собственных средств с тем, чтобы впоследствии взыскать эти средства с волостных людей.

В-третьих, когда летом 1649 г. воеводы Волконский и Елагин «пересматривали» крестьян на предмет их годности к службе, они выяснили, что с некоторых дворов им некого взять в солдаты, так как в этих дворах жили старые, больные, увечные крестьяне или вдовы с малыми детьми. Воеводы сообщили, что хотели заставить этих крестьян «наймать в их место» кого-нибудь, однако старосты им сказали, что люди те «маломочные» и денег на найм у них нет. Тогда воеводы сделали запрос в Москву, как им поступать с этими крестьянами, жившими на тяглой земле. Мы не знаем, что ответили из центра, ни в одном из сохранившихся документов, ответа на этот вопрос не содержится. Что касается слов старост о том, что все перечисленные люди являются «маломочными», то эти слова можно подвергнуть сомнению. Из других источников известно, что старосты периодически уличались в представлении ложных сказок с целью, например, скрыть часть дворов и людей в них от переписчиков³²⁴. Так они могли и в данном случае скрыть настоящий уровень зажиточности некоторых крестьян, во дворах которых не было мужчин годных по возрасту и состоянию здоровья к несению солдатской службы.

Кроме того, следует обратить внимание, что старосты, а вслед за ними и воеводы, говоря о бедных крестьянах, употребляли понятие «маломочные», а не «охудалые». Это также может свидетельствовать в пользу нашего вывода, что понятие «охудалые крестьяне» в Олонецком уезде в период существования института пашенных солдат употреблялось не для обозначения не самых бедных, а для обозначения категории крестьян, с дворов которых некого было взять в солдаты.

Конечно, многие «охудалые крестьяне», действительно, могли быть бедными. Старость, увечность, болезнь ограничивали возможность преуспеть в тяжёлом крестьянском труде. Также, вероятно и большинству вдов с малыми

³²⁴ РГАДА. Ф. 141. 1649. Д. 29. Л. 168—170.

детьми ведение хозяйства давалось тяжело. Тем не менее, выше уже были упомянуты «охудалые крестьяне» — кредиторы, ссужавшие волостным людям немалые деньги. В таких случаях «охудалыми крестьянами» являлись не бедняки, а зажиточные хозяева, которые, однако, в силу своего преклонного возраста или по состоянию здоровья не подходили под критерии годности к солдатской службе, а сыновей подходящего возраста или состояния здоровья у них не было. Возможно, в семье вовсе не было сыновей, а были только дочери. Таким образом, и зажиточные крестьяне могли оказаться в категории «охудалых».

Это подтверждает ещё один документ — наказная память пушкарю Томиле Сафонову, направленному в 1651 г. в погосты Олонецкого уезда для разрешения спорных ситуаций при расселении «сошлых крестьян», возвращённых на места прежнего жительства. Как выяснилось из наказной памяти, вернувшиеся «сошлые крестьяне» подали воеводе жалобу на местных солдат и «охудалых крестьян», которые заняли их землю и теперь «владеют многими участки, участка по два и по три и по четыре и по пяти и болши»³²⁵. Полагаем, что перечисление в жалобе «охудалых крестьян» в одном ряду с солдатами и сообщение, что все они владеют несколькими участками, свидетельствует против мнения о малоземельности как об одном из основных критериев зачисления в группу «охудалых крестьян».

Здесь важно ещё раз подчеркнуть, что «охудалое тягло», уплачиваемое «охудалыми крестьянами», вовсе не было ниже обычного тягла, которое взималось с черносошных крестьян до введения службы пашенных солдат. Оно было точно таким же. Об этом свидетельствуют бюджетные сметы Олонецкого уезда, в которых о крестьянах, прибранных в солдаты, написано, что они от уплаты оброчных и данных денег освобождены, а «охудалым крестьянам» следовало тягло «платить по прежнему»³²⁶, а так как до введения службы категории «охудалых крестьян» и «охудалого тягла» в Заонежских и Лопских

³²⁵ АИ. Т. IV. № 51. С. 156.

³²⁶ РГАДА. Ф. 137. Олонец. Д. 2. Л. 22.

погостах не существовало, будет справедливым признать, что для не записанных в солдаты крестьян тягло осталось в прежнем размере. Это еще раз подтверждает, что государство не выделяло среди крестьян категорию беднейших и не давало «охудалым крестьянам» никаких льгот в уплате тягла. Вся политика, проводимая в это время в Олонецком уезде была подчинена реализации мероприятий по организации солдатской службы, поэтому и крестьян делили на две категории: солдат и их родственников, которые проживали с ними в одном дворе, и в этом случае дворы освобождались от тягла, и «охудалых крестьян», с дворов которых некого было взять в солдаты, поэтому им не полагалось освобождение от тягла, они платили его «по прежнему». В 1665 г., за год до отмены службы пашенных солдат, воевода В. А. Чоглоков сообщил в Москву о записи 1461 солдата «для старости в охудалые в тягло»³²⁷. Подчеркнём, что определяющим критерием для зачисления в группу «охудалых» в данном случае послужила «старость», а не «бедность».

Таким образом, наше исследование совершенно определенно показало, что разница между группами пашенных солдат и «охудалых крестьян» заключалась не в материальной обеспеченности, а в наличии или отсутствии во дворе мужчин, годных к несению солдатской службы, и от этого обстоятельства крестьянский двор мог приобрести либо статус солдатского и быть освобожденным от тягла, либо статус «охудалого» и быть обязанным тягло уплачивать.

Также следует отметить, что в историографии до сих пор в связи с введением солдатской службы в Заонежских и Лопских погостах упоминались только «охудалые крестьяне». В то же время такая категория как бобыли также оказалась разделена на бобылей, прибранных в солдаты, и «охудалых бобылей». Сложно утверждать произошло это в 1649 г. или в последующие годы, однако, в переписных книгах Ивана Дивова из ста восемнадцати зафиксированных бобылей двенадцать названы «охудалыми». Количество

³²⁷ РГАДА. Ф. 141. 1659. Д. 19. Л. 672.

очень небольшое, однако для нашего исследования в данном случае важна сама фиксация явления и подтверждение факта: бобыли тоже делились на две категории, тех, кого прибрали в солдаты, и тех, кого зачислили в группу «охудалых».

1.3. Количественные данные о пашенных солдатах и драгунах

Вопрос об общей численности солдат и драгун олонецких полков за все годы существования института пашенных солдат до настоящего времени не прояснён в историографии. Количественные данные, приводимые исследователями русской армии в обобщающих трудах или в работах по истории Карелии, требуют корректировки, так как подчас авторы приводят цифры справедливые на какой-то определённый момент и для определённой территории, иногда без оговорки, на какой год справедливы эти данные. В результате показанные цифры воспринимаются как итоговые. Однако на самом деле это только первичные подсчёты, сделанные в самом начале организации олонецких полков пашенных солдат. В последующие годы эти цифры значительно изменялись в сторону увеличения. Со времен выхода в свет исследований Р. Б. Мюллер и А. В. Чернова закрепилось мнение, что первый сохранившийся подсчет крестьян Заонежских и Лопских погостов, записанных в солдатскую службу, относится к июлю 1649 г. Тогда на части территории в солдаты было записано 7902 человека, из которых сформировали два солдатских полка³²⁸.

Так, Р. Б. Мюллер в очерках по истории Карелии XVII века указывала, что к июлю 1649 г. было прибрано в полк Александра Гамильтона 5482 человека и в полк Мартына Кармихеля 2420 человек³²⁹. Кратко касаясь организации полков «нового строя» на северо-западной границе России в середине XVII века, советский специалист по истории русских вооружённых

³²⁸ Мюллер Р. Б. Очерки по истории Карелии ... С. 132—133.; Чернов А. В. Вооружённые силы С. 143; Волков А. В. Войны и войска; Курбатов А. В. Организация и боевые качества русской пехоты ... С. 166.

³²⁹ Мюллер Р.Б. Очерки по истории Карелии ... С. 133.

сил А. В. Чернов приводит те же цифры, сложенные вместе. Он пишет, что в шести Заонежских и трёх Лопских погостах в службу было записано 7902 человека, из которых сформировали два солдатских полка³³⁰. Современный исследователь В. А. Волков повторяет эти данные в главе, посвящённой полкам «нового строя»³³¹. О. А. Курбатов говоря о переписи к 5 июля 1649 г. всего способного к солдатской службе мужского населения шести Заонежских и трёх Лопских погостов, со ссылкой на А. В. Чернова приводит те же цифры³³². Далее на основе документов, хранящихся в РГАДА, исследователь сообщает, что в 1654—1655 гг. в Заонежье за счёт записи в солдаты населения новых погостов было сформировано два новых полка по две тысячи человек — Томаса Крафферта и Ирика Андерсона Лукса³³³, хотя на самом деле, солдатская службы была введена в пятнадцати Заонежских и семи Лопских погостах практически одновременно в течение одного года — 1649-го.

В ходе исследования этого вопроса в рамках настоящей диссертации нами выявлен более ранний подсчёт пашенных солдат, который является самым первым с начала мероприятий по записи крестьян в солдаты. Этот подсчёт на 24 июня 1649 г. был сделан олонецкими воеводами Ф. Ф. Волконским и С. П. Елагиным по четырём погостам (Олонецкому, Оштинскому, Остречинскому, Важенскому) и Святозерской волости. В отписке, посланной с этими данными в Москву, на указанное число воеводы сообщили о 3394 солдатах, которые «пересмотрены на лицо», приведены к присяге и отданы в обучение полковникам А. Гамильтону и М. Кармихелю³³⁴. В последующем солдатская служба была распространена на черносозных крестьян всей территории будущего Олонецкого уезда, кроме Пиркиничского, Толвуйского и Челмужского погостов, являвшихся монастырскими вотчинами.

На основании сведений актовых материалов о том, что в книгах Дивова было зафиксировано 9500 солдат, Р. Б. Мюллер указывала, что в некоторые

³³⁰ Чернов А. В. Вооружённые силы ... С. 143.

³³¹ Волков В. А. Войны и войска ...

³³² Курбатов О. А. Организация и боевые качества русской пехоты ... С. 166.

³³³ Там же. С. 185.

³³⁴ РГАДА. Ф. 141. 1649. Д. 29. Л. 326.

годы число записанных в солдатскую службу доходило до 10 000 человек³³⁵. Однако в ходе исследования мы выяснили, что такое количество солдат было прибрано уже в 1649 г. воеводой Волконским. В 1651 г. Волконский просил царя о пожаловании его за службу и ранение во время Псковского мятежа 1650 г. Также князь напомнил в челобитной о своих заслугах в период исполнения им функций воеводы Олонецкого уезда в 1649 г., в том числе о том, что он «во всех Заонежских и Лопских погостех устроил в салдатскую службу болши 10 000 человек ... и ево-де строю салдаты ратному ученью выучены»³³⁶. Воевода Василий Александрович Чоглоков, сменивший Волконского на посту олонцкого воеводы (наказ ему об исполнении воеводской должности от 31 декабря 1649 г.), в октябре 1653г., в период подготовки олонцких полков к войне с Польшей, сообщил, что по прежнему списку в Заонежских и Лопских погостах 10924 солдата, из них умерли и сбежали 482 человека. Таким образом, в Олонце «на лицо» было 10442 военнослужащих, из них сержантов, подзнаменщиков, трубачей, барабанщиков, ротных дьячков, каптенармусов, ружейных дозорщиков 339 человек и 10103 рядовых солдат³³⁷.

В конце марта 1654 г. воевода Чоглоков сообщил в Москву новые данные о количестве солдат прибранных на службу всего и выбранных для отправки в полк Шереметева. Всего в уезде было прибрано 11005 человек, из них умерли и сбежали 514 человек, итого осталось 10491 человек. Отправки в полк Шереметева ожидали 8000 рядовых (7000 солдат и 1000 драгунов) и 298 военнослужащих нижних чинов. В остатке было 2193 человека, в дополнение к которым из «охудалых» крестьян и пашенных бобылей было «выбрано» 829 человек. И всего в остатке стало 3022 человека³³⁸. Таким образом, накануне войны с Польшей в 1654 г. в ряды олонцких пашенных солдат было записано более 11000 местных крестьян и бобылей.

³³⁵ Мюллер Р.Б. Очерки по истории Карелии ... С. 133.

³³⁶ РГАДА. Ф. 141. 1651. Д. 111. Л. 4—5.

³³⁷ РГАДА. Ф. 141. 1652. Д. 79. Л. 476.

³³⁸ РГАДА. Ф. 141. 1652. Д. 79. Л. 627—628; 1659. Д. 19. Л. 26.

В целом, на протяжении периода, когда существовали полки пашенных солдат, переписи их личного состава проводились неоднократно. Переписные книги солдат всего уезда составляли Ф. Ф. Волконский, И. С. Дивов, С. А. Малово, списки солдат, поделённых на «перемены» составляли С. К. Мякинин, П. В. Зиновьев и Е. И. Зиновьев. Однако единственным сохранившимся полным перечнем имён всех пашенных солдат Олонецкого уезда, а также их родственников и «охудалых» крестьян являются переписные книги, составленные И. С. Дивовым в 1657 г.³³⁹

В ходе подготовки настоящей диссертации этот источник был нами изучен, сделаны подсчёты имён пашенных солдат, зафиксированных переписчиком, и проанализирована информативность полученных данных.

Дивов был направлен из Москвы в Олонецкий уезд в целях разрешения возникших проблем по сыску и высылке солдат на службу. В его задачу входило, во-первых, составить списки всех пашенных солдат: тех, которые на момент его приезда находились дома, тех, которые находились где-либо на службе, тех, которые уже погибли, умерли, пропали без вести или сбежали, а также родственников солдат и «охудалых» крестьян, которые по возрасту или состоянию здоровья не годились к службе. Дивов должен был провести дополнительный набор солдат, понизив возраст призыва с 20 до 15 лет, и разыскать беглых. Кроме того, разделив всех солдат на две «перемены», одних он должен был отправить на театры боевых действий, а других оставить дома с тем, чтобы впоследствии они сменяли друг друга. Правда, структура переписных книг Дивова, дошедших до нас, не отражает деление солдат на две перемены. Возможно, по итогам его деятельности подьячими были написаны два варианта книг: один — общие данные о солдатах по восьми категориям, второй — деление солдат на две перемены. Однако второй вариант, если он был, не сохранился до наших дней.

Перепись Дивова охватила четырнадцать Заонежских (Андомский, Важенский, Веницкий, Выгозерский, Вытегорский, Кижский, Мегорский,

³³⁹ РГАДА. Ф. 137. Оп. 1 (Олонец). Кн. 5. 1130 л. с об.

Олонецкий, Остречинский, Оштинский, Пудожский, Шальский, Шуйский, Шунгский) и четыре Лопских (Линдозерский, Паданский, Селецкий, Семчозерский) погоста Олонецкого уезда. В Водлозерском погосте все жители, узнав о приезде Дивова, разбежались, а в три Лопских погоста (Панозерский, Ругозерский, Шуезерский) сыщик не смог проехать из-за отсутствия дорог.

Данные, собранные переписчиком, составили восемь книг, каждая из которых посвящена определённой категории солдат или крестьян (Табл. 1). Всего источник содержит 19003 имени жителей Олонецкого уезда, но пашенные солдаты указаны только в книгах 1—6, а в книги 7—8 записаны лица, по разным причинам не годившиеся к службе. Так, в первые две книги были внесены имена солдат, записанных на службу до 1657 г. и непосредственно самим Дивовым в 1657 г. соответственно и, вероятно, находившихся на момент переписи дома; в третью — имена солдат, служивших в крепостях Лавуе и Олонце; в четвёртую — отправленных на службу в различные русские, литовские, польские или шведские города и земли; в пятую — беглых и пропавших без вести; в шестую — погибших и умерших (как на службе, так и дома или в пути); в седьмую — солдатских родственников (отцов, братьев, сыновей, племянников и прочих), которые жили с ними в одних дворах и по возрасту или состоянию здоровья не годились к службе с указанием возраста мальчиков от 4 до 15 лет. Восьмая книга представляет собой перечень имён «охудалых» крестьян и «охудалых» бобылей, освобождённых от несения солдатской службы.

По нашим подсчётам, в 1657 г., через восемь лет после введения службы пашенных солдат, Дивов внёс в составленные им перечни (книги 1—6) 13579 имён черносозных крестьян, служивших в разные годы в рядах солдат. Из них на момент переписи 727 солдат (140 человек — в книге 3; 587 человек — в книге 5) показаны среди сбежавших, пропавших безвестно, не найденных, не вернувшихся со службы, а 2404 солдата (33 человека — в книге 3; 2371 человек — в книге 6) показаны среди погибших или умерших на службе. Но 10448 солдат все ещё были в строю, и впереди их ожидало трудное

десятилетие, особенно начало 1660-х гг., на которые приходился пик дезертирства пашенных солдат.

Таблица 1

Количественные данные из переписных книг И. С. Дивова

Книга	Категория населения в отношении службы пашенных солдат	Кол-во ³⁴⁰
1	Солдаты, записанные на службу до 1657 г. и на момент переписи находившиеся дома	5558
2	Солдаты, записанные на службу в 1657 г.	1992
3	Солдаты, служившие в крепостях Лавуе и Олонце	1174
4	Солдаты, находившиеся на службе в различных русских, литовских, польских или шведских городах	1816
5	Беглые и пропавшие без вести солдаты	587
6	Умершие и убитые солдаты	2452
7	Родственники солдат (отцы, сыновья, братья, дяди, племянники) и захребетники, которые жили с ними в одних дворах и по возрасту или состоянию здоровья были не годны к службе	4372
8	«Охудалые» крестьяне и «охудалые» бобыли	1052
Итого		19003

Источник: РГАДА. Ф. 137. Оп. 1. Олонце. Кн. 5. Переписные книги солдат и крестьян Ивана Семеновича Дивова 1657 г. 1130 л. С об.

На основании полученных количественных данных подвергаем сомнению правильность истолкования Р. Б. Мюллер сведений источника о том, что в

³⁴⁰ Иногда переписчик вносил в книги не только ту информацию, которая подразумевалась заголовком. Так, в книге 3 указаны не только солдаты, служившие в Лавуе и Олонце, но также 104 беглых солдата, 33 умерших, 22 больных, 46 отказавшихся служить, 14 не вернувшихся со службы, 22 не найденных; в книге 6 указаны не только умершие и убитые, но также 45 солдат, принявших постриг, 20 взятых в плен и 16 пропавших безвестно. В данной таблице показано количество, полученное в результате общих подсчетов по каждой книге.

книгах Дивова было зафиксировано 9500 солдат³⁴¹. На самом деле, в сохранившейся «Росписи перечневой салдатцкой службе», написано следующее: «А по письму Ивана Дивова написано на Олонце и в Заонежских и в Лопских погостех старых, и раненых, и малых, и с теми, которые на службах в розных городех 9500 человек, и в том числе больных, и раненых, и устарелых, которых з государеву службу не станет с полторы тысячи человек, опроче того, которые в нынешнем во 166-м году в городех померли, а на Олонце и в Олонецком уезде в Заонежских и в Лопских погостех драгунов и салдат старых и новоприписных, и раненых, и увечных, и с теми, которые от высылки бегают по списку всего 7000 человек»³⁴². Таким образом, во-первых, на основании подсчётов по каждой из восьми книг Дивова нам удалось установить, что сведения «росписи» даны в обобщённом виде и не совпадают с данными по каждой книге в отдельности. Во-вторых, очевидно, что по книгам Дивова в Олонецком уезде всех вместе годных к службе солдат и драгун, а также больных, раненых, увечных, беглых, старых и малых было 16500 человек и это без учёта солдат, умерших на службе в разных городах.

Т. В. Старостина отмечала, что «по счету крестьянских миров, службу прошли около 17 тысяч человек»³⁴³. Думается, что эта цифра близка к реальной, так как за девять лет со времени переписи Дивова до отмены службы пашенных солдат в 1666 г. подросших мальчиков тоже могли прибрать на службу. Ввиду того, что никакой другой переписи пашенных солдат не сохранилось, определить точную численность пашенных солдат после 1657 г. не представляется возможным.

А. Ю. Жуков, изучив сметы расходов олонецкого бюджета, ввёл в научный оборот данные о количестве пашенных солдат и драгун, служивших в различных городах, заставах и острожках в 1650-е — 1660-е гг., о которых известно, что они получили за службу жалованье. Исследователь указывает, что

³⁴¹ Мюллер Р. Б. Очерки по истории ... С. 134.

³⁴² РГАДА. Ф. 141. 1659. Д. 19. Л. 27.

³⁴³ Старостина Т. В. Пашенные солдаты ... С. 3.

количество солдат и драгун, получивших жалованье, устанавливается с точностью до одного человека³⁴⁴.

Так, по сведениям историка, в 1656/57 г. с Олонца на службу в Прибалтику в полк князя Ивана Андреевича Хованского отправились 605 конных драгун и 402 солдата-пехотинца полка А. Гамильтона, а под Кексгольм — 428 драгун и 128 солдат полка Т. Крафферта; за службу уезд выплатил им 8416 рублей. Еще 2513 рублей ушло 1182 солдатам, 33 драгунам и 8 трубачам под Кексгольм, и 67 солдатам, которые были «в карауле на Олонце»; 888 солдат полка Вальтера Кармихеля получили за кексгольмскую службу 1778 рублей и 66 рублей 16 алтын 4 деньги за службу на пограничной заставе в Кондушах³⁴⁵. За 1657/58 г., по данным А. Ю. Жукова, отмечено, что на заставе в Лавуе с воеводой С. Елагиным стояли 798 олонецких солдат в три смены и получили они 371 рубль; в Псков в полк И. А. Хованского к 1000 солдат и драгун поступило 1000 рублей; 3123 солдата, стоявшие «в Олонце и в острожках на караулах» получили 1924 рубля 16 алтын «месячного корму и за сухари, крупу, толокно, соль»³⁴⁶.

В «сметах» за 1658/59 г. отмечены 3218 солдат, которые были в Олонце и в приграничных острожках, им выплачено 3341 рубль 7 алтын; на заставу Лавую 831 солдату поступило 437 рубля 8 денег; в Псков в полк И. А. Хованского 500 драгунам и 1000 солдатам ушло 6000 рублей и им же «на корм от Олонца до Пскова» — еще 945 рублей³⁴⁷. Из донесения юрьевского воеводы Михаила Ивановича Щетинина в Посольский приказ (не позднее 12 февраля 1659 г.) А. Ю. Жуков выявил, что в Юрьеве-Ливонском стояли «голова псковских стрельцов Андрей Коптев с приказом да салдацкого строю полковник с начальными людьми, а у него в полку олонецких салдат триста дватцать девять человек, — и в тех, государь, малые люди русскому языку умеют, — да новгородских стрельцов пятьдесят два человека». В последующем,

³⁴⁴ Жуков А. Ю. Управление и самоуправление ... С. 217.

³⁴⁵ Там же.

³⁴⁶ Там же. С. 218.

³⁴⁷ Там же.

указал автор, псковичей отозвали на службу в Москву, и в Юрьеве остались только олонецкие солдаты и новгородские стрельцы³⁴⁸. Уездные сметы за 1659/60 г. отметили 26 «юрьевских сидельцев» — пашенных солдат, попавших в Юрьеве в осаду. Им выплатили 104 рубля. 837 рублей 9 алтын 2 деньги уезд израсходовал на 587 своих солдат Лавуйской заставы³⁴⁹. В 1660/61 г. на заставную службу 599 солдат в Лавуе ушло 2106 рублей 8 алтын. Тогда же все «юрьевские сидельцы» псковского полка князя И. А. Хованского — 3575 олонецких драгун и солдат — получили 23970 рублей медными деньгами. Кроме того, 274 солдатам «полюцким сидельцам» (то есть попавшим в осаду в Полоцке) воевода Т. Мышецкий выплатил 490 рублей 6 алтын 4 деньги³⁵⁰.

Однако все эти цифры не дают нам сколько-нибудь точного представления об общем количестве крестьян, прибранных в ряды пашенных солдат и драгун не только за всё время существования солдатской службы в Олонецком уезде, но и за отдельные годы, так как касаются только отдельных групп солдат. Так, если суммировать количество солдат и драгун, получивших жалованье в выше указанные годы в соответствии с выявленными А. Ю. Жуковым данными из уездных смет, получится, что в 1656/57 г. за несение службы получили вознаграждение 3741 человек, в 1657/58 г. — 4921 человек, в 1658/59 г. — 5549 человек, в 1659/60 г. — 613 человек, 1660/61 г. — 4448 человек. Получившиеся данные показывают, что сметы расходов не могут служить источником для определения не только общей численности солдат и драгун, но и количества солдат и драгун, участвовавших в военных действиях. В актовом материале содержатся сведения о том, что жалованье, как начальным людям, так и солдатам и драгунам олонецких полков, могли выдать не только из доходов олонецкой казны, но также из новгородских или псковских доходов, поэтому, ещё раз подчеркнём, что по сведениям олонецких смет расходов нельзя судить о количестве солдат и драгун.

³⁴⁸ Жуков А. Ю. Управление и самоуправление ... С. 218.

³⁴⁹ Там же.

³⁵⁰ Там же.

ГЛАВА 2. ОРГАНИЗАЦИЯ СЛУЖБЫ ПАШЕННЫХ СОЛДАТ (1649—1666)

2.1. Обеспечение и обучение местных крестьян военному делу (1649—1654)

2.1.1. Вооружение, снабжение, сборы, смотры

Для обучения военному делу ратных людей создаваемых полков нового строя необходимы были специальные руководства, поэтому в 1647 г. в Москве на русском языке выпустили первый том обширного сочинения датчанина Вальгаузена «Учение и хитрость ратного строения пехотных людей», в котором содержались рекомендации и наставления относительно командного состава, организации и боевого построения роты, устройства и обращения с мушкетом, обучения мушкетеров шеренгами и рядами. Вопрос обучения солдатскому строю в книге изложен очень сложно: процесс заряжания мушкета имел 42 приема, подготовка к выстрелу из мушкета состояла из 57 приемов³⁵¹. Такая чрезмерная детализация правил обращения с оружием, по мнению А. В. Чернова, создавала большие трудности в изучении ратного дела, однако несмотря на это, автор полагал, что «Учение» являлось официальным документом, которым руководствовались в солдатских полках нового строя, созданных в России³⁵². Вероятно, пашенных солдат Олонецкого уезда также обучали по данному изданию. С восприятием опыта западноевропейских армий и со сложностью обращения с огнестрельным оружием составители комментариев к Соборному Уложению 1649 г. связывают повышение возрастного ценза годности к военной службе с 15 до 18 лет³⁵³.

По сведениям, выявленным А. В. Черновым, учить солдат в полках нового строя полагалось «почасту», ежедневно или не реже одного-двух раз в неделю, если это касалось поселённых солда, а методы обучения и обращение начальных людей со своими подчинёнными были грубыми и жестокими.

³⁵¹ Чернов А. В. Вооружённые силы ... С. 151.

³⁵² Там же.

³⁵³ Соборное Уложение 1649 г. Комментарии (к гл. VII. О службе всяких ратных людей Московского государства). С. 167—168.

Исследователь привёл слова воеводы Белгородского полка Ромодановского, свидетельствующие о том, что в 1660 г. полковники «начальных людей» русских и иноземцев в своих полках бьют, шпагами колют и к пушкам куют³⁵⁴. Источники свидетельствуют, что в Олонецком уезде в ходе обучения местных крестьян военному делу тоже возникали конфликты, связанные как с различными злоупотреблениями «начальных людей», так и с нежеланием пашенных солдат ходить на учения³⁵⁵.

В 1649 г. в Олонецком уезде под командованием полковников Александра Гамильтона и Мартына Кармихеля были созданы два полка, укомплектованные местными чернососными крестьянами по административно-территориальному принципу. Центр полка А. Гамильтона находился в Олонце, М. Кармихеля — в Оште. До создания в 1654 г. третьего полка — под командованием полковника Томаса Крафферта, «начальные люди» полка Гамильтона обучали солдат, прибранных в пяти Заонежских погостах (Выгозерском, Кижском, Олонецком, Шунгском, Шуйском) и семи Лопских погостах (Линдозерском, Паданском, Панозерском, Ругозерском, Селецком, Семчезерском, Шуезерском)³⁵⁶, а «начальные люди» полка Кармихеля — солдат, прибранных в десяти Заонежских погостах (Андомском, Важинском, Веницком, Водлозерском, Вытегорском, Мегорском, Остречинском, Оштинском, Пудоожском, Шальском)³⁵⁷. После создания полка Т. Крафферта было проведено перераспределение солдат по трём полкам, однако в источниках нет точных сведений, какие погосты отошли в ведение вновь назначенного полковника.

Обучать новоприборных солдат военным навыкам должны были прибывшие в 1649 г. в Олонец иноземные офицеры. Всего по опубликованной в «Дополнениях к актам историческим» «Росписи иностранных офицеров и

³⁵⁴ Чернов А. В. Вооружённые силы ... С. 151.

³⁵⁵ Архив СПбИИ РАН. Ф. 98. Оп. 1. К. 1. Д. 80 (а). Ст. 1—2об.; Д. 80 (в). Ст. 5—8; Д. 147 (8). Ст. 15; Д. 147 (13). Ст. 22 с об., 22а; К. 2. Д. 5 (11, 12, 13). Ст. 12 с об., 13, 14; Д. 45. Ст. 1—6; РГАДА. Ф. 141. 1652. Д. 79. Л. 56—57, 356.

³⁵⁶ Там же. К. 1. Д. 40 (а). Ст. 14 с об.

³⁵⁷ Там же. Д. 40 (т). Ст. 13 с об.

нижних чинов, назначенных для обучения людей в солдатских полках, расположенных в Заонежских погостах» на место назначения прибыли 104 иноземца³⁵⁸.

Отметим, что присутствие иностранцев на военной службе в России не являлось чем-то исключительным. А. В. Малов справедливо подчеркивает, что XVII столетие для Европы можно назвать эпохой наёмных армий. Вооружённые силы большинства государств целиком, либо частично, состояли из наёмников разных национальностей, и даже страны, обладавшие постоянными войсками, в условиях войны без наёмников обойтись не могли. В России наёмные иностранцы выполняли функции военных инструкторов и составляли значительную часть командного звена. А. В. Малов указывает, что иноземцы всегда присутствовали в составе вооружённых сил Московского государства, однако, начиная с подготовки в конце 1620-х гг. к войне за возвращение Смоленска, их количество многократно возросло. Помимо обычных служилых иноземцев, выехавших в Россию «на вечную службу», также служило множество иностранных офицеров, приехавших по найму «на время». Как совершенно верно полагает исследователь, их роль в формировании войск нового строя трудно переоценить³⁵⁹.

По данным, выявленным и подсчитанным А. В. Черновым, в 1631 г. на русской службе в полках нового строя из среды иноземцев было: полковников — 4, подполковников — 3, майоров — 3, квартирмейстер — 1, ротмистров — 13, капитанов — 24, поручиков — 28, прапорщиков — 25, сержантов, капралов и других военнослужащих низших чинов — 87; всего 190 человек³⁶⁰. После Смоленской войны 1632—1634 гг. часть иноземцев была отпущена со службы, часть выслана из России.

В период подготовки и проведения войны с Польшей приём иноземцев на службу был увеличен. С «начальных людей», прибывавших на службу, правительство требовало «патенты», свидетельства о службе, рекомендации

³⁵⁸ ДАИ. Т. 3. 1848. С. 170—173.

³⁵⁹ Малов А. В. Конница нового строя ... С. 119.

³⁶⁰ Чернов А. В. Вооружённые силы ... С. 149.

королей и других высокопоставленных лиц, устраивало приезжим иноземцам испытания: может ли каждый из них владеть оружием и правильно ли понимает свои обязанности. Большинство иноземцев, по данным А. В. Чернова, оказалось невежественным в военном деле, многие из них были неграмотны и не могли расписаться даже на своем родном языке³⁶¹.

О. А. Курбатов привёл интересные сведения об отборе иноземцев для военной службы в России, который совместно проводили в 1646 г. в Голландии майор Исаак Фанбуковен и будущий глава Иноземского приказа стольник Илья Данилович Милославский. Оценивалось умение претендентов обращаться с мушкетом, пикой и шпагой. Результаты формулировались следующим образом: по досмотру «добр добре», «добр», «умеет», «средний», «худ добре»³⁶². Важно заметить, что даже тот испытуемый, который формально не прошёл испытания, был оценен «по смотру худ добре» и, по словам майора Фанбуковена, не годился не только в офицеры, но даже в солдаты, тем не менее, был принят на службу, как и все прочие участники испытания, в офицерском чине. И это несмотря на то, что во время показа своих умений этот претендент – Яков Стюарт – «выходил с мушкетом, штурмовал и стрелял, и застрелил трех человек, толмача Нечая Дрябина да двух солдат немцев, у Нечая да у немчина испортил по руке, да на всех на них прожег платье, за пику солдатскую приняться и штурмовать не умел ...»³⁶³. О. А. Курбатов полагает, что в 1646 г. таким образом была оценена сама готовность этих людей выехать в Россию³⁶⁴.

В то же время среди иноземных офицеров было много хороших специалистов военного дела. А. В. Малов показал, что упорный отказ Алексея Михайловича от признания легитимности республиканских правительств

³⁶¹ Чернов А. В. Вооружённые силы ... С. 149.

³⁶² Курбатов О. А. Писано кровью: к истории правил техники безопасности по обращению с огнестрельным оружием в середине XVII века [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. 2012. Т. 1. С. 236. URL: <http://www.milhist.info/2012/05/04/kyrbatov>. Дата обращения: 05.11.2014.

³⁶³ Там же. С. 236—237.

³⁶⁴ Там же. С. 237.

Англии сделал Россию прибежищем для многих английских роялистов, в своём большинстве военных профессионалов³⁶⁵.

Среди 104 иноземцев, прибывших в 1649 г. в Заонежские погосты для обучения пашенных солдат военному делу было 2 полковника, 2 майора, 11 капитанов, 17 поручиков, 2 полковых квартирмейстера, 16 прапорщиков, 1 полковой обозник, 3 полковых писаря, 2 полковых лекаря, 20 сержантов, 2 капрала, 3 каптенармуса, 7 рядовых, 6 барабанщиков. Кроме того, в той же «Росписи» указано, что полковники били челом ещё о десяти военных, которые, по их мнению, были годны для службы в Олонецком уезде в разных чинах³⁶⁶.

На основании архивных документов, не введённых ранее в научный оборот, нам удалось установить, что ещё перед отъездом из Москвы полковник А. Гамильтон бил челом боярину И. Д. Милославскому, что ему велено солдатскому строю учить в Заонежских погостах 3000 государевых крестьян, а урядников к тем трём тысячам с ним послано всего на 8 рот, поэтому полковник довёл до сведения Милославского, что «теми урядники тех пятнатцати рот полным салдатским строем как ведетца и преж сево салдатцкой строй бывать урядить немочна»³⁶⁷. Кроме того, полковник Гамильтон, видимо, был осведомлён о системе расселения жителей Заонежских и Лопских погостов, поэтому обосновывал свою просьбу о большем количестве урядников тем, что расстояния между населёнными пунктами большие, «в розных погостах далека вёрст по сту и по двести и по триста и больши и в наученье тех людей вместе собрать немочно», поэтому требуется много урядников, чтобы разослать их по погостам³⁶⁸. Несмотря на аргументы полковника, количество урядников его полка увеличено не было, но ему было разрешено переводить подчинённых «из чина в чин, кто в какой чин годен и кого з государеву службу

³⁶⁵ Малов А. В. Конница нового строя ... С. 119.

³⁶⁶ ДАИ. Т. 3. 1848. С. 170—173.

³⁶⁷ РГАДА. Ф. 141. 1649. Д. 29. Л. 297—298.

³⁶⁸ Там же. Л. 299.

с какой чин будет»³⁶⁹. Правда, когда в том же 1649 г. выяснилось, что полковник воспользовался данным ему правом и многих подчинённых перевёл в более высокие чины, из Москвы впредь ему запретили так поступать без царского указа³⁷⁰, а тем иноземцам, кого он уже повысил в чине, жалованье было указано дать по их прежнему чину, в каком они были отправлены в Олонец.

Также в ответ на челобитную полковника А. Гамильтона, в которой он сообщал, что для обучения 3000 солдат (15 рот) ему не хватает урядников (1 поручика, 2 прапорщиков, 39 сержантов, 120 капралов, 1 каптенармуса)³⁷¹, из Москвы было велено поручика, прапорщиков, сержантов, капралов, каптенармусов «прибрать из заонежан из старых салдат, которые бывали в салдатех в Смоленскую службу и на иных службах, добрых и учителных людей»³⁷². На тот факт, что низшие чины — сержанты и капралы — в олонецких полках пополнялись из среды самих солдат, указала ещё Р. Б. Мюллер³⁷³. Тем не менее, первоначально, как видно из перечня иноземцев 1649 г., среди них были и сержанты, и капралы, и даже рядовые, для которых, по-видимому, служба в полках пашенных солдат была хорошей возможностью получить повышение в чине.

Необходимое для обучения солдатскому строю вооружение прибыло в Заонежские погосты в мае 1649 г. вместе с иноземными «начальными людьми», но так как процесс записи крестьян в солдаты затянулся дольше ожидаемого по названным выше причинам, обучение военному делу началось только с конца июня³⁷⁴.

На момент отправления иноземных офицеров с оружием из Москвы в Олонец (февраль 1649 г.) количество крестьян, годных к солдатской службе еще не было известно, и, основываясь вероятно на данных переписи 1646 г., в

³⁶⁹ РГАДА. Ф. 141. 1649. Д. 29. Л. 298.

³⁷⁰ Там же. Л. 333—335.

³⁷¹ Там же. Л. 304.

³⁷² Там же. Л. 348.

³⁷³ Мюллер Р. Б. Очерки по истории Карелии ... С. 132.

³⁷⁴ Там же. Л. 192, 196.

Москве предполагали привлечь к солдатской службе в этом приграничном регионе примерно шесть тысяч местных жителей. Именно на такое количество человек было отправлено «ружьё» и «всякий запас»: 6 000 мушкетов «с замками и со всяким строем»; 6 000 шпаг; 6 000 бандалеров; 500 пудов «зелья пищальново»; 30 пудов «зелья пушечново»; 200 пудов пулек мушкетных свинцовых; 400 пудов свинца; 300 пудов фитиля и 30 трубок на фитили; 6 форм «во што пулки лить»; 30 знамен «зенденинных»; 90 барабанов; 30 пушек полковых медных, а к ним по 100 ядер: «первая статья в 5 гривенок, другая статья в 4 гривенки, третья статья в 3 гривенки ядро»; 30 труб; «на образец 10 полупик»; 10 подсошков; 1 лом; 1 лопатка железная; 1 кирка³⁷⁵.

Из документов известно, что одну часть вооружения везли «начальные люди» полка А. Гамильтона, другую — полка М. Кармихеля. Первая половина вооружения пришла в Новгород 24 марта 1649 г., вторая в это время находилась в Вышнем Волочке, потому что не удалось собрать необходимое количество подвод, которых требовалось очень много³⁷⁶. Новгородский воевода Ф. А. Хилков, решая вопрос о сборе подвод, сообщил в отписке: «... а по смете, государь, надобно будет под то ружьё и под наряд и подо всякие пушечные запасы с пятьсот подвод»³⁷⁷. Помимо того, что в Новгороде, по словам воеводы, невозможно было быстро собрать такое количество подвод, воевода добавил, что зимний путь «ставитца последней» и пока «наряд» придёт в Новгород, из Новгорода в Олонец «того ружья и наряду до летнего водяного судового пути и допривести будет нелзе, потому что горним путем дорога к Ладогге и к Олонцу худа, мхи великие и болота, а от онова города, государь, до Олонецкого погоста триста верст, а все водяным путем рекою Волховом да Ладоским озером и до Олонца»³⁷⁸. Именно в силу природных обстоятельств, когда по зимнему пути уже нельзя было ехать, а летний водный путь еще не открылся, следование иноземных военных в Заонежские погосты затянулось на несколько месяцев. В

³⁷⁵ РГАДА. Ф. 141. 1649. Д. 29. Л. 2.

³⁷⁶ Там же. Л. 106—107.

³⁷⁷ Там же. Л. 139.

³⁷⁸ Там же. Л. 140.

Москве были недовольны задержкой и в царской грамоте, посланной новгородскому воеводе Ф. А. Хилкову, содержался упрёк, что из-за присланных челобитных, поданных на иноземцев «во всяком насильстве», которое те совершили по дороге в отношении местного населения, «учинилось мотчанье, было мощно наряд и ружье и пушечные запасы, што в Великий Новгород привезено, давно на Олонец отпустить»³⁷⁹. Поведение некоторых иноземных офицеров подробнее будет рассмотрено в третьей главе диссертации, но важно подчеркнуть, то, о чём свидетельствовала позиция правительства: приоритет в политике принадлежал исполнению иноземцами их прямых военных обязанностей по обучению солдатскому строю крестьян Заонежских и Лопских погостов. Поведение же иноземцев имело второстепенное значение.

В итоге большинство нанятых военных вместе с вооружением прибыли к месту службы только в мае 1649 г. Известно, что одна часть вооружения, сопровождаемая людьми полка Гамильтона, была отпущена водным путем из Новгорода 1 мая 1649 г., а вторая часть вместе с людьми Кармихеля 5 мая только прибыла в Новгород из Вышнего Волочка и была отпущена в Олонец 15 мая³⁸⁰.

В одной из отписок новгородского воеводы Хилкова перечислено отпущенное как с людьми Гамильтона, так и с людьми Кармихеля вооружение. В первом случае названы «три тысени мушкетов, три тысени шпаг, три тысени бондалеров, двесте пятьдесят пуд зелья пищального, пятнатцать пуд зелья пушечного, сто пятьдесят пуд фитилю, сорок барабанов, шестьдесят протазанов, пятнатцать пушек полковых, тысеча пятьсот [ядер], три пуда селитры», во втором — «три тысени мушкетов, три тысени шпаг, три тысени бондалиров, двесте пятьдесят пуд зелья пищального, пятнатцать пуд зелья пушечного, сто пуд пулек свинцовых, двесте пуд свинцу, сто пятьдесят пуд фитилю, сорок пять барабанов, пятнатцать пушек полковых, тысеча пятьсот

³⁷⁹ РГАДА. Ф. 141. 1649. Д. 29. Л. 134—136.

³⁸⁰ Там же. Л. 175, 178.

ядер, три пуда тритцать гривенок селитры, шестьдесят протазанов»³⁸¹. Как видно, вооружение было поделено почти поровну между двумя полками, но в полк Кармихеля дополнительно было дано на пять барабанов больше, а также только в этот полк было дано 100 пудов пулек свинцовых и 200 пудов свинцу.

Правда, в тексте наказной памяти, посланной в январе 1650 г. олонекским воеводой С. Елагиным в Оштинский погост полковнику М. Кармихелю с упреком, что он все еще не представил отчет о раздаче оружия солдатам, говорится, что в полк Кармихеля было отпущено 3000 мушкетов, 3000 шпаг, 3000 бандалеров, 150 пудов фитиля, три формы для литья пулек, 15 знамен, 45 барабанов, 5 бочек зелья пищального, «а в них весу 78 пудов». Сравнение информации двух документов показало, что сведения отличаются, в том числе в памяти Елагина не названы пушки, ядра и зелье пушечное. Зато названы 15 знамен, 3 формы для литья пулек и меньший объем селитры³⁸². Не исключено, что тяжелую артиллерию по прибытию на место службы было решено всю оставить в Олонце.

О том, что первая половина вооружения была доставлена в Олонец, Волконский сообщил в отписке от 19 мая, а о доставке второй половины — 31 мая³⁸³. После доставки вооружения в Олонец стало возможным начать обучение крестьян солдатскому строю. То, как это обучение должно было осуществляться, было прописано в грамоте олонекским воеводам от 20 июня 1649 г. и повторено в грамоте от 3 июля того же года: «А послать в погосты капитонов и маеров и иных начальных людей и велели им прибраться и написать к себе в полк по пяти и по шти сот и смотря по тамошнему делу для того, чтоб в общем ученье и в большом зборе Заонежским и Лопским погостов салдатом налоги не было. А в пашенную и в делавую пору им в ученье велели естя полготить, чтоб им пашен своих и домового строенья не отбыть. А как их начальные люди по погостом выучат и вы б для свального большого ученья и для розмотренья велели салдатом изо всех погостов быти к себе на Олонец в

³⁸¹ РГАДА. Ф. 141. 1649. Д. 29. Л. 178.

³⁸² Архив СПбИИ РАН. Ф. 98. К. 1. Д. 35р. Ст. 24—25.

³⁸³ РГАДА. Ф. 141. 1649. Д. 29. Л. 192, 196.

году одинава или двожды и розмотря ученья роспускали с начальными людьми по погостом, где которой полк прибран будет и выучен, а с которого числа Заонежских и Лопских погостов крестьян и на сколько полков и в которых погостех учить учили, о том вести о всем к нам отписал вскоре»³⁸⁴. Из этого документа не вполне ясно, что имелось в виду под названием «полк», тем не менее, полагаем, что рассмотренное в первой главе обращение полковника А. Гамильтона по вопросу нехватки начальных людей и полученный им из Москвы ответ, доказывают создание в Заонежских погостах в 1649 г. всего двух полков по 3000 человек в каждом, подразделённых на 15 рот.

Для обучения солдаты должны были ежедневно являться в деревню, в которой жил их командир. В виду малой плотности населения Олонецкого уезда, где многие деревни состояли всего из нескольких дворов, а от одной деревни до другой было много верст, солдатам приходилось каждый день преодолевать многокилометровый путь. Долго это продолжаться не могло, так как слишком мало времени оставалось у пашенных солдат на занятия сельскохозяйственным трудом и промыслами, что напрямую нарушало основной принцип их службы – самообеспечение продовольствием. В связи с этим уже 4 апреля 1650 г. последовал царский указ, разрешающий в пашенное время учить солдат по льготному режиму: если в семье был один или два солдата – им разрешалось приходить на учения один раз в три недели, если в семье было три или четыре солдата – им велелось «в ученье приходить понедельно переменяючись»³⁸⁵.

Ежедневное обучение солдат проводили военные младшего командного состава: прапорщики и поручики. Офицеры среднего звена периодически проводили смотры солдат. Для этого солдатам надо было являться в деревню, где жил капитан или майор их роты. Пашенные солдаты не могли тратить на дорогу столько времени, поэтому на основании их челобитных был издан еще один указ, предписывавший в пашенное время капитанам самим выезжать

³⁸⁴ РГАДА. Ф. 141. 1649. Д. 29. Л. 204, 205—206.

³⁸⁵ Архив СПбИИ РАН. Ф. 98. К. 1. Д. 140. Ст. 1—2.

«досматривать салдат» в то место, где проводилось обучение³⁸⁶. Уровень обучения солдат проверялся также полковниками. М. Кармихель сообщал, что для «наученья ратному строю» он переезжает из погоста в погост³⁸⁷.

Первоначально солдатам и драгунам выставочных волостей было приказано являться на учения в погосты, но с 1653 г. по царскому указу начальные люди были разосланы и по этим волостям. Однако, как доносил М. Кармихель воеводе В. А. Чоглокову, солдаты в этих волостях: «в ученье не ходят и их [начальных людей — Д. Б.] бранят и бьют»³⁸⁸.

Из документов известно об общих сборах обученных солдат в Олонце. Так, в декабре 1649 г. полковнику Кармихелю было велено явиться в Олонец со всеми своими солдатами и начальными людьми на сход³⁸⁹. Старостам всех погостов воевода направил памяти с требованием уведомить всех солдат о предстоящем мероприятии³⁹⁰. Солдатам указывалось явиться в Олонец с ружьем и «запасом» на неделю. Когда выяснилось, что у некоторых солдат не было оружия, им разрешили на сход не приходить³⁹¹. Недостаточное количество оружия объясняется просто: уже в июле 1649 г. в солдаты было записано 7902 человека, что почти на 2000 человек больше, чем количество присланных в Олонец мушкетов.

В 1650 г. олонецкие солдаты вместе с начальными людьми были собраны в очередной раз, теперь уже для явки в Москву. В изученных документах нет данных, какое количество солдат было призвано. Известно, что полковник М. Кармихель был болен накануне отправки полков, поэтому его солдаты, оказавшись в подчинении незнакомых им полковника А. Гамильтона и подполковника Индрика Андерсона, были недовольны этим обстоятельством и не желали отправляться в Москву. Сам полковник Кармихель расценил

³⁸⁶ Архив СПбИИ РАН. Ф. 98. К. 1. Д. 67л. Ст. 262—7; Д. 67м. Ст. 28—30.

³⁸⁷ РГАДА. Ф. 141. 1652. Д. 79. Л. 211.

³⁸⁸ Там же. Л. 356.

³⁸⁹ Архив СПбИИ РАН. Ф. 98. К. 1. Д. 40т. Ст. 15, 15об.

³⁹⁰ Там же. Ст. 13об., 14, 14об.

³⁹¹ Там же. Ст. 15об.

назначение в его полк других полковника и подполковника (пусть даже временное) как бесчестье для него³⁹².

Обученных солдат уже в 1650 г. посылали служить на пограничные заставы вместе с ладожскими казаками. А. Ю. Жуков отметил, что до введения в 1649 г. воеводского управления в Олонце границей заведовали воеводы Новгорода, им помогали воеводы Ошты. Автор выявил, что до этого на олонецкие и сямозерские заставы для охраны ежегодно отправлялись пять помещиков из Новгорода и двадцать олонецких крестьян. По данным историка, главной являлась застава в Кондушях. Кроме того, в работе названы Вешкельская и Кангасозерская заставы³⁹³. В документах Олонецкой воеводской избы упоминаются заставы в деревнях Ескюля и Кангозеро Сямозерской волости, куда отправляли пашенных солдат нести пограничную службу. Иногда между солдатами разных волостей возникали конфликты по вопросу о службе на заставах. Так, солдаты Сямозерской волости просили, чтобы к данной обязанности привлекали не только их, но и солдат соседней Святозерской волости. Они жаловались, что «одни заставу ставячи вконец погибли»³⁹⁴.

По-видимому, обучение крестьян военному искусству шло быстрым темпом, так как всего лишь через год после введения солдатской службы, олонецких солдат отправили на подавление Псковского восстания в качестве дополнительной военной силы, впервые нарушив обещание не посылать их на «дальние службы». Иногда солдат привлекали для исполнения полицейских функций в случае чьего-либо неповиновения местным властям³⁹⁵. В 1652 г. началось обучение части пашенных солдат драгунскому строю. В феврале М. Кармихель доложил, что в Заонежских погостах выбрано «из двойников и ис тройников из семьянистых салдат» 1000 драгун и те драгуны «учатся особно драгунскому ученью»³⁹⁶.

³⁹² Архив СПбИИ РАН. Ф. 98. Оп. 1. К. 1. Д. 80е. Ст. 12—14.

³⁹³ Жуков А. Ю. Сямозерье в XIV—XVII веках // История и культура Сямозерья. Петрозаводск, 2008. С. 82.

³⁹⁴ Архив СПбИИ РАН. Ф. 98. Оп. 1. К. 2. Д. 16. Ст. 1—2.

³⁹⁵ Там же. К. 1. Д. 160. Ст. 2—3; Д. 168. Ст. 3—4; К. 2. Д. 46. Ст. 1—3; Д. 60. Ст. 2.

³⁹⁶ РГАДА. Ф. 141. 1652. Д. 79. Л. 71—74.

Как выше было отмечено, даже сами военные учения, отрывавшие пашенных солдат от крестьянского труда, были им в тягость. Однако вскоре объем обязанностей солдат по службе увеличился еще больше: с января 1651 г. им было вменено в обязанность ковать пики и делать фитили, причем из своего льна³⁹⁷. Солдаты встретили это нововведение с негодованием. Уже в марте 1651 г. А. Гамильтон подал жалобу на солдат, которые отказывались не только делать фитили и ковать пики, но даже ходить на учения³⁹⁸. Тем не менее, обучение продолжалось и, судя по некоторым данным, было успешным. В ходе подготовки к войне с Польшей в 1653 г. правительство начало собирать в Москву фитильных мастеров. Олонецкому воеводе тоже было указано прислать на Москву «немец», умевших «фитили варить», чтобы по государеву указу делать им в Пушкарском приказе фитильные верёвки. Заодно спрашивалось, есть ли такие мастера среди русских солдат³⁹⁹. Таковые нашлись, и в мае 1653 г. пятнадцать «лутчих» олонецких солдат, умевших изготавливать фитили, послали в Москву. В июле пятерых из них было решено оставить в Москве «для ученья» (вероятно, они должны были передать свои умения другим солдатам), а остальных отпустить в Олонец⁴⁰⁰.

Некоторые пашенные солдаты через несколько лет обучения военным навыкам, по-видимому, чувствовали себя уже хорошо подготовленными к военной службе, так как сбегали в Москву, где «ставились» также в солдаты, но уже за жалованье. Об этом в апреле 1653 г. писал в центр олонецкий воевода А. В. Чоглоков по челобитью полковника Гамильтона и его офицеров, сетовавших, что вместо обученных солдат, трубачей и барабанщиков из-за их бегства в Москву приходилось набирать новых «неученых» и это мешало обучению⁴⁰¹. Из памяти, посланной дьякам в Новгородскую четверть 14 мая

³⁹⁷ Архив СПбИИ РАН. Ф. 98. Оп. 1. К. 2. Д. 5. Ст. 16—17; Д. 45. Ст. 1—6; РГАДА. Ф. 141. 1652. Д. 79. Л. 23—266

³⁹⁸ Архив СПбИИ РАН. Ф. 98. К. 2. Д. 45. Ст. 1—6.

³⁹⁹ РГАДА. Ф. 141. 1652. Д. 79. Л. 196.

⁴⁰⁰ Там же. Л. 194, 207, 208.

⁴⁰¹ Там же. Л. 169.

1653 г., известно, что полковник М. Кармихель лично «на Москве ... извещал» государя о беглых солдатах⁴⁰².

В источниках есть конкретные примеры поимки в Москве олонецких беглых солдат. Так, в том же апреле 1653 г. подьячий олонецкой съезжей избы Василий Посников, посланный в Москву с отпиской Чоглокова, спустя несколько дней после подачи отписки привёл в Новгородскую четверть беглого солдата Офонку Буторина из Святнаволоцкой волости, который признался, что служил в полку А. Гамильтона в роте капитана Андрея Букольта подзнамёнщиком три года, «на службах нигде не бывал», а когда услышал, что на Москве прибирают солдат, «покиня знамя и шпагу ... сшел к Москве» и записался в полк Якова Урвина на службу на Терек, и «крест целовал и взял месячный корм по 30 алтын на месяц и подмоги 2 рубля»⁴⁰³. Правда, в наличии денег у Офинки уже не было. По его словам, все кормовые и подъёмные деньги, которые он получил, уже потрачены: «на те деньги харчь покупал, а достальные отдал товарищем своим, в дорогу харчу купить складывали по рублю с человека»⁴⁰⁴. По поводу обстоятельств, при которых В. Посников нашёл беглого солдата, в документе указано, что он, «увидя ево Офонку и изымав, привёл в приказ». Возможно, он знал его в лицо и случайно встретил на улице. Не исключено также, что подьячий целенаправленно разыскивал в Москве олонецких беглецов, расспрашивая людей, которые могли что-то знать. Сысканный Офонка Буторин сообщил, что знает «в рожей» еще пятерых солдат из Заонежских погостов, которые записались на службу на Терек, а имён их «не упомнит»⁴⁰⁵. Несмотря на то, что в помете на документе велено «за побег бить кнутом и послать в Заонежье», там же подписано: «И тот Офонка вместо кнутья бит нещадно батоги»⁴⁰⁶.

В том же месяце в Стрелецкий приказ был приведен солдат Власко Васильев, в котором иноземец Иван Чаморс, служивший поручиком в полку

⁴⁰² РГАДА. Ф. 141. 1652. Д. 79. Л. 184.

⁴⁰³ Там же. Л. 175.

⁴⁰⁴ Там же. Л. 176.

⁴⁰⁵ Там же. Л. 175—176.

⁴⁰⁶ Там же. Л. 176.

А. Гамильтона и бывший в то время в Москве, узнал беглого солдата с Олонца⁴⁰⁷. Сам Власко его слова подтвердил, сообщив в расспросе, что выучившись солдатскому и трубному строю, он «с Олонца сбежал и пришел к Москве перед Масленою неделю и стал на Москве в салдатскую службу в Олександров полк Хамолтова и ныне-де попался ему тот иноземец Иван и велел его взять и привести в стрелецкой приказ»⁴⁰⁸. Кормовых денег Власка успел получить «на Москве на съездем дворе на 2 месяца рубль 24 алтын 4 деньги». В результате боярин И. Д. Милославский приказал отослать Власку в Новгородскую четверть, а оружие, которое у него с собой было (мушкет, шпагу, банделер, пику), отправить в Приказ казанского дворца⁴⁰⁹.

Из упомянутой выше памяти от 14 мая 1653 г. известно, что сысканных беглых солдат полка Кармихеля, учиня им наказание (какое не указано), передали полковнику. Там же велено всех солдат и драгун собрать в Олонце и в Заонежских погостах и сказать им, «чтоб они ... в драгунском и в салдатском строе в службе жили по прежнему государеву указу и службы своей ничем не теряли, и покиня домов своих никуда не ходили, и инде нигде ни в какую службу не писались, и о государеве службе и о жалованье ждали государева указу, а государев указ им о службе и о жалованье будет»⁴¹⁰.

Таким образом, решение вопроса о назначении пашенным солдатам жалованья за службу близилось и окончательно было утверждено накануне русско-польской войны.

2.1.2. Подготовка к участию в военных действиях

Война с Речью Посполитой за возвращение Смоленска и других утраченных русских земель в первой половине XVII в. являлась лишь вопросом времени. Это было одно из направлений внешней политики России, ради

⁴⁰⁷ РГАДА. Ф. 141. 1652. Д. 79. Л. 172.

⁴⁰⁸ Там же. Л. 173.

⁴⁰⁹ Там же. Л. 174.

⁴¹⁰ Там же. Л. 185.

победы на котором в государстве, начиная с 40-х гг. XVII в., и проводились военные реформы. Подготовка к войне велась несколько лет, однако окончательное решение о начале военных действий было принято в 1653 г. после постановления Земского Собора о принятии Украины в русское подданство⁴¹¹. Большое значение в предстоящей кампании придавалось полкам «нового» (или «иноземного») строя (солдатским, драгунским, рейтарским). Были привлечены к участию в боевых действиях и олонецкие полки пашенных солдат.

Ещё раз подчеркнём, что пашенных солдат Олонецкого уезда правительство первоначально обещало использовать только для охраны государственной русско-шведской границы, то есть для службы в пограничных острожках, и не посылать на «дальние службы». Соблюдение условия «ближней службы» должно было гарантировать пашенным солдатам возможность заниматься крестьянским трудом для обеспечения себя и своих семей. Это было очень важно, так как в первые несколько лет существования полков в Олонецком уезде жалованье пашенным солдатам не полагалось.

Возникает вопрос, действительно ли, организуя солдатские полки из черносошных крестьян в Олонецком уезде, правительство планировало использовать их только для пограничной службы? Возможно, поначалу так оно и было. Тем не менее, в случаях, когда у государства возникала потребность в дополнительной военной силе, правительство обращалось к олонецким полкам обученных по западноевропейским образцам пашенных солдат. В 1650 г. олонецких солдат привлекли для подавления восстания в Пскове, а позже, в период войн с Польшей и Швецией (1654—1667, 1656—1658 гг.), их высылали на театры боевых действий в Литву, Белоруссию, Польшу, Швецию. В историографии до настоящего времени не изучено ни состояние олонецких полков пашенных солдат накануне русско-польской войны (их вооружение, снабжение, обучение, численность и подготовка к участию в войне с Польшей),

⁴¹¹ Малов А. В. Русско-польская война ... С. 11, 13, 15.

ни состояние рассматриваемых полков в период русско-польской и русско-шведской войн.

Указ с предписанием отправить всех заонежских солдат и начальных людей в Новгородский полк В. П. Шереметева пришёл в Олонец в сентябре 1653 г.⁴¹² Эта северо-западная армия должна была наступать на Невель, Полоцк и Витебск⁴¹³. Активная переписка олонецкого воеводы по военным вопросам с представителями центральной власти свидетельствует о серьезной подготовке олонецких полков к участию в войне с Польшей. Из центра запрашивали информацию о количестве солдат, о снабжении их необходимым оружием, а также требовали, чтобы часть инструментов и вооружения солдаты изготавливали сами: топоры, заступы, «железа» солдатам следовало делать «волостями», то есть на средства волостных людей. Также из среды солдат требовалось выбрать кузнецов и фитильных мастеров. Работа данных специалистов оплачивалась поденно в размере 1 алтын (6 денег)⁴¹⁴.

Запросив осенью 1653 г. у олонецкого воеводы В. А. Чоглокова данные о количестве солдат в уезде, правительство указало ему «имать всех, кроме старых и увечных», в том числе бобылей и недорослей⁴¹⁵. В отписке, поданной 30 октября 1653 г., Чоглоков сообщил, что по прежнему списку в Заонежских и Лопских погостах 10924 солдата, из них в полку А. Гамильтона умерли 119 человек, сбежали 273 человека; в полку М. Кармихеля умерли 50 человек, сбежали 40 человек; «и всего умерли и сбежали 482 чел.»⁴¹⁶. Таким образом, в Олонце «на лицо» было 10442 военнотружущих, из них сержантов, подзнаменщиков, трубачей, барабанщиков, ротных дьячков, каптенармусов, ружейных дозорщиков 339 человек и рядовых солдат 10103 человека. При этом оказалось, что на всех солдат не хватает вооружения: 2103 человека остались без мушкетов. Кроме того, по словам Чоглокова к ученью были записаны «многие одинокие люди, которые бедны и недоросли», которые на службу идти

⁴¹² РГАДА. Ф. 141. 1652. Д. 79. Л. 403—406.

⁴¹³ Малов А. В. Русско-польская война ... С. 15.

⁴¹⁴ РГАДА. Ф. 141. 1652. Д. 79. Л. 407—408, 412.

⁴¹⁵ Там же. Л. 344—348.

⁴¹⁶ Там же. Л. 476.

не могли, и спрашивал, скольких солдат нужно послать в полк Шереметева. Ему был дан ответ: послать 8000 «лутчих»⁴¹⁷, подтвержденный грамотой от 5 ноября 1653 г., в которой указывалось отправить на службу 8000 человек, кроме сержантов, подзнаменщиков, трубачей, барабанщиков, ротных дьячков, каптенармусов, ружейных дозорщиков⁴¹⁸.

Вскоре, 22 ноября 1653 г., в Олонец из центра пришло распоряжение о создании еще одного солдатского полка в Олонецком уезде и перераспределении солдат между тремя полками. В грамоте указывалось «учинить» в полках А. Гамильтона и М. Кармихеля по 3000 солдат, а в третий полк под командование полковника Томаса Крафорта отвести 2000 человек⁴¹⁹.

Приступить к реализации этого предписания удалось только после 19 апреля 1654 г., когда Томас Крафорт прибыл в Олонец. Однако воевода Чоглоков до того времени уже успел выбрать 8298 человек солдат с урядниками. В силу того, что третий полк еще не был создан, расписаны они были по двум полкам, а их список отправлен к В. П. Шереметеву⁴²⁰.

В виду предстоящей войны с Польшей и потребности в военной силе была предпринята попытка распространить службу пашенных солдат дальше на север на лопарей Ровкульского и Ребольского погостов. В декабре 1653 г. олонецкий воевода Чоглоков получил государев указ с повелением послать в эти погосты начальных людей для обучения лопарей солдатскому строю. Однако данное мероприятие завершилось безуспешно: местные жители восприняли попытку записать их в солдаты крайне негативно и оказали активное сопротивление⁴²¹. Узнав об агрессивном настрое лопарей, центральная власть решила не нагнетать обстановку в этом пограничном крае и отказалась от введения там солдатской службы, указав олонецкому воеводе,

⁴¹⁷ РГАДА. Ф. 141. 1652. Д. 79. Л. 468.

⁴¹⁸ Там же. Л. 479—482.

⁴¹⁹ Там же. Л. 486.

⁴²⁰ Там же. Л. 569, 576.

⁴²¹ Там же. Л. 632—635.

чтоб больше «в Ребольской и Ровкольской погосты для салдатцкого ученья не посылал, чтоб тем дикие лопи не разогнать»⁴²².

В конце марта 1654 г. воевода Чоглоков сообщил в Москву последние данные о количестве солдат прибранных на службу всего и выбранных для отправки в полк Шереметева. Всего в уезде было набрано 11005 человек, из них умерли и сбежали 514 человек, итого осталось 10491 человек. Нижних чинов находилось в двух полках 298 человек и рядовых солдат 8000 человек, в остатке было 2193 человека. К этому числу, уточнял воевода, «выбрано» из «охудалых» крестьян и пашенных бобылей 829 человек. И всего в остатке стало 3022 человека. Воевода сетовал, что когда отобранные солдаты отправятся на службу, «остаточных» солдат учить будет невозможно, потому что в Олонце не останется мушкетов. Не будет и «учительных людей», так как все они распределены на службу по ротам⁴²³.

В процессе подготовки полков к отправке на театр военных действий выяснилось, что по причине прихода в негодность ранее присланного оружия, а также из-за увеличения количества солдат требовалось дополнительное изготовление или поставка различного вооружения и инструментов. Полковник А. Гамильтон писал в съезжую избу, сколько надобно «запасов железных» на оба полка «для городовых приступов и для всяких мер». По его словам, на 1000 солдат требовалось: 125 заступов, 125 топоров, 10 ломов, 50 «чепей и ножных и ручных желез», 500 листов бумаги, да на роту 5 человек кузнецов со всею кузнечной снастью. Также Гамильтон сообщил, что колеса тридцати полковых пушек, посланных в 1649 г., стали худы и не годятся «для поспешенья». А ко всякой пушке, уточнял он, «надобно по одному пушкарю». Здесь выяснилось, что «на Олонце только 21 пушкарь, да и те к пушечной стрельбе и по се число не учиваны ... и из наряду не стреливали ни единожды, и тем ... пушкарем пушкарская служба и стрельба не за обычей, потому что они взяты в пушкарскую службу из пашенных крестьян и из бобылей, а ходят они в

⁴²² РГАДА. Ф. 141. 1652. Д. 79. Л. 636.

⁴²³ Там же. Л. 627—628.

съезжей избе «в приставех» и к Москве с отписками и в волости. А детей боярских и других служилых детей на Олонце нет никого. А сделать колеса тоже нельзя, потому что «дубу и клену и мастеров колесных нет»⁴²⁴. Полковник М. Кармихель сообщал, что у него в полку нет «пеших» солдатских знамён (те, которые были посланы в 1649 г., «изодрались»), а еще в его полк требовались топоры, заступы, кирки, ломы, лопаты и кузнецы⁴²⁵. Воевода Чоглоков сообщил, что, по словам полковников, у них «порченого ружья» 50 мушкетов «которые от стрельбы розорвало», а другие «в пожарное время» у солдат сгорели, а вместо них дать солдатам в Олонце нечего⁴²⁶.

Информация о полковых нуждах, поступавшая от полковников и воеводы, учитывалась в Москве: в Олонец отправляли либо необходимое вооружение, либо памяти с указанием изготовить некоторые изделия на месте. Уже в начале апреля 1654 г. Чоглоков получил ответ, что вместо порченных мушкетов из Москвы будут посланы другие к 14 мая прямо в Великие Луки⁴²⁷, куда должны были прибыть олонецкие полки пашенных солдат для присоединения к полку В. П. Шереметева.

Что касается изготовления, то в Олонецком уезде оказалось возможным изготовить далеко не всё. Выше уже была процитирована отписка А. Гамильтона, в которой полковник сообщал, что колеса для пушек в Олонце сделать нельзя. Когда же было указано сшить для полка М. Кармихеля двенадцать новых тафтяных солдатских знамён, воевода сообщил, что в Олонце знамёна сделать не из чего, так как «привоza никакого нет»⁴²⁸. В результате было указано купить тафту на знамёна в Пскове⁴²⁹. Зато для нового полка Т. Краферта десять тафтяных знамен были даны полковнику, когда он с

⁴²⁴ РГАДА. Ф. 141. 1652. Д. 79. Л. 399—401.

⁴²⁵ Там же. Л. 352.

⁴²⁶ Там же. Л. 627—628.

⁴²⁷ Там же. Л. 629—630.

⁴²⁸ Там же. Л. 352об, 558, 622.

⁴²⁹ Там же. Л. 559—560.

начальными людьми поехал в Олонец: «одно знамя белой тафты, а девять лазоревой з гротики»⁴³⁰.

Для изготовления фитилей воеводе Чоглокову было велено закупить 1000 пудов льна «плохово, самую дешевою ценою» не дороже 3 рублей, однако в Олонце льна дешевле 5 рублей не нашлось, поэтому рекомендовалось сделать закупку в Новгородском и Белозерском уездах⁴³¹. Солдаты должны были изготовить фитилей по 25 сажень (0,5 пуда) на человека⁴³².

Порох доставлялся в Олонец из Пушкарского приказа, но солдатам он выдавался не безвозмездно, а за определённую плату⁴³³. Требование о том, чтобы солдаты «порох покупали», содержалось, в частности, в грамоте, полученной олонецким воеводой С. Елагиным в сентябре 1652 г.⁴³⁴ За порох, который раздавался солдатам для учений, им следовало платить по 2 алтына 3 деньги за фунт⁴³⁵. В 1653 г. воевода Василий Чоглоков сообщал о присылке к нему в Олонец мушкетного пороха 1200 пудов на 12 000 человек солдат по цене 3 рубля за пуд. В грамоте, полученной Чоглоковым, особо указывалось, что деньги за тот порох нужно взять с солдат в Олонце⁴³⁶. Однако за «походное зелье» денег с солдат указывалось не брать⁴³⁷. В источниках встречаются не только сведения о продаже пороха солдатам, но также один случай, когда солдаты Вытегорского погоста силой взяли порох, а своего капитана угрожали убить⁴³⁸. Вероятно, таким образом проявилось их недовольство требованием платы за порох.

Кроме вопроса о снабжении солдат всем необходимым полковник М. Кармихель поднял вопрос о порядке снаряжения на службу тысячи выученных им драгун, составлявших семь рот. Он доложил, что на учения драгуны ездили на своих лошадях, но на службу их невозможно отправить на

⁴³⁰ РГАДА. Ф. 141. 1652. Д. 79. Л. 562—563.

⁴³¹ Там же. Л. 419—420.

⁴³² Там же. Л. 412.

⁴³³ Там же. Л. 203—204, 205.

⁴³⁴ Там же. Л. 23—26.

⁴³⁵ Там же. Л. 600.

⁴³⁶ Там же. Л. 203—204, 205.

⁴³⁷ Там же. Л. 600.

⁴³⁸ Архив СПбИИ РАН. Ф. 98. К. 2. Д. 5. Ст. 3, 31.

своих лошадях, потому что драгуны были «семьянистыми» и учились они раз в неделю, а потом на этих же лошадях пахали и работали, а теперь, если они на лошадях уйдут, то работать их родственникам будет не на чем. Из документа видно, что полковник понимал нужды крестьян. Кроме того, он предупреждал, что на службе этих лошадей будет невозможно прокормить⁴³⁹. Воевода также делал запрос в центр: «драгуном ... пешим ли быти с салдаты вместе... или драгуном конным быти», на каких лошадях и чем лошадей кормить в походе?⁴⁴⁰ В ответной грамоте было велено драгунам идти на службу с лошадьми и дать им по 3 рубля на лошадь человеку⁴⁴¹. В документе не написано прямо, чьи это должны быть лошади, вероятно, всё-таки тех драгунов, которые отправлялись на службу.

В апреле 1654 г. воевода послал в Москву отчёт о подготовке всего необходимого для выступления полков в поход. Он сообщил, что в Олонец привезено или изготовлено на месте кирок и заступов и ломов 400 пудов и пороха имеется 600 пудов. Если будет указано послать в полки свинец «против пороху», то всего пороха и свинца и всяких железных полковых запасов, кирок, заступов, топоров и ломов, по подсчетам Чоглокова, будет 1600 пудов. Для отправки всего этого требовалось 150 подвод. Офицеры сообщили, что раньше на другие службы, в частности под Смоленск, вооружение отправляли на ямских подводах. Воевода спрашивал, как ему поступить, и получил указ отправить запасы вместе с солдатами на судах⁴⁴². Вскоре воевода получил грамоту с уточнениями: теперь указывалось 5000 солдат отправить по воде — «в суднах», а 2000 солдат и 1000 драгун сухим путем «по траве»⁴⁴³. Однако воевода высказал опасение, что если драгун отправлять сухим путем, то они к указанному сроку не успеют, так как «за водами за болоты до просухи на лошадях пройти будет нельзе»⁴⁴⁴. В следующей отписке воевода сообщил, что

⁴³⁹ РГАДА. Ф. 141. 1652. Д. 79. Л. 352.

⁴⁴⁰ Там же. Л. 409—410.

⁴⁴¹ Там же. Л. 413—415.

⁴⁴² Там же. Л. 637—639.

⁴⁴³ Там же. Л. 674—675.

⁴⁴⁴ Там же. Л. 688—689.

солдатам из дальних погостов не успеть прибыть к указанному сроку «ни которыми делы», так как «снеги были великие и в реках и в болотах воды стали большие, а из Онега озера лед не вышел»⁴⁴⁵. Солдатам дальних погостов воевода приказал свои запасы отправлять зимним или «водяным» путем, а самим идти «налегке»⁴⁴⁶. В другой грамоте было указано взять с солдат с четырех человек по лошади с телегой для провоза «рухлядишка» для того, что «как они пойдут на нашу службу Литовскими городами, и те лошади им же пригодятца ездить в посылки для добычи кормов»⁴⁴⁷. В следующей отписке Чоглоков сообщил, что для похода он брал подводы с посадских людей и из монастырских вотчин, а солдатам велел купить для себя суда. Начальным людям суда были выданы. Солдат полковника Гамильтона воевода обещал выслать, как только «мощно будет ехать по Ладожскому озеру», так как им велено идти на службу «водяным путем», а драгун — выслать «сухим путем, как воды сольют», чтоб всем успеть прибыть к воеводе к «указному сроку» на Троицу⁴⁴⁸. Перед походом воевода выдал жалованье 8000 солдат, которые отправлялись на службу, по 3 рубля человеку⁴⁴⁹.

Таким образом, олонецкие полки пашенных солдат, созданные в 1649 г. исключительно для охраны государственной границы со Швецией, вскоре оказались востребованными для участия в русско-польской войне 1654—1667 гг. и в составе Новгородского полка В. П. Шереметева участвовали в боях на территории Белоруссии, Литвы и Польши. Подготовка пашенных солдат и драгун велась очень серьёзная. Помимо обучения солдатскому и драгунскому строю, их обязали ковать пики, изготавливать фитили и различные инструменты для городских приступов. Известно, что некоторые пашенные солдаты сбегали в Москву, чтобы записаться там в солдатские полки и получать за службу жалование. Этот факт свидетельствует о результативности обучения пашенных солдат, их уверенности в собственном умении применить

⁴⁴⁵ РГАДА. Ф. 141. 1652. Д. 79. Л. 570.

⁴⁴⁶ Там же. Л. 723.

⁴⁴⁷ Там же. Л. 730—731.

⁴⁴⁸ Там же. Л. 567.

⁴⁴⁹ Там же. Л. 569, 576.

полученные ими военные навыки на практике. Первый этап русско-польской войны был успешен для России и можно с уверенностью утверждать, что на северо-западном направлении в этом была немалая заслуга и олонецких полков пашенных солдат.

2.2. Участие в войнах с Польшей (1654—1667) и Швецией (1656—1658)

Из восемнадцати лет несения крестьянами Олонецкого уезда солдатской и драгунской службы тринадцать лет были военными. В 1654 г. началась война с Польшей, в задачу которой входило не только принятие Украины «под государеву руку», но и возвращение русских земель, отторгнутых по Деулинскому перемирию. Походы первых лет войны были успешными. Русские войска захватили Смоленск, заняли большую часть белорусских крепостей. Из-за вторжения на территорию Польши шведских войск России пришлось в 1656 г. начать военные действия и против Шведского королевства.

Олонецкие солдаты полков А. Гамильтона и М. Кармихеля к началу русско-польской войны уже получили некоторый походный и даже боевой опыт: еще в 1650 г. половиной своего состава они приняли участие в подавлении Псковского восстания. В 1654 г. олонецкие полки вошли в состав Новгородского полка боярина В. П. Шереметева. По словам О. А. Курбатова, Новгородскому разряду в кампаниях русско-польской и русско-шведской войн в период с 1654 по 1658 гг. отводилась особая роль, поскольку он граничил с северными и северо-западными окраинами Великого княжества Литовского, с Остзейскими провинциями Шведского королевства и Финляндией, в частности, в конце 1655 г. Новгородский полк прикрывал отход основных царских войск из Литвы и совершил зимний поход на Брест, а в 1656 г. его отдельные отряды успешно атаковали границы Швеции в Ижорской земле и Карелии⁴⁵⁰. В 1656—

⁴⁵⁰ Курбатов О. А. Организация и боевые качества русской пехоты ... С. 185.

1658 гг. полки Новгородского разряда, в том числе пашенных солдат и драгун Олонецкого уезда, вынесли на себе всю тяжесть русско-шведской войны.

По данным О. А. Курбатова, в 1654 г. из 8000 заонежских пашенных солдат и драгун, вызванных в полк В. П. Шереметева, половину после смотра отпустили обратно. В итоге, в полках М. Кармихеля и А. Гамильтона, участвовавших в русско-польской войне, осталось «по 2000 солдат, то есть по 70—80 человек в ротах», а в резерве — до 6 000 солдат, в том числе новый полк Томаса Крафтера⁴⁵¹. По нашим данным, выявленным из отписки олонцкого воеводы В. А. Чоглокова, накануне русско-польской войны в 1654 г. в списках пашенных солдат и драгун Олонецкого уезда числились 11320 человек⁴⁵².

Судя по тому, что подразделения олонцких солдат входили в состав Новгородского полка боярина В. П. Шереметева, а также по данным на 1657 г. И. С. Дивова о раненых, убитых и служащих в различных городах и землях солдатах, в 1654 г. олонцкие пашенные солдаты принимали участие в битвах за взятие Невля (1 июня), Полоцка (17 июня), Глубокого (23 июня), Друи и Десны (20 июля), Озерищ (3 августа), Усвята (23 августа), Витебска (14 августа – 18 ноября), Сурожа (22 ноября), а также в битве под Сушею (7 июля)⁴⁵³.

А. А. Новосельский привёл описание состояния «заонежских» солдат, выявленное из их челобитной от 13 сентября 1654 г. На подъём им было дано по 3 рубля, «и на те деньги», писали челобитчики, «поехали мы на твою государеву службу. Покупали мы суды, а запасы дорогою ценою, а теперь, государь, будучи на твоей, государеве службе, нам, холопом твоим, есть-пить нечего и одеться нечим, голодны и холодны, а стоим, государь, теперь мы, холопи твои, под городом Витебским сверху по Двине и к городу мы на приступе были, из города литовские люди к острожку нашему выходят почасту днем и ночью безпрестанно», караулы частые, «побивают и ранят многих»,

⁴⁵¹ Курбатов О. А. Организация и боевые качества русской пехоты ... С. 176—177; Новосельский А. А. Очерк военных действий ... С. 118—119.

⁴⁵² РГАДА. Ф. 141. 1652. Д. 79. Л. 627—628.

⁴⁵³ Новосельский А. А. Очерк военных действий ... С. 121—128; РГАДА. Ф. 137. Оп. 1. Олонец. Кн. 5. Переписные книги солдат ... (Книги. 4, 6).

«работа большая безпрестанно», ставили острожки, «шанцы копали»⁴⁵⁴. При этом, по данным А. А. Новосельского, потери русских под Витебском были невелики. Из 4130 человек пехоты выбыло убитыми и умершими от ран — 60 человек, было ранено — 62 человека, взято в плен — 8, больных — 253. Всего — 383 человека. Исследователь указывает, что все они «из одного полка М. Каршихина — из 613 человек»⁴⁵⁵. По архивным документам нами установлено, что здесь имеет место неправильное прочтение имени полковника М. Кармихеля⁴⁵⁶. Следовательно, все данные о больных, раненых, умерших от ран и взятых в плен относятся к пашенным солдатам Олонецкого уезда. С учетом данных переписи Дивова количественные сведения о погибших и умерших солдатах под Витебском увеличиваются. В одном только перечне убитых под Витебском пашенных солдат переписчик называет 73 имени⁴⁵⁷. Взятие Витебска, затянувшееся до начала зимы, по мнению А. А. Новосельского, следует считать окончанием активных операций на Новгородском фронте. Войска были распущены по домам и новым сроком их явки в Витебск было назначено 25 марта 1655 г.⁴⁵⁸

В 1654 г. в Олонецком уезде был сформирован третий полк под командованием Томаса Крафтерта. По данным О. А. Курбатова, этот полк успел принять участие в конце кампании 1654 г. и в марте 1655 г. был передан под команду полковника Томаса Гейса⁴⁵⁹. В марте 1655 г. был создан четвёртый полк под командованием полковника Ирика Андерсона. Полк Т. Гейса распределялся на зиму в гарнизоны Полоцка, Дисны и Велижа, а И. Андерсона — в Витебск (с октября — в Ковно)⁴⁶⁰. Состав полков М. Кармихеля и А. Гамильтона должен был полностью поменяться «другой половиной» солдат, явившихся на смотр в 1654 г., однако О. А. Курбатов выявил, что олонецкие воеводы «за посулы» оставили многих поселённых солдат дома, вновь выслав

⁴⁵⁴ Новосельский А. А. Очерк военных действий ... С. 134.

⁴⁵⁵ Там же. С. 131.

⁴⁵⁶ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Севского стола. Стб. 157. Л. 218.

⁴⁵⁷ РГАДА. Ф. 137. Оп. 1. Олонец. Кн. 5. Переписные книги солдат ... (Книга 6).

⁴⁵⁸ Новосельский А. А. Очерк военных действий ... С. 131.

⁴⁵⁹ Курбатов О. А. Организация и боевые качества русской пехоты ... С. 185.

⁴⁶⁰ Там же.

на службу ветеранов⁴⁶¹. В 1656 г., судя по сохранившимся росписям, полков пашенных солдат было уже пять: А. Гамильтона, И. Андресона, Т. Гейса, Т. Крафферта (по-видимому, его назначили командиром ещё одного полка) и Вальтера Кармихеля, назначенного полковником в марте 1656 г. Из других актов документов известно, что в апреле 1659 г. на место полковника В. Кармихеля был назначен Яган Трейден, прежде бывший в чине подполковника в полку Томаса Крафферта. Также есть упоминание о полке Ивана Фливерка и роспись беглых «заонежских» солдат этого полка (ноябрь 1661 г.)⁴⁶².

К большим потерям в личном составе олонецких пашенных солдат и драгун привёл брестский поход 1655 г. В числе погибших был и полковник М. Кармихель. В опубликованной О. А. Курбатовым отписке боярина князя С. А. Урусова о походе на Брест и победе над литовскими войсками гетмана П. Сапеги при Верховичах (17 ноября 1655 г.) сообщается о внезапности нападения 13 ноября 1655 г. войск гетмана и бегстве части русской конницы: «И твоих государевых ратных конных людей сотни правую сторону збили, а с левую сторону сотни побежали, а твое государево знамя и меня, холопа твоего Сенку, и пехоту покинули. А дворян и ясаулов и знаменщиков осталось человек з дватцать»⁴⁶³. Далее боярин приводит сведения о действиях в этой ситуации М. Кармихеля: «А полковник Мартын учел стрелять ис пушек и полских людей отбил»⁴⁶⁴. Понятно, что полковник действовал не в одиночку, вместе с ним сражались пашенные солдаты и драгуны Олонецкого уезда. Из этого же источника известно о людских потерях, в том числе «заонежского и сомерского полков»: «Да на том же, государь, бою, побито и в полон взято дворян и детей боярских тритцать человек, да луцких казаков побито ж

⁴⁶¹ Курбатов О. А. Организация и боевые качества русской пехоты ... С. 186.

⁴⁶² РГАДА. Ф. 141. 1654. Д. 100. Л. 7—15, 16—23, 44—46, 81—90, 119—135, 185—193, 205—209, 223—226, 240—249, 254—261, 264—270, 276—284об., 299—300, 401—432; Ф. 141. 1659. Д. 19. Л. 14, 205—212.

⁴⁶³ Курбатов О. А. «Чудо архангела Михаила»: Документы о походе Новгородского полка на Брест и битве при Верховичах. 1655 г. // Исторический архив. № 3. 2005. [Электронный ресурс]. URL: www.vostlit.info/Texts/Documenty/Russ/XVII/1640-1660/Pochod_Novg_polka_1655/text1.htm. Дата обращения: 05.11.2014.

⁴⁶⁴ Там же.

и в полон взято дватцать человек, да Мартынова полку Кормихеля дву майеров, да дву капитонов, да начальных шесть человек, да драгунов двесте семь человек, да на том же, государь, бою убит полуполковник Иван Сван, да с ним начальных людей два человека да драгунов восьмьдесят шесть человек»⁴⁶⁵. Из этих данных видно, что потери олонекских драгунов — 207 человек, да ещё 6 «начальных людей», 2 капитана и 2 майора — были огромными, значительно большими, чем в других воинских частях.

На следующий день, 14 ноября, на войско С. Урусова, стоявшее за пять верст от Бреста, снова напали поляки и как сообщает боярин «из Брести в ночи приветчи наряд, учели по нас стрелять. И на том, государь, бою Мартына полковника и капитана ранили, а нас, холопей твоих, из обозу выбили вон и стрелялись об реку с утра до вечера». Завершился этот военный инцидент все-таки победой русского войска: «... гетмана Павлу Сапегу и полских людей побили наголову, а секли их и гоняли ... за шесть верст до Брести»⁴⁶⁶, но М. Кармихель умер от раны, полученной в этом сражении.

В последующие годы пашенных солдат Олонекского уезда набирали в походное войско для участия в битвах продолжавшейся русско-польской войны в Новгородский полк под командованием сначала И. А. Хованского, потом Б. А. Репнина. Неудачное для русских войск сражение под Ляховичами 1660 г. привело к большим потерям в личном составе полков пашенных солдат и их массовому бегству, о чём свидетельствуют документы из фонда Олонекской воеводской избы о сыске солдат и выяснении, кто под Ляховичами погиб, а кто оттуда сбежал. Тем не менее, приборы пашенных солдат в походную армию продолжались по крайней мере до лета 1665 г.⁴⁶⁷

По данным, выявленным О. А. Курбатовым, при подготовке к войне со Швецией было намечено мобилизовать уже пять «заонежских» полков. Исследователь подчеркнул, что впервые, за счёт зачисления «нови́ков» и офицеров из русских людей, полки были полностью укомплектованы

⁴⁶⁵ Курбатов О. А. «Чудо архангела Михаила» ...

⁴⁶⁶ Там же.

⁴⁶⁷ РГАДА. Ф. 141. 1659. Д. 19. Л. 693—693об.

положенным штатом «начальных людей». Специально для действий в Карелии был сформирован 10-ротный полк Вальтера (Володимера) Кармихеля, для чего в Олонец перевели начальных людей из бывшего полка Ф. А. Фанбуковена⁴⁶⁸. О. А. Курбатов отметил сложности с комплектованием «заонежских» полков, в качестве причин которых назвал злоупотребления олонецкого воеводы В. А. Чоглокова. Так, полковник А. Гамильтон жаловался, что «лучших солдат, которым мочно в драгунах и с драгунскую службу их станет, Олонецкого погоста и окольных волостей моево полку», воевода оставлял в Олонце у полковника В. Кармихеля, а в Псков высылал «новоприборных и которые погосты были у Мартына Кормихеля да у Томоса Краферта»⁴⁶⁹. К началу похода на Юрьев Ливонский (15 июля 1656 г.) в полках насчитывалось всего 994 драгуна из полка А. Гамильтона и 217 солдат из полка Т. Краферта. К началу августа 1656 г., по сведениям О. А. Курбатова, пехота кн. А. Н. Трубецкого пополнилась за счёт заонежских солдат из гарнизона Полоцка и Ковны: полка Т. Гейса (около 1000 человек) и упразднённого полка И. Андерсона, часть которого (около 400 человек) поступила под начало Т. Краферта⁴⁷⁰.

После взятия Юрьева Ливонского в его гарнизоне была оставлена тысяча олонецких солдат под командой полковника Т. Гейса и начальных людей бывшего полка М. Кармихеля — Т. Краферта (Краферт вернулся к своему старому полку), остальные были отправлены в Олонец. Полк В. Кармихеля совершил летом 1656 г. вместе с воеводой Пушкиным поход на Корелу, откуда Пушкин сообщал царю, что у него 812 заонежских солдат и 170 стрельцов⁴⁷¹. О. А. Курбатов обратил внимание, что в то время воевода ставил этих стрельцов «как пехоту на порядок выше солдат местного набора, в особенности новобранцев». Воевода писал о стрельцах: «и те у меня, холопа твоего, новгородские стрельцы под городом Корелою ... во всяких посылках лутчие

⁴⁶⁸ Курбатов О. А. Организация и боевые качества русской пехоты ... С. 187.

⁴⁶⁹ Там же.

⁴⁷⁰ Курбатов О. А. Организация и боевые ... С. 187—188.

⁴⁷¹ Курбатов О. А. Писано кровью ... С. 235—236.

люди»⁴⁷². Ввиду бегства по домам всех драгун, лишь остатки этого полка обороняли Олонец до весны 1657 г.

По словам О. А. Курбатова, беглые солдаты не отсиживались в лесах: в течение всей войны они с другими крестьянами ходили за рубеж и разоряли шведскую сторону, зачастую вели серьезные бои, а зимой собирались в добротню отстроенных острогах на границе, где, по их мнению, было надежней обороняться, чем в Олонце⁴⁷³. О том, что сбежавшие из своих частей солдаты собирались в острожках, построенных в Толвуйском и Шунгском погостах, упоминает Г. М. Коваленко⁴⁷⁴.

В 1657 г. солдатский переписчик, «сыщик» и «высылщик» И. С. Дивов выявил нарушения в очередности высылки солдат на службу. Некоторые солдаты остались в гарнизонах Гродны, Друи и Динабурга по распоряжениям полковых воевод, которые не принимали во внимание необходимость их отпуска домой. По данным О. А. Курбатова, вместе с полком в Юрьеве Ливонском и отрядами в нескольких ливонских замках, «осадную» службу несли 1340 «заонежских» солдат, на службу в Лавую летом было выслано 900 драгун и солдат (к концу года 1130 человек), а в Псков – из «самых лучших» 1008 человек драгун. Остальные годные к службе поступили в войско на самом Олонце под началом офицеров полка Т. Краферта (400 драгун и 700 солдат)⁴⁷⁵.

По подсчитанным нами сведениям переписных книг солдатского переписчика и высылщика Ивана Дивова в 1657 г., за пределами Олонецкого уезда в различных городах и землях (не считая 879 человек, находившихся на пограничной службе в Лавуйском острожке⁴⁷⁶) служили 1816 карельских пашенных солдат и драгун⁴⁷⁷. Из них в Новгороде — 66 человек, в Юрьеве Ливонском — 733, в Гродно — 51, в Витебске — 3, в Ковно — 2, в Тесово —

⁴⁷² Курбатов О. А. Писано кровью ... С. 236.

⁴⁷³ Курбатов О. А. Организация и боевые качества русской пехоты ... С. 188.

⁴⁷⁴ Коваленко Г. М. Карелия в русско-шведской войне ... С. 71.

⁴⁷⁵ Курбатов О. А. Организация и боевые качества русской пехоты ... С. 188.

⁴⁷⁶ РГАДА. Ф. 137. Оп. 1. Олонец. Кн. 5: Переписные книги солдат ... (Книга 3).

⁴⁷⁷ Там же. (Книга 4).

24, в Полоцке — 55, в Литовских городах и землях — 242, в других городах (в источнике не указаны названия) — 640⁴⁷⁸.

Среди погибших или умерших на службе до 1657 г. в переписных книгах И. Дивова показаны 2404 солдата (33 человек — в книге 3; 2371 человек — в книге 6). Спустя еще несколько лет участия карельских пашенных солдат в военных действиях количество погибших увеличилось. Точные подсчёты сделать невозможно, так как полных списков ни беглых, ни погибших не сохранилось. Единственный источник информации по этому вопросу — разрозненные росписи солдат разных погостов и отписки должностных лиц, в которых они сообщали, сколько солдат выслали на службу, сколько беглых разыскали, сколько не смогли разыскать, сколько человек погибло на службе по сказкам пришедших из полков солдат. Эти документы, являясь важными источниками по истории солдатской службы в Олонецком уезде, не могут быть использованы для получения исчерпывающей информации о количестве солдат как служивших на какой-то момент, так и сбежавших или погибших. Тем не менее, по этим документам вполне возможно сделать выводы об увеличении числа беглых и погибших в период войн с Польшей и Швецией пашенных солдат.

В феврале 1658 г. олонецкий воевода получил задание направить в разные полки 4535 солдат и драгун, но узнав о новой посылке во Псков и на Лавую, солдаты начали разбегаться. К А. Гамильтону вместо 2 000 отправили лишь 820 человек (в том числе более 300 человек из погостов полка Т. Краферта), да 300 человек в Лавую (вместо прежних 1100). В итоге, по словам О. А. Курбатова, полк В. Кармихеля пришлось упразднить, направив его офицеров в другие части Новгородского полка⁴⁷⁹. По нашим данным, полк В. Кармихеля не был упразднён. В 1659 г. произошла замена командира: на место В. Кармихеля полковником был назначен Яган Трейден, до того служивший в полку Т. Краферта в чине подполковника. Грамота с уведомлением о таком решении

⁴⁷⁸ РГАДА. Ф. 137. Оп. 1. Олонец. Кн. 5: Переписные книги солдат ... (Книга 4).

⁴⁷⁹ Курбатов О. А. Организация и боевые качества русской пехоты ... С. 189.

была послана олонецкому воеводе Т. Мышецкому 18 апреля. Я. Трейден занимал эту должность до отмены службы пашенных солдат. О В. Кармихеле в грамоте написано, что ему после отставки «велено быть в Великом Новгороде»⁴⁸⁰.

Завершая обзор организации русской пехоты «нового строя» накануне русско-шведской войны 1656—1658 гг., О. А. Курбатов делает вывод: успешное решение всего комплекса задач, связанных с набором, снаряжением и снабжением полков солдатского и драгунского строя, подготовкой и наймом необходимого числа «начальных людей», обучением новобранцев и выплатой государева жалования позволило правительству царя Алексея Михайловича уже к весне 1654 г. создать весьма многочисленную и боеспособную пехоту европейского образца. С ее помощью в относительно короткий срок удалось овладеть Смоленском и большинством крепостей Белоруссии и обеспечить подавляющее превосходство над войсками противника в поле⁴⁸¹.

Кампания 1656 г. ярко выделяется успехами уже опытных полков русской пехоты, в первую очередь штурмами мощных укреплений Динабурга, Кокенгаузена, Кастерсканса (под Юрьевом) и успешными осадными работами под Юрьевом Ливонским. На исходе русско-шведской войны, в 1657—1658 гг., формированиями солдат и драгун Новгородского разряда, с незначительными подкреплениями, также удалось обеспечить перевес над шведскими войсками Лифляндской и Финляндской армий. Успех полевых столкновений при Гдове и Лавуйском остроге (1657 г.) свидетельствует о высоких боевых качествах этих полков⁴⁸². Исследователь полагает, что востребованность опытных солдат в Новгородском разряде заставляла вплоть до 1666 г. прибегать к наборам на службу «старых солдат и драгун» Олонецкого уезда и Сомерской волости, несмотря на их особую склонность к «бегству из полков»⁴⁸³.

⁴⁸⁰ РГАДА. Ф. 141. 1659. Д. 19. Л. 14.

⁴⁸¹ Курбатов О. А. Организация и боевые качества русской пехоты ... С. 191.

⁴⁸² Там же. С. 192.

⁴⁸³ Там же.

2.3. Бегство со службы: проблема и пути решения

2.3.1. Причины и масштабы бегства

Бегство пашенных солдат и драгун со службы отмечалось практически всеми историками, обращавшимися к вопросу о формировании солдатских полков в Олонецком уезде. Среди причин обычно назывались отправка солдат на театры боевых действий в военное время и бедственное положение крестьянского хозяйства в связи с этим. Среди путей решения проблемы бегства указывались, с одной стороны, такие меры как телесные наказания, ссылка в Сибирь, конфискация имущества, казни, с другой стороны — меры, предупреждающего характера: оформление поручительства или договоров найма. Как правило, до настоящего времени в трудах историков всем этим вопросам посвящалось не более одного-двух абзацев.

Исследователь правовых вопросов военной организации Русского государства второй половины XVII века Ф. И. Калинычев, изучив положения Соборного Уложения 1649 г., ряд указов и других актов, регламентировавших службу ратных людей в указанный период, выделил и проанализировал перечень преступлений военнотружущих и предусмотренные за них наказания. Из всего перечня обозначенных Ф. И. Калинычевым преступлений большое внимание автор уделит неподчинению солдат начальным людям и воеводам и бегству из полков⁴⁸⁴.

Несмотря на суровость предусмотренных Соборным Уложением 1649 г. и рядом указов наказаний, бегство солдат и офицеров с места боевых действий и просто нежелание идти на службу в армию в XVII веке были обычным явлением. Самовольно покинуть расположение действующей армии могли и солдаты, набиравшиеся из даточных людей, и стрельцы, для которых военная служба являлась основным занятием, и дворянская конница⁴⁸⁵.

⁴⁸⁴ Калинычев Ф. И. Правовые вопросы военной организации Русского государства второй половины XVII века. М., 1954. С. 146—158.

⁴⁸⁵ Мюллер Р. Б. Очерки по истории Карелии ... С. 133; Калинычев Ф. И. Правовые вопросы ... С. 149; Чернов А. В. Вооружённые силы ... С. 162; Коваленко Г. М. Карелия в русско-шведской войне ... С. 67.

Пашенные солдаты и драгуны из полков «нового строя», организованных в Олонецком уезде в 1649 г., тоже не стали исключением и из полков «бегали беспрестани»⁴⁸⁶. Они сбегали со службы по ряду причин. Следует подчеркнуть, что уже в первые годы несения службы крестьяне, записанные в солдаты, стали проявлять недовольство трудностью совмещения военных учений, на которые зачастую надо было ходить в другие деревни за много верст, с традиционными сельскохозяйственными и промысловыми занятиями. Даже в мирное время такое совмещение негативно сказывалось на состоянии крестьянского хозяйства. Переписчик И. Дивов внёс в свои книги имена некоторые солдат, которые сбежали со своего места жительства ещё в мирные 1649/50—1652/53 гг.⁴⁸⁷ Причина бегства заключалась, вероятно, в нежелании совмещать крестьянский труд с обучением военному делу.

Однако в источниках есть свидетельства о бегстве некоторых обученных солдат не от службы как таковой, а с целью поступления на солдатскую или драгунскую службу в другие полки нового строя, в которых, в отличие от олонечких, солдатам и драгунам платилось жалование. Выше уже было рассмотрено обращения с челобитными по этому вопросу полковников М. Кармихеля и А. Гамильтона, сетовавших, что вместо обученных солдат, трубачей и барабанщиков из-за их бегства в Москву приходилось набирать новых «неученых», и это мешало обучению⁴⁸⁸. Тот факт, что олонечкие пашенные солдаты, обучившись военному делу, находили применение полученным профессиональным навыкам, отмечено и в переписных книгах И. Дивова. Так, об одном солдате деревни Парфеевская Остречинского погоста записано: «Ивашко Варфоломеев збежал в Старую Русу в стрельцы во 162 [1653/54 — Д. Б.] году»⁴⁸⁹, а в списке беглых солдат Оштинского погоста Дивов отметил четырёх братьев Игнашку, Оску, Обросимку и Петрушку Мартыновых

⁴⁸⁶ Сметы военных сил Московского государства 1661—1663 гг. [Электронный ресурс]. URL: www.vostlit.info/Texts/Documenty/Russ/XVII/1660-1680/Smet_voenn_sil_1661_3/text2.htm. Дата обращения: 05.11.2014.

⁴⁸⁷ РГАДА, Ф. 137. Оп. 1. Кн. 5. Л. 612—612об., 616, 621об., 623, 632, 634—634об., 635об., 636, 638об., 639, 651об., 654—654об., 1083об.

⁴⁸⁸ РГАДА, Ф. 141. 1652. Д. 79. Л. 169, 184.

⁴⁸⁹ РГАДА, Ф. 137. Оп. 1. Кн. 5. Л. 634—634об.

из деревни Нефедьевской, которые «сошли к Москве», правда без указания, в каком году⁴⁹⁰.

Вступление России в войну, сначала с Польшей в 1654 г., затем со Швецией в 1656 г., усугубило ситуацию с бегством. Острая потребность государства в наборе солдат для отправки в походы за рубеж заставила власть нарушить обещание не посылать пашенных солдат за пределы Карелии, что вызвало сильное возмущение крестьян. В этом заключалась главная причина ставшего массовым бегства из войска: дальняя служба для поселенных солдат и драгун, предназначавшихся исключительно для охраны границы в своих родных местах, была непосильно тяжелой. С этого времени количество беглых солдат выросло в разы, даже несмотря на угрозу наказания. Некоторые сбегали вместе с семьями. Так, солдат Остречинского погоста Ивашко Деев «збежал во 163 [1653/54] году з женою и з детьми»⁴⁹¹, вероятно, не пожелав отправляться на войну.

Что касается бегства карельских пашенных солдат из походной армии В. П. Шереметева, документальные свидетельства об этом появились уже в октябре 1654 г. В это время олонецкому подьячему Степану Ижорину, ранее занимавшемуся сыском и возвращением на прежние места жительства «сошлых» крестьян Заонежских и Лопских погостов, было поручено сыскивать беглых солдат. Вот что он сообщил в своей челобитной: «сыскал я, холоп твой, в одном в Олонецком погосте беглых салдат, которые, взяв твое государево жалованье, с службы збежали ис полку твоего государева боярина и воеводы Василья Петровича Шереметева с товарищи, девяносто шесть человек»⁴⁹². Подчеркивая эффективность своей розыскной деятельности, подьячий писал: «А до меня, холопа твоего, посыланы были многи сыщики для тех беглых салдат, и не сыскали ни одного человека неведомо для чего»⁴⁹³. Сысканных беглых солдат снова выслали на службу. Кстати, в том же 1654 г.

⁴⁹⁰ РГАДА, Ф. 137. Оп. 1. Кн. 5. Л. 637об.

⁴⁹¹ Там же. Л. 635.

⁴⁹² Архив СПбИИ РАН. Ф. 98. Оп. 1. К. 2. Д. 75. Ст. 1, 2.

⁴⁹³ Там же.

В. П. Шереметев в своей отписке олонецкому воеводе В. А. Чоглокову просил прислать из Олонца подьячих Богдана Софонова и Дружину Протопопова для «справки драгунских и салдатских списков осми тысяч человек», так как «многие драгунские и салдатские имяны в списках написаны в двое и в трое». Олонецкий воевода вместо названных подьячих послал сверять списки Степана Ижорина, из челобитной которого узнаем, что ездил он до Подберезья через Великий Новгород, Полоцк и Вильну⁴⁹⁴. Такой же путь, вероятно, пришлось пройти карельским пашенным солдатам и драгунам, отправленным служить в полк В. П. Шереметева.

Спустя три года в переписных книгах И. Дивова в 1657 г. среди сбежавших, пропавших безвестно, не найденных, не вернувшихся со службы показаны 727 солдат (140 человек — в книге 3; 587 человек — в книге 5)⁴⁹⁵. В 60-е гг. XVII в. количество беглых резко возросло, однако назвать точные цифры не представляется возможным, так как сохранились только разрозненные списки «нетчиков» по разным погостам за разные годы, иногда имена беглых повторялись в нескольких списках, иногда в одном списке значились имена как сысканных беглых солдат, так и тех, которые высылались на службу в свою очередь. В силу этого, подсчёт беглых солдат по этим спискам может привести к неверным выводам. Некоторые данные о масштабах бегства солдат со службы выявлены в актовых материалах. Так, воевода Чоглоков сообщил в своей отписке в октябре 1658 г., что в период с 15 июля по 6 октября того же года из полка Томаса Крафферта с Олонца сбежало 650 человек⁴⁹⁶, а после 6 октября — ещё 134 человека⁴⁹⁷. Воевода жаловался, что многие солдаты «бегают врознь безпрестанно», а разыскать их невозможно, потому что «ухораниваютца по лесом и в помещиковы и в монастырские вотчины у сродичей своих»⁴⁹⁸. Некоторые беглые солдаты, чтобы избежать высылки на службу, не возвращались в Олонецкий уезд. Правительству это

⁴⁹⁴ Архив СПбИИ РАН. Ф. 98. Оп. 1. К. 2. Д. 75. Ст. 1, 2.

⁴⁹⁵ РГАДА. Ф. 137. Оп. 1. Кн. 5: Переписные книги солдат ... (Книги 3, 5).

⁴⁹⁶ РГАДА. Ф. 141. 1659. Д. 19. Л. 125.

⁴⁹⁷ Там же. Л. 133.

⁴⁹⁸ Там же.

было известно, поэтому, в частности, в грамоте С. Г. Куракину было велено «сыскать» беглых заонежских солдат, находившихся в Новгороде⁴⁹⁹.

Некоторые солдаты приходили в Олонец, но получив жалованье сбежали. Об этом тоже сообщал воевода Чоглоков: «Да изо многих государь Заонежских погостов многие салдаты, слыша твою великого государя службу, что их по твоему великого государя указу высылают во Псков и на Лавую, на Олонец не идут и збегают, а которые государь и объявляца на Олонец, и взяв твое великого государя денежное жалованье и пожив некоторое время по месяцу, а иные по полумесяцу, с Олонца по тому ж безпрестанно бегают»⁵⁰⁰.

По сведениям А. В. Чернова, в октябре 1662 г. правительство указало в солдаты из крестьян больше не брать⁵⁰¹, однако, исследователь не указал, из какого источника почерпнуты эти сведения. В настоящей диссертации установлено, что в отношении Олонецкого уезда это неверно. В соответствии с данными изученных нами источников карельских пашенных солдат продолжали отправлять на театр военных действий, по крайней мере, ещё до лета 1665 г.⁵⁰² В частности, в 1662 г. из Олонца на службу было выслано 1815 человек. Из государственной казны им было выдано по 5 рублей на платье, а также шубы. Правда, из этого количества 96 человек сбежало по дороге, а 405 человек сбежало из Новгорода и Пскова - солдаты полка Ягана Трейдена⁵⁰³. Борис Репнин сообщал в государю, что солдаты «не хотя быть на твоей великого государя службе, забыв страх Божий и твое великого государя крестное целованье, с твоей великого государя службы из Великого Новагорода бегут безпрестанно на день человек по десяти и по дватцати и больши»⁵⁰⁴. Интересно мнение воеводы о причинах бегства: «А бегают, государь, они не от хлебные скудости, своею дуростию»⁵⁰⁵. В другой отписке Репнин повторил эту мысль, которую донесли до него солдатские высылщики: солдаты бежали «не от нужи

⁴⁹⁹ РГАДА. Ф. 141. 1659. Д. 19. Л. 136.

⁵⁰⁰ Там же. Л. 140.

⁵⁰¹ Чернов А. В. Вооружённые силы ... С. 143.

⁵⁰² РГАДА. Ф. 141. 1659. Д. 19. Л. 693—693об.

⁵⁰³ Там же. Л. 282—283.

⁵⁰⁴ Там же. Л. 284—285.

⁵⁰⁵ Там же. Л. 285.

и не от голоду», так как при досмотре у некоторых беглых находили «денег рублей по сроку и болши»⁵⁰⁶ «.

В том же 1662 г. из Кижского погоста Олонецкого уезда рейтарский ротмистр Феоктист Ласунский и стрелец Яков Андреев выслали на службу 508 человек, из них ни один в Олонец не явился, все разбежались по дороге. По словам стрельца, эти солдаты «из домов своих отъехав верст с тридцать на Онеге озере в судах все розбежались»⁵⁰⁷. Подобная ситуация вскоре повторилась: из 111 человек, высланных из того же Кижского погоста, в Олонец ни один не явился «отъехав Кижского погоста судами, а иные горою, верст сорок розбежались»⁵⁰⁸. В том же году по высылке дворянина Семёна Кураповича Мякинина из прибранных им 244 солдат Кижского погоста и 253 солдат Шунгского погоста в Олонец явились только два солдата Кижского погоста и 143 солдата Шунгского погоста⁵⁰⁹.

Переписка должностных лиц Москвы, Олонца и Новгорода в 1660-е гг. в основном состоит из обмена данными о всё новых сбежавших солдатах, их, по большей части безуспешном, сыске. Так, Репнину сообщалось, что 3 и 10 июля 1662 г. из полка Ягана Трейдена сбежали 94 человека, их догнать не смогли. Зато 34 солдат, сбежавших 5 июля из полка Христофора Трейдена с мушкетами, начальные люди хоть и догнали, но схватить не смогли, так как «салдаты от них отбились и ушли на болото»⁵¹⁰. Сведения о подобном случае содержатся в опубликованном А. Ю. Жуковым документе, когда сбежавшие из полка Ягана Трейдена солдаты «учинили» бой с преследовавшими их «начальными людьми»: «стреляли по ним из мушкетов». Только двух из них захватили (их было велено повесить), остальным удалось скрыться⁵¹¹. В данном случае очевидно, что военная подготовка и боевой опыт не прошли для этих солдат даром.

⁵⁰⁶ РГАДА. Ф. 141. 1659. Д. 19. Л. 380.

⁵⁰⁷ Там же. Л. 331.

⁵⁰⁸ Там же. Л. 339.

⁵⁰⁹ Архив СПбИИ РАН. Ф. 98. Оп. 1. К. 4. Д. 72. Ст. 94—97.

⁵¹⁰ РГАДА. Ф. 141. 1659. Д. 19. Л. 340.

⁵¹¹ Жуков А. Ю. Олонецкие полки ... С. 123.

Далее почти во всех отписках вплоть до 1665 г. содержится информация о сбежавших: 14 сентября сбежало 56 человек, 16 сентября — 110 человек, примерно в это же время сбежало ещё 372 человека. Из 11 беглых солдат Репнин приказал ещё двух человек повесить в Опочке, а двух прислать для казни в Псков⁵¹². Одного из ранее пойманных беглецов Репнин приказал повесить в Заонежских погостах «для устрашения»⁵¹³. Важно отметить, что в документах зафиксирован выбор солдата, подлежащего казни за бегство, с помощью жребия⁵¹⁴. Вероятно, такой способ определения был призван вызвать страх, когда любой солдат мог оказаться на виселице. Всего за один месяц с 1 сентября по 1 октября 1662 г. из Пскова сбежало 657 человек заонежских солдат⁵¹⁵. Бегство солдат приняло такой масштаб, что в ноябре 1662 г. Борису Репнину было велено чинить беглецам жестокое наказание «не отписывая о том к нам, великому государю»⁵¹⁶.

В марте 1663 г., сменивший Бориса Репнина Иван Репнин собрал в Новгороде в приказной избе олонецких сержантов, капралов и рядовых «лутчих людей» и говорил им о прежнем их челобитье о службе с переменою. И по той перемене в первую очередь довелось быть на службе 2672 человекам, и многие из этих солдат по дороге и из Великого Новгорода сбежали. Репнин спросил у солдат совета «как им быть мочно на... службе прочным и какое учинить в побеге их братьи утверженье». На это они ответили, что бегут солдаты «от бедности, для того, что служат они ... без подмоги», а из их жалованья — по 3 алтына в день в зачет месячного корма (по четверику овса, ржи и ячменя) с них вычитают деньгами за рожь и ячмень по 10 алтын, а за овес по 6 алтын 4 деньги. Солдаты просили, чтобы им указали служить «с вытного числа переменяясь с выти по пяти человек, а в Олонецком уезде и в Заонежских погостех четыреста вытей и с лишком» и прибавить им месячный корм, тогда,

⁵¹² РГАДА. Ф. 141. 1659. Д. 19. Л. 371—373; Жуков А. Ю. Олонецкие полки ... С. 134.

⁵¹³ Жуков А. Ю. Олонецкие полки ... С. 123.

⁵¹⁴ Там же. С. 134.

⁵¹⁵ РГАДА. Ф. 141. 1659. Д. 19. Л. 381.

⁵¹⁶ Там же. Л. 384.

по их словам, «солдаты на ... службе будут крепки и бегать не учнут»⁵¹⁷. Решением было корм давать по-прежнему по 3 алтына, а за хлеб денег из корма не вычитать⁵¹⁸. Тем не менее, ситуация не изменилась. Солдаты продолжали сбегать со службы и от высельщиков.

2.3.2. Сыск и высылка: взаимодействие воеводы с солдатским сыщиками и высельщиками

Отправляя в период русско-польской и русско-шведской войн карельских пашенных солдат на службу в походное войско, с целью недопущения запустения крестьянских хозяйств, солдат «разбирали» на очереди, которые должны были сменять друг друга. Как было показано выше, уже при первой же смене очередей крестьяне, не желавшие отправляться в походную армию и имевшие возможность откупиться, договаривались с олонецким воеводой (тогда это был В. А. Чоглоков) об освобождении их от службы. В результате этого мошенничества через год на службу были снова высланы многие из крестьян, только что вернувшихся с поля боя⁵¹⁹. В. А. Чоглоков, уличенный в злоупотреблениях, был снят с воеводской должности, новым воеводой назначили Петра Пушкина (позже В. А. Чоглоков еще дважды возвращался в Олонец в качестве воеводы). Что касается разборов солдат на очереди, это мероприятие проводилось в Олонецком уезде неоднократно и связано было, во-первых, с попыткой организовать справедливый порядок высылки солдат на службу, во-вторых, обуславливалось проблемами, связанными с комплектованием полков пашенных солдат, не желавших отправляться на войну. Очередность высылки постоянно нарушалась, иногда должностными лицами, «за посулы» освобождавшими солдат от службы, гораздо чаще самими солдатами, разбегавшимися из домов, заслышав о приближении солдатских высельщиков. Кроме того, потребность армии в солдатах – взамен сбежавших,

⁵¹⁷ РГАДА. Ф. 141. 1659. Д. 19. Л. 431—434.

⁵¹⁸ Там же. Л. 431об., 442.

⁵¹⁹ Курбатов О. А. Организация и боевые качества ... С. 185—187.

раненых или погибших – постоянно росла. Поэтому приходили все новые и новые указы о дополнительных приборах солдат. Очередь, оставленная дома, могла быть поделена еще на две очереди («велено ... «достальных» солдат разобрать пополам»⁵²⁰), одну из которых высылали на театр боевых действий. Для разрешения спорных вопросов: кто и в какую очередь должен служить, кто справедливо освобожден от службы, а кто нет, и для сыска беглых солдат в Олонецкий уезд посылались солдатские переписчики, сыщики и высыльщики.

Среди переписчиков пашенных солдат известны: олонецкий воевода князь Федор Федорович Волконский и его племянник Дмитрий Андреевич Волконский (1649 г.), московские дворяне Иван Семенович Дивов (1657 г.) и Сергей Андронникович Малово (1658 г.) Важные мероприятия по разбору солдат на очереди также обычно поручались московским или новгородским дворянам. Кроме разбора солдат на очереди в компетенцию некоторых переписчиков входили сыск и высылка беглых солдат на службу. Такими обширными полномочиями были наделены И. Дивов и С. Малово. Для других должностных лиц решение спорных вопросов по высылке и сыск беглых было лишь дополнительной, сопутствующей, но не главной задачей. Так, новгородский дворянин Семён Курапович Мякинин, будучи в Олонце в 1662 г., прямо заявил воеводе, что по наказу боярина и воеводы князя Бориса Александровича Репнина велено ему в Заонежских погостах «достальных» солдат разобрать пополам и выслать первую половину на службу, а беглых солдатах «сыскивати ему не указано»⁵²¹. Впоследствии из-за нежелания крестьян отправляться на службу, дворянину все же пришлось решать и вопросы, связанные с «нетством».

И. Дивов, составивший в 1657 г. списки имен всех пашенных солдат и драгун Олонецкого уезда, их родственников, а также охудалых крестьян, как и В. А. Чоглоков, был уличен в злоупотреблении своим положением. Из коллективной челобитной заонежских крестьян известно, что переписчик «за

⁵²⁰ Архив СПбИИ РАН. Ф. 98. Оп. 1. К. 3. Д. 16 (к). Ст. 6.

⁵²¹ Там же.

посулы» вносил имена крестьян годных для службы в категории больных, увечных, старых и «недорослей», а старых и больных писал в солдаты. Для расследования обид, учиненных Дивовым, в 1658 г. в Олонецкий уезд был послан другой московский дворянин — С. А. Малово. Он был наделен полномочиями рассматривать жалобы крестьян и солдат на действия Дивова. С. Малово составил свои списки пашенных солдат, но они не сохранились. Исследователь А. С. Рыжков привел сведения о том, что уже в 1660 г. думный дьяк Ларион Лопухин, получивший задание выписать из писцовых книг данные о количестве человек, записанных в солдатскую службу в Олонецком уезде, сообщил: «А сколько в Сямозерской волости [и в Лопских погостах] взято в салдатскую службу, и того в Новгородской четверти неведомо, опричь переписки Ивана Дивова»⁵²². Однако нам удалось выявить в документах, что переписные книги С. Малово все еще использовались солдатскими высылщиками и в 1663 г.. Кроме того, важно отметить, что несмотря на уличение Дивова в злоупотреблениях, его переписные книги не были признаны полностью недостоверными и тоже применялись для получения сведений о солдатах. Так, 12 января 1663 г. Андрей Гаврилович Измайлов запросил у олонцкого воеводы князя Терентия Васильевича Мышецкого выписку из «солдатских книг» Ивана Дивова и Сергея Малово, чтобы узнать, записаны ли в них четверо жителей Ведлозерской волости Олонцкого погоста⁵²³. На следующий день воевода направил А. Измайлову память об освобождении всех четверых от государевой солдатской службы, так как они были выведены на посад еще до переписки И. Дивова, записавшего их, согласно поданной ими челобитной, «за очи». В дальнейшем воевода велел руководствоваться переписными книгами только С. Малово⁵²⁴. Значит, в 1663 г. эти книги еще не были утеряны и использовались при высылке солдат на службу.

Главным, по-видимому, в переписных книгах С. Малово был сам факт записи крестьян на солдатскую службу, а не деление их на очереди, так как,

⁵²² Рыжков А. С. Опыт составления ... С. 269.

⁵²³ Архив СПбИИ РАН. Ф. 98. Оп. 1. К. 4. Д. 71. Сст. 21, 21об, 22.

⁵²⁴ Там же. Сст. 27, 28об.

несмотря на то, что ранее такое деление в ряде погостов проводил ротмистр Феоктист Иванович Ласунский (1661 г.), затем новгородский дворянин Семен Курапович Мякинин (1662 г.), в 1663 г. о записи крестьян в солдаты справлялись по составленным в 1658 г. книгам С. Малово. Позже в 1664 г. разбор солдат на службу по очередям в Шуйском погосте проводили стольник Петр Васильевич Зиновьев и стряпчий Елесе́й Иванович Зиновьев⁵²⁵.

Что касается сыска беглых солдат, то он проводился силами начальных людей полков пашенных солдат, новокрещенов, олонецких стрельцов, пушкарей и посадских людей под руководством специально направленных в уезд сыщиков дворян и иных должностных лиц. Кроме того, обязанность сыска беглых солдат была возложена на старост и иногда на других волостных людей.

Следует заметить, что отделить друг от друга и рассмотреть по отдельности высылку солдат, отправлявшихся на службу в свою очередь, и солдат, уже побывавших на службе и сбежавших оттуда – очень сложно. Доступные нам для изучения комплексы источников позволяют рассматривать эти два вида мероприятий только во взаимосвязи, так как большей части сыщиков вменялось в обязанность не только сыскивать, наказывать и высылать на службу «полковых беглецов», но и высылать солдат, обязанных идти на службу в соответствии с установленной очередностью. Тем более, что проблемы возникали не только с первыми, но и со вторыми, которые зачастую, не желая служить, оспаривали свою высылку, приводя различные аргументы: жаловались на незаконную запись в солдаты, ссылались на то, что на службе их родственники, или что за них служат наймиты, или утверждали, что сейчас не их очередь служить. Заслышав о приближении высылщиков многие солдаты, иногда вместе с семьями, уходили в лес, пережидая пока опасность быть схваченными и высланными на службу миновала: «... беглых сыскать не можно, из домов своих с женами и з детьми выбежали, и отцы их, и братья, и племянники, уздав государев указ, что их велено выслать вместо нетчиков на

⁵²⁵ Архив СПбИИ РАН. Ф. 98. Оп. 1. К. 4. Д. 109. Ст. 7, 7об.

Олонец, все розбежались»⁵²⁶. Бывало, что уходили целыми деревнями. Так, капитан Алимпий Волутин сообщал в съезжую избу: «А в деревне Вохтозеро салдаты, отцы их и братья, и племянники, и суседи, все збежали в Лопскую половину в Линдозерский погост в деревню Ачинскую»⁵²⁷.

В случаях, когда солдат сыскивали и высылали из их родных деревень на службу, зачастую они сбегали по пути к месту назначения. Таким образом, и высыльщикам дворянам, и сыщикам из числа олонецких офицеров, приходилось решать проблемы, связанные с нежеланием солдат служить и их бегством и с места службы, и с дороги на службу, и из своих домов.

Об эффективности розыскных мероприятий сыщики и высыльщики отсчитывались перед олонецкими воеводами, на которых была возложена ответственность за проведение розыскных мероприятий. Сыщики направляли в воеводскую избу отписки о своих действиях, результатах сыска и проблемах, с которыми они сталкивались в ходе солдатской высылки. В силу того, что пик дезертирства приходился на 60-е гг. XVII века, чаще всего в документах, содержащих информацию о сыске беглых, встречается имя олонецкого воеводы Терентия Васильевича Мышецкого и дьяка Дружины Ивановича Протопопова. В свою очередь сведения о деятельности сыщиков воевода излагал в отписках на имя государя или других должностных лиц, в чью компетенцию входило решение вопросов по укомплектованию и использованию олонецких полков пашенных солдат: новгородского воеводы С. Г. Куракина, новгородского дворянина С. Мякина, А. Измайлова, князей и бояр Б. А. Репнина, И. Б. Репнина, И. А. Хованского.

Из Великого Новгорода в Олонец присылались государевы указы, наказные памяти, а также росписи имен «нетчиков», в соответствии с которыми олонецкие власти должны были действовать. В случае неясности, как поступать, олонецкий воевода делал запрос, высылают ли в полки родственников раненых или погибших на службе солдат и можно ли «править»

⁵²⁶ Архив СПбИИ РАН. Ф. 98. Оп. 1. К. 4. Д. 1. Ст. 53 с об, 54.

⁵²⁷ Там же. Ст. 53 с об, 54.

деньги, полученные беглецами в виде жалования, или за «снесенные» казенные вещи и оружие, на жене, детях и иных родственниках. До получения разъяснений по неясным вопросам воевода не предпринимал никаких мер, сообщая в отписке: «а без твоего указа не смел ...». Также поступали и сыщики из числа офицеров, действовавшие в погостах.

Сыск беглых осуществлялся на основании «нетных» росписей, то есть списков солдат и драгун, которые будучи обязанными быть на службе, отсутствовали в полках или местах сбора ратных людей. Они могли сбежать по дороге к месту назначения, с театра военных действий или скрыться от высылки в лесах вблизи родной деревни, не желая отправляться на дальнюю службу. Наличие «нетной» росписи не гарантировало спокойной жизни прочим крестьянам, чьих имён в ней не было. Во-первых, вместо ненайденных беглых на службу высылались их родственники, соседи, поручители или, если дело касалось беглых наймитов, их наниматели (называемые в документах «хозяевами наймитов») или поручители, если больше выслать было некого. Старосты погостов, отцы, матери и дети солдат стояли на правеже или помещались в тюрьму до тех пор, пока не объявлялись беглецы или кто-нибудь вместо них⁵²⁸. Некоторые «высылщики» пользовались жестокими методами по отношению к солдатам и их родственникам. Так, стрелецкий «полуголова» Лука Издеков в марте 1662 г. в Кижском погосте «за убитых и за мертвых солдат отцев и матерей и жен и детей для своей корысти бил и мучил ... на снегу босых на правежи держал, и посулы с них имал, и салдацкой матери голову отсеч хотел, и салдата де Максимка к печтке приводил и кнутом бил и жечь хотел же»⁵²⁹. Правда, не все сыщики и высылщики оказывались достаточно твёрдого характера, чтобы проводить жёсткие, порой даже жестокие меры по сыску и высылке солдат на службу. Так, об одном своем помощнике С. Мякинин написал: «Да прислан, господа, ко мне от вас с Олонца для салдатцкого сыску и высылки новокрещен Софон Илметев. И я ево

⁵²⁸ РГАДА. Ф. 141. 1659. Д. 19. Л. 273; Жуков А. Ю. Олонецкие полки ... С. 145.

⁵²⁹ Жуков А. Ю. Олонецкие полки ... С. 144.

посылал от себя для салдатцкой высылки, и ево, Софона, с салдатцкую высыл[ку] не стало, потому что человек он смирно[й. И вам бы], господа, прислать ко мне в помочь для салдатцк[ой] высылки новокрещена Харлама Мех[келе]ва да с ним в прибавок пятьдесят челове[к] стрельцов, чтоб государеву делу и салдац[кому] сыску мотчанья не учинилось»⁵³⁰. За получение взяток от солдат на правеж ставили самих начальных людей⁵³¹.

Во-вторых, в наказных памятях, как олонецким воеводам, так и лицам, непосредственно осуществлявшим розыск беглых, зачастую указывалось действовать не только по росписи, но и сверх росписи. Иными словами, обнаружив в погосте крестьян, которые не могли достоверно подтвердить кто они и откуда, велено было привозить этих людей в Олонец для удостоверения личности и определения дальнейшей судьбы: следует их отправлять на службу или нет.

Так, майор Устин Мещеренинов писал в воеводскую избу в Олонец, что в сентябре 1660 г. велено ему было в Оштинском и Мегорском погостах «сыскивать про всяких служивых людей, которые отбываютчи великого государя службы и перебегаютчи ис погоста в погост». По словам майора, в Оштинском погосте к нему привели шесть человек «гулящих людей», из них четверых он послал в Олонец, а один «из-за поруки ушел, а порутчиков, которые ручались по нем Ефимки, без вашего, господа, указу выслать на Олонец не смел». Далее сыщик сообщает: «Да привели ко мне драгуна Игнашка Микитина Скорохода, и Игнашко сказалсе, что-де я драгун Вытегорского погоста Алмозерской волости, а пришел на Ошту для работы». Выяснив, что в «нетных списках» у майора Малафея Бахтиярова его имени нет, Устин Мещеренинов сообщает, что задержанный Игнашка «бил челом ... об отписки к маеру к Малафею Бахтиярову, чтоб про него сыскать, не от службы ль он Игнашко бегаёт». В конце концов, Игнашко был отпущен с отпискою к Малафею Бахтиярову «для ради справки и поручная запись по нем взята».

⁵³⁰ Архив СПбИИ РАН. Ф. 98. Оп. 1. К. 4. Д. 72. Ст. 5.

⁵³¹ РГАДА. Ф. 141. 1659. Д. 19. Л. 112.

Здесь следует пояснить, что майор Бахтияров осуществлял сыск беглых именно на территории Вытегорского погоста и у него были «нетные росписи» солдат и драгун этой административно-территориальной единицы, поэтому Устин Мещеренинов и направил драгуна Игнашку за справкой к майору Бахтиярову⁵³². Неизвестно, чем закончилось удостоверение личности Игнашки Микитина и его отношения к службе, но стоит заметить, что в переписных книгах Ивана Дивова 1657 г. во всем Вытегорском погосте такого имени нет.

Офицеры и иные должностные лица, осуществлявшие сыск беглых, ездили по всем населенным пунктам вверенной им административной территории, заезжая в соответствии с «нетными» росписями в каждую деревню. Насколько можно судить по документам Олонецкой воеводской избы, первоначально сыщики делали запрос старостам погоста о наличии в их погосте беглых солдат и иных «гуляющих людей». Зачастую старосты, становясь на сторону солдат, отвечали, что в их погостах ни тех, ни других нет.

Пашенные солдаты, не желая быть высланными на службу или будучи несогласными с военными разборами одних солдатских высельщиков, подчас использовали информацию о скором приезде других должностных лиц и отказывались отправлять на службу, аргументируя свой отказ тем, что этот вопрос будут решать вновь приехавшие сыщики⁵³³. Так, олонецкий воевода в 1662 г. сообщал в Великий Новгород, что из Шунгского погоста: «... отослано к вам ... сто сорок шесть человек. А достальные, господине, беглые салдаты, которые были сысканы, и те, заслыша салдатцких высельщиков перемену, что посланы на Олонец и в Заонежские погосты, Сергей Малово да Семен Мякинин, ротмистром Феоктисту Ласунскому да порутчику Гаврилу Поскочину и новокрещеном, которых мы посылали, отказали и ис погостов выслали»⁵³⁴. Важно заметить, что приезд новых солдатских высельщиков ситуацию не изменил. Спустя некоторое время из того же Шунгского погоста пришли известия, что солдаты по розбору Семена Мякинина на службу не

⁵³² Архив СПбИИ РАН. Ф. 98. Оп. 1. К. 3. Д. 83. Ст. 40—40об., 42, 62.

⁵³³ Там же. К. 4. Д. 73. Ст. 2, 3об.; Д. 77. Ст. 1—20.

⁵³⁴ Там же.

пошли и теперь уже новокрещены Богдан Тахташев и Петр Зенебяков разыскивают «нетчиков»⁵³⁵.

Документы свидетельствуют о том, что сыщики вместе с отрядом стрельцов, пушкарей или солдат ездили по деревням и, если считали нужным, даже разыскивали беглецов в лесу. Иногда эту обязанность перекладывали на старосту погоста или родственников беглого солдата. Другим документом была оформлена порука по дьякону Юковской волости Остречинского погоста Еуплу Онаньину, который обязывался найти своего беглого брата Ипатку Онаньина⁵³⁶.

Некоторые пашенные солдаты, жившие в порубежных деревнях, сбегали от высельщиков за границу, на шведскую сторону, и прятались там в домах своих родственников. Известны случаи, когда высельщики переходили границу вслед за беглецами и предпринимали действия по возвращению их на российскую сторону. Такие действия приводили к возмущению шведских властей, что находило отражение в официальных письмах на имя русского царя⁵³⁷.

От постоянного присутствия в уезде солдатских сыщиков и высельщиков страдали не только пашенные солдаты и их родственники, но и охудалые крестьяне, жившие на пути проезда должностных лиц в Заонежские и Лопские погосты. В 1664 г. охудалый крестьянин Кинелахтинской волости Олонецкого погоста Ивашко Лаврентиев жаловался в челобитной на имя царя, что солдатские высельщики и стрельцы, приезжающие с Олонца, его «безпристанно емлют с собою, и дров весть и сена не дают, и кормы хлеб и вологу емлют, и домишко мое разорица, а детишка помрут голодною и холодной смертью». Крестьянин просил царя не велеть солдатским сыщикам его «изгонять и подвод, и кормов для нечиков имать», чтоб ему «сироте, до

⁵³⁵ Архив СПбИИ РАН. Ф. 98. Оп. 1. К. 4. Д. 72. Ст. 18—19.

⁵³⁶ Там же. К. 3. Д. 76. Ст. 170, 170об.

⁵³⁷ Чепель А. И. «Заставу учал было обходить лесом»: шведско-русское приграничье после Столбовского мира // Новый исторический вестник. 2010. Т. 24. № 2. С. 43—50.

конца не погибнуть»⁵³⁸. Помета на челобитной поражает своей бескомпромиссностью: «Сыскивай салдат. А как нетчиков не будет, и подвод иметь не станут».⁵³⁹ Таким образом, буквально от каждого жителя Олонецкого уезда власти ожидали содействия в розыске беглых солдат, однако, эти ожидания редко оправдывались.

Иногда от произвола солдатских высельщиков могло пострадать население сразу ряда населенных пунктов, как это произошло в трех Лопских погостах, когда для высылки на службу к ним приехал поручик полка Вальтера Кармихеля Богдан Головин с отрядом стрельцов. В челобитных крестьян и солдат перечислены обиды, причиненные им поручиком: избиение, издевательство, вымогательство, насилие над женщинами. А. С. Рыжков, задавшись вопросом о достоверности сведений, сообщаемых крестьянами в своих челобитных, реконструировал последовательность событий 1657 г. в Лопских погостах и показал, что, несмотря на действительно имевшие место злоупотребления поручика, некоторые обвинения все-таки были вымышлены, для чего крестьяне, по их же признанию, составили заведомо ложную челобитную⁵⁴⁰. Причина таких действий со стороны крестьян объясняется их нежеланием нести солдатскую службу, тем более далеко от дома.

В мае 1663 г. в государевой грамоте было велено выбрать в Заонежских погостах 2100 дворов, «с которых бы мошно служить салдатцкую службу в три перемены»⁵⁴¹. Для «драгунского салдатцкого розбору и устроенья» в Олонецкий уезд из Новгородской четверти были посланы стольник Пётр Васильев и стряпчий Елисей Иванов сын Зиновьев⁵⁴². Им было приказано быть с воеводой Чоглоковым, которому надлежало сделать списки с книг Ивана Дивова тех солдат, которые необходимы к выбору, предоставить чернила, бумагу и подьячих, которых «с такое дело стало» и для рассылки стрельцов и

⁵³⁸ Архив СПбИИ РАН. Ф. 98. Оп. 1. К. 4. Д. 98. Ст. 3, 3 об.

⁵³⁹ Там же. Ст. 3, 3 об.

⁵⁴⁰ Рыжков А. С. Поручик Богдан Головин – организатор службы пашенных солдат в Карелии во второй половине XVII века. [Электронный ресурс] // Журнал отчетов и публикаций ИЛЛИМИК. (ISSN 1819-9399). 2007. № 1 (3). Электрон. ст. URL: <http://illmik.petsu.ru/2007news3/Ryzhkov2.html>. Дата обращения: 05.11.2014.

⁵⁴¹ РГАДА. Ф. 141. 1659. Д. 19. Л. 455.

⁵⁴² Там же. Л. 462, 463—478.

пушкарей. Требовалось выбрать 2250 человек драгун и 2250 солдат «семьенистых и прожиточных, добрых молодых людей, которых бы мочно великого государя служба служить». Собранных солдат следовало расписать в три перемены по 750 драгун и по 750 солдат (по 1500 человек в каждой перемене). При этом делалась оговорка, что «по большем вестям» служить надо будет всем по спискам. Жалованье им «на подъем» велено было давать в Олонце: драгунам по 4 рубля человеку, а солдатам на месяц поденно по 1 алтыну да хлеба по четверику да сухарей «без вычету» вне зависимости от места службы. Деньги им были даны серебром, что свидетельствует о той важности, которую правительство придавало солдатам и драгунам Олонецкого уезда. Было объявлено, что беглецы будут подвергнуты смертной казни, а вместо них на службу будут высланы их ближние родственники. Собираться им следовало по первому зову воеводы.

В первую треть были выбраны солдаты и драгуны «окологородных» погостов. Выборщикам было приказано сделать книги, в которых солдаты были бы расписаны по третям, одну копию книги оставить в Олонце, а другую привезти в Москву. На этих же солдатских выборщиков было возложено наказание солдат, оказавших непослушание. К самим выборщикам также было обещано применение суровых санкций в случае непослушания: опала, жестокое наказание, ссылка, возмещение убытков в тройном размере, «бесповоротная» конфискация имущества⁵⁴³.

Выборщики прибыли в Олонец 5 октября 1663 г. Ещё до их прибытия Чоглоков получил грамоту с указанием в первую перемену прибрать солдат ближних погостов, во вторую — «средних» и в третью — дальних⁵⁴⁴. Правда, какие именно погосты входили в каждую из обозначенных перемен в документе не было прописано. Из более позднего документа выяснилось, что в первую треть записывались солдаты Олонецкого, Важенского, Веницкого и

⁵⁴³ РГАДА. Ф. 141. 1659. Д. 19. Л. 463—478.

⁵⁴⁴ Там же. Л. 485.

Остречинского погостов⁵⁴⁵. При этом солдат велено было писать «наспех»⁵⁴⁶, настолько велика видимо была потребность в военной силе на театрах боевых действий.

23 октября 1663 г. солдат первой трети велено было отправить водным путём в Великий Новгород, а затем по первому зимнему пути в полк к И. А. Хованскому⁵⁴⁷. Жалованье а солдатам было велено дать на месяц, а драгунам только половину — по 2 рубля, остальное обещалось дать в полку⁵⁴⁸. Тем не менее, когда 1 ноября выборщики представили в Олонец книги с именами солдат и драгун первой трети и воевода «пересмотрел» их в Олонце, солдаты заявили, что «ныне им на ... службу поднятца некоторыми мерами не на чем и нечим, потому что служыли-де оне многие годы без съезду и с ... службы пришли оне к домишком своим недавно ... и будучи на многих ... службах беспеременно одолжали и осиротали и деревеньские участки запустели и у многих не паханы ...»⁵⁴⁹. Также эти солдаты ближних погостов заявили, что в отличии от них солдаты, которые жили от Олонца в дальних погостах — Кижском, Шунгском, Андомском, Пудожском и Кузарандской волости и иных погостов на «службу по многие годы по высылкам не бывали, чинились непослушны и от высылщиков отбивались»⁵⁵⁰.

Кроме того, выяснилось, что в Олонце в казне денег нет и выдать жалованье солдатам воевода не может, а солдаты без жалованья идти на службу отказались, заявив, что и «лошадей у них нет, и запасов припасать не из чего». Проблема была и с обеспечением вооружением. Начальные люди сообщили, что из оружия н аОлонце только 1000 мушкетов и солдатам этого количества не хватит, да и Олонец нельзя было оставить без запаса оружия. В результате, по 6 ноября солдаты первой трети так и не пошли на службу⁵⁵¹. Иван Репнин,

⁵⁴⁵ РГАДА. Ф. 141. 1659. Д. 19. Л. 680.

⁵⁴⁶ Там же. Л. 491—493.

⁵⁴⁷ Там же. Л. 499—502.

⁵⁴⁸ Там же. Л. 503—507.

⁵⁴⁹ Там же. Л. 515.

⁵⁵⁰ Там же.

⁵⁵¹ Там же. Л. 516.

ожидавший прибытия олонецких солдат, сообщал, что и по 19 ноября они не прибыли⁵⁵².

В результате высылка солдат первой трети на службу так затянулась, что отправить их водным путём оказалось уже проблематично. 28 ноября 1663 г. воевода Чоглоков сообщал, что мелкие речки уже «стали», да и судов, как выяснилось, у солдат нет, а которые есть малые суда и тем требуется ремонт, который до весны осуществить невозможно. По по суше, по словам воеводы, солдаты тоже идти не могли из-за нехватки лошадей, а также из-за болот и грязи⁵⁵³. В ответ 2 декабря Чоглоков получил грамоту с указанием выслать солдат по первому зимнему пути «безо всякого мотчанья»⁵⁵⁴. Чуть ранее ему было велено дать солдатам перед отправкой на службу жалованья «по немногу»⁵⁵⁵. В итоге 22 декабря воевода всё-таки выслал на службу 442 драгуна, выдав им жалованья по 1,5 рубля человеку, и 371 солдат с месячным жалованьем по 30 алтын человеку. Полное количество солдат — 1500 человек, по словам воеводы, собрать будет невозможно, потому что те солдаты, которые «за розбором остались, те стары, и худы, и бедных много», а многие «бегают»⁵⁵⁶. Положение солдат действительно было бедственным. Об этом свидетельствует отписка Чоглокова, поданная 5 января 1664 г., из которой известно, что солдатам, у которых хлеб «не родился» дать «для их скудости» из казны «займы с порукою» по четверику ржи. Такая помощь была оказана 140 человекам, но с условием, чтобы они заплатили за этот хлеб до 1 сентября 1664 г.⁵⁵⁷ Тем не менее, объяснения воеводы не удовлетворили правительство и Чоглокову было велено выслать в Новгород всех солдат первой трети «до одного человека»⁵⁵⁸. Следует отметить, что в Новгороде в это время в казне

⁵⁵² РГАДА. Ф. 141. 1659. Д. 19. Л. 523.

⁵⁵³ Там же. Л. 524—527.

⁵⁵⁴ Там же. Л. 534—535.

⁵⁵⁵ Там же. Л. 532—533.

⁵⁵⁶ Там же. Л. 539—542.

⁵⁵⁷ Там же. Л. 536.

⁵⁵⁸ Там же. Л. 543—545.

тоже не было денег на выдачу солдатам жалованья. Об этом 27 декабря 1663 г. сообщил И. Репнин⁵⁵⁹.

В начале января 1664 г. часть солдат и драгун всё-таки прибыла в Новгород, но, как это уже стало обычным явлением, по дороге сбежало 134 драгуна и 163 солдата⁵⁶⁰. Из-за непрекращающегося бегства солдат Чогловоку в марте 1664 г. было указано за побег «чинить» смертную казнь «безо всякие пощады», а не «легкое» наказание кнутом⁵⁶¹. Правда, иногда солдаты, внесённые в «нетные списки», объявлялись сами. Так, в феврале в Новгород пришли 118 драгун и 37 солдат, которые были написаны «в нетах», и объяснили, что шли «окольными дороги», и поэтому отстали⁵⁶².

5 мая 1664 г. снова возникла переписка по вопросу сыска беглых солдат. По отписке Репнина по «нетным спискам» числилось 305 человек. В погостах был учинён сыск, по результатам которого Чоглоков сообщил в отписке, о том, что по словам старост, многие солдаты пошли на службу другими дорогами, те, которые сбежали, дома не появлялись. Также в отписке написано, что беглые солдаты жили по разным уездам, называя себя корелянами⁵⁶³. 27 июня 1664 г. из полка И. А. Хованского сбежали 273 олонечких солдата. Те их них, кого удалось поймать, заявили, что бежали от «хлебной нужи и от голоду»⁵⁶⁴.

25 июля 1664 г. Чоглоков сообщил, что в июне в Олонец в съезжую избу пришли 51 человек солдат и драгун и рассказали об обстоятельствах своего бегства со службы. Оказалось, что будучи в полку И. А. Хованского эти солдаты участвовали в бою «с литовскими людьми» в семи верстах от Витебска и в том бою «олонечких драгунов и салдат многих побили и у них драгунов и салдат ружье и рухлядь и хлебные запасы отбили. И оне с того бою к Витепску бежали и метались в Двину реку и досталное де платьишко с собя сметали в воду, а в Витепски ... жалованья им и корму не дали. И не стерпя ... оне голоду

⁵⁵⁹ РГАДА. Ф. 141. 1659. Д. 19. Л. 548.

⁵⁶⁰ Там же. Л. 552—554.

⁵⁶¹ Там же. Л. 556—557.

⁵⁶² Там же. Л. 559.

⁵⁶³ Там же. Л. 576—577.

⁵⁶⁴ Там же. Л. 581—583.

и от бедности после бою ... побежали». Теперь, сказали солдаты, им обратно идти не с чем без жалованья, а дома их разорены и ныне они «обедняли и стали наги и босы»⁵⁶⁵. Однако в ответ Чоглокову пришла грамота с указанием не верить солдатам, что они после боя сбежали, по мнению правительства, «своровали они, побежали з бою и многое дурно от их побегу учинилось, а кормец им велети б есте дать по рассмотренью». Таким образом, хоть и было прежде велено за побег чинить солдатам смертную казнь, на практике это осуществлялось в единичных случаях, потому что бегство было массовым. что касается корма, то солдатам, бежавшим после боя, было велено выдать жалованье по полтине человеку, а тем, кто бежал по дороге до боя, велено было ничего не давать⁵⁶⁶.

Несмотря на массовое бегство солдат первой трети, 20 июля 1664 г. Чоглоклу было велено из тех солдат, которые могут служить, учредить четвёртую перемену, а остальных написать в тягло. Если четвёртую перемену организовать невозможно, то этих солдат высылать на службу вместо беглых⁵⁶⁷.

Подробности о тяготах солдатской службы выясняются из челобитной олонецких драгун и солдат, поданной также после боя, произошедшего 7 июня 1664 г. недалеко от Витебска. Солдаты написали, что служили они с двора по два, три и четыре человека, а «одинокие» все без выбору. И служили они под Витебском, в Полоцке, под Брестом, Юрьевом Ливонским, Корелой, Орешком, Ляховичами, в Черей и в Кушликовых горах, в Полоцке и в Десне сидели два года и в Юрьеве Ливонском в осаде сидели 4 года. И ныне выборщики вновь написали их в службу в первую перемену, и служили они в полку Хованского, а после боя с польскими и литовскими людьми и с войском Жмойским 7 июня 1664 г. на реке Лучесой в пяти верстах от Витебска, где многие погибли, а у драгун лошади все «перепали», солдаты сообщили, что они «самы тако ж с того бою сошли только душами да телом, наги и босы и голы... и ранены». Хованский после того боя оставил их в Витебске, и солдаты просили

⁵⁶⁵ РГАДА. Ф. 141. 1659. Д. 19. Л. 600—602.

⁵⁶⁶ Там же. Л. 638.

⁵⁶⁷ Там же. Л. 597.

переменить их второй третью, так как денег у них нет, потому что после выдачи жалованья в Олонце денег они больше нигде не получали⁵⁶⁸.

30 сентября 1664 г. Чоглоков получил государеву грамоту с указанием переменить солдат первой трети солдатами второй трети⁵⁶⁹, а воеводе П. А. Долгорукому было велено из Витебска до прихода солдат второй трети никого не отпускать⁵⁷⁰. Всего по официальным спискам убитых, утонувших и без вести пропавших солдат первой трети числилось 229 человек⁵⁷¹.

Командующим второй третью солдат был назначен полковник Яган Трейден, и включала вторая треть солдат разных погостов Водлозерского и Оштинского станов. Книги с именами этих солдат выборщики прислали в Олонец ещё 22 января 1664 г., а 23 января эти книги были отправлены и в Москву⁵⁷². В связи с высылкой на службу солдат второй трети снова возникла проблема с выдачей солдатам жалованья, так как денег в олонецкой казне по-прежнему не было. Их хватало только на выдачу жалованья начальным людям⁵⁷³. Как и ранее, солдатам не хватало и оружия: в олонецкой казне было всего 700 мушкетов⁵⁷⁴. Повторилась и проблема с нежеланием солдат второй трети отправляться на службу. Воевода сообщал, что солдаты от высельщиков «бегают ис погоста в погост и по лесом укрываютца», а к родственникам, жёнам и детям, томящимся в тюрьме «не идут»⁵⁷⁵.

Тем не менее, 15 декабря 1664 г. Чоглоков получил грамоту с указанием выслать солдат второй перемены на службу к весне 1665 г., а с ними было велено выслать солдат, которые «до бою» сбежали из полка Хованского⁵⁷⁶. 2 февраля было велено выслать солдат второй трети «по нынешнему по зимнему пути»⁵⁷⁷. Однако в апреле 1665 г. солдаты второй трети просили выслать их

⁵⁶⁸ РГАДА. Ф. 141. 1659. Д. 19. Л. 616—617.

⁵⁶⁹ Там же. Л. 628.

⁵⁷⁰ Там же. Л. 630.

⁵⁷¹ Там же. Л. 639.

⁵⁷² Там же. Л. 575.

⁵⁷³ Там же. Л. 634—635.

⁵⁷⁴ Там же. Л. 650.

⁵⁷⁵ Там же. Л. 646.

⁵⁷⁶ Там же. Л. 664—665.

⁵⁷⁷ Там же. Л. 691—692.

позже, водяным путём, когда вернутся многие солдаты, которые ушли на промыслы «к морю по соль и под извозы на Вологду и на Белоозеро и в Каргополь»⁵⁷⁸. 15 мая в Олонец была прислана грамота о незамедлительной высылке солдат и драгун второй трети в полк Хованского⁵⁷⁹. Однако по 13 июля 1665 г. солдаты второй трети так и не прибыли к месту назначения. При этом сам Хованский уже и не надеялся на подкрепление из олонецких солдат. Он писал: «А которые солдаты и высланы будут, и ис тех болшая половина разбегутца до Новагорода»⁵⁸⁰.

2.3.3. Мероприятия по предупреждению бегства

Бороться с «нетчиками» пробовали разными способами, рассмотренными выше: наложением денежных штрафов, телесными наказаниями и даже казнями. Наказывали не только самих беглых солдат, но также их родственников и людей, оказывавших им содействие. Об этом говорилось, в частности, в государевой грамоте, полученной воеводой Т. В. Мышецким в январе 1663 г. для оглашения «на Олонце». В документе указывалось применять смертную казнь для лиц, укрывавших беглых, их жён и детей требовалось ссылать в Сибирь, а имущество и дворы конфисковывать⁵⁸¹.

Ф. И. Калинычев приводит разные виды уклонения от службы различных категорий служилых людей в рассматриваемый период, но нас интересует только два вида: побег со службы всяких чинов ратных людей – казаков, иноземцев, стрельцов, даточных (ст. 8, 9 гл. VII Соборного Уложения 1649 г.); и побег с поля сражения: «А будет который служилый человек, будучи на государеве службе, з бою збежит к себе в дом», за это ст. 19 гл. VII Соборного

⁵⁷⁸ РГАДА. Ф. 141. 1659. Д. 19. Л. 676—677.

⁵⁷⁹ Там же. Л. 686.

⁵⁸⁰ Там же. Л. 690.

⁵⁸¹ Архив СПбИИ РАН. Ф. 98. Оп. 1. К. 4. Д. 72. Ст. 1.

Уложения 1649 г. устанавливала нещадное наказание кнутом и убавку поместного оклада⁵⁸².

Далее Ф. И. Калинычев приводит перечень мер наказания ратным людям за совершенные ими преступления: смертная казнь, членовредительные и телесные наказания, тюремное заключение, ссылка в Сибирь и наказания финансового характера: конфискация имущества и наложение денежных штрафов⁵⁸³. Самыми распространенными за воинские преступления были телесные наказания, главным образом, кнутом и батогами. Число ударов при наказании кнутом законом не определялось, в результате чего, по словам Ф. И. Калинычева, смертельный исход был явлением вполне обычным⁵⁸⁴. Битье батогами различалось простое и «нешадное», однако также как и в случае с наказанием кнутом, формального различия между ними не было и все зависело от лица, исполнявшего приговор. Батоги применялись не столько как наказание уголовное, по суду, сколько как мера дисциплинарного взыскания начальствующими лицами⁵⁸⁵.

Тюремное заключение за воинские преступления обычно назначалось в соединении с кнутом, батогами или имущественным взысканием. Различались следующие виды тюремного заключения: срочное тюремное заключение – от одного дня до четырех лет, бессрочное – «до государева указу», «на сколько государь укажет» или до представления поручительства⁵⁸⁶. Ссылка в Сибирь назначалась и в качестве самостоятельного, и в виде дополнительного наказания, а также применялась как замена других видов наказаний (например, смертной казни). За уклонение от службы ссылке подвергались ратные люди разных категорий, но особенно стрельцы, солдаты, драгуны и казаки. Вместе с виновным ссылке подлежала и его семья – «жена и дети»⁵⁸⁷.

⁵⁸² Калинычев Ф. И. Правовые вопросы ... С. 149.

⁵⁸³ Там же. С. 151—155.

⁵⁸⁴ Там же. С. 153.

⁵⁸⁵ Там же.

⁵⁸⁶ Там же. С. 153—154.

⁵⁸⁷ Там же. С. 154.

Общим правилом было неравенство наказаний за одни и те же преступления виновным, принадлежавшим к разным группам населения. Почти за все воинские преступления, совершавшиеся дворянами и помещиками, применялись имущественные наказания в виде убавки или временного отнятия поместий и жалования, а также поражения чести и личных привилегий. В то же самое время рядовым ратным людям чаще всего назначались различные виды смертной казни, членовредительные, телесные наказания, тюрьма и ссылка⁵⁸⁸.

Отмечая особую жестокость наказаний к ратным людям, набранным из крестьян и посадских, Ф. И. Калинычев писал, что в некоторых случаях правительство должно было делать отступления в карательной политике в интересах сохранения необходимых контингентов войск, так как в случае реализации всех угроз издававшихся в тот период указов и различных статей, хотя бы по делам об уклонении от службы, пришлось бы предать смертной казни такое количество людей, которое составило бы не одну дивизию тогдашнего войска. Поэтому, как уже выше было показано на примере отношения властей к олонечким беглым солдатам, правительству нередко приходилось наказывать «выборочным порядком», заменять смертную казнь другими мерами, например, ссылкой, или ограничиваться объявлением предупреждений с угрозами⁵⁸⁹.

Гарантией того, что ратные люди не сбегут со службы в XVII в. считалось оформление по ним поручительства нескольких лиц, которые в случае нарушения солдатом условий поруки должны были уплатить «государеву пеню», а одному из поручителей пришлось бы занять место этого солдата на службе. В соответствии с этим общим обязательным правилом карельские пашенные солдаты и драгуны также высылались на службу за поруками волостных или посадских людей. Делалось это для того, чтобы санкции, определенные в поручных записях, удерживали солдат от побегов. Поруча

⁵⁸⁸ Калинычев Ф. И. Правовые вопросы ... С. 155.

⁵⁸⁹ Там же. С. 156—157.

давалась также и по лицам из числа волостных людей, сопровождавшим группу солдат до Олонца⁵⁹⁰.

Институт поручительства издревле применялся в крестьянском сообществе в целях разрешения различных конфликтов, с одной стороны, выручая членов сообщества перед государством, с другой – гарантируя государству четкое исполнение его требований. Использование поруки как гарантии исполнения определенных обязательств было распространённым явлением и в XVII веке. Процедура оформления поручных записей, а также ответственность поручителей и объектов поручительства описаны в десятой главе Соборного Уложения 1649 года⁵⁹¹. Применять поруку по отношению к беглым солдатам предписывалось рядом царских указов. Так, 26 апреля 1655 г. в указе «О смотре ратных людей, о походе против Короля Польского и о наказании кнутом укрывающихся от службы» сказано: «А которые люди учнуть избегать и укрываться, и на Государеву службу тотчас не поедут; и темь на Москве и в других городехь чинить наказанье, бить кнутом безъ пощады, и выслать на Государеву службу съ приставы и за поруками»⁵⁹².

Суть поручительства в рассматриваемых нами случаях высылки пашенных солдат на службу сводилась к следующему. Несколько человек, чаще всего ближайших родственников солдата, поручались в том, что он, отправившись на службу, не совершит побег ни по дороге в пункт назначения, ни после, с места несения военной службы, а также «оружия не снесет» и с жалованием не сбежит. В случае бегства солдата поручители обязывались, во-первых, уплатить штраф, так называемую «пеню великого государя», а во-вторых, один из них должен был занять место сбежавшего, то есть стать солдатом и пойти служить, «куда укажут». По словам дореволюционного исследователя института древнего русского поручительства С. Я. Капустина, именно чувство нравственного, морального долга поручаемого перед своими поручителями, которыми очень часто становились его ближайшие

⁵⁹⁰ Архив СПбИИ РАН. Ф. 98. Оп. 1. К. 3. Д. 76. Ст. 135 с об, 158, 158 с об.

⁵⁹¹ Соборное Уложение 1649 г. Л., 1987. Текст. Гл. X.

⁵⁹² Полное собрание законов Российской империи. Т. 1. № 154. С. 362—363.

родственники, служило гарантией исполнения условий поруки⁵⁹³. Именно поэтому, по мысли властей, поручительство должно было стать действенной мерой, препятствовавшей дезертирству. По крайней мере, поручительство должно было служить гарантией того, что место сбежавшего солдата займет другой человек, его поручитель, и войско в любом случае будет укомплектовано достаточным количеством ратных людей.

На практике, система поручительства была эффективной далеко не всегда, даже несмотря на то, что случаи, подтверждающие действенность санкций поруки, имели место. В 1660 г., руководствуясь, вероятно, именно чувством нравственного долга, беглые пашенные солдаты Офонка Софонтиев и Онашко Семенов Догутаев, узнав о высылке своих поручителей, в том числе отца одного из них, давших некоторое время назад поруку за них, обратились к воеводе с просьбой: «Вели, государь, поручиков наших Левку Кирилова да Сенку Юрьева и отца моего Софонтия отпустить з города Олонци к домишкам в Оштинский погост, и чтоб, государь, тех поручиков наших и отцов высылщики на Олонец не высылали, а нас холопей твоих вели, государь, с Олонци отпустить на твою великого государя полковую службу»⁵⁹⁴. Рассмотренный документ демонстрирует именно тот случай, когда сработал механизм поручительства, подразумевавший нравственные отношения и чувство моральной ответственности объекта поручительства перед своими поручителями. И это несмотря на то, что эти два солдата, безусловно, очень устали от службы, что следует из их слов: «И мы холопи твои на твоей великого государя службы были до Ляховитцкого бою ... А ныне, государь, с полков на Олонец приволоклися»⁵⁹⁵. На челобитной солдат была сделана помета: «Самех послать на службу, а поручиков и отца отпустить»⁵⁹⁶. О том, что Офонка и Онашка действительно явились в Олонец, чтобы снова отправиться на службу, свидетельствует роспись «нетчикам» Оштинского

⁵⁹³ Капустин С. Я. Древнее русское поручительство. Казань, 1855. С. 20.

⁵⁹⁴ Архив СПбИИ РАН. Ф. 98. Оп. 1. К. 3. Д. 83. Ст. 7.

⁵⁹⁵ Там же.

⁵⁹⁶ Там же. Ст. 7об.

погоста и кто, вместо кого, был выслан из погоста в Олонец. Содержание данной росписи важно еще и потому, что в ней есть правка изначально составленного списка, высланных солдат. Поначалу в росписи было записано, что вместо Офонки Софонтиева выслан сын его поручителя Кирилки Иваного Рудного – Левка Кирилов Рудного, а вместо Онашки Семенова Догутаева сын его поручителя Юшки Симанова – Сенка Юрьев. Об отце Офонки Софонтиева – Софонтии – в данной росписи никаких сведений нет. Позже, вероятно, уже в Олонце, куда самостоятельно «приволоклися» «нетчики» Офонка и Онашка, и после подачи ими челобитной с просьбой отпустить их поручителей, в роспись были внесены исправления и напротив имён этих двух солдат появились пометы: «сам», означавшая, что «нетчик» объявился и сам «в свое место» идёт на службу⁵⁹⁷.

Однако так было далеко не всегда. Во-первых, нежелание крестьян нести солдатскую службу было слишком велико, а поручителями не всегда выступали ближайшие родственники солдат. Во-вторых, в Олонецком уезде, в котором практически все взрослое мужское население было записано в солдаты, было невозможно найти достаточное количество «добрых» поручителей из «лучших людей» по ним по всем, так как многие «добрые лучшие» люди сами были солдатами. Получается, что когда на службу отправлялись солдаты «первой очереди», солдаты «второй очереди» поручались за них, и наоборот. Однако случались «накладки». Когда солдаты первой очереди сбегали, на службу должны были высылаться их поручители. При этом поручители могли уже быть высланы на службу вместо кого-либо из своих родственников. Кроме того, когда наступало время идти на службу солдатам «второй очереди», оказывалось, что они или разбежались из своих домов, или уже высланы на службу как поручители или родственники беглых. Ситуация становилась такой запутанной, что высылщики и сыщики искали всех и самих «нетчиков», и их поручителей, и их родственников и соседей. Если за кого-то служил наймит и сбежал, то искали и самого наймита, и его «хозяина», и поручителей, и

⁵⁹⁷ Архив СПбИИ РАН. Ф. 98. Оп. 1. К. 3. Д. 83. Стр. 8.

родственников и того, и другого. Бывало так, что служить высылали всех сысканных лиц и уже после, по их челобитным, начиналось разбирательство, кто за кого должен служить в настоящее время и чья сейчас очередь.

Не редкостью были случаи, когда по результатам сыска поручители оказывались старыми, увечными, больными или охудалыми крестьянами, которых нельзя было выслать на службу. Тот факт, что среди поручителей было много старых и увечных легко объясняется: за солдат часто давали поруку их отцы, которые к службе не годились по возрасту или состоянию здоровья.

Из тысяч поручных записей, которые должны были оформляться при высылке пашенных солдат на службу, в фонде Олонецкой воеводской избы сохранилось лишь сто восемьдесят семь, что делает их еще более ценными для изучения⁵⁹⁸. В ходе настоящего исследования нами установлено, что выявленные поручные записи могут быть распределены на пять типов по своему содержанию:

1. по солдатам, высылаемым на службу в свою очередь;
2. круговая порука группы солдат;
3. по сысканным беглым («нетчикам»);
4. по лицам, высылаемым на службу вместо беглых солдат;
5. порука по наймитам.

Конечно, сто восемьдесят семь поручных записей не могут претендовать на достоверное представление процентного соотношения как самих видов оформляемых поручительств, так и выяснения вопроса, кто чаще давал поруку по солдатам: отцы, братья или другие волостные или посадские люди, а также кто чаще высылался на службу вместо беглых. Более информативным источником для получения такого рода сведений являются росписи солдат, высылаемых на службу, в которых напротив имени встречаются пометы, кто за кого шёл служить: отец за сына, брат за брата, дядя за племянника и другие

⁵⁹⁸ А. Ю. Жуков опубликовал перечень 201 поручной записи, выявленной им в фонде 210 «Разрядный приказ» (РГАДА) (Жуков А. Ю. Олонецкие полки «нового строя» ... С. 165—184).

варианты, также указывалось за кого на смотр и высылку явились наймиты. Таким образом, сопоставляя данные разных видов источников полагаем, что мы получили близкие к достоверным сведения о порядке высылки пашенных солдат на службу.

В фонде «Олонецкая воеводская изба» сохранились поручные записи по солдатам в основном за период с 1660 по 1663 гг. Именно в это время, когда только недавно закончилась война со Швецией 1656—1658 гг. и в условиях многолетнего продолжения русско-польской войны 1654—1667 гг., количество беглых пашенных солдат достигло беспрецедентных масштабов. Об этом, в частности, пишет историк Г. М. Коваленко: «В 60-е гг. начался массовый, организованный отказ крестьян идти на службу. Бегство каралось смертной казнью, даже за укрывательство беглых грозила смертная казнь с конфискацией имущества и высылкой семей в Сибирь. Но положение пашенных солдат было таким тяжелым, что никакие угрозы не были им страшны и все меры правительственной администрации были бессильны»⁵⁹⁹.

В то же время потребность армии в обученных военному мастерству людях была настолько велика, что в Карелию в эти годы посылались особенно много солдатских сыщиков и высылщиков, которые при помощи стрельцов и пушкарей должны были разыскать и снова выслать на службу «в Литовские земли» тех, кто числился в списках беглых и «нетчиков». То, какую важность правительство придавало данным мероприятиям, очевидно хотя бы из количества солдатских высылщиков. Если раньше такие уполномоченные лица приезжали в Карелию по одному, иногда по двое, как, к примеру, солдатские переписчики и высылщики Иван Дивов (1657 г.) и Сергей Малово (1658 г.), поручик Богдан Головин (1657 г.) то в 1660—1663 гг., как установлено в ходе нашего исследования, многочисленные сыщики действовали в каждом погосте. В основном, это были новокрещены или военные люди олонецких полков в чине капитанов или майоров; поставленную задачу они выполняли совместно с офицерами более низкого ранга. Важно, что

⁵⁹⁹ Коваленко Г. М. Карелия в русско-шведской войне ... С. 76.

новокрещены, участвовавшие в мероприятиях по сыску и высылке солдат на службу, были присланы из Новгорода в Олонец с женами и детьми «на вечное житье» и согласно сметам доходов и расходов Олонецкого уезда получали жалованье по установленному окладу за свою работу⁶⁰⁰. Вероятно, новокрещены, незнакомые с местным населением, не связанные с солдатами никакими личными отношениями и получающие жалованье, более бескомпромиссно выполняли свои обязанности по высылке солдат на службу, нежели начальные люди олонецких полков. Так, полковник Яган Трейден в 1660 г. даже специально просил посылать сысканных солдат на службу в сопровождении новокрещенов, а не находившихся у него в подчинении начальных людей⁶⁰¹.

Всего в документах фонда «Олонецкая воеводская изба» нами выявлено 29 имен должностных лиц (не считая стрельцов, пушкарей, приставов, волостных посыльщиков), участвовавших в высылке пашенных солдат и драгун на службу и сыске «нетчиков».

Среди них офицерами в различных чинах являлся 21 человек. Так, осенью 1662 г. олонецкий воевода в своей отписке на имя царя о результатах сыска беглых солдат сообщал, что «для збору и высылки салдат» в Заонежские погосты были посланы ротмистры Второй Елагин и Феоктист Ласунский, капитан Автамон Кудрявого, поручики Гаврила Поскочин и Матфей Полозов. Кроме того, в Пудожский, Андомский, Водлозерский, Шальский погосты и в Пещанскую волость были посланы новокрещены Илья Зенебяков и Калина Мевкелев; в Вытегорский, Мегорский, Оштинский, Остречинский, Важенский погосты и в Шимозерскую волость – новокрещены Иван Мевкелев и Ефтефей Ахманов; в Шуйский, Кижский, Выгозерский погосты и в Кузарандскую волость – новокрещены Харлам Мевкелев и Петр Зенебяков; в «олонецкие околородные деревни» – новокрещены Богдан Тахташев и Агафон

⁶⁰⁰ РГАДА. Ф. 137. Оп. 1. Олонец. Д. 6.

⁶⁰¹ РГАДА. Ф. 141. 1659. Д. 19. Л. 168.

Ильметев⁶⁰². Из других документов узнаем, что двумя годами ранее в Мегорском погосте действовал высельщик майор Устин Сергеевич Мещеренинов⁶⁰³, в Вытегорском – майор Малафей Тимофеевич Бахтияров⁶⁰⁴, в Линдозерском – прапорщик Макарей Микитин сын Брюхов⁶⁰⁵; в Выгозерском и Шуйском – поручик Микифор Петров⁶⁰⁶, в Олонецком – капитаны Анц Шульц⁶⁰⁷, Алимпий (Алексей) Волутин⁶⁰⁸ и Федор Дрейзен⁶⁰⁹, в Святозерской волости – прапорщик Любим Салтанов⁶¹⁰.

Также среди лиц, занимавшихся высылкой солдат на службу встречаются имена посадских людей (Иван Омелянов⁶¹¹, Анисим Найкоев⁶¹², Анисим Назарьев⁶¹³ и подъячих (Иван Черкасов⁶¹⁴, Степан Ижорин⁶¹⁵).

В 1663 г. разбором солдат на три перемены занимались стольник Пётр Васильев и стряпчий Елисей Иванов сын Зиновьев⁶¹⁶

Все солдатские высельщики регулярно отчитывались о результатах своих действий и посылали в Олонец отписки, в которых сообщали о том, кого из числа беглых удалось разыскать и выслать в Олонец, кого нет и по каким причинам, кого из родственников или соседей выслали вместо беглецов, вместо кого на службу отправлены наймиты. К отпискам часто прикладывались «роспросные речи» и «сказки», составлявшиеся на основании опросов старост и волостных людей или беглых солдат.

При этом воевода требовал брать сказки о погибших только у солдат, пришедших из тех же полков и видевших то, о чем они говорили своими глазами. Именно так указано поступать подъячему Ивану Черкасову в ноябре

⁶⁰² Архив СПбИИ РАН. Ф. 98. Оп. 1. К. 3. Д. 16к. Ст. 1—13.

⁶⁰³ Там же. Д. 20 (п). Ст. 24.

⁶⁰⁴ Там же.. Д. 82. Ст. 69, 69об.

⁶⁰⁵ Там же. Д. 83. Ст. 37, 37об.

⁶⁰⁶ Там же. К. 4. Д. 1. Ст. 96 с об.

⁶⁰⁷ Там же. Ст. 37, 37об.

⁶⁰⁸ Там же. Ст. 53, 53об, 54.

⁶⁰⁹ Там же. К. 3. Д. 83. Ст. 32,33.

⁶¹⁰ Там же. Ст. 43, 43об.

⁶¹¹ Там же. К. 4. Д. 10. Ст. 1 с об.—17 с об.

⁶¹² Там же. Д. 77. Ст. 1об., 2об., 3об., 4об., 5об., 7об., 8об., 10об., 11об., 12об., 13об., 14об., 15об., 16об.

⁶¹³ Там же.. Ст. 15об., 16об.

⁶¹⁴ Там же. Д. 5. Ст. 1, 2, 3 с об., 4.

⁶¹⁵ Там же. К. 2. Д. 75. Ст. 1, 2.

⁶¹⁶ РГАДА. Ф. 141. 1659. Д. 19. Л. 462, 463—478.

1660 г. посланному в Шуйский, Кижский, Шунгский, Выгозерский погосты и Кузарандскую волость для сыска и высылки беглых солдат на службу: «А в которых будет погостех и в волостех старосты и сержанты, и волостные люди учнут сказок ... приносить и те, которые салдаты будучи на государеве службе побиты и померли или отставлены в городех на осад, и тем их старостиним и волостных людей скаскам не верить, потому что оне сами в полках не были, а скажут оне нороя тем беглым салдатом и укрывая их от высылки. А допрашивати в тех погостех о побитых и о умерших полковых салдатех, которые побиты и померли в полках тех же погостов салдаты, полковых беглецов, которые пришли ис полков ... где хто убит и умер, на которых боех, или которые в городех оста[вле]ны для осаду, и хто имяны, и которых волостей, а оне беглые салдаты сами [т]ут были ли и смерть их видели ли»⁶¹⁷. При этом воевода велел допрашивать тех полковых беглецов перед собою порознь, чтобы они «стакався вместе по свойству и по дружбе, и для своей корысти живых в мертвые не сказывали»⁶¹⁸. Достоверными сказки солдат считались только в том случае, если они «в одне речи, про которых мертвых или на осаде в городех оставлены скажут», а также в том, если они сами там были и смерть их видели». Если проверка проходила успешно, в место «побитых и осадных салдат» их отцов, братьев, сыновей, племянников и соседей до государева указа в Олонец и в полки велено было не высылать, и «в том им налог и утеснения не чинить»⁶¹⁹. Самих солдат, со слов которых записывались сказки, если они были беглыми, требовалось выслать на службу.

Однако не всегда высылщики предоставляли в избу правдивую информацию. Довольно часто эти должностные лица злоупотребляли своим положением, за взятки не отправляли на службу тех, кого следовало, вместо них высылали недорослей, в том числе из охудалых крестьян, увечных и больных, дальних соседей. Иногда солдатские высылщики сами ненароком «проговаривались» в отписках о своих злоупотреблениях и уличались в этом

⁶¹⁷ Архив СПбИИ РАН. Ф. 98. Оп. 1. К. 4. Д. 5. Ст. 1—3.

⁶¹⁸ Там же.

⁶¹⁹ Там же.

олонецким воеводой. Так, в памяти, посланной 8 сентября 1660 г. капитану Федору Дрейзену, занимавшемуся сыском в Олонецком погосте, воевода упрекал офицера: «Да ты ж под отпискою своею прислал скаски о побитых и о умерших салдатах, а иманы те скаски у беглых салдат, а салдаты, которые скаски давали, на Олонец не присланы. А в отписке своей пишешь, что некоторыми мерами самех салдат сыскать не мошно, и та твоя понаровка по твоему писму видна»⁶²⁰.

В целях предотвращения злоупотреблений сыщиков и высылщиков почти в каждой памяти, приходившей из Олонца, им напоминалось о необходимости «государеву делу радеть», при этом требовалось «посулов не иметь», то есть высылать кого положено, не принимая взятки. Также в каждой памяти указывалось высылать солдат в Олонец «за порукою», «за крепкою порукою» или «в крепостях» с волостным посыльщиком или нарочным приставом и в сопровождении отряда стрельцов.

Тем не менее, судя по документам Олонецкой воеводской избы, в огромном количестве случаев порука нарушалась. Солдаты сбегали. При этом часто они возвращались в родные деревни, и родственники их не выдавали. Как пишет Р. Б. Мюллер, это было возможно только при поддержке всего населения, сочувствовавшего крестьянам, вынужденным нести солдатскую службу⁶²¹. Однако вопреки массовому нарушению условий поручных записей, власти продолжали давать указания высылать солдат в Олонец и на службу именно за порукою.

Поручные записи — важный исторический источник, однако получить новую дополнительную информацию из этих актов непросто, потому что формуляры поручных записей, даже в тех случаях, когда порука давалась по разным категориям людей, практически идентичны. Такие логические части формуляра как причина оформления поручной записи, условия поруки, ответственность сторон в случае неисполнения прописанных

⁶²⁰ Архив СПбИИ РАН. Ф. 98. Оп. 1. К. 3. Д. 83. Ст. 1, 1об.

⁶²¹ Мюллер Р. Б. Очерки по истории Карелии ... С. 134.

условий повторялись из документа в документ. Исключением являлись только документы, фиксирующие поруку по наймитам – в них прописывались условия найма: срок, размер платы, иногда некоторые дополнительные условия. Информативной частью поручных записей являлись имена собственные людей, имеющих прямое или косвенное отношение к сути оформлявшейся поруки, то есть поручителей, объектов поручительства, послухов, писарей (дьячков) и приходских священников. Именно анализ имен поручителей и тех, по кому давалась порука, позволяет сделать некоторые выводы относительно социальных отношений внутри крестьянского сообщества и проверить гипотезу о том, являлись ли поручители родственниками солдат, за которых они поручались. Обычно поручителей было от двух до пяти человек, а поруку допускалось оформлять за одного, двух и более солдат в одном документе.

При этом, несмотря на то, что исполнение объектами поручительства своего долга гарантировалось их поручителями и в случае нарушения условий поруки поручители должны были вместо тех, за кого они ручались, исполнить их обязательства, в рассматриваемых случаях – отправиться на солдатскую службу, представители власти нестрого подходили к личностям поручителей. Так, в документах Олонецкой воеводской избы нами выявлены факты, когда некоторые крестьяне, солдаты или посадские люди становились поручителями по высылавшимся на службу солдатам более десяти раз. Совершенно ясно, что если условия сразу нескольких поручных записей были бы нарушены (а судя по количеству беглых, это происходило часто), то эти несколько поручителей не смогли бы заменить собой всех сбежавших солдат, тем более, что, как выяснялось позже, некоторые поручители и вовсе были не годны для службы.

Так, в сентябре 1660 г. майор Устин Мещеренинов «спрашивал и обыскивал всякими сыски в Оштинском погосте про поручиков наймита Оштинского погоста Ондрюшки Оникиева». И вот что сообщили сыщику старосты: «А порутчики ево Ивашко Сурнин стар, а Богдашко Парфеев увечен ногой, на государеву службу их выслать не мочно. А Ондрюшка Федоров збег

безвестно». И только один, четвёртый поручитель, Ивашко Зуев был взят и отправлен в Олонец⁶²². При этом, по данным старост, наймит Ондрюшка «и теперь на государеве службе, а домой он Ондрюшка не бывал». Не исключено, что пытаясь доказать, что наймит на службе, старосты таким образом хотели защитить поручителей наймита от высылки в Олонец. Однако заверения старост, что наймит дома не появлялся явно было недостаточно для сыщиков, действовавших согласно «нетных» росписей.

Случаи, когда поручители оказывались не годны для службы не были редкостью. В том же Оштинском погосте Устин Мещеренинов разыскивал еще одного солдата – драгуна-нетчика Сергушку Микитина. Как и в приведенном выше примере, старосты заявили: «А сосед и поручиков взять некого, потому что высланы на государеву службу, а иные стары и увечны»⁶²³.

Понимая суть проблемы – на всех солдат поручителей не хватало – правительство разрешало применять так называемое круговое поручительство. Среди двадцати пяти круговых поручных записей, выявленных и изученных нами в фонде «Олонецкая воеводская изба», встречаются поруки групп солдат от пяти до двадцати шести человек⁶²⁴. Исключительным документом предстает известная нам круговая поручная запись пятидесяти восьми солдат Мегорского погоста⁶²⁵. Цель круговой поручной записи была та же, что и в других случаях: обеспечение гарантии того, что все солдаты, поименно перечисленные в документе, явятся на службу в указанный пункт назначения. При оформлении круговой поруки солдаты сами становились поручителями друг по другу без привлечения каких-либо третьих лиц, не считая «послухов» и людей, «прикладывавших руку» к документу, подтверждая истинность его содержания.

Несмотря на строгие условия кругового поручительства, побег солдат, заключивших такую поруку, тоже случались. Так, 15 октября 1660 г.

⁶²² Архив СПбИИ РАН. Ф. 98. Оп. 1. К. 3. Д. 82. Ст. 90, 90 об.

⁶²³ Там же. Ст. 11, 11 об.

⁶²⁴ Там же. Ст. 97, 97об, 101, 101об.

⁶²⁵ Там же. Ст. 133, 133об.

четырнадцать солдат Важенского погоста поручились в том, что все они пойдут на службу в полк князя И. А. Хованского. Помимо обычных обещаний, что поручившиеся не сбегут, оружия не украдут, порчи государеву имуществу не причинят, «жалованья убегом не снесут» и прописанной формулы ответственности всех за каждого на случай побега, было добавлено, что «на сбежавших пеня вдвое»⁶²⁶. Главным отличием круговой поруки от прочих видов поручительства было то, что единственным наказанием для товарищей сбежавшего могло быть взыскание пени в двойном размере, так как никто из них, сам находясь на службе, не мог заменить беглеца собою. Тем не менее, денежное взыскание тоже было серьезным наказанием для солдат из небогатого Олонецкого края, особенно ввиду того, что методы «допращения» денег на должниках известны своей жестокостью. Однако, не принимая во внимание ни угрозу неприятных последствий для самих себя, ни тот факт, что побег одних приведет к наказанию других, трое солдат из упомянутых четырнадцати по дороге в Олонец все же сбежали. Об этом становится известно из памяти на имя новокрещена Ильи Зенебякова, по высылке которого эти солдаты должны были явиться в Олонец⁶²⁷.

Изучение поручных записей по солдатам высланным на службу в свою очередь или по беглым солдатам и их родственникам показывает, что имя первого из перечисленных поручителей часто принадлежало отцу нетчика. За ним следовало еще одно или несколько имен, среди которых могли встретиться имена родных братьев.

Так, крестьяне Сямозерской волости Олонецкого погоста в августе 1660 г. сообщали в избу: «Се аз Адрюшка Андреев сын Лутуков да яз Агейко Андреев Самозерские волости. Поручилися есми в государеву казну Самозерские волости по салдате по Сенки Андрееве. Стати ему Сенки за нашею порукою на великого государя службу в полках боярина и воевод князя Ивана Андреевича Хованского с товарищи вместо брата своего беглово салдата Никифорка

⁶²⁶ Архив СПбИИ РАН. Ф. 98. Оп. 1. К. 4. Д. 1. Ст. 41, 41об.

⁶²⁷ Там же. Ст. 40.

Андреева ...»⁶²⁸. Мы предполагаем, что все четыре упомянутые в документе лица являются близкими родственниками: поручители – это отец и сын, один из которых ручается за явку своего сына, другой, соответственно, за брата. Как видно, сам поручаемый обязуется пойти на службу вместо другого своего родного брата, оказавшегося в списке беглых. Сопоставление собственных имен из рассмотренного документа со сведениями переписных книг И. Дивова подтверждает нашу гипотезу. По одному из населенных пунктов Сямозерской волости — деревне Мегрьнаволоок — указаны все перечисленные лица. На момент переписи 1657 г. Агейко Андреев служил в Юрьеве Ливонском⁶²⁹, Никифорко Андреев был только что записан на службу⁶³⁰, а о Сенке Андрееве, констатируется, что он «сшел безвестно во 164 году»⁶³¹, то есть в 1655/56 г., как раз накануне приезда переписчика в Заонежские погосты. Андрюшка Андреев, как мы и предположили, был солдатским отцом⁶³².

Рассмотрение ситуации, сложившейся в этой семье на основе сопоставительного анализа двух источников позволяет увидеть, как за три года поменялись судьбы этих крестьян: Сенка Андреев, находившийся ранее неизвестно где, объявился или был найден, и вот он уже вынужден отправиться на службу вместо своего брата, теперь уже беглого солдата, Никифорки, который был записан на службу всего лишь три года назад. Служивший в 1657 г. в Юрьеве Ливонском Агейко Андреев, вероятно, в 1660-м г. был временно освобожден от службы, как и все «юрьевские сидельцы» — на три года⁶³³, поэтому его не могли отправить на службу вместо беглого брата. Кстати, в 1664 г. Агей Андреев в документах уже значится в должности старосты Сямозерской волости⁶³⁴.

На самом деле, определение родственных связей крестьян в изучаемый период, в силу того, что фамилий у них не было, трудная задача. Однако

⁶²⁸ Архив СПбИИ РАН. Ф. 98. Оп. 1. К. 4. Д. 1. Ст. 102, 102об.

⁶²⁹ РГАДА. Ф. 137. Оп. 1. Кн. 5. Л. 529об.

⁶³⁰ Там же. Л. 300.

⁶³¹ Там же. Л. 615. В книгах Дивова он записан под именем «Микифорко Андреев».

⁶³² Там же. Л. 864об.

⁶³³ РГАДА. Ф. 141. 1659. Д. 19. Л. 149об.

⁶³⁴ Архив СПбИИ РАН. Ф. 98. Оп. 1. К. 5. Д. 159. Ст. 1 с об.; РГАДА. Ф. 141. 1659. Д. 19. Л. 573—574.

сопоставление информации нескольких источников позволяет сделать это с большей степенью уверенности, что в свою очередь приводит к лучшему пониманию поступков и мотивов людей, становившихся, к примеру, поручителями по своим родственникам.

В процессе изучения поручных записей по сысканным беглым солдатам удалось выяснить, что в преамбуле этих документов обычно говорилось, что поручители «выручили» беглого солдата у стрельца или пушкаря. Иными словами, беглый мог быть пойман представителем власти, и после по нему давалась порука в том, что он явится в Олонец или пойдет на службу в определенный полк. Какой стороной выдвигалась инициатива оформления такой поручной записи? Ответ вроде бы очевиден: сыщики, вооруженные указанием олонецкого воеводы высылать беглых солдат за порукою, находили нескольких волостных людей, которые не без определенной доли принуждения давали свою поруку по сысканному нетчику. Однако вполне представима ситуация, когда родственники, узнав о поимке близкого человека, сами принимали решение поручиться за него, чтобы избавить от содержания в неволе и конвоирования в Олонец стрельцами или пушкарями связанного верёвками или в кандалах.

Именно в этом С. Я. Капустин видел различие между формулировками «прислать за порукою» и «прислать с приставом». Первая подразумевает свободное перемещение до пункта назначения, вторая – под конвоем пристава, которому к тому же надо было оплатить «езд» (зачастую в двойном размере) от места жительства провинившегося до пункта, где должен был состояться суд или, как в данном случае, смотр или сбор солдат⁶³⁵.

Что касается того варианта поручных записей по солдатам, где нет указания на должностных лиц, у которых объекты поручительства были бы выручены, то полагаем, здесь речь шла о солдатах высланных на службу в свою очередь. В документах, которыми оформлялась высылка на службу родственников или соседей беглых солдат, также нет речи, что их выручали у

⁶³⁵ Капустин С. Я. Древнее русское поручительство... С. 18.

каких-либо представителей власти. В данном случае стороной, принимавшей поручительство, выступал сам великий государь. Как писали в 1662 г. солдатские отцы Шуйского погоста Лазарко Мартемьянов, Михейко Федотов, Жданко Степанов, Юшко Романов и Микифорка Корнильев: «... все мы, порутчики, поручилися есмы в казну великого государя по Васки Иванове в том, что ити ему, Васки, за нашею порукою на службу великого государя вместо племянника своево, салдата Силки Иванова ...»⁶³⁶.

Таким образом, на основании изученного материала делаем ряд выводов. Во-первых, оформление поручных записей не решало проблемы бегства пашенных солдат со службы. Практически все население Заонежских и Лопских погостов решительно выступало против солдатской службы, поэтому беглые солдаты находили среди местных крестьян полное сочувствие и понимание, а значит укрытие и убежище для себя, несмотря на угрозы телесного наказания и даже казни для тех, кто укрывал беглых. При приближении солдатских сыщиков и высильщиков солдаты вместе с семьями, женами и детьми, а также их родственники, которых могли выслать вместо беглецов, уходили в леса и скрывались там, пока не миновала опасность быть найденными. Бывали случаи, когда, стремясь оградить своих родных от высылки в район боевых действий, беглые солдаты выходили из своих укрытий. Однако чаще всего оформление поручных записей не гарантировало необходимого властям результата. Сбегали как солдаты, по которым была оформлена порука, так и поручители, которым грозила высылка на службу. Никакие меры не могли решить проблему бегства пашенных солдат.

⁶³⁶ Архив СПбИИ РАН. Ф. 98. Оп. 1. К. 4. Д. 72. Ст. 50.

ГЛАВА 3. НОВЫЕ ЯВЛЕНИЯ В ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ КРЕСТЬЯНСКОГО СООБЩЕСТВА ОЛОНЕЦКОГО УЕЗДА В ПЕРИОД СУЩЕСТВОВАНИЯ ИНСТИТУТА ПАШЕННЫХ СОЛДАТ (1649—1666)

3.1. Начальные люди полков пашенных солдат — зарубежные и русские офицеры

3.1.1. Взаимоотношения с местным населением и подчинёнными солдатами

Служба крестьян Заонежских и Лопских погостов в полках пашенных солдат с 1649 по 1666 гг. оказала огромное воздействие на повседневную жизнь всех черносошных крестьян и бобылей этого приграничного региона, так как в рядах солдат за восемнадцать лет побывали практически все мужчины этих социальных категорий, годные к несению солдатской службы.

Атмосфера жизни в Заонежских и Лопских погостах в этот период была такова: крестьянский труд по необходимости совмещался с военной муштрой, привычное общение членов крестьянского мира между собой дополнялось общением с пришлыми, чуждыми местным жителям по языку, культуре, вероисповеданию иноземными офицерами, а в среде членов крестьянского мира возникло множество ситуаций и конфликтов, которые имели корни именно в существовавшей солдатской службе, по вопросам как собственно несения службы, так и о владении землей и другим имуществом.

Ввиду того, что для жителей Заонежских и Лопских погостов первым новым явлением, с которым они столкнулись, был приезд в погосты иноземных офицеров, начнём с рассмотрения того, как складывались взаимоотношения прибывших иноземцев с подчинёнными солдатами и прочим местным населением. Кем были зарубежные офицеры, которые приехали в Заонежские погосты для обучения пашенных солдат, как складывались их взаимоотношения с местными крестьянами, каким был их нравственный облик, семейное и материальное положение, вероисповедание, когда в олонецких

полках пашенных солдат появились русские "начальные люди" и сколько их было — все эти вопросы в историографии малоизучены.

Сведения о количестве приехавших в 1649 г. военных уже были названы во второй главе нашей диссертации: 104 иноземца приехали для обучения крестьян солдатскому строю. Ввиду того, что вскоре ряды "начальных людей" олонецких полков пашенных солдат начали пополняться русскими военнослужащими, рассмотрим также вопрос о соотношении иноземных и русских «начальных людей» в этих полках и выясним, большое ли значение имела для пашенных солдат национальная и конфессиональная принадлежность их командиров.

Специфику отношения русских православных людей к инославным иноземцам изучали еще дореволюционные исследователи. В частности, П. О. Бобровский писал: «Иноземцев не любили, иноземцам не доверяли, но не могли от них устраниваться, не могли не признавать их превосходства в ратном деле и брали от них все, что могли взять для устройства полков по их образцу, или так называемых полков солдатского, пикинерского, драгунского и рейтарского строя, иначе новых полков иноземного строя»⁶³⁷. С другой стороны, современный исследователь О. Г. Усенко пришёл к выводу, что отношение к «немцам» в России в XVII веке по меркам той эпохи было в целом толерантным⁶³⁸.

Тем не менее, на основании изученных актовых материалов из фонда «Приказные дела старых лет» (РГАДА) мы выяснили, что у местного населения, несомненно, были причины для недовольства моральным обликом иноземных офицеров. Склонность некоторых иноземцев из полка А. Гамильтона, направленных на службу в Заонежские погосты, к злоупотреблению своим служебным положением проявилась уже по пути из Москвы к месту назначения.

⁶³⁷ Бобровский П. О. Переход России к регулярной армии ... С. 73.

⁶³⁸ Усенко О. Г. Отношение к «немцам» ... С. 403.

Первоначально в 1649 г. все направленные на службу в Заонежские погосты начальные люди были иноземцами. Точная дата их выезда из Москвы неизвестна, однако, можно утверждать, что произошло это в конце февраля — начале марта 1649 г. По крайней мере, 22—23 февраля несколькими царскими грамотами было предписано отпустить с «начальными людьми» полков А. Гамильтона и М. Кармихеля из Москвы различное вооружение, барабаны и знамёна⁶³⁹. Чуть позже — 4 марта 1649 г. — был издан указ, предписывавший воеводам и приказным людям разных городов полковников А. Гамильтона и М. Кармихеля с их людьми везде пропускать и под вооружение, которое они везли, давать подводы «безо всякого мотчанья»⁶⁴⁰. Другая грамота от того же числа сообщала воеводе Великого Новгорода Фёдору Хилкову, что иноземные офицеры уже посланы в Новгородский уезд вместе с воеводами Фёдором Волконским и Степаном Елагиным, а с ними вооружение для солдатских полков. Что касается Волконского и Елагина, то они, вероятно, вместе с иноземцами все-таки не ехали, так как прибыли в Заонежские погосты порознь и намного раньше большинства военных: Волконский прибыл 24 марта, Елагин — 31 марта 1649 г.⁶⁴¹ На день раньше Елагина — 30 марта — приехал полковник Гамильтон «да с ним ево полку пять человек немец»⁶⁴². Из более поздних документов известно, что Гамильтон прибыл к месту службы с женою и детьми⁶⁴³. Вполне возможно, что и ехал он вместе со своей семьёй, отдельно от большинства «начальных людей».

Зато подчинённые полковника А. Гамильтона, ехавшие следом за своим начальником с вооружением и прибывшие в Заонежские погосты только в мае 1649 г., в пути проявили себя не с лучшей стороны. В РГАДА хранятся челобитные ямщиков вышневолоцкого и зимнегорского ямов, архимандрита Спасского Хутынского монастыря Варлама и даже иноземцев полка М. Кармихеля с жалобами на разбойные действия «немцев» Христофора

⁶³⁹ РГАДА. Ф. 141. 1649. Д. 29. Л. 5—8.

⁶⁴⁰ Там же. Л. 73.

⁶⁴¹ Там же. Л. 149—150.

⁶⁴² Там же. Л. 150, 181.

⁶⁴³ Там же. Д. 79. Л. 258.

Трейдена, Ирика Андерсона и поручика Вильяма⁶⁴⁴. Архимандрит жаловался на обиды, причинённые иноземцами людям в монастырской вотчине, пострадавшие ямщики и других чинов люди обвиняли иноземцев в избиении, насилии, грабеже, мучении и вымогательстве, а «начальные люди» полка Кармихеля — в разорении местности, из-за чего прибывшие в Вышний Волочек следом за подчиненными Гамильтона иноземцы полка М. Кармихеля не смогли собрать нужное количество подвод, так как не нашли там никого, кто мог бы их дать: местность была разорена, а все крестьяне разбежались⁶⁴⁵.

Правда, справедливо будет отметить, что майор Томас Бейли, подавший вместе с другими иноземцами челобитную, уже не в первый раз сталкивался с бегством ямщиков и проводников. Буквально за день до своего приезда в Вышний Волочек, 18 марта, он с товарищами приехал в Торжок и обратился за подводами к воеводе Ивану Урусову, пояснив, что «у них подводы были розных слобод и городов и те подводы у них и с проводники розбежались»⁶⁴⁶. Урусов не располагал в Торжке на тот момент свободными подводами. Кроме того, согласно государевой грамоте о новоторжских ямщиках, ему было велено «их ведать ни в чем», тем не менее, опасаясь оказаться в опале перед государем, если Томас Бейли покинет «государеву пушечную и зелейную казну» в Торжке, путем правежа воевода всё-таки взял у них подводы. Он отправил иноземцев с вооружением в Вышний Волочек, о чем отписал в Москву с объяснениями своих действий⁶⁴⁷. Однако в Вышнем Волочке иноземцы полка Кармихеля столкнулись с ещё худшей ситуацией: там всё население разбежалось от насильств и обид ранее проехавших здесь иноземцев.

Дело дошло даже до митрополита Никона, проезжавшего как раз в то самое время из Москвы в Новгород. Когда митрополит прибыл в Вышний Волочек, к нему с жалобами обратились вышневолоцкие и зимнегорские ямщики и всяких чинов люди, а также иноземцы полка М. Кармихеля майор

⁶⁴⁴ РГАДА. Ф. 141. 1649. Д. 29. Л. 130—133.

⁶⁴⁵ Там же. Л. 122—123.

⁶⁴⁶ Там же. Л. 141.

⁶⁴⁷ Там же. Л. 141—142.

Томас Бейли с товарищами с просьбой послать челобитную «государю к Москве». Обо всём этом митрополит сообщил царю в своей челобитной, в том числе так передавая случившееся и жалобу ямщиков: «Да мне ж богомольцу твоему извещали дорогою едуци к Великому Новгороду ямщики Вышневолоцкие и Зимние горы и всяких чинов люди на него ж Ирика с товарищи, что он едуци с Москвы к Великому Новгороду по ямом у них у ямщиков подводы имали и по сторонным деревням объезжая верст за пятнатцать и за дватцать у крестьян и у всяких чинов людей тоже подводы имали и те подводы к ним приводили и их отпускали, а за те подводы имали себе деньги, а их крестьян и их жен и детей тож били и мучили и в клетех ходили и животишка их грабежем имали и всякую домовую с посуду ломали и вотчины Футыня монастыря слугу Ивашка Фофонова взвесив к грядке⁶⁴⁸ били и мучили и денег пять рублей мукою у него взяли и тебе б, государь, про то было ведомо»⁶⁴⁹. Также митрополит обсуждал эту проблему с новгородским воеводой Фёдором Хилковым и дьяком Савином Завесиным, которым в съезжей избе также были поданы челобитные ямщиков и архимандрита Варлама.

Для выяснения обстоятельств дела воевода и дьяк опросили всех ямщиков, и тех, которые подавали жалобы на иноземцев, и тех, которые могли быть свидетелями произошедшего. В результате география опрошенных свидетелей получилась довольно широкая: ямщики упомянутых вышневолоцкого и зимнегорского ямов, а также можайские, тверские, ржевские, старицкие, городецкие и бежецкие ямщики⁶⁵⁰. Вот фрагмент записи расспросных речей с жалобой ямщиков на иноземных офицеров: «оне из житниц овес и всякой хлеб и муку и платье грабили и били и ворота ломали и окна секли, и которые-де подводы им даны были московских городов и уездов и те-де подводы, взяв себе у проводников скупь, назад отпускали, а в то число

⁶⁴⁸ Грядка – 1. Гряда; 2. Шест, жердь, перекладина; 3. Доска, перекладина, куда складывали или вешали одежду // Словарь русского языка XI—XVII вв. Вып. 4. 1977. С. 149.

⁶⁴⁹ РГАДА. Ф. 141. 1649. Д. 29. Л. 121.

⁶⁵⁰ Там же. Л. 109—115.

подводы правили на них охотниках»⁶⁵¹. Из челобитной охотников вышневолоцкого яма Петрушки Кирилова и других, следовало, что «немцы» для получения подвод применяли методы правежа, в результате которого, писали охотники: «мы сироты в тех немерных подводах на правеже перебиты и перемучены и вконец погибли»⁶⁵². Охотники зимнегорского яма в двух челобитных сообщили о ещё больших злоупотреблениях иноземных офицеров. Староста Трофимка Иевлев и другие извещали следующее: «в нынешнем во 157 году на Стршной недели в понедельник, приехав на зимнегорской ям, тово Александрова полку Гамолтина тот маер с товарищи нас сирот твоих били и мучили и женишек наших позорили и домишка наши разорили и животишка наши все пограбили и женишко, государь, наши и детишка со страху розбежались по лесу и перезябли»⁶⁵³.

Из челобитной других охотников зимнегорского яма Степашки Офромеева с товарищами узнаём дополнительные подробности: «В том в нынешнем государь во 157 году в Великий пост на Стршной неделе в понедельник приехал к нам на зимнегорской ям тот маюр с проводниками и почал на нас на сиротах без твоево государева указу своим изволением подводы править и бить почал нас без милости, а нам сиротам поставити было подводниково, что вси лошади были в розгонах, и он маюр почал нас сирот без милости губить смертным боем, и мы сироты не перетерпя ево смертново бою вси розбежались, и он маюр без нас женишок наших и детишок с проводниками убил и обезвечил насмерть, и переграбил до нага, и серги, и кресты, и шапки з голов и клетешка наши розломал, и у клетешок наших двери высекал, и колоды велел выбивать, и замки обухами збивал, и животишка наши велел проводникам грабить, шубы и кафтаны, и полотна, и рубахи, и скатерти, и сукна и вси наши животишка без остатков и тот всяково живота поимал ... на сорок на пять рублей с полтиною да овса по ево веленью проводники ж грабили

⁶⁵¹ РГАДА. Ф. 141. 1649. Д. 29. Л. 109.

⁶⁵² Там же. Л. 131.

⁶⁵³ Там же. Л. 132.

и с клетей шестьдесят две четверти с осминою»⁶⁵⁴. Произошли эти события, судя по документам, не позднее 19 марта 1649 г., по пути офицеров в Новгород⁶⁵⁵. В Заонежские же погосты они приехали только в мае 1649 г.⁶⁵⁶

На основании изученных архивных документов выявлена реакция центральной власти на жалобы пострадавших. В государевой грамоте от 8 апреля 1649 г. иноземцам, «которые дорогою едучи грабили и всякое дурно чинили и маеру Ирику выговорить, то они делали негораздо и за то было довелись жестоково наказанья». Однако далее в грамоте добавлено, что государь пожаловал и велел их вину «им отдать», главное, чтобы впредь они так не делали и «заонежским салдатом налоги никакие не чинили и ничем их не оскорбляли и ничего с них не имали, а учили бы «солдатскому строю с раденьем и никаких насильств им не чинили»⁶⁵⁷.

Таким образом, несмотря на то, что иноземные офицеры «дурно» проявили себя на территории России в отношении русских крестьян, тем не менее, главная цель их приглашения на службу — обучение крестьян Заонежских погостов искусству западноевропейских военных знаний и умений, а также их ценность как специалистов в области военного дела — всё это было более приоритетно в представлении центральной власти. В результате, вина иноземцев была «отпущена» без какого бы то ни было наказания, с единственной оговоркой: подобные поступки не должны были повториться, а заонежских солдат иноземцы обязывались учить с радением и никаких «насильств» им не чинить. Это требование, конечно, не могло быть выполнено безупречно хотя бы потому, что крестьяне воспринимали самую солдатскую службу и военные учения как неприятную обязанность, к которой их принуждали, в том числе силовыми методами. Ниже на основании архивного материала будет показано, что отношения «начальных людей», причём не только иноземных, но и русских, с карельскими пашенными солдатами будут

⁶⁵⁴ РГАДА. Ф. 141. 1649. Д. 29. Л. 133.

⁶⁵⁵ Там же. Л. 122—123.

⁶⁵⁶ Там же. Л. 308.

⁶⁵⁷ Там же. Л. 121об., 124—126.

складываться сложно: в источниках зафиксированы факты злоупотреблений службным положением, грабежей и насильств.

Приехав на место службы в 1649 г., иноземцы были расквартированы по населённым пунктам, в основном, центрам погостов и волостей, некоторые из которых находились «от Олонца по 500 и 600 и 700 верст и больше». Об этом, а также о том, что «в погостах двор от двора по полуверсте, по версте и больше», офицеры писали в своих челобитных⁶⁵⁸, вероятно, подчёркивая, в каких сложных условиях им приходилось жить и осуществлять обучение солдат. За постой в крестьянских избах иноземцы давали определённую плату хозяевам жилья, однако крестьянская община должна была компенсировать им денежные средства, потраченные и на оплату постоя, и на ремонт предоставленных старых дворов, и на постройку новых, построенных в последующем специально для иноземных офицеров⁶⁵⁹. Полковникам А. Гамильтону и М. Кармихелю их расходы на постройку двора «своими деньгами» были компенсированы в 1653 г. из олонецких таможенных доходов. Как ясно из документа, А. Гамильтону постройка двора обошлась в 40 рублей, а М. Кармихелю – в 112 рублей с полтиною⁶⁶⁰. Некоторые иноземцы привозили с собой в Олонецкий уезд свои семьи: жён и детей, а также слуг. Известно, что жену и детей привезли с собой полковник А. Гамильтон и майор И. Андерсон⁶⁶¹. Майор также привёз слуг. Семьи некоторых иноземцев оставались в Москве, куда они иногда, как выясняется по их челобитьям, ездили проведать своих домашних⁶⁶².

Иноземцев поселяли в определенный крестьянский двор, как правило, на один год, по истечении установленного срока переводили в другой. Для каждого из них такая практика была связана со значительными неудобствами по организации переезда, обустройству в новом дворе и влекла

⁶⁵⁸ РГАДА. Ф. 141. 1652. Д. 79. Л. 35.

⁶⁵⁹ Архив СПбИИ РАН. Ф. 98. К. 1. Д. 147 (12). Ст. 21 с об.; Д. 147 (8). Ст. 15; К. 1. Д. 80 (ж). Ст. 21; К. 2. Д. 5 (3, 4). Ст. 4 с об., 5; К. 2. Д. 5 (9, 10). Ст. 10 с об., 11 с об.; К. 1. Д. 147 (7). Ст. 13 с об., 14; К. 2. Д. 48 (з). Ст. 17; К. 2. Д. 48 (а). Ст. 1 с об., 2.

⁶⁶⁰ РГАДА. Ф. 141. 1652. Д. 79. Л. 256—262.

⁶⁶¹ Там же. Л. 258—260; Архив СПбИИ РАН. Ф. 98. К. 1. Д. 147 (7). Ст. 13 с об., 14.

⁶⁶² Архив СПбИИ РАН. Ф. 98. К. 1. Д. 35 (г). Ст. 5, 6; К. 1. Д. 69. Ст. 2об.

дополнительные затраты. Тем не менее, постепенно, по-видимому, проблема с расселением иноземцев была или решена, или исчезла необходимость в ее решении, так как после 1651 г. в фонде Олонецкой воеводской избы нет документов, которые касались бы разбирательств по поводу проживания в погостах иноземных офицеров.

Можно предположить, что с началом русско-польской войны проблема с размещением иноземных офицеров в Олонецком уезде стала меньше ощущаться по причине их отправки на театр боевых действий. В 1654 г. воевода В. А. Чоглоков сообщал в Москву, что оставшихся в уезде солдат «учить нечем и некому», так как всё вооружение увезено и все «начальные люди» отправлены на войну⁶⁶³. Таким образом, вероятно, был период, когда в Олонецком погосте иноземцев не оставалось вовсе. Неясным остается вопрос, что стало с семьями и слугами тех иноземных офицеров, которые привезли их с собой в Олонецкий уезд. В изученных нами источниках нет никаких сведений о взаимоотношениях местных крестьян ни с теми, ни с другими. Возможно, обе стороны старались избегать контактов. Также нет данных о том, были ли семьи иноземцев вывезены из Олонецкого уезда в 1654 г., когда все начальные люди отправились на войну с Польшей. Скорее всего, нет, так как есть данные о продолжении пребывания полков Вальтера Кармихеля и Томаса Крафферта в Олонецком уезде в 1656—1659 г., а также полков Томаса Гейса и Ягана Трейдена в 1660-е гг.⁶⁶⁴. Однако жалобы на расселение начальных людей по крестьянским дворам более не встречаются в источниках. Вероятно, для всех офицеров и урядников были к тому времени построены отдельные дворы или предоставлены старые из пустовавших.

Что касается жалоб «начальных людей» на непослушание солдат, их также обнаруживается немало. Так, когда с января 1651 г. солдатам было вменено в обязанность изготавливать фитили из своего льна и ковать пики⁶⁶⁵, они начали бунтовать против несения солдатской службы. В марте 1651 г.

⁶⁶³ РГАДА. Ф. 141. 1652. Д. 79. Л. 627—628.

⁶⁶⁴ РГАДА. Ф. 141. 1659. Д. 19. Л. 138—148, 168, 605—606.

⁶⁶⁵ Архив СПбИИ РАН. Ф. 98. К. 2. Д. 5 (14). Ст. 16—17; РГАДА. Ф. 141. 1652. Д. 79. Л. 23—26.

А. Гамильтон подал челобитную с жалобой на солдат, которые отказывались не только делать фитили и ковать пики, но даже ходить на учения. Полковник сообщал, что в погостах есть некоторые люди, которые «подговаривают» солдат к непослушанию «начальным людям» и неисполнению их приказов. Также он упрекал солдат в самовольных выездах на ярмарки, в то время как они должны все быть по домам, делать фитили, пики и быть готовыми к службе «со всяким запасом»⁶⁶⁶.

Спустя год, в 1652 г., А. Гамильтон снова жаловался на солдат. Однако на этот раз причину непослушания полковник усмотрел в царском указе, запрещавшем русским людям работать на иностранцев и жить у них во дворах. Полковник Гамильтон в челобитной на имя царя сообщал: «В нынешнем 1652 г. пришла в Олонец грамота, что русским людям у нас жить не велено и на дворы к нам ходить не велено ж, что мы-де иноземцы неверные и не крещены, и уведав то, солдаты нас холопей твоих не почитают и не слушают, и на ученье и с ученья ходят самовольно, и нас называют неверными и некрещеными, и от того их огурства твоей государеве службе в ратном строе чинитца поруха, которое ученье выучили и то в том своем огурстве пере забудут»⁶⁶⁷. Таким образом, неоднозначное отношение к иностранцам самой власти вносило неясность в их взаимоотношения с русскими людьми, и несмотря на царское повеление солдатам, «чтоб они на ученье салдатцкого строю ходили и были в том ученье у начальных людей в послушаньи, а их ничем не бесчестили»⁶⁶⁸, проблема негативного отношения пашенных солдат к службе под началом иноземных офицеров сохранялась.

В 1652 г. на крестьян и солдат жаловался и полковник М. Кармихель, которые, по словам полковника, «начальных людей ненавидят»⁶⁶⁹, а когда с 1653 г. по царскому указу «начальные люди» были разосланы и по выставочным волостям для того, чтобы солдатам не надо было ходить на

⁶⁶⁶ Архив СПбИИ РАН. Ф. 98. К. 2. Д. 45. Ст. 1—6.

⁶⁶⁷ РГАДА. Ф. 141. 1652. Д. 79. Л. 63; Орленко С. П. Выходцы из Западной Европы ... С. 289.

⁶⁶⁸ РГАДА. Ф. 141. 1652. Д. 79. Л. 64—66.

⁶⁶⁹ Там же. Л. 56—57.

учения в погосты, воеводе В. А. Чоглокову снова поступила жалоба от полковника, что солдаты в этих волостях: «в ученье не ходят и их [начальных людей — Д. Б.] бранят и бьют»⁶⁷⁰.

Проблеме адаптации иноземных офицеров в крестьянском сообществе Заонежских погостов посвятил статью А. С. Рыжков⁶⁷¹. Исследователь проанализировал, как складывались взаимоотношения местных крестьян и чуждых им по культуре, вероисповеданию и языку иноземных офицеров. Он обозначил проблему бытовых конфликтов крестьян с офицерами, поселёнными к ним в избы, и связанные с этим неудобства для обеих сторон. Рассматривая вопросы размещения иноземцев, автор указал, что, несмотря на предписание старостам отводить для проживания иностранных офицеров новые дворы, до начала 1651 г. этот вопрос так и не был окончательно урегулирован. Отведенные иноземцам дворы часто оказывались непригодными для проживания, а местные власти отказывались нести издержки на строительство новых или хотя бы компенсировать расходы на ремонт старых построек. Исследователь привёл цитату из челобитной полковника М. Кармихеля, в которой тот описал свои жилищные условия: «жить стало невозможно, потому что хоромы все трухлявы, летом в ненасные дни везде каплет, а в зимнее время жить холодно, и все, государь, служивое рухлядишко и запасишко от мочи гнеет»⁶⁷². А. С. Рыжков подчеркнул, что с подобными проблемами сталкивались практически все офицеры, прибывшие на службу в Заонежские и Лопские погосты.

Следует отметить, что сведения статьи нуждаются в значительных дополнениях в связи с тем, что работа А. С. Рыжкова находилась на начальной стадии, как сообщил об этом сам автор. Им были изучены документы только за 1649—1651 гг. и только из фонда Олонецкой воеводской избы. При этом на основании изученных источников за этот период автор ничего не написал об

⁶⁷⁰ РГАДА. Ф. 141. 1652. Д. 79. Л. 356.

⁶⁷¹ Рыжков А. С. Офицер – иноземец: проблемы адаптации в местном крестьянском сообществе [Электронный ресурс] // Журнал отчетов и публикаций ИЛЛМИК. (ISSN 1819-9399). 2006. № 1—2. Электрон. ст. URL: <http://illmik/petsu/ru/2006news3/Ryzhkov2.html>. Дата обращения: 05.11.2014.

⁶⁷² Рыжков А. С. Офицер – иноземец: проблемы адаптации ...

установленном сроке проживания иноземцев в крестьянских дворах, об имевшем место найме иноземными офицерами дворов за свой счёт и не привёл ни одного случая благополучного разрешения проблемы с предоставлением жилья иноземцам.

На основании анализа актов в настоящей работе рассмотрены вопросы взаимоотношений (бытовых и служебных) иноземных офицеров с местным населением, подчинёнными солдатами и уездной администрацией в лице олонеккого воеводы. Бытовые взаимоотношения связаны в первую очередь с расселением офицеров по крестьянским дворам и возникавшими в результате конфликтами, доходившими не только до словесных оскорблений, но и до нанесения телесных повреждений. Причина бытовых конфликтов могла заключаться и просто в неприязни местных жителей к иноземцам. В таких случаях конфликт мог возникнуть при встрече на улице или в чьем-либо доме. Круг вопросов о служебных взаимоотношениях включает жалобы солдат и начальных людей друг на друга. Солдаты жаловались в основном на режим учений, из-за которого им приходилось отрываться от своих крестьянских занятий, и на требования офицеров являться на смотры в центры погостов или волостей, до которых жителям многих деревень было очень долго и неудобно добираться. «Начальные люди» в свою очередь жаловались на отказ солдат подчиняться их приказам, на неявку на учения, оскорбления, угрозы расправы.

За период с 1649 по 1651 гг. в фонде Олонецкой воеводской избы выявлено около тридцати дел, касающихся бытовых и служебных взаимоотношений пашенных солдат и иноземных офицеров. В последующие годы среди актов не встречается жалоб местного населения на «начальных людей» в связи с их расселением по погостам или в связи с режимом учений и смотров. Со стороны иноземных офицеров жалобы на поведение пашенных солдат после 1651 г. подавали несколько раз полковники — А. Гамильтон и М. Кармихель. В период русско-польской войны 1654—1667 гг. пашенные солдаты и крестьяне вновь стали подавать много челобитных с жалобами на «начальных людей», солдатских сыщиков и высылщиков, но связаны были эти

жалобы уже с вопросами отправки пашенных солдат и их родственников на театр боевых действий. Солдаты и крестьяне обвиняли сыщиков и высылщиков, одна часть которых являлась «начальными людьми», другая — разными должностными лицами (новокрещенами, подьячими, дьячками, посадскими, пушкарями, стрельцами) в злоупотреблениях служебным положением, вымогательствах, укрывательстве за «посулы» одних солдат и призыве тех, кто не был обязан служить по возрасту или состоянию здоровья или потому, что кто-то из этой семьи уже находился на войне. «Начальные люди» в этот период жаловались в основном на массовое бегство пашенных солдат со службы.

Изучение документов, составленных дворянином Сергеем Малово в ходе осуществленного им в 1658 г. в Олонецком уезде расследования показало, что иноземные и русские военнослужащие наряду с другими должностными лицами совершили в отношении карельских пашенных солдат немало различных проступков и преступлений: собирали с солдат деньги на свои нужды, а также еду, вино, объясняя при этом, что принимают всё это себе «в почесть», брали «посулы» за отсрочку от высылки на службу (деньги, шкуры животных, различные ремесленные изделия); в условиях походной армии «начальные люди» отбирали государево жалованье и «добыточный живот», били кнутом и батогами⁶⁷³.

Ранее Сергей Малово упоминался в историографии в связи с тем, что был послан в Олонецкий уезд для расследования злоупотреблений, допущенных переписчиком Иваном Дивовым в 1657 г., однако как ход расследования, так и результат были неизвестны. Единственными документами, на которые ссылались историки при упоминании деятельности Сергея Малово в Олонецком уезде были два опубликованных ещё в XIX веке документа: наказ Сергею Малово ехать в Олонецкий уезд для расследования злоупотреблений различных должностных лиц и челобитная крестьян Заонежских погостов, которые уже знали о скором

⁶⁷³ РГАДА. Ф. 210. Оп. 7а. Д. 53. Л. 759—807об.

приезде в уезд Малово, и тем не менее написали жалобу на имя царя с просьбой повелеть разобраться в совершённых нарушениях, в том числе Иваном Дивовым, который по их словам за «посулы» годных к несению службы крестьян от службы освобождал, а больных, увечных, старых и малых писал в солдаты⁶⁷⁴. На основании этих двух документов А. Ю. Жуков предположил, что замена воеводы Чоглокова в 1658 г. на воеводу Мышецкого связана с выявлением Малово множества злоупотреблений, которые часто совершались должностными лицами в Олонецком уезде и покрывались воеводой Чоглоковым⁶⁷⁵. Возможно, что так и было, однако в книгах с результатами расследования Малово в самом начале записано, что на олонечских воевод жалоб не было, то есть никто из местных крестьян и пашенных солдат не подавал сыщику челобитных с обвинениями воевод в каких-либо злоупотреблениях: «На олонечских воевод обид и насильства и никакие тесноты во всех погостех обыскные люди не сказали и посулов-де и поминков ни у кого олонечские воеводы не имали»⁶⁷⁶.

Зато далее в книгах приведены сведения о 187 жалобах местных жителей на 101 должностное лицо, среди которых 3 полковника, 4 подполковника, 3 майора, 17 капитанов, 15 поручиков, 5 прапорщиков, 3 сержанта, 1 обозничий, 7 солдат, а также 1 боярин и воевода, 1 стольник и воевода, 1 лавуйский воевода, 4 новокрещена, 2 пушкаря, 3 новгородца, 1 беянин, 16 посадских людей, 1 городской приказчик, 2 старосты, 8 подьячих, 3 дьячка, 1 сыщик (Иван Дивов) и приехавшие с ним пушкари, стрельцы, подьячие, дворовые люди, дворецкий, также группа понятых, которых привлекали для свидетельства при высылке солдат на службу. Иноземцев среди них было 27 человек. Выявлено, что на некоторых должностных лиц было подано по несколько жалоб, которые, судя по содержанию, накопились со времени введения солдатской службы. Из

⁶⁷⁴ ДАИ. Т. IV. № 146. С. 389—397.

⁶⁷⁵ Жуков А. Ю. Управление и самоуправление ...

⁶⁷⁶ РГАДА. Ф. 210. Оп. 7а. Д. 53. Л. 759—759.

пятнадцати Заонежских и семи Лопских погостов, в которых черносотенные крестьяне были записаны в солдаты, ни одной жалобы на рассмотрение Малово не поступило только от жителей трёх погостов: Водлозерского, Выгозерского и Шальского. Интересно, что солдаты Выгозерского погоста в марте 1658 г. вместе с солдатами нескольких других погостов в упоминавшейся выше челобитной на имя царя, опубликованной в XIX веке, жаловались на злоупотребления различных должностных лиц, однако в книгах расследования Малово не отражено разбирательство ни одного случая каких-либо «обид» в отношении жителей этого погоста. Жители далёкого Водлозерского погоста, разбежавшиеся по лесам в 1657 г. и не явившиеся на смотр для переписи Дивова, по-видимому, предпочли не объявляться и перед сыщиком Малово.

Проступки и преступления должностных лиц, содержащихся в жалобах крестьян и солдат, можно разделить на две группы: совершённые в период войн в походной армии и совершённые собственно в Олонецком уезде. В первом случае среди жалоб пашенных солдат, участвовавших в войнах, встречаем такие как отнятие части жалованья и «добыточного живота», принуждение к бесплатно выполнять различные работы, за которые было положено платить, не принятие жалоб высшими военачальниками на низших, избиение батогами и кнутом для того, чтобы получить деньги, а также два случая убийства солдат. Причём по словам челобитчиков убийство совершил полковник А. Гамильтон за то, что солдаты были ему челом, чтобы он отдал причитающиеся им деньги «за мостовое дело через Двину реку»: «... и он-де Александр за то зарезал двух человек солдат Линдозерского погоста Кондрашка Яковлева да Семчозерского погоста Наумка Боранова ...». Помимо убийства двух солдат полковник уличался солдатами также в отнятии государева жалованья и избиении кнутом. Всего военачальник «отнял живота» на сто тридцать пять рублей. Важно отметить, что наказание полковнику не было

назначено, так как он отсутствовал в уезде во время расследования: «... и в том животе и в убитых головах очные ставки дать не с кем и править живота было не на ком, потому что полковник Александр ныне на государеве службе во Пскове»⁶⁷⁷.

В случаях, когда «обиды» местным жителям причинялись в Олонецком уезде, это были также принуждения к даче «посулов» за отсрочку от высылки на службу (денег, еды, вина шкур животных), в том числе с применением насилия. Также имели место случаи грабежей и насилия, в том числе по отношению к женщинам. Некоторые обвинённые должностные лица оправдывались тем, что брали деньги, или еду, или вино не в качестве «посула», а «в почесть»⁶⁷⁸. Однако Малово расценил это как свидетельство невиновности только в одном случае, касавшемся иноземного капитана Ивана Франка, сообщившего, что он «для салдатской высылки кормы людские и конские в почесть принимал, а посулов и поминков не принимывал и насильства не чинил»⁶⁷⁹. В случае с прапорщиком Матфеем Полозовым, получившем «в почесть» от старосты Пудожского погоста десять рублей, ему было велено эти деньги вернуть⁶⁸⁰.

В результате расследования всех этих проступков и преступлений из 101 обвинённого должностного лица 81 человек понёс наказание. Большинство были принуждены вернуть полученные от солдат и крестьян деньги, некоторые, не признавшие свою вину, в трехкратном размере. Тридцать шесть человек (два поручика, один сержант, два подьячих, староста Линдозерского погоста и тридцать понятых) были биты батогами, а девять человек (один поручик, два новокрещена, два подьячих, три посадских человека и староста Оштинского погоста) были

⁶⁷⁷ РГАДА. Ф. 210. Оп. 7а. Д. 53. Л. 763—764.

⁶⁷⁸ Там же. Л. 766, 769об., 774об., 777, 785об., 801, 805—805об, 806—806об. Подробнее о различии подношений в виде «посулов» или «в почесть» см.: Демидова Н. Ф. Служилая бюрократия в России XVII в. и ее роль в формировании абсолютизма. М., 1987. 225 с.; Седов П. В. Подношения в московских приказах XVII века // Отечественная история. 1996. № 1. С. 139—150.

⁶⁷⁹ РГАДА. Ф. 210. Оп. 7а. Д. 53. Л. 774об.

⁶⁸⁰ Там же. Л. 777.

биты кнутом, при этом два посадских были быты «на козле и по торгом», а три поручика были посланы «к Москве» для дальнейшего разбирательства.

Что касается именно иноземных военнослужащих, в общем количестве выявленных случаев «обид» по расследованию Малово проступки иноземцев составляют всего 14 % (27 случаев из 187). Если обратить внимание на наказание, то пятнадцать иноземцев не понесли никакого наказания, так как в момент расследования находились на службе в разных городах, четверо к этому времени уже погибли на службе, двое умерли, ещё двое доказали свою невиновность. Только четверо расплатились с истцами, при этом никто из иноземцев не понёс телесного наказания, кроме одного случая, когда деньги были взысканы после правежа. Таким образом, большинство иноземных «начальных людей» избежало какого бы то ни было наказания.

3.1.2. Принятие иноземными военнослужащими православия

Конфликты между иноземными офицерами и местными крестьянами и пашенными солдатами случались не только по причине бытовых неудобств (присутствие иноземцев в крестьянских дворах) или нежелания крестьян нести солдатскую службу, но также из-за конфессиональных различий. Проблемы, возникавшие во взаимоотношениях пашенных солдат и «начальных людей», можно было решить либо назначением в олонецкие полки русских «начальных людей», либо иноземцев, принявших православие.

Важными документами как о появлении среди «начальных людей» русских офицеров, так и о крещении иноземных, являются хранящиеся в РГАДА росписи «начальных людей» полков олонецких пашенных солдат за 1649—1656 гг. Составление данных документов было связано с выдачей офицерам денежного жалованья. Из росписей можно почерпнуть некоторые сведения о крещении иноземных офицеров в православие с тем, чтобы

определить, повлиял ли переход в православие на их карьерный рост или отношение к ним солдат и местных жителей.

Относительно принятия иноземными офицерами православия выводы возможно сделать на основе пометы «новокрещен» или указания русского имени полученного при крещении в православие после имени иностранного. Таких случаев по росписям за 1649—1656 гг. мы выявили всего четырнадцать: «майор новокрещен Петр Флерман»⁶⁸¹ (вероятно, он же в другом списке написан как «майор новокрещен Петр Лермант»⁶⁸²), прапорщик «новокрещен Иван Ильфов»⁶⁸³, каптенармус «Вилим Трейден, во крещенье Денис»⁶⁸⁴, сержант «Петр Фредриков, Матвей во крещеньи»⁶⁸⁵ (в другом списке – «Петр Фредриков, во крещенье имя то ж»)⁶⁸⁶, сержант «Яков Руссель, во крещенье Матфей»⁶⁸⁷, рядовой «Анц Брун, во крещенье Кондратей»⁶⁸⁸, «Александр Гоконов, во крещеньи Анисим»⁶⁸⁹, «Кашпир Петров, во крещеньи Максим»⁶⁹⁰, «Джон Мичел, во крещеньи Захарий»⁶⁹¹, «Томас, во крещеньи Матвей, Спенсов»⁶⁹², сержант «Яков Русельи, во крещеньи Александр Фули»⁶⁹³, сержант «Мартин, во крещеньи Григорий, Зом»⁶⁹⁴. Также в двух случаях встречается иная формулировка при добавлении русского имени к иностранному: «а по-русски ...». Так, в росписи начальных людей полка М. Кармихеля, составленной в январе 1656 г. (сам полковник к тому времени уже погиб), значатся с такими пометами капитан «Петр Крести, а по-русски Яков» и капитан «Рычерт Салтус, а по-русски Григорий»⁶⁹⁵. Однако в данных случаях нельзя сделать вывод, что

⁶⁸¹ РГАДА. Ф. 141. 1652. Д. 79. Л. 550.

⁶⁸² Там же. Л. 565.

⁶⁸³ Там же. Л. 230.

⁶⁸⁴ РГАДА. Ф. 141. 1649. Д. 29. Л. 303.

⁶⁸⁵ РГАДА. Ф. 141.1652. Д. 79. Л. 425.

⁶⁸⁶ ДАИ. Т. III. № 49. С. 172.

⁶⁸⁷ Там же.

⁶⁸⁸ Там же.

⁶⁸⁹ РГАДА. Ф. 141. 1652. Д. 79. Л. 438.

⁶⁹⁰ ДАИ. Т. III. № 49. С. 171; РГАДА. Ф. 141. 1652. Д. 79. Л. 540.

⁶⁹¹ ДАИ. Т. III. № 49. С. 171; РГАДА. Ф. 141. 1652. Д. 79. Л. 541.

⁶⁹² РГАДА. Ф. 141. 1652. Д. 79. Л. 545.

⁶⁹³ Там же. Л. 547.

⁶⁹⁴ Там же. Л. 552.

⁶⁹⁵ РГАДА. Ф. 141. 1654. Д. 100. Л. 242—243.

эти иноземцы приняли православие. Составители росписи могли зафиксировать русское имя, принятое при обращении к названным офицерам.

Шесть случаев из выше перечисленных были зафиксированы в росписи за 1649 г., остальные — за 1653—1656 гг. В 1649 г. православными были четыре сержанта («Кашпир Петров, во крещение Максим», «Джон Мичел, во крещение Захарей», «Петр Фредриков, во крещение имя то ж»⁶⁹⁶, «Яков Руссель, во крещение Матфей»), один каптенармус («Вилим Трейден, во крещение Денис») и один рядовой («Анц Брун, во крещение Кондратей»).

В росписях «начальных людей» изучаемых полков в последующие годы имена Кашпира Петрова, Джона Мичела и Петра Фредрикова встречаются, а имя «Вилим Трейден» нет. Однако в росписи полка М. Кармихеля за 1654 г. записан прапорщик Денис Трейден⁶⁹⁷. Полагаем, что это тот же самый человек, у которого имя, полученное при крещении в православие, заменило собой иноземное, поэтому не исключено, что среди иноземных «начальных людей», приехавших в Заонежские погосты в 1649 г. были и другие принявшие православие, у которых имя, полученное при крещении, уже заняло место имени иностранного. Так, в росписи иноземных офицеров 1649 г. в полку А. Гамильтона служили один Фёдор, два Александра, два Михайлы, четыре Якова и пять Ондреев, а в полку М. Кармихеля — один Алексей, один Дмитрий, один Григорий, один Александр, два Ондreja, два Якова, три Ивана, три Петра⁶⁹⁸.

Случаи с крещением Петра Фредрикова и Дениса Трейдена можно проанализировать с точки зрения влияния принятия иноземцами православия на их продвижение по службе. По-видимому, факт крещения в православие, как справедливо заметила Т. А. Опарина, не вызывал немедленного повышения в чине. Так, Петр Фредриков в 1649 г. был сержантом, в 1653 г. числился прапорщиком⁶⁹⁹, а в 1654 г. — поручиком⁷⁰⁰. Вилим Трейден, принявший

⁶⁹⁶ ДАИ. Т. III. № 49. С. 172.

⁶⁹⁷ РГАДА. Ф. 141. 1654. Д. 100. Л. 13.

⁶⁹⁸ ДАИ. Т. III. № 48. С. 170—173.

⁶⁹⁹ РГАДА. Ф. 141. 1652. Д. 79. Л. 237.

православие и получивший в крещении имя Денис, продвинулся по службе от простого каптенармуса до капитана — командира роты солдат, последовательно пройдя чины прапорщика и поручика в течение семи лет. Из грамоты от 18 августа 1654 г. по челобитью новокрещена прапорщика Дениса Трейдена о пожаловании ему «за крещенья православные христианские веры» и за службу во Пскове в роте его родного брата Андрея Трейдена кормом в «порутчикову статью»⁷⁰¹, становится ясно, что в период между 1649 и 1654 гг. Денис Трейден был переведен в чин прапорщика. В данной грамоте решение не прописано, получил ли челобитчик более высокий чин остаётся неясным, но в росписи полка М. Кармихеля за январь 1656 г. Денис Трейден числится поручиком⁷⁰². Более того, в марте 1656 г. имя Дениса Трейдена уже встречается в росписи полка Томаса Краферта в чине капитана⁷⁰³.

Были случаи и более значительного карьерного продвижения. Самым, пожалуй, показательным примером является карьерный рост иноземного офицера Ягана Трейдена — от прапорщика (в 1649 г.) до полковника (в 1659 г.) К сожалению, в изученных нами документах нет сведений о вероисповедании Ягана Трейдена, остается неизвестным принял он православие или нет. Тем не менее, судя по описанному в монографии А. В. Малова случаю произошедшего в 1662 г. бунта солдат против Ягана Трейдена, находившегося в то время в Пскове, в котором на стороне солдат выступил даже один священнослужитель⁷⁰⁴, надо полагать, полковник так и не перешел в православие. Непослушание солдат тогда было вызвано их несогласием с вынесенным смертным приговором двум их товарищам: за бегство со службы два солдата были приговорены к повешению, однако остальные вместе с жителями Пскова не дали привести приговор в исполнение, поскольку исходил он от иноземца — Ягана Трейдена. По мнению А. В. Малова, русские люди, в том числе солдаты, полагали, что иноземцы не имеют права осуществлять

⁷⁰⁰ РГАДА. Ф. 141. 1654. Д. 100. Л. 12.

⁷⁰¹ Там же. Л. 36.

⁷⁰² Там же. Л. 246.

⁷⁰³ Там же. Л. 416.

⁷⁰⁴ Малов А. В. Московские выборные полки ... С. 122—123.

высшую меру наказания — казнить провинившихся православных солдат⁷⁰⁵. Полагаем, что историк имеет в виду иноземцев, не перешедших в православие.

В связи с рассмотрением царского указа 1652 г. о запрете русским людям работать на иноземцев и жить у них во дворах на вопросе взаимоотношений карельских пашенных солдат с их иноземными командирами останавливались исследователи С. П. Орленко и Т. А. Опарина⁷⁰⁶. В фонде Олонецкой воеводской избы сохранилась челобитная полковника А. Гамильтона воеводе В. А. Чоглокову с жалобой на солдат, которые, узнав об этом указе, перестали повиноваться начальным людям, апеллируя к указу о запрете русским людям иметь какие-либо отношения с иноземцами, при этом солдаты называли иноземных офицеров «неверными» и «некрещеными». Эта челобитная опубликована и проанализирована в контексте правового положения иноземцев в России историком С. П. Орленко⁷⁰⁷. Т. А. Опарина также обратила внимание на данный документ и сделала вывод, что в связи с волнениями крестьян, возникшими после названного указа, в олонецкие полки были посланы крещённые в православную веру иноземцы, в частности, исследовательница называет Ивана Данилова Ильфова.

Изучая род Иоганна Эйлофа, приехавшего в Россию из испанских Нидерландов еще в XVI веке, исследовательница выявила факты принятия православия рядом его потомков. Один из них, Иван Данилов Ильфов, служивший некоторое время в Олонецком уезде, принял крещение по православному обряду в 1648 г. (в то время он был рядовым, служил в роте иноземцев «старого выезда»)⁷⁰⁸. По данным исследовательницы, изменение вероисповедания не повлекло немедленных служебных перемещений и только в 1651 г. Иван Ильфов составил прошение о переводе в Олонец с повышением чина. Просьба «новокрещена» Ивана Ильфова была удовлетворена, и он был назначен прапорщиком к капитану Ивану Вуду (своему родственнику) в

⁷⁰⁵ Малов А. В. Московские выборные полки ... С. 122—123.

⁷⁰⁶ Опарина Т. А. Иноземцы в России ... Орленко С. П. Выходцы из Западной Европы ... 343 с.

⁷⁰⁷ Орленко С. П. Выходцы из Западной Европы ... С. 289.

⁷⁰⁸ Опарина Т. А. Иноземцы в России ... С. 198.

солдатский полк М. Кармихеля. Исследовательница полагает, что новое звание являлось наградой за восприятие таинства и могло способствовать более быстрому продвижению по службе. О следующем повышении Ивана Ильфова ею сообщается, что он был переведен в чин поручика полка А. Гамильтона по челобитью в 1654 г.⁷⁰⁹ В 1656 г., по данным исследовательницы, он служил в чине капитана, но уже в полку Юрия Инглеса. Выявленные нами сведения подтверждают и в то же время корректируют данные Т. А. Опариной о продвижении по службе Ивана Ильфова. По изученным документам в 1653 г. он — прапорщик⁷¹⁰, в августе 1654 г. — полковой квартирмейстер полка А. Гамильтона (помета «переписался в ыной полк»)⁷¹¹, потом — поручик. В росписи «начальных людей» того же полка, которым был «дан корм на Москве», приложенной к грамоте от 5 февраля 1655 г., имя Ивана Ильфова еще присутствует⁷¹², но в росписи от 21 февраля 1655 г. его имени уже нет. По мнению Т. А. Опариной, крещение Ивана Ильфова в православие в 1648 г. сыграло большую роль в его карьерном росте — от рядового до капитана. Исследовательница связывает направление православного иноземца на службу в олонецкие солдатские полки с политикой, нацеленной на умиротворение солдат, не желавших обучаться под командованием инославных офицеров⁷¹³.

С утверждением Т. А. Опариной, что назначение иностранцев, принявших православие в олонецкие полки было одним из способов погашения конфессиональных конфликтов, мы соглашаемся, однако, важно заметить, что отправление в Олонецкий уезд православного Ивана Ильфова не могло быть ответом на бунт солдат, начавшийся после указа 1652 г., как утверждает Т. А. Опарина, анализируя челобитную полковника А. Гамильтона, жаловавшегося на отказ солдат подчиняться «неверным» и «не крещенным» иноземцам, так как Иван получил свое назначение еще в 1651 г. Тем не менее, не исключено, что проблема взаимоотношений пашенных солдат и «начальных

⁷⁰⁹ Опарина Т. А. Иноземцы в России ... С. 199.

⁷¹⁰ РГАДА. Ф. 141. 1652. Д. 79. Л. 129, 144.

⁷¹¹ РГАДА. Ф. 141. 1654. Д. 100. Л. 18.

⁷¹² Там же. Л. 72.

⁷¹³ Опарина Т. А. Иноземцы в России ... С. 198—200.

людей» постепенно решалась таким образом и до 1652 г., а после жалобы полковника в олонецкие полки по возможности и при необходимости стали назначать больше православных, в том числе русских начальных людей, однако иноземцы всё-таки численно преобладали.

В целом, полагаем, что переход в православие не являлся единственно необходимым условием для продвижения по службе и повышения в чине. Ничуть не менее, чем принадлежность к православной вере, особенно в условиях военного времени, по-видимому, ценились военные таланты и способность руководить военными подразделениями. Именно этим, вероятно, объясняется тот факт, что жалованье русских «начальных людей» в изученных росписях полков всегда было ниже жалованья иноземцев, служивших в том же самом чине. При этом разницы в жалованных окладах за службу иноземных офицеров одного чина, но разной конфессиональной принадлежности, в том числе принявших православие, в изученных документах не выявлено.

Наш вывод сводится к тому, что переход в православие мог быть лишь дополнительным, но не определяющим аргументом в просьбе о повышении в чине. Зато крещёным по православному обряду «начальным людям», вероятно, было легче получить назначение в олонецкие полки пашенных солдат.

3.1.3. Появление русских офицеров в полках пашенных солдат

В ходе исследования нами выявлено, что в период войны с Польшей 1654—1667 гг. русских «начальных людей» в олонецких полках было уже немало. Это очевидно из росписей личного состава полков. В случае наличия русских служащих по каждому чину сначала составлялся перечень иноземцев, затем — русских.

Мы изучили росписи «начальных людей» олонецких полков за 1649—1656 гг. и выяснили, как менялось соотношение иноземцев и русских. За 1649 и 1653 гг. имеются сведения об офицерском составе двух полков — полковников А. Гамильтона и М. Кармихеля, за 1654 г. трёх полков — под командованием

А. Гамильтона, М. Кармихеля и Томаса Крафферта. За 1655 г. в деле имеются росписи четырёх полков, сформированных из олонецких пашенных солдат: полковников А. Гамильтона, М. Кармихеля (сам полковник погиб под Брестом в ноябре 1655 г.), Ирика Андерсона (назначен полковником в марте 1655 г.) и Томаса Гейса (назначен полковником на место Томаса Крафферта в марте 1655 г.). В 1656 г., судя по сохранившимся росписям, полков пашенных солдат было уже пять: А. Гамильтона, И. Андресона, Т. Гейса, Т. Крафферта (по-видимому, его назначили полковником ещё одного полка) и Вальтера Кармихеля (назначен полковником в марте 1656 г.). Из других актовых документов известно, что в апреле 1659 г. на место полковника В. Кармихеля был назначен Яган Трейден, прежде бывший в чине подполковника в полку Томаса Крафферта. Также есть упоминание о полке Ивана Фливерка и роспись беглых заонежских солдат этого полка (ноябрь 1661 г.)⁷¹⁴.

Данные документы содержат важную информацию. Во-первых, позволяют проследить изменения офицерского состава и сделать выводы о соотношении иноземных и русских «начальных людей» в полках олонецких пашенных солдат (по крайней мере, за 1649—1656 гг.). Во-вторых, на основании анализа размера денежного жалованья можно сделать вывод о статусе и ценности иностранных и русских военных специалистов в России в XVII в. Кроме того, пометы напротив имен «начальных людей» в списках дают возможность выявить о них некоторую персональную информацию, в том числе о повышении в чине, переводе в другой полк, ранении или гибели на службе.

Вопрос о национальном составе офицерского звена полков пашенных солдат в своей статье затронул А. С. Рыжков. Автор вначале пришёл к выводу о присутствии русских офицеров в среднем управлявшем полками звене. Однако, остановившись на проблеме интерпретации имён офицеров, А. С. Рыжков отметил, что иноземные имена иногда заменялись на русские

⁷¹⁴ РГАДА. Ф. 141. 1652. Д. 79. Л. 227—241, 535—551, 565—566, 609—611; Ф. 141. 1654. Д. 100. Л. 7—15, 16—23, 44—46, 81—90, 119—135, 185—193, 205—209, 223—226, 240—249, 254—261, 264—270, 276—284об., 299—300, 401—432; Ф. 141. 1657. Д. 1. Л. 14, 205—212.

эквиваленты и в этих случаях бывает сложно определить, русский это офицер или иноземный. В результате проведённого анализа А. С. Рыжков пришёл к выводу, что в первые годы существования службы пашенных солдат все офицеры среднего звена всё-таки были иноземцами, даже те, у кого были русские имена⁷¹⁵. Следует отметить, что исследователь не указал в качестве причины замены иноземных имён русскими принятие православия. Какие изменения в составе «начальных людей» происходили в последующие годы автор не изучал.

Вопрос о назначении в олонецкие полки пашенных солдат русских «начальных людей» затронул А. Ю. Жуков. Исследователь не указал, в каком году в этих полках появились русские офицеры, но на основании сметы расходов Олонецкого уезда за 1655/56 г. отметил, что к 1656 г. некоторые из них «успели «дорости» до званий майоров и капитанов», поскольку, как пишет автор, за выслугу лет им полагалось продвижение по службе и повышение жалования⁷¹⁶.

В своей монографии А. Ю. Жуков привёл следующие имена русских офицеров, служивших в полку Вальтера Кармихеля, которые он выявил в смете расходов за 1655/56 г.: майор — Роман Шестаков; капитаны — Василий Мячков и князь Андрей Вяземский; поручики — Василий Долматов, Михаил Кочановский, Афонасий Воеводин, Еремей Пятого, Козьма Шишкин, Евтихий Ветчев, Дмитрий Битяговский. Далее автор сообщает, что «в 1656/57 г. в полку майором служил уже Петр Озеренский, капитанами были, кроме вышеназванных, Иван и Кондратий Пятого, Автоном Кудрявого, Иван Неелов, поручиками — те же и Богдан Головин. Подобным образом А. Ю. Жуков проследил офицерский состав полка Вальтера Кармихеля за несколько лет⁷¹⁷. При этом в изложении данного вопроса автор допустил некоторые фактические неточности, которые могут быть объяснены двумя причинами. Во-первых, А. Ю. Жуков оставил неп прочитанной одну строку в смете за 1655/56 г.

⁷¹⁵ Рыжков А. С. Офицер – иноземец: проблемы адаптации ...

⁷¹⁶ Жуков А. Ю. Управление и самоуправление ... С. 207.

⁷¹⁷ Там же. С. 208.

Результатом пропуска строки стало то, что автор привёл неполный перечень русских капитанов за этот год. О капитанах Иване и Кондратии Пятого и Автомоне Кудрявого, служивших в полку Вальтера Кармихеля в этом чине уже в 1656 г. и зафиксированных сметой за 1655/56 г., А. Ю. Жуков написал, что они отмечены, начиная со сметы за следующий 1656/57 г., то есть как минимум на год позже, чем было в действительности. Также исследователь неправильно прочитал фамилию одного поручика: вместо «Бегичев» было прочитано «Ветчев»⁷¹⁸. Во-вторых, использование в качестве источников только смет привело А. Ю. Жукова, в частности, к ошибке в указании даты создания полка Томаса Краферта: 1657/58 г.⁷¹⁹ На самом деле решение о создании этого полка было принято ещё в конце 1653 г., а сформирован полк был после прибытия полковника в Олонецкий уезд в апреле 1654 г. При этом упомянутые А. Ю. Жуковым среди начальных людей полка Вальтера Кармихеля майоры Пётр Озеренский и Роман Шестаков в 1654 г. служили в полку Томаса Краферта в чине капитанов⁷²⁰.

Что касается соотношения иноземных и русских «начальных людей» в олонецких полках пашенных солдат, по нашим подсчётам в начальный период войны с Польшей число русских офицеров в полках значительно увеличилось. Если в 1649 г. все «начальные люди» были иноземцами, то в 1654 г. в росписях отмечены 10 русских, а в 1656 г. в несколько раз больше — уже 57. Это данные не носят исчерпывающего характера, однако, динамика роста численности русских «начальных людей» очевидна. Для полной картины приведём сведения об общей численности иноземных «начальных людей». В 1654 г. в трёх полках олонецких пашенных солдат служили 143 иноземца, а в 1656 г. — в пяти полках — 177. Таким образом, в 1656 г. русские «начальные люди» составляли примерно треть от общего числа офицеров, что уже было немало. Безусловно, такая динамика не была связана исключительно со стремлением избегать конфессиональных конфликтов. Овладение русскими людьми

⁷¹⁸ РГАДА. Ф. 137. Оп. 1. Д. 4. Л. 150—151.

⁷¹⁹ Жуков А. Ю. Управление и самоуправление ... С. 206.

⁷²⁰ РГАДА. Ф. 141. 1654. Д. 100. Л. 44.

западноевропейскими военными навыками позволило постепенно вводить их в офицерский состав, что было выгодно, по крайней мере, по двум причинам: во-первых, исключалась проблема конфессиональных конфликтов, во-вторых, русским «начальным людям» можно было платить не такое высокое жалованье, как иноземцам.

3.2. Олонецкие крестьяне — пашенные солдаты

3.2.1. Способы активного и пассивного сопротивления

С началом войн с Польшей и Швецией (1654—1667, 1656—1658 гг.), когда олонецких солдат, вопреки договоренности, начали высылать на театры боевых действий, они стали сбегать или находить другие способы избежать высылки на службу: ставились в попы и дьяконы, постригались в монахи, нанимались в съезжую избу подьячими либо на должности приставов и пушкарей⁷²¹. Законным способом освобождения от службы также было заключение договоров найма с лицами, согласными служить за определённую плату.

Самым распространённым способом избежать высылки на службу было бегство: крестьяне, слышав о приближении к их деревне высылщиков, уходили в лес, зачастую вместе с семьями и, переждав пока опасность быть взятыми под стражу миновала, возвращались по домам. Иногда крестьяне, обязанные служить, укрывались в соседних деревнях у родственников и друзей. Из документов известны случаи, когда солдаты из числа зажиточных крестьян просили освободить их от службы, аргументируя свои просьбы тем, что у них якобы нет земельного участка (братья Маркеловы), в чём потом их уличали волостные люди⁷²². Иногда, чтобы избежать отправки на службу, солдаты даже прибегали к подделке «розборных» списков. Так, когда олонецкий воевода Т. Мышецкий вместе с дьяком Д. Протопоповым сообщили высылщику

⁷²¹ РГАДА. Ф. 141. 1657. Д. 1. Л. 17, 111; 1659. Д. 19. Л. 672—673.

⁷²² Суслова Е. Д. Конфликт братьев Маркеловых ... С. 182—184.

С. Мякинину о том, что в январе 1663 г. в съезжей избе по его высылке объявились к даче государева жалования Кижского погоста Кижского конца шесть солдат, которые, получив кормовые деньги на месяц по шестьдесят алтын человеку, были посланы на службу в Великий Новгород, должностные лица поставили высылщика в известность об обнаруженном ими факте мошенничества: «А в том же твоём розборном списке написано было имя деревни Кургиниц Кипрушки Онаньина и то имя выскребено. А в то место написано имя брата его Ортюшки, знатно, что своровано, для того чтоб ему, Кипрушке, быть в старостах. И тебе б о том велети к нам отписать, которой из нех брат по твоему розбору написан на государеву службу, Кипрушка или [Ортю]шка, чтоб нам про то было ведомо⁷²³. Чем закончилась эта история нам неизвестно, но имя Кипрушки Ананьева встречается в документах по Кижскому погосту еще в марте 1664 г. Известно, что он был старостой и приставом в Кижском погосте, участвовал в неповиновении кижских крестьян высылке на службу, а также вместе с братом Иваном пытался выселить с участка вдову со вдовой же невесткой и ее детьми, о чём обиженные женщины поставили в известность воеводу⁷²⁴. Они же сообщили в челобитной, что у братьев Ананьиных своих участков много.

Показательный для понимания готовности пашенных солдат в любой момент оставить службу случай произошел в 1662 г. по дороге в Олонец. Князь И. Б. Репнин сообщил воеводе Т. В. Мышецкому о том, что из 24 человек шуйских беглых солдат и отцов беглых солдат, высланных Харламом Мевкелевым в Олонец с тем, чтобы затем они пошли в Великий Новгород, пять человек, не доходя до Олонца, по дороге сбежали обратно домой. Как выяснилось на допросе сопровождавших группу солдат стрельцов, беглецов с дороги «поворотил» шуйский солдат Гаврила Остафьев сын Старостин, который попался им навстречу. По словам свидетелей, Гаврила сообщил, будто бы он был в Олонце в съезжей избе и «бил челом великому государю, чтоб

⁷²³ Архив СПбИИ РАН. Ф. 98. Оп. 1. К. 4. Д. 78. Ст. 1об., 2об.

⁷²⁴ Там же. К. 4. Д. 63. Ст. 3—4об.; Д. 72. Ст. 14; Д. 83. Ст. 3об.; Д. 88. Ст. 2 с об.

вместо тех салдат, которые служат в полках человека на службу великого государя не имать». И «добыл-де» он для тех солдат память, которую солдатам показывал, «а не вычитал». И тем солдатом, у которых братья служат, сказал, чтоб воротились назад, и солдаты многие, а также солдат-бунтовщик Михейко Сергиев, с волостными провожатыми с ним, Гаврилкою, назад воротились. «А достальные салдаты ... на Олонец приведены и в съезжей избе отданы», — завершили своей рассказ стрельцы, добавив: «А провожатые для чего назад воротились, и про то оне не ведают»⁷²⁵. Князь И. Б. Репнин распорядился всех беглецов разыскать, а разыскав, прислать в Олонец со стрельцами и волостными провожатыми «в крепостях связанных». А Гаврилку Остафьева, разыскав, «прислати на Олонец с беглыми салдатами вместе с нарочным волостным провожатым в крепостях. И о нем отписать имянно»⁷²⁶. Волостным провожатым, поворотившимся с дороги, было велено при полах и многих волостных людях «учинить жестокое наказанье, вместо кнута бить батоги нещадно, за то, что оне на Олонец с салдаты не пошли, а Гаврилко учинил смуту и з дороги их назат воротил, чтоб на то смотря иным волостным провожатым государева указа ослушатца неповадно было»⁷²⁷.

По-видимому, довольно частным явлением было то, что стрельцы, сопровождавшие солдат на службу, шли с ними не вместе, а порознь. Полагаем, именно этим было обусловлено указание стрельцам впредь следовать рядом с солдатами, не отставать от них, чтобы они не сбежали: «Велеть поставить провожатаи и с стрельцы не просто. И стрельцом приказывать, чтоб шли вместе с салдаты, а не врознь. А волостные люди, которые в провожатых отказывать учнут, тех имати, по тому ж чинить наказанье, бит[ь батоги], и провожатых на них доп[равить]»⁷²⁸.

Кроме явного неповиновения солдатским высельщикам, местное население использовало скрытые методы, помогавшие им уберечься от дальней

⁷²⁵ Архив СПбИИ РАН. Ф. 98. Оп. 1. К. 4. Д. 74. Ст. 1, 2об, 3об.; Д. 76. Ст. 1, 2.

⁷²⁶ Там же.

⁷²⁷ Там же.

⁷²⁸ Там же. Д. 72. Ст. 73, 73об.

службы. Как выясняется из документов, один из дьяконов Шунгского погоста «у стрельцов у Семеновых [Мякинина — Д. Б.] отписки распечатывал и с тех отписок ... и с росписей салдат вон выставливал»⁷²⁹, то есть, как мы полагаем, предупреждал солдат, кого из них на службу будут высылать в первую очередь, ведь Семён Мякинин именно для этого приезжал в Шунгский погост: «разобрать» всех солдат на две очереди и первую очередь выслать на службу. О противозаконных действиях дьякона сообщил некий солдат Шунгского погоста с Поташевщины Ивашко Васильев новокрещену Богдану Иванову Тахташеву, а в воеводскую избу о данном факте написал поповский староста поп Яким Григорьев. Воевода велел Семёну Мякинину о «дьяконове воровстве отписать, чтоб ему было ведома»⁷³⁰.

Немало было случаев и активного сопротивления пашенных солдат и драгун высылке на службу. В актовых документах зафиксированы факты неподчинения старост и волостных людей должностным лицам, присланным к ним для сыска и отправки солдат на службу. Так, в июне 1662 г. солдаты деревни Юрьгинской «сыщика Федора Мяжкого лаяли, а стрельцов трех человек били и за ним, Федором, и за стрельцами с топорами и с ослопьем гонялись».⁷³¹ В Москве, узнав о происшествии, велели провинившихся солдат бить кнутом, «чтоб впредь неповадно было воровать»⁷³², а также решили направить в Заонежские погосты московских стрельцов⁷³³. Для такого решения была веская причина, так как воевода Б. Репнин в одной из отписок довёл до сведения правительства, что новгородские сыщики солдатам «норовят»⁷³⁴, а в другой — что прежних высылщиков солдаты «ставят ни во что и их не слушают, и стрельцов бьют и приходят к ним с великим невежеством»⁷³⁵. По мнению Репнина, если послать в Заонежские погосты московских стрельцов,

⁷²⁹ Архив СПбИИ РАН. Ф. 98. Оп. 1. К. 4. Д. 83. Ст. 1.

⁷³⁰ Там же.

⁷³¹ РГАДА. Ф. 141. 1659. Д. 19. Л. 283.

⁷³² Там же. Л. 294.

⁷³³ Там же. Л. 291.

⁷³⁴ Там же. Л. 285—286.

⁷³⁵ Там же. Л. 381.

солдатам будет «страшнее»⁷³⁶. Тем не менее, в августе 1662 г. воевода Репнин сообщил в Москву о том, что проблема с беглыми солдатами Заонежских погостов по-прежнему не решена: «солдаты ... указу непослушны, на ... службу ко мне ... в полк не идут, з дороги бегают и к сыщикам приходят с великим безчестьем и стрельцов, которые посланы с сыщики бьют и впредь похваляютца побивать до смерти»⁷³⁷. Осенью 1662 г. пришло известие о непослушании солдат Андомского погоста высельщикам Гаврилу Поскочину и новокрещену Андрею Тахташеву⁷³⁸. В феврале 1664 г. в Москву было сообщено о наказании за непослушание солдатским высельщикам Харламу Мевкелеву и Афанасию Ильметеву старосты Шуйского погоста Павла Пономарёва и других солдат.

3.2.2. Наймиты – новый социальный феномен в олонецкой деревне

Некоторые зажиточные крестьяне, не желавшие отправляться на солдатскую службу, могли воспользоваться таким законным способом освобождения от нее, как заключение договоров найма с лицами, согласными за определенную плату служить вместо них. Явление такого найма в олонецких полках пашенных солдат до настоящего времени не получило должного освещения в историографии. Изучение в рамках подготовки данной диссертационной работы актовых материалов из фондов «Олонецкая воеводская изба» (Архив СПбИИ РАН) и «Приказные дела старых лет» (РГАДА), а также переписных книг солдатского высельщика И. С. Дивова 1657 г. позволило впервые установить документально подтверждаемое количество наймитов и их нанимателей в полках пашенных солдат. Основное внимание в ходе анализа документальных свидетельств уделено причинам появления наймитов в олонецких полках, процедуре заключения сторонами

⁷³⁶ РГАДА. Ф. 141. 1659. Д. 19. Л. 381.

⁷³⁷ Там же. Л. 344.

⁷³⁸ Там же. Л. 362—363.

договора с условиями найма, выявлению проблем во взаимоотношениях сторон, определению социального статуса наймитов и их «хозяев».

Обозначенные вопросы практически не изучены. Краткие сведения о проблеме наймитов в олонецких полках пашенных солдат приведены только в работах дореволюционного исследователя М. А. Островской и советского исследователя Р. Б. Мюллер.

М. А. Островская изучила отписки солдатского переписчика и высылщика Ивана Семёновича Дивова, присланного в 1657 г. из Москвы в Олонецкий уезд с широкими полномочиями, в том числе для сыска и высылки на службу беглых солдат и для переписи всех категорий черносозных крестьян: тех, которые годились к службе, и тех, кто по возрасту или состоянию здоровья был не годен. В своей монографии исследовательница привела обширные цитаты из документов, в которых Дивов сообщал в Москву о жалобах черносозных крестьян Олонецкого уезда на монастырских, нанимавшихся за плату служить вместо них, получавших плату вперед, а потом сбегавших и укрывавшихся в монастырских вотчинах⁷³⁹. Р. Б. Мюллер выявила по документам, что размер платы за найм составлял от 20 до 30 рублей в год и на основании этого сделала вывод, что таким способом от службы освобождались зажиточные крестьяне⁷⁴⁰. Это все, что до настоящего времени было известно по обозначенной теме.

На основании анализа источников нам удалось выявить двести сорок шесть случаев найма с именами наймитов и их «хозяев» за период с 1655/56 по 1663 гг. Из них шестнадцать случаев зафиксированы в переписных книгах И. Дивова 1657 г., остальные двести тридцать выявлены по актам Олонецкой воеводской избы (росписям солдат, поручным записям по наймитам, челобитным, памятям и отпискам): один случай выявлен по челобитной нанимателя, поданной в 1658 г. с жалобой на поручителей и наймита, который

⁷³⁹Островская М. А. Земельный быт ... С. 84—85.

⁷⁴⁰Мюллер Р. Б. Очерки по истории Карелии ... С. 139.

в 1655/56 г. деньги за найм взял, а на службу не пошёл, остальные — за период с 1660 по 1663 гг. (Табл. 2)

Выявленные данные, безусловно, не являются полными и обусловлены в первую очередь степенью сохранности документов дошедших до нас в составе фонда Олонецкой воеводской избы. Случаев найма, вероятно, было больше. Кроме того, не подлежит сомнению, что практика найма существовала не только в 1657—1663 гг., но и до, и после указанного периода

Таблица 2

Количество случаев найма по документам фонда «Олонецкая воеводская изба» и переписных книг И. С. Дивова за 1655/56—1663 гг.

Погосты	Количество случаев найма	Период
Андомский	30	1660 г.
Важенский	13	1660 г.
Веницкий	0	—
Выгозерский	5	1660—1662 гг.
Вытегорский	14	1657—1660 гг.
Кижский	20	1657—1660 гг.
Мегорский	20	1657—1660 гг.
Олонецкий	26	1655/56—1660 г.
Остречинский	6	1657—1660 гг.
Оштинский	25	1657—1660 гг.
Пудожский	5	1660 г.
Шальский	0	—
Шуйский	16	1660—1662 гг.
Шунгский	19	1660—1663 гг.
Линдозерский	4	1660 г.
Паданский	1	1660 г.
Селецкий	12	1660 г.
Семчозерский	11	1660 г.
Лопские погосты (неизвестно, какой погост)	12	1660 г.
Неизвестно какой погост	8	1660 г.
Итого:	246	1655/56—1663 гг.

Источник: Архив СПбИИ РАН. Ф. 98. Оп. 1. К. 1—6; РГАДА. Ф. 137. Оп. 1. Кн. 5.

Сама по себе идея найма солдат вместо тех, кто по возрасту или состоянию здоровья не мог нести военную службу пришла в голову олонецким воеводам - князю Ф. Ф. Волконскому и С. П. Елагину - еще в 1649 г. Тогда в ходе переписи населения они выяснили, что есть группа крестьян, не имевших

возможности выставить из членов своей семьи, проживавших в одном дворе, ни одного солдата: это старики, бездетные вдовы, вдовы с малолетними детьми или больные, увечные крестьяне. Воеводы тогда предложили этим людям «наймать» кого-нибудь и выставить от своего двора. Однако идея не могла быть осуществлена, потому что, по словам старост, у этих «маломочных» крестьян не было средств для найма⁷⁴¹.

Первое по времени документальное свидетельство о существовании наймитов среди пашенных солдат относится к 1655 г. Из отписки олонецкого воеводы А. В. Чоглокова, сохранившейся в фонде «Приказные дела старых лет» (РГАДА), выяснилось, что по государеву указу, присланному в Олонец 22 ноября 1655 г., воеводе было велено добрать в полк А. Гамильтона солдат до 2000 человек, при этом специально оговаривалось, что набирать следовало «из ученых салдат, а не из наемных бобылей, которые б тому салдатцкому строю навичны»⁷⁴². Значит, в 1655 г. пашенные солдаты олонецких полков уже пользовались услугами наймитов, в том числе нанимали бобылей, солдатскому строю не обучавшихся. Вполне понятно негативное отношение полковых командиров к новобранцам, не владевшим военными навыками. Видимо, государев указ, предписывавший не присылать «наемных бобылей» последовал после поступления жалоб офицеров на их профессиональную непригодность к военной службе. Возможно, какое-то время этот указ соблюдался, однако спустя несколько лет – в 60-х гг. XVII в., когда русская армия несла особенно большие потери в войне с Польшей, – в олонецких полках пашенных солдат служили как минимум два десятка наймитов-бобылей.

О том, что практика найма на солдатскую службу была широко распространена в Олонецком уезде и до 1657 г. свидетельствуют челобитные солдат и драгун, поданные И. С. Дивову, с жалобами на побег их недобросовестных наймитов, в результате которых наниматели теряли и деньги, и освобождение от службы. В этих жалобах речь шла в основном о

⁷⁴¹ РГАДА. Ф. 141. 1649. Д. 29. Л. 282.

⁷⁴² РГАДА. Ф. 141. 1654. Д. 100. Л. 331.

наймитах из числа монастырских и помещичьих крестьян, а также посадских людей.

Бегство наймитов со службы было серьезной проблемой во взаимоотношениях сторон. Для юридического закрепления прав и обязанностей наймитов и их «хозяев», санкций за неисполнение условий договора, в том числе для сведения вероятности побега к минимуму, применялось оформление поручных записей. Обязательной составной частью поручной записи являлась фиксация имен людей, поручавшихся за наймита. В случае его побега именно на них ложилась ответственность по возмещению ущерба, причиненного побегом как «хозяину» наймита, так и государевой казне, если наймит сбегал с оружием, шубой или жалованием. Кроме того, один из поручителей должен был отправиться на службу вместо беглеца. Казалось бы, все предусмотрено, и «хозяин» наймита мог не беспокоиться о своей службе: если наймит сбежит, на службу отправят одного из его поручителей. Если сбежит этот поручитель, отправят второго или третьего. Поручителей могло быть по пять-шесть человек и даже больше. Однако солдатская служба была настолько непосильна для черносозных крестьян Олонецкого уезда, что на практике все оказывалось гораздо сложнее. Поручители сами могли быть из числа пашенных солдат и в свою очередь могли быть отправлены на службу, либо их могли выслать вместо беглых солдат – их родственников. Некоторые могли оказаться старыми или больными. Кроме того, они могли просто сбежать от высылки, как это делали многие солдаты. В результате при невозможности выслать кого-нибудь из поручителей беглого наймита, не принимая во внимание никакие объяснения его нанимателя и его жалобы о потраченных на найм деньгах, самого «хозяина» наймита отправляли на службу в действующую армию. Кстати, пойманного позже беглого наймита тоже вновь отправляли на службу и разбирательства, кто из них должен служить, могли длиться достаточно долго. Обманутый «хозяин» наймита после возвращения со службы, если ему посчастливилось остаться в живых, мог подать жалобу в

съезжую избу для взыскания с беглеца, если тот тоже был еще жив, или с его поручителей, уплаченных за найм денег.

Также по документам нами установлено, что в некоторых случаях получить поруку по сысканным беглым наймитам представителям власти вообще не удавалось. Так, в ноябре 1660 г. капитан Анц Шульц сообщал в Олонец: «Выслал восемь человек за поруками, а по наймиту Алешке Терентьеву поруки не было, и он выслан с волостным приставом солдатом Артюшкою Ермолиным»⁷⁴³. О том, что Алешка Терентьев уже побывал на службе в качестве наймита и сбежал, становится известно из его челобитной, которую он подал сразу после своей высылки Анцем Шульцем. Как оказалось, в январе 1660 г. он нанялся служить вместо нетчика Осипа Юрьева, был в бою под Ляховичами⁷⁴⁴, после которого, по-видимому, сбежал, так как имя его попало в списки нетчиков. В результате розыскных мероприятий в сентябре 1660 г. вместо беглого наймита Алешки Терентьева на службу был выслан его «хозяин» Осип Юрьев. Спустя два месяца в ноябре 1660 г., капитану Анцу Шульцу все-таки удалось отыскать и выслать на службу и самого беглеца, который, однако, апеллируя к тому факту, что Осип Юрьев находился на службе вместо него, добился от воеводы своего освобождения от службы и распоряжения отпустить домой с тем, чтобы его на службу «до указа не высылать»⁷⁴⁵. Также в документах встречаются такие способы доставки беглых солдат, по которым не было поруки, на службу как связанными веревками или в кандалах. Кроме того, таких солдат могли заключить в тюрьму до представления по ним поручительства⁷⁴⁶.

Из сохранившихся в фонде Олонецкой воеводской избы двадцати девяти поручных записей по наймитам выявлено, что обычно наймитов нанимали на год и сразу отдавали им плату за весь период службы. Только в двух поручных

⁷⁴³ Архив СПб ИИ РАН. Ф. 98. Оп. 1. К. 3. Д. 83. Ст. 29.

⁷⁴⁴ *Ляховичи* – город на р. Ведме в Брестской области Белоруссии; самая крупная крепость в Речи Посполитой в середине XVII в. В 1660 г. полк воеводы князя И. А. Хованского не смог взять эту крепость и после тяжелого боя отступил с большими потерями.

⁷⁴⁵ Архив СПб ИИ РАН. Ф. 98. Оп. 1. К. 3. Д. 82. Ст. 32.

⁷⁴⁶ Калинычев Ф. И. Правовые вопросы ... С. 154.

записях наемная плата выдавалась лишь на полгода вперед. В ходе настоящего исследования удалось выявить значительно более разнообразные по размеру суммы оплаты за найм, чем это было известно ранее из работы Р. Б. Мюллер: от 6,5 до 32 рублей. Это были большие деньги по тому времени⁷⁴⁷. Кроме уточнения размеров платы за найм, установлено, что речь не всегда шла об оплате за год.

В изученных поручных записях оплата за год службы наймита встречается от 6,5 до 24 рублей. Во всех случаях, когда размер платы был больше - от 26 да 32 рублей - наймит должен был служить «до государева полкового свальнего отпуску», то есть имел право вернуться домой только вместе с другими солдатами своего полка. Таким образом, срок службы мог оказаться очень большим. Из челобитной олонецких пашенных солдат, служивших в Юрьеве Ливонском и Кастере, известно, что в 1659 г. они находились на службе уже «шестой год без перемененно»⁷⁴⁸. Если поручная запись оформлялась на таких условиях – служить «до отпуску», – и наймит получал такую крупную сумму денег за свою службу, ему не полагалось больше никакой доплаты, в отличие от наймитов, которых нанимали на один год. При оформлении найма на год, сумма оплаты была ниже, однако в случае, если наймита не отпускали из армии через год, ему полагалась доплата за каждый месяц, отслуженный сверх оговоренного времени, исходя из расчета годовой оплаты пропорционально. Иногда прописывались условия, когда и кто мог получить эти деньги. В одном случае было указано, что деньги мог получить только сам наймит, вернувшись со службы, а его родственники не имели на них права: «А деньги имать ему Омелки с него Федорка с службы пришед на Олонец, а окроме ево Омелки брату ево Омелкину и иному роду ево никому до тех денег дела нет»⁷⁴⁹. В других документах, наоборот, указывалось, что получать деньги должны были жена наймита, его отец или даже его

⁷⁴⁷ На 10 рублей можно было купить двух лошадей по 5 рублей или пять коров по 2 рубля за голову (Архив СПб ИИ РАН. Ф. 98. Оп. 1. К. 5. Д. 75. Сс. 1).

⁷⁴⁸ РГАДА. Ф. 141. 1659. Д. 19. Л. 149.

⁷⁴⁹ Архив СПб ИИ РАН. Ф. 98. Оп. 1. К. 3. Д. 76. Ст. 33, 34.

поручители⁷⁵⁰. В нескольких поручных записях фиксировалось, что в случае более раннего отпуска наймита со службы, наниматель не имел права требовать себе возврата части денег, но в одном документе было четко указано иное: если полк распустят из Новгорода, половину платы наймит должен будет вернуть нанимателю, но если полк выйдет из Новгорода в поход, даже недалеко, то вся сумма денег остается наймиту⁷⁵¹. Таким образом, размер платы мог зависеть от сложности службы: походная служба оценивалась выше, тем более, что в рассматриваемые годы выступление армии в поход означало участие в боевых действиях с противником.

Кстати, не всегда найм осуществлял сам солдат, желавший освободиться от службы. Документами зафиксированы случаи, когда в роли нанимателей выступали отец, брат и даже жена солдата-«нетчика». Именно они платили за найм. Возможно, сам «нетчик» в это время прятался от высылщиков, а так как по существовавшей практике вместо беглого солдата на службу отправляли кого-то из его ближайших родственников, родственники-мужчины могли быть вынуждены прибегнуть к найму, чтобы самим не оказаться в солдатских рядах на войне, а жена беглого солдата могла таким образом уберечь от высылки на службу их подросткового сына.

Анализ росписей солдат показал, что в них могли вноситься исправления. Так, в некоторых случаях, когда вместо «солдата-нетчика», высылщики забирали на службу его отца, брата или дядю, и это уже было зафиксировано в росписи, иногда имя родственника в последующем зачеркивалось и дописывалась новая информация (обычно другим почерком и чернилами) - о посылке на службу наймита. Выглядела такая запись так: «в место Ивашка Веденихтова ~~отец ево Веденка Карнов~~ наймит ево Дмитрейко Семенов»⁷⁵² или «Ерасимко Лукьянов, в ево место ~~брат Юшко~~ наймит Спиридонко

⁷⁵⁰ Архив СПб ИИ РАН. Ф. 98. Оп. 1. К. 3. Д. 76. Ст. 65, 72, 88.

⁷⁵¹ Там же. Ст. 4, 5.

⁷⁵² Там же. Д. 20 (п). Ст. 25.

Нефедьев»⁷⁵³. Правомерно предположить, что в данных случаях найм был вынужденной мерой.

Здесь возникает вопрос: можно ли, основываясь лишь на оценке величины платы за найм, утверждать, что услугами наймитов пользовались только зажиточные крестьяне? Вполне возможно, что в некоторых случаях и небогатые крестьянские семьи, «залезали» в долговую кабалу, чтобы собрать необходимую для найма сумму ради освобождения родственника от высылки на дальнюю службу. Вот что о причинах оформления найма пашенными солдатами и драгунами сообщал в Москву в 1657 г. И. Дивов: «... для своего одиночества и болезней наймут оне в свое место ...»⁷⁵⁴.

В документах социальное и имущественное положение как наймитов, так и их нанимателей, обычно не указывалось. Такого рода информацию можно выявить, только собирая крупницы информации из актовых материалов, содержащих сведения о различных коллизиях из жизни местных жителей. Участниками этих коллизий могли оказаться интересующие нас наймиты и их «хозяева». Однако выявить искомые имена среди тысяч имен жителей Олонецкого уезда, зафиксированных в актах, очень сложно. Велика вероятность ошибиться при отождествлении одинаковых имен из одних документов с именами из других, потому что крестьянские имена и отчества часто повторялись, даже в пределах одной деревни. Тем не менее, три случая отождествления не вызывают сомнений. На основании проведенного анализа ряда документов из фонда Олонецкой воеводской избы установлено, что один из нанимателей был старостой⁷⁵⁵, а другой владел несколькими земельными участками⁷⁵⁶. Логично думать, что оба они были зажиточными крестьянами. Еще один «хозяин» наймита, был сыном кузнеца, что также предполагает определенный уровень обеспеченности⁷⁵⁷.

⁷⁵³ Архив СПб ИИ РАН. Ф. 98. Оп. 1. К. 3. Д. 20 (в). Ст. 7.

⁷⁵⁴ РГАДА. Ф. 141. 1657. Д. 1. Л. 107.

⁷⁵⁵ Архив СПб ИИ РАН. Ф. 98. Оп. 1. К. 3. Д. 76. Ст. 77, 77об., 80, 80об., 82, 82об., 92, 92об.

⁷⁵⁶ Там же. К. 4. Д. 91. Ст. 1—19об.

⁷⁵⁷ Там же. К. 3. Д. 20 (г). Ст. 114.

Так, важнейшие для данного исследования факты содержатся в документах судебного дела по спору о владении пустошью Нарядовской в Олонецком погосте в 1663 г.⁷⁵⁸ Одним из действующих лиц этой тяжбы был солдат из деревни Кангасовой Святозерской волости Андрей Семенов, именовавшийся его обвинителями беглым. Хотя, учитывая открытое участие этого человека в судебном процессе, правомерно предположить, что именование его беглым не столько соответствовало статусу солдата в 1663 г., сколько было совершено по привычке, имевшей корни в недавнем прошлом. Дело в том, что в 1660 г. солдат-нетчик Андрей Семенов послал служить вместо себя наймита, Игнашку Трофимова, а найма дал ему на год 21 рубль 16 алтын 4 деньги⁷⁵⁹. Вероятно, после истечения срока действия договора, Андрей Семенов продлил его с тем же наймитом, либо нанял другого. Нам известно лишь то, что в 1663 г., его сын Васка Андреев, а одновременно с ним корелянин Куземка Левонтиев, подали челобитные воеводе с просьбой передать им во владение упомянутую пустошь⁷⁶⁰.

На основании материалов судебного разбирательства — обыска, расспросных речей и розыска о земельных владениях участников тяжбы — делаем вывод, что благосостояние солдата нетчика Андрюшки Семенова складывалось из владения как своим участком, так и участком его брата Мокейки, беглого солдата, а также из самовольной запашки полевых участков в деревне его родственников. Все это способствовало накоплению состояния, достаточного для найма себе на замену другого лица за более чем значительные, по тем временам, деньги.

Имя еще одного солдата из Святозерской волости Манылки Козмина, который 9 сентября 1660 г. послал вместо себя на службу наймита, встречается в нескольких поручных записях от 2 сентября, где в двух случаях он являлся поручителем, а в четырех — послухом, причем из документов следует, что он был старостой указанной волости. Еще в нескольких документах, связанных с

⁷⁵⁸ Архив СПб ИИ РАН. Ф. 98. Оп. 1. К. 4. Д. 91. Ст. 1—19об.

⁷⁵⁹ Там же. К. 3. Д. 76. Ст. 88, 88об, 89, 89об.

⁷⁶⁰ Там же. К. 4. Д. 91. Ст. 1, 1об, 2, 2об.

высылкой солдат, Манылка Козмин указан в чине сержанта в качестве сопровождавшего группу отправленных к месту службы пашенных солдат⁷⁶¹. Не исключено, что необходимость оплаты услуг наймита возникла у Манылки в результате нарушения условий поруки одним из тех лиц, за которых он поручился. Обычно старостами избирали людей обеспеченных и то, что староста Манылка Козмин имел материальную возможность нанять кого-то для несения службы вместо себя, еще раз это подтверждает.

Большая часть имен наймитов и их «хозяев» установлена по росписям солдат, в том числе беглых, и лиц, высланных на службу вместо сбежавших. Если кто-то из солдат посылал на службу вместо себя наймита, обычно в списке эта замена фиксировалась такими фразами: «в место Оски Михайлова наймит Якимко Давыдов»⁷⁶² или «Омоско Иванов, в ево место наймит Нестерко Сысоев»⁷⁶³. Как видно, дополнительной персональной информации из таких кратких записей не получить. Тем не менее, иногда в росписях встречаются поясняющие пометы писцов, которые могут свидетельствовать о принадлежности наймитов к определенной социальной группе населения, определенной местности или национальности.

Так, пометы «наймит охудалой крестьянин»⁷⁶⁴, «наймит бобыль» («наймит бобылек») ⁷⁶⁵, «наймит салдат» ⁷⁶⁶ или «наймит салдатской захребетник»⁷⁶⁷ указывают на социальный статус наймитов. Очевидно, что шли служить по найму не только выходцы из социальных групп, освобожденных от

⁷⁶¹ Архив СПб ИИ РАН. Ф. 98. Оп. 1. К. 3. Д. 83. Ст. 50, 51.

⁷⁶² Там же. Д. 82. Ст. 68.

⁷⁶³ Там же. Д. 20 (в). Ст. 3.

⁷⁶⁴ Там же. Д. 20 (е). Ст. 41. Упоминание «охудалого» крестьянина в качестве наймита встречается в изученных документах один раз, в 1660 г. Имя этого наймита Юшко Стафеев Косолап. В переписных книгах Дивова 1657 г. этот крестьянин зафиксирован в деревне Прокофьевской волости Сидозеро Важенского погоста в категории охудалых с пометой «увечен». Так как в росписи 1660 г. помимо имени этого крестьянина указано также его прозвище «Косолап», можно предположить, что физический недостаток, выданный в 1657 г. за серьезное увечье, не позволявшее служить, в действительности таковым не являлся, поэтому Юшка, числившийся в списках «охудалых» смог отправиться служить по договору найма.

⁷⁶⁵ Там же. К. 4. Д. 72. Ст. 3, 4, 98, 101; Д. 1. Ст. 4, 16; К. 3. Д. 20 (е). Ст. 39, 41; Д. 20 (з). Ст. 55, 56.

⁷⁶⁶ Там же. Ст. 2, 3, 17, 23, 101; Д. 1. Ст. 10, 16, 83; К. 3. Д. 20 (в). Ст. 6; Д. 20 (е). Ст. 39, 41, 47; Д. 20 (з). Ст. 55, 56.

⁷⁶⁷ Там же. К. 3. Д. 20 (з). Ст. 57.

солдатской службы, но и сами пашенные солдаты (те, из них, чья собственная очередь отправляться на службу ещё не наступила).

Принадлежность наймитов к определенной национальности или местности устанавливается по таким пометам в росписях как «поляк»⁷⁶⁸, «немчин»⁷⁶⁹, «корелянин»⁷⁷⁰, «олончанин»⁷⁷¹, «оштянин»⁷⁷², «великогубец»⁷⁷³, «сямозерец»⁷⁷⁴, «вытегорец»⁷⁷⁵. Интересно, что определение «вытегорец» дано наймиту из росписи солдат Вытегорского же погоста, то есть все они были вытегорцами, однако писец обозначил это только напротив имени наймита, вероятно, желая подчеркнуть, что он был не чужой, а свой, местный житель. Трижды напротив имен наймитов встречается указание «сосед»⁷⁷⁶. Из отписок И. С. Дивова и поручных записей нам известно о наймитах из числа посадских людей, монастырских и помещичьих крестьян – категорий населения Олонецкого уезда, не привлекавшихся к службе пашенных солдат⁷⁷⁷. В поручных записях помимо выше перечисленных категорий наймитов встречается еще одна – «юрьевские солдаты».

Кореляне, выходцы из Корельского уезда, искали, по-видимому, себе занятие и средства к существованию. В процессе исследовательской работы с документами Олонецкой воеводской избы нами выявлены факты, которые позволяют проследить некоторые перипетии жизни крестьянина-карела, одновременно солдата, Ипатки Трофимова, жившего в Нялмозерской волости Олонецкого погоста, который в 1660 г. нанял для службы вместо себя корелянина Тимошку Фофанова.

⁷⁶⁸ Архив СПб ИИ РАН. Ф. 98. Оп. 1. К. 4. Д. 72. Сст. 2, 17.

⁷⁶⁹ Там же. К. 3. Д. 82. Сст. 68.

⁷⁷⁰ Там же. Д. 20 (о). Сст. 30.

⁷⁷¹ Там же. Д. 20 (в). Сст. 1; Д. 16 (к). Сст. 1об.

⁷⁷² Там же. Д. 8 (б). Сст. 2.

⁷⁷³ Там же. К. 4. Д. 1. Сст. 81.

⁷⁷⁴ Там же. К. 3. Д. 83. Сст. 35.

⁷⁷⁵ Там же. Д. 20 (т). Сст. 91.

⁷⁷⁶ Там же. Д. 8 (б). Сст. 2; Д. 20 (в). Сст. 1, 6.

⁷⁷⁷ Посадские люди сами не привлекались к службе пашенных солдат. Их сыновья могли быть записаны в солдаты, а они сами должны были по требованию властей доставлять фураж в полки.

Впервые упоминание имени солдата Ипатки Трофимова встречается в первой из переписных книг 1657 г. солдатского высельщика И. Дивова⁷⁷⁸. Позднее Ипатко Трофимов оказался в списке беглых. По-видимому, какое-то время он скрывался, и, в соответствии с существовавшей в то время практикой отправки на службу вместо беглых солдат их родственников, солдатские высельщики нашли и выслали «за порукою» в Олонец родного брата Ипатки Трофимова — Вавилку. Об этом свидетельствует поручная запись от 20 августа 1660 г., в соответствии с которой несколько человек из Нялмозерской и Туломозерской волостей Олонецкого погоста, родственники беглых солдат, и среди них Вавилка Трофимов, должны были явиться в Олонец⁷⁷⁹.

Признавая справедливым замечание Р. Б. Мюллер о том, что беглые солдаты жили в своих домах, а родственники их укрывали⁷⁸⁰, можно предположить, что Ипатка прятался где-то недалеко от родной деревни и родственники могли знать о его местонахождении, но в момент приезда сыщиков не выдали его. Однако когда представители власти потребовали вместо беглых солдат отправить на службу брата Ипатки Вавилку, на семейном совете, по-видимому, было решено, что Ипатка должен объявиться перед сыщиками. Возможно, Ипатка сам принял такое решение, чтобы уберечь своего брата от высылки на службу. Такой вывод делаем на основании круговой поручной записи, заключенной через несколько дней, 26 августа 1660 г., тринадцатью солдатами Туломозерской и Нялмозерской волостей Олонецкого погоста, в числе которых был и беглый солдат Ипатко Трофимов⁷⁸¹. Все они обязывались отправиться на службу в полк И. А. Хованского. Однако на службу Ипатко все-таки не пошел, найдя теперь законный способ избавиться от ненавистной обязанности. Уже на следующий день после оформления круговой поруки, 27 августа того же года, Ипатко Трофимов нанял наймита, корелянина

⁷⁷⁸ РГАДА. Ф. 137. Оп. 1. Кн. 5. Л. 55об.

⁷⁷⁹ Архив СПб ИИ РАН. Ф. 98. Оп. 1. К. 3. Д. 76. Ст. 98, 98об.

⁷⁸⁰ Мюллер Р. Б. Очерки по истории Карелии ... С. 134.

⁷⁸¹ Архив СПб ИИ РАН. Ф. 98. Оп. 1. К. 3. Д. 76. Ст. 35, 35об.

из Сердобольского погоста, «вольного человека» Тимошку Фофанова, который должен был служить вместо него в течение года⁷⁸².

Заметим, что брат Ипатки Вавилка Трофимов, наряду с посадским человеком Титом Тарасьевым и старостой Низовской трети Олонецкого погоста Микифором Максимовым, выступал в качестве поручителя по наймиту своего брата. Следовательно, с одной стороны, он помог брату тем, что согласился стать поручителем, с другой – в случае бегства наймита, первым кандидатом на высылку стал бы именно Вавилка как поручитель.

Факт найма так называемых «юрьевских солдат» обращает на себя особое внимание. В исследованных документах таковых встретилось пять человек⁷⁸³. Никогда прежде в историографии никем из исследователей не указывалось на льготу, которую получили олонецкие солдаты, воевавшие под Юрьевом Ливонским и попавшие в осаду, так называемые «юрьевские сидельцы». Эти пашенные солдаты по возвращении с театра военных действий на три года освобождались от обязанности служить⁷⁸⁴. Даже в тех случаях, когда возникала необходимость найти замену беглому солдату из числа его ближайших родственников, солдатские высылщики не нарушали данную привилегию. Вот что написано по этому поводу в отписке полковника Христофора Трейдена: «А Гаврилку Степанова сыскать нельзя некоторыми мерами, потому что он из Ведлозера со всем домом сбежал, только брат его салдат пришол из Юрьева Ливонского. И тово яз прислать не смел, что им юрьевским дана льгота»⁷⁸⁵. Тем не менее, некоторые из таких солдат, уже закалённые в боях, по собственному желанию отправлялись на службу в качестве наймитов. По-видимому, они видели в получении платы за найм решение своих материальных проблем, как, вероятно, и прочие наймиты.

По этой же причине заключали договоры найма и монастырские крестьяне. При этом, получив плату за найм, нередко они сбегали, не отслужив

⁷⁸² Архив СПб ИИ РАН. Ф. 98. Оп. 1. К. 3. Д. 76. Ст. 56, 56об.

⁷⁸³ Там же. Ст. 12, 21, 24, 88, 169.

⁷⁸⁴ РГАДА. Ф. 141. 1659. Д. 19. Л. 149об.

⁷⁸⁵ Архив СПб ИИ РАН. Ф. 98. Оп. 1. К. 4. Д. 1. Ст. 94.

положенного срока, домой, в монастырские вотчины, где становились для высылщиков недостижимыми⁷⁸⁶. Об этом в своих отписках в Москву писал И. Дивов, который, указывая также на то, что многие «государевы крестьяне» переходили жить в монастырские вотчины, в результате чего там «учинилось многолюдно», предлагал набирать в солдаты не только чернососных, но и монастырских крестьян⁷⁸⁷.

Предложение И. Дивова не было принято, тем не менее, суть проблемы бегства наймитов была обозначена. В подтверждение приведем челобитную солдата Шунгского погоста Филки Авакумова с жалобой на нескольких человек, выступивших в 1660 г. поручителями по наймиту — монастырскому службе Агафанке Емельянове, которому Филка дал плату за найм вперед на шесть месяцев по два рубля и две гривны в месяц. Однако наймит Агафанка оговоренного времени не отслужил, а, взяв деньги, со службы сбежал⁷⁸⁸. Интересно, что челобитную, судя по дате пометы, Филка подал только в 1664 г. Остается загадкой, пришлось ли ему служить самому в течение прошедших трех лет, и почему поручители все это время избегали ответственности. Одним из вариантов ответа может быть так называемая судебная отсрочка, которая предоставлялась по гражданским делам в случае, если истец или ответчик были призваны на военную службу⁷⁸⁹.

Таким образом, можно с уверенностью утверждать, что необходимость в найме кого-либо вместо себя появилась у пашенных солдат с началом войны с Польшей в 1654 г., когда олонецкие полки были отправлены на театр боевых действий. Наймитов обычно нанимали на год или «до полкового отпуска» и давали всю сумму за найм вперед. Дополнительно уплачивались деньги за службу сверх оговоренного времени. Судя по количеству беглых солдат, обычная для того времени процедура — оформление поруки — часто не становилась действенной мерой в борьбе с побегами из армии, а поручители

⁷⁸⁶ Островская М. А. Земельный быт ... С. 84—85.

⁷⁸⁷ Там же.

⁷⁸⁸ Архив СПб ИИ РАН. Ф. 98. Оп. 1. К. 4. Д. 98. Ст. 6.

⁷⁸⁹ Калинычев Ф. И. Правовые вопросы ... С. 157.

сами сбегали при приближении к их деревням сыщиков и высельщиков. Это было самой главной проблемой во взаимоотношениях между наймитами и их «хозяевами». Самым сложным, пока не решённым, вопросом является определение социального статуса большинства наймитов и их «хозяев» и выяснение обстоятельств их жизни. Только в некоторых случаях точно известно, какое место они занимали в местном крестьянском сообществе или кем были по происхождению.

3.2.3. Осложнения в повседневной жизни крестьянского сообщества

Служба в солдатских рядах привнесла в повседневный быт жителей карельских деревень новые явления, а в умы крестьян — новые идеи. Еще Р. Б. Мюллер отметила: осознание крестьянами того факта, что у каждого солдата должен быть участок земли, с которого он должен был служить «государеву службу», привело к возникновению идеи уравнительного землепользования⁷⁹⁰. Иными словами, если у солдата был маленький участок земли, он, будучи уверенным в своей правоте, бил челом государю с просьбой отдать ему часть земли крестьянина, у которого участок был большой, ссылаясь именно на свой солдатский или драгунский статус⁷⁹¹. Зачастую такие просьбы удовлетворялись: государству было важно, чтобы солдаты были обеспечены землёй и исполняли свой солдатский долг⁷⁹².

Олонецкие пашенные солдаты находились на службе по году и более. О сроках службы свидетельствуют выше рассмотренные поручные записи по наймитам. Из челобитных, подаваемых солдатами узнаём о более длительных сроках службы. Так, солдат Кижского погоста Борис Деев сообщал воеводе, что был на службе пять лет, солдаты, попавшие в осаду в Юрьеве Ливонском и Кастерскансе, подававшие челобитную с просьбой заменить их на службе,

⁷⁹⁰ Мюллер Р. Б. Очерки по истории Карелии ... С. 127—128.

⁷⁹¹ Архив СПбИИ РАН. Ф. 98. Оп. 1. К. 3. Д. 36. Ст. 1.

⁷⁹² Там же.

сообщали, что служили «беспеременно» на продолжении шести лет⁷⁹³. В результате, пока часть крестьян, находилась на военной службе далеко от дома, в их родных деревнях возникало много конфликтных ситуаций, связанных с владением земельными участками и другими имущественными спорами. Бывало, что вдовы солдат, погибших на службе, оказывались беззащитными перед родственниками со стороны мужа, когда те выгоняли их из дома, иногда вместе с детьми, лишали земельного надела и приданого, отказывались делить имущество, которое им причиталось по закону после смерти мужа: землю, хоромы, хозяйственный инвентарь, снасти, скот и прочее. К тому же могло привести и длительное отсутствие солдат дома.

Так, в 1660 г. вдова солдата Сенки Лазарева Нечаева — Евдокиица Данилова дочь — обратилась в олонецкую воеводскую избу с просьбой принять меры по отношению к ее деверям Михалке, Осташке и Никитке, жителям деревни Айтъяволоок, которые не разделили с ней и её детьми, сыновьями Ваской Большим и Ваской Меньшим, имущество, оставшееся от их родного брата, а её мужа, погибшего на службе⁷⁹⁴. Перечень имущества, должного быть поделённым прилагался к челобитной. Следует заметить, что по переписным книгам И. Дивова в 1657 г. Сенка уже числился погибшим⁷⁹⁵, а его сыновья были указаны, как проживавшие вместе с дедом «охудалым» крестьянином Данилкой Сидоровым⁷⁹⁶. Причём имя погибшего солдата было зафиксировано в деревне Айтъяволоок, а отца челобитчицы вместе с внуками — в деревне Демидова Карташева того же Кижского погоста той же Лижемской волости. Значит, Евдокиица после гибели мужа вместе с детьми уехала из его семьи в семью своего отца в другую деревню. Это наблюдение удалось сделать благодаря составленной в ходе данного исследования компьютерной базе данных по переписным книгам И. Дивова.

⁷⁹³ РГАДА. Ф. 141. 1659. Д. 19. Л. 149.

⁷⁹⁴ Архив СПбИИ РАН. Ф. 98. Оп. 1. К. 4. Д. 7. Ст. 2 с об., 3, 5, 7, 8.

⁷⁹⁵ РГАДА. Ф. 137. Оп. 1. Кн. 5. Л. 734об.

⁷⁹⁶ Там же. Л. 1091.

Похожая ситуация произошла с Иринеицей Фёдоровой дочерью. В марте 1660 г. её брат Михалка Фёдоров, житель деревни Колвостров, подал челобитную с жалобой на её свёкра Олфимку Афонасьева, жителя деревни На Усть Лижмы речки, который после гибели под Юрьевом Ливонским его сына, а её мужа Баженки, выгнал невестку вместе с дочерью из дома, отдав ей только часть причитавшегося имущества⁷⁹⁷. Неизвестно, чем закончилось это дело, но в последующие годы Олфимка Афонасьев был заподозрен ещё в одном неблагоприятном поступке. В 1664 г. его односельчанин Ивашка Иванов увидел на нём шапку, которую в 1660 г. у него украли вместе с другим имуществом из полевой клетки и дворового амбара. При этом Ивашка жаловался, что староста Тимошка Григорьев, имея на руках челобитную и будучи осведомлённым о сути дела, ничего не предпринял, чтобы обыскать Алфима и вернуть шапку хозяину⁷⁹⁸. По-видимому, Олфимка Афонасьев смог договориться со старостой в свою пользу. Не исключено, что и невестку с дочерью он выгнал из дома либо тоже заручившись поддержкой старосты, либо сам был зажиточным и влиятельным человеком, не опасавшимся наказания.

В документах зафиксирован ещё один случай, когда женщину выгнали из дома. В декабре 1658 г. житель деревни На Яндомозере Матфеевская Кижского погоста солдат Игнашка Ермолин подал на рассмотрение воеводы сразу две челобитные. В одной он просил за свою тётю Пелагеицу Игнатьеву дочь, которую пасынок, сын ее второго мужа, после смерти отца выгнал из дома и лишил имущества, хотя по духовной было приказано всё имущество поделить пополам⁷⁹⁹. Во второй челобитной Игнашка жаловался на Федку Микитина сына Боранова, за которым другая его тётя, родная сестра его отца, Анница Назарьева дочь, была замужем. Здесь другая ситуация. Умерла жена, и, как следует из документа, после случившегося Федка Боранов отказался отдать

⁷⁹⁷ Архив СПб ИИ РАН. Ф. 98. Оп. 1. К. 3. Д. 66. Ст. 1.

⁷⁹⁸ Там же. К. 5. Д. 53. Ст. 8.

⁷⁹⁹ Там же. К. 2. Д. 92/29—30. Ст. 45 с об., 46 с об., 47, 52.

Игнашке её приданое, хотя единственный сын Анницы и Федки — Васка — умер на службе под Витебском⁸⁰⁰.

Яркий пример конфликта другого рода — между семьями двоюродных братьев и племянников — произошел в том же Кижском погосте в деревне На Усть Лижмы реки в 1657 г. В это время представитель одной из сторон — солдат Анкудинка Григорьев — находился на службе. Дома оставались его жена Соломанида и сын Калинка, которому в то время было всего 8 лет⁸⁰¹. Неизвестно по какой причине, но к ним во двор пришли братья Ильюшка и Якушка Еупловы, племянники двоюродного брата Анкудинки — Ивашки Иванова — с их матерью Пелагеицей Артемьевой дочерью. Они избили жену и сына Анкудинки. Вернувшись со службы спустя семь лет, в 1664 г., он узнал, что его жена после нанесенных побоев «лежав многое время» умерла, а сын остался «жив, но не здоров»⁸⁰². При этом обидчики вместе с Ивашкой Ивановым захватили земельный участок пострадавших⁸⁰³, а Ивашка вместе с Калинкой Еупловым ещё и треть мельницы со снастями, которую они когда-то построили вместе с отцом Анкудинки — Гришкой Сергиевым⁸⁰⁴. Всё это послужило причиной для неоднократной подачи Анкудинкой челобитных с жалобами. По-видимому, ответчики были люди, обладавшие определённым положением в крестьянском сообществе, так как могли позволить себе «облаять» приставов и «учиниться сильны». К тому же староста Тимошка Григорьев из-за своей «бездельной корысти» не предпринимал необходимых мер, чтобы уладить дело⁸⁰⁵. Кстати, это тот же самый староста, который четырьмя годами ранее не помог другому местному жителю вернуть украденную шапку. А в том же 1664 г. именно на упомянутого старосту воеводе поступило сразу несколько челобитных с жалобами. Суть претензий заключалась в том, что Тимофей либо покрывал ответчиков, не давал хода

⁸⁰⁰ Архив СПбИИ РАН. Ф. 98. Оп. 1. К. 2 Д. 92/29—30. Ст. 46 с об, 47.

⁸⁰¹ РГАДА. Ф. 137. Оп. 1. Кн. 5. Л. 948.

⁸⁰² Архив СПб ИИ РАН. Ф. 98. Оп. 1. К. 5. Д. 156. Ст. 1, 2.

⁸⁰³ Там же. Д. 129. Ст. 1.

⁸⁰⁴ Там же. Д. 155. Ст. 1.

⁸⁰⁵ Там же. Д. 129. Ст. 1.

судебному делу, либо сам совершал подсудные деяния, в том числе наносил побои, вымогал деньги, подговаривал писать ложные челобитные⁸⁰⁶.

Таким образом, длительное отсутствие пашенных солдат и драгун в родных деревнях приводило к различным бытовым конфликтам в среде крестьян, в основном имущественного характера. Наиболее уязвимыми в таких ситуациях становились вдовы и дети погибших на службе солдат. Солдаты, вернувшиеся со службы живыми, начинали судебные разбирательства с обидчиками членов своих семей или с теми крестьянами, которые во время их отсутствия захватили пашенные участки или угодья. Как и судебные дела о взыскании с беглых наймитов или их поручителей, потерянной платы за найм, такие разбирательства могли затянуться на годы.

⁸⁰⁶ Архив СПб ИИ РАН. Ф. 98. Оп. 1. К. 5. Д. 53. Ст. 6, 8; Д. 80. Ст. 1; Д. 129. Ст. 1.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ: КРЕСТЬЯНСКОЕ СООБЩЕСТВО ОЛОНЕЦКОГО УЕЗДА И ПОСЛЕДСТВИЯ СЛУЖБЫ В ПАШЕННЫХ СОЛДАТАХ

Институт пашенных солдат существовал на территории Олонецкого уезда на протяжении восемнадцати лет: в 1649—1666 гг. За это время традиционная повседневная жизнь местного крестьянского сообщества претерпела значительные изменения. В ряды пашенных солдат было зачислено практически всё мужское население региона — черносoshные крестьяне и бобыли. Солдатская служба стала фактором, способствовавшим возникновению новых явлений в деревне: в межличностных и внутрисемейных отношениях крестьян, их взаимоотношениях с представителями местного самоуправления, уездной администрацией, военачальниками и должностными лицами, осуществлявшими сыск и высылку солдат на службу. Произошли изменения в ориентирах и линиях поведения локальных крестьянских сообществ, как на общественном, так и на индивидуальном уровне.

В работе подробно рассмотрены предпосылки, причины и обстоятельства введения в Карелии службы пашенных солдат в 1649 г. как одного из мероприятий по реформированию армии в общероссийском масштабе, в особенности по созданию полков «нового строя» и особого рода войск, укомплектованных черносoshными крестьянами. Удалось установить общие черты в организации службы пашенных солдат в Заонежских и Лопских погостах и в созданных на похожих условиях в 1646 г. драгунском полку Комарицкой волости Севского уезда и в 1649 г. полку Сумерской и Старопольской волостей Старорусского уезда.

Изучены переговоры В. Д. Золотарева с жителями Заонежских погостов о введении солдатской службы. Установлено, что неправильно объяснять позицию крестьян только их имущественным положением. В выявленных случаях противоречий между крестьянами по вопросу о записи в солдаты борьба велась между зажиточными, влиятельными в местном сообществе крестьянами, руководствовавшимися собственными интересами.

Впервые подробно проанализирован наказ от 1 марта 1649 г. об «устройстве» крестьян и бобылей Заонежских и Лопских погостов в солдатскую службу, послуживший правовым основанием для осуществления реформы. Определена точная дата прибытия в Заонежские погосты назначенных для реализации данного наказа олонецких воевод Ф. Ф. Волконского и С. П. Елагина — 24 марта 1649 г. и 31 марта 1649 г. соответственно. В предшествующей историографии их приезд обозначался самым разным временем.

Выявлено, что уже в апреле 1649 г. между организаторами солдатской службы в Заонежских погостах свозчиком В. Д. Золотаревым и воеводой Ф. Ф. Волконским сложились конфликтные взаимоотношения. В результате произошло промедление с записью крестьян в солдаты и началом их обучения. Впервые по неопубликованным документам установлено, что иноземные офицеры прибыли на Олонец для обучения солдат и привезли вооружение в мае 1649 г., а первая группа записанных в солдаты крестьян, начала обучение только в конце июня 1649 г.

Обнаружены данные о первом подсчёте «новоприборных» солдат, более раннем, чем известный в историографии: 26 июня 1649 г. в солдаты было записано 3394 крестьянина Олонецкого, Важенского, Остречинского, Оштинского погостов и Святозерской волости. Тогда же все они были определены в обучение начальным людям двух сформированных полков А. Гамильтона и М. Кармихеля.

В диссертации впервые самым детальным образом рассмотрен ход организации солдатской службы в 1649 г. Обоснован новый взгляд на основной принцип отбора, по которому черносошные крестьяне Заонежских и Лопских погостов были распределены на собственно пашенных солдат и «охудалых» крестьян. Приведены доказательства, что таким критерием было не материальное положение, как было принято считать в историографии, а наличие или отсутствие в крестьянском дворе годных к несению солдатской службы мужчин. Если таковых не оказывалось, двор зачислялся в «охудалые» и

с проживавших в нём крестьян продолжали взимать тягло в прежнем размере, а не в уменьшенном, как ранее полагали исследователи. Выявлены случаи перевода пашенных солдат или солдатских родственников в «охудалые крестьяне», когда либо из-за старости или болезни солдаты не могли продолжать службу, либо солдаты погибали, а со двора больше некого было прибрать, и наоборот, когда во дворе «охудалых» крестьян подрастал мальчик и зачислялся в солдаты, этот двор получал статус солдатского.

Впервые полностью введены в научный оборот количественные данные из неопубликованных переписных книг солдатского высылщика Ивана Дивова 1657 г., сведённые в специально разработанную под формуляр этого исторического источника электронную базу данных. Благодаря применению новейших компьютерных технологий установлено, что из 19003 человек, зафиксированных в перечневых списках Дивова, 13579 крестьян в разные годы несли солдатскую службу, из них 727 человек на текущий 1657 г. показаны в числе сбежавших, пропавших безвестно, не обнаруженных, не вернувшихся со службы, а еще 2404 человека — числились среди погибших в ходе военных действий или умерших во время дальних походов. Также удалось существенно уточнить и дополнить имевшиеся в историографии сведения о количестве солдат, находившихся на службе в разных городах и землях Белоруссии, Литвы, Польши и Швеции.

В работе впервые досконально исследовано состояние полков олонецких пашенных солдат накануне русско-польской войны 1654—1667 гг. и показано их участие в боевых действиях как этой войны, так и русско-шведской 1656—1658 гг. Прослежены организация и ход обучения пашенных солдат, выявлены их дополнительные обязанности по изготовлению фитилей, пик и «инструментов» для городских «приступов». Выяснено, что, несмотря на обещание не высылать олонецких пашенных солдат «на дальние службы», уже в 1652 г. правительство вело их подготовку к возможному участию в боевых действиях: солдатам было запрещено отлучаться далеко от дома, им следовало иметь «запасы» и быть готовыми к выступлению в поход. Установлено, что уже

в тот период, на самом первом этапе реализации проекта, возникло явление бегства пашенных солдат. Удалось также выяснить, что отдельные пашенные солдаты из местных крестьян, успешно обучившись военному делу, самовольно уходили в Москву и другие города с целью профессионального устройства на солдатскую или стрелецкую службу за плату. Эти случаи способствовали принятию правительством решения о назначении в 1654 г. пашенным солдатам жалованья, хотя предполагалось оно исключительно за участие в боевых походах в период войн.

Большое внимание в диссертации уделено анализу порядка организации отправки пашенных солдат «на дальние службы» и особенно явления бегства со службы в период выше названных войн. Проанализированы меры, которые предписывало правительство и предпринимали олонецкие воеводы для предотвращения бегства — «разборы на очереди», оформление поручных записей, а также мероприятия по розыску, наказанию и высылке беглецов в места дислокации полков. В работе изучены все возможные способы активного и пассивного сопротивления пашенных солдат отправке на службу, отразившиеся в документах: вплоть до угроз физической расправой высылщикам.

В диссертации показаны новые для местного крестьянского сообщества социально-бытовые явления, возникшие в результате введения на территории Олонецкого уезда службы пашенных солдат.

Особенно пристальное внимание уделено анализу взаимоотношений пашенных солдат и других крестьян с иноземными офицерами, прибывшими в Олонецкий уезд для обучения «иноземному строю» в 1649 г. и расселёнными по погостам, первоначально по крестьянским избам. Выяснено, что проблема с их размещением отражена в источниках только за 1649—1651 гг. После этого, вероятно, всем «начальным людям» были предоставлены отдельные вновь построенные или уже существовавшие крестьянские дворы, но без местных обитателей. Проанализированы национальная и конфессиональная

принадлежность офицерского состава олонечских полков пашенных солдат, исследованы вопросы продвижения офицеров по службе.

Удалось установить точное время появления ста четырёх иноземных «начальных людей» в Олонечком уезде — полковник А. Гамильтон с семьёй и пятью подчинёнными прибыли 30 марта 1649 г., остальные офицеры — в мае того же года. По документам прослежен путь иноземных офицеров от Москвы до Олонца. Выявлено количество и виды вооружения, которое они привезли с собой. Обнаружено, что по дороге на Олонец некоторые иноземцы показали себя не с лучшей стороны: учиняли грабежи, разбои и «насильства» в отношении местного населения — прежде всего, ямщиков и их семей, а также разорили вотчину Хутынского монастыря. Исследование показало, что для правительства приоритетным оказалось обучение черносошных крестьян солдатскому строю, поэтому вина иноземцев, ценных военных специалистов, была прощена с оговоркой, чтобы впредь такого не было. Однако изучение документов, составленных дворянином Сергеем Малово в ходе осуществленного им в 1658 г. в Олонечком уезде расследования злоупотреблений различных должностных лиц, в том числе «начальных людей», показало, что преступления совершались иноземными офицерами и в отношении карельских пашенных солдат. При этом не только иноземные, но и русские офицеры, а также новокрещены, подьячие и посадские люди злоупотребляли своим положением: собирали с солдат деньги на свои нужды, а также еду, вино, шкуры животных, различные ремесленные изделия, брали «посулы» за отсрочку от высылки на службу; в условиях походной армии «начальные люди» отбирали государево жалованье и «добыточный живот», били кнутом и батогами.

Важным новым социальным феноменом в крестьянском сообществе Олонечкого уезда стало явление найма солдатами в своё место других людей за определённую плату. На основании изученных росписей солдат, в том числе беглых, и тех, кого высылали на службу вместо беглецов, а также поручных записей по наймитам, установлено количество наймитов, проанализированы

условия найма, выявлен социальный и материальный статус наймитов и их нанимателей.

Кроме того, в диссертации показано к каким конфликтам и имущественным спорам приводило длительное, порой многолетнее, отсутствие солдат дома, в том числе приведены примеры наиболее типичных конфликтов между разными категориями родственников: родственниками погибшего солдата и его вдовой, детьми, родителями или братьями.

Диссертационное исследование позволяет сделать уверенный вывод, что институт пашенных солдат как социальный феномен, навязанный территориальному крестьянскому сообществу государством, оказал существенное воздействие на различные сферы повседневной жизни крестьян Заонежских и Лопских погостов. Личные судьбы многих тысяч местных обитателей оказались изменены под воздействием новых факторов, выявленных и проанализированных автором.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

ИСТОЧНИКИ.

I. ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЕ И НОРМАТИВНЫЕ АКТЫ

Опубликованные**Своды законов**

1. 1649. — Соборное Уложение. Текст. Комментарии / Подготовка текста Л. И. Ивиной; Ред. колл. В. И. Буганов, М. П. Ирошников, А. Г. Маньков, В. М. Панеях; Комм. под рук. А. Г. Манькова. Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1987. 448 с.

Царские грамоты и указы

1. 1647, октября 18. — Грамота сыщику Константину Кайсарову, о выводе из за Новгородского митрополита, монастырей и помещиков беглых крестьян Сомерской волости, и о не взыскании с помещиков тяглых доходов за время проживания за ними крестьян означенной волости // Дополнения к актам историческим, собранныя и изданныя Археографическою комиссиею (далее — ДАИ). Т. III. № 32. С. 113—114.
2. 1648, не ранее января 19. — Указ о запрещении покупать и принимать в заклад земельные участки крестьян Заонежских погостов // Законодательные акты Русского государства второй половины XVI — первой половины XVII в. Тексты / Подгот. текстов Р. Б. Мюллер; Под ред. Н. Е. Носова. Л.: Наука, 1986. С. 221. № 327.
3. 1648, апреля 30. — Грамота царя Алексея Михайловича Новгородскому митрополиту Авфонию об отписке на государя Олонецкого погоста // Мюллер Р. Б. Карелия в XVII в.: Сборник документов. Петрозаводск: Гос. изд-во КФССР, 1948. № 41. С. 71—72.
4. 1649, ноября 21. — Наказ воеводе Иванису Кайсарову, об управлении Староруссаго уезда Сумерской и Старопольской волостей крестьянами, назначенными к обращению в оседлые солдаты, роспись иноземных офицеров, посланных для обучения их воинскому артикулу, и

- крестоцеловальная запись на верность службы означенных солдат // ДАИ. Т. III. № 65. С. 231—239.
5. 1649, декабря 31. — Наказ олонецкому воеводе Василью Чоглокову об отправлении им воеводской должности // ДАИ. Т. III. № 67. С. 243—249.
 6. 1651, января 14. — Царская грамота олонецкому воеводе Василью Чоглокову о ежегодном сборе денег на выкуп пленников по новым переписным книгам // АИ. Т. IV. № 43. С. 146—147.
 7. 1658, март — Грамота Сергею Малово, о распоряжениях в отвращение злоупотреблений Олонецких воевод и других лиц по высылке оседлых солдат на службу // ДАИ. Т. IV. № 146. С. 389—394.

II. ИСТОЧНИКИ МАССОВОГО ХАРАКТЕРА

Неопубликованные

РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АРХИВ ДРЕВНИХ АКТОВ

Ф. 137: БОЯРСКИЕ И ГОРОДОВЫЕ КНИГИ

1. 1649/50—1650/51. — Олонца города сметный список, окладным и неокладным всяким денежным доходам и сборам, и сколько сих денег издержано // Оп. 1. Олонец. Д. 2. 63 л.
2. 1651/52—1652/53. — Олонца города сметные списки окладных и неокладных денежных доходов и расходов // Оп. 1. Олонец. Д. 3. 46 л.
3. 1653/54—1661/62. — Олонца города сметные списки окладных и неокладных денежных доходов и расходов // Оп. 1. Олонец. Д. 4. 259 л.
4. 1662/63—1667/68. — Олонца города сметный список о зборе окладных и неокладных таможенных и кабацких денежных доходов и расходы из оных // Оп. 1. Олонец. Д. 6. 573 л.
5. 1657. — Переписные книги солдат и крестьян Заонежских и Лопских погостов Ивана Семеновича Дивова 1657 г. // Оп. 1. Олонец. Кн. 5. 1130 л. с об.

Ф. 1209: ПОМЕСТНЫЙ ПРИКАЗ

1. 1646. — Переписная книга Заонежских погостов Ивана Писемского, Лариона Сумина и подьячего Якова Еуфимьева // Оп. 1. Кн. 980. 577 л.
2. 1678. — Переписная книга Заонежских погостов Олонецкого уезда Ивана Александровича Аничкова, Ивана Никифоровича Аничкова и подьячего Ивана Венякова // Оп. 1. Кн. 1137. Ч. 1. 186 л.; Ч. 2. 427 л.
3. 1678. — Переписная книга Лопских погостов Олонецкого уезда Ивана Александровича Аничкова, Ивана Никифоровича Аничкова и подьячего Ивана Венякова // Оп. 1. Кн. 8573. 110 л.

III. АКТЫ ПРИКАЗНОГО ДЕЛОПРОИЗВОДСТВА

Опубликованные

1. 1647, мая 19. — Отписка Василия Золотарева в Новгородский приказ о мероприятиях по введению солдатской и драгунской службы крестьян // Мюллер Р. Б. Карелия в XVII в.: Сборник документов. Петрозаводск: Гос. изд-во КФССР, 1948. № 37. С. 62—66.
2. 1647, не позднее сентября 27. — Мирская челобитная крестьян Важенского погоста в Новгородский приказ о рассрочке в уплате податей за опустевшие участки // Мюллер Р. Б. Карелия в XVII в.: Сборник документов. Петрозаводск: Гос. изд-во КФССР, 1948. № 38. С. 66—67.
3. 1647, октября 24—29. — Акты, относящиеся к делопроизводству о выводе и положении в прежнее тягло крестьян Заонежских погостов, живших за Соловецким монастырем в служках, трудниках и стрельцах, и о не взыскании за то с означенного монастыря пожилых денег // ДАИ. Т. III. СПб: типография Эдуарда Праца, 1848. Т. III. № 33. С. 114—117.
4. 1648, ранее января 19. — Отписка Василия Золотарева в Новгородский приказ об отводе деревенских участков возвращенным беглым крестьянам // Мюллер Р. Б. Карелия в XVII в.: Сборник документов. Петрозаводск: Гос. изд-во КФССР, 1948. № 39. С. 67—70.

5. 1648, ранее января 19. — Отписка Василия Золотарева в Новгородский приказ о сборе недоимок в Шунгском погосте // Мюллер Р. Б. Карелия в XVII в.: Сборник документов. Петрозаводск: Гос. изд-во КФССР, 1948. № 40. С. 71—71.
6. 1648, августа 15. — Наказная память из Новгородского приказа верному целовальнику Олонецкого погоста Петру Иванову об испомещении на прежние деревенские участки возвращаемых беглых крестьян Олонецкого погоста и Сямозерской волости // Мюллер Р. Б. Карелия в XVII в.: Сборник документов. Петрозаводск: Гос. изд-во КФССР, 1948. № 42. С. 72—75.
7. 1648—1666. — Челобитная солдата Крошнозерской волости Перфила Аникиева и крестьянина Игната Терентиева о даче им Кучевской полосы земли у Перозера // Мюллер Р. Б. Карелия в XVII в.: Сборник документов. Петрозаводск: Гос. изд-во КФССР, 1948. № 43. С. 76.
8. 1649, февраля 18. — Роспись иностранных офицеров и нижних чинов, назначенных для обучения людей в солдатских полках, расположенных в Заонежских погостах // ДАИ. Т. 3. 1848. № 49. С. 170—173.
9. 1649, июля 24 — сентября 13. — Отписка олонецких воевод князя Федора Волконского и Степана Елагина в Новгородский приказ о недоразумениях, возникших в погостах при попытке провести указ о возврате прежним владельцам проданных и заложенных деревенских участков // Мюллер Р. Б. Карелия в XVII в.: Сборник документов. Петрозаводск: Гос. изд-во КФССР, 1948. № 45. С. 79—80.
10. 1649, не позднее августа 26. — Отписка олонецких воевод князя Федора Волконского и Степана Елагина в Новгородский приказ о ходе работ по постройке города Олонца // Мюллер Р. Б. Карелия в XVII в.: Сборник документов. Петрозаводск: Гос. изд-во КФССР, 1948. № 47. С. 81—82.
11. Не ранее 1649, сентября 1. — Челобитная солдата Кижского погоста Фрола Афонасьева об отводе ему пустоши на Кирдеострове // Мюллер Р. Б. Карелия в XVII в.: Сборник документов. Петрозаводск: Гос. изд-во КФССР, 1948. № 48. С. 82—83.

12. 1649, не позднее октября 27. — Отписка олонецких воевод князя Федора Волконского и Степана Елагина в Новгородский приказ о постройке и заселении города Олонца // Мюллер Р. Б. Карелия в XVII в.: Сборник документов. Петрозаводск: Гос. изд-во КФССР, 1948. № 94. С. 83—85.
13. 1649, не позднее октября 27. — Роспись укреплений города Олонца // Мюллер Р. Б. Карелия в XVII в.: Сборник документов. Петрозаводск: Гос. изд-во КФССР, 1948. № 50. С. 85—91.
14. 1650, не позднее января 11. — Челобитная крестьянина Алфимовской деревни Важенского погоста Тимофея Ермолина о передаче ему деревенского участка деревни Голошевской для обеспечения исправности солдатской службы // Мюллер Р. Б. Карелия в XVII в.: Сборник документов. Петрозаводск: Гос. изд-во КФССР, 1948. № 59. С. 97—98.
15. 1650, апреля 13. — Память олонецких воевод Чоглокова и Елагина капитану Гамильтонова полка Горну о солдатском ученье // АИ. Т. IV. № 39. С. 128—129.
16. 1650, не позднее июня 4. — Челобитная крестьянина Сямозерской волости Исака Григорьева о разрешении выкупить деревенский участок, заложенный им Андрею Лутукову // Мюллер Р. Б. Карелия в XVII в.: Сборник документов. Петрозаводск: Гос. изд-во КФССР, 1948. № 68. С. 108—109.
17. 1651, января не ранее 25. — Память олонецкого воеводы Василия Чоглокова подьячему Тарасу Гаврилову о сложении полугодового тягла с «охудалых» крестьян // Мюллер Р. Б. Карелия в XVII в.: Сборник документов. Петрозаводск: Гос. изд-во КФССР, 1948. № 72. С. 111—112.
18. 1651, марта 15. — Память олонецкого воеводы Василия Чоглокова подьячему Ивану Карпову о высылке на Олонецкий посад зажиточных людей из Шунгского и Кижского погостов и Кузарандской волости // Мюллер Р. Б. Карелия в XVII в.: Сборник документов. Петрозаводск: Гос. изд-во КФССР, 1948. № 73. С. 112—113.
19. 1651, апреля 6. — Наказная память олонецкого воеводы Чоглокова пушкарю Томиле Софониному о водворении государевых сошлых крестьян в Заонежских

- погостах и Лопских волостях на прежних их участках и о сборе полоняничных денег // АИ. Т. IV. № 51. С. 155—156.
20. 1651, не позднее апреля 9. — Челобитная крестьянина Линдозерского погоста Ивана Григорьева о разрешении выкупить деревенский участок, проданный им дьячку Ивану Афиногенову // Мюллер Р. Б. Карелия в XVII в.: Сборник документов. Петрозаводск: Гос. изд-во КФССР, 1948. № 76. С. 116.
21. 1651—1654. — Акты о сыске и выводе на прежние участки беглых крестьян Заонежских и Лопских погостов // ДАИ. Т. III. № 82. С. 286—394.
22. 1654, ноября 16. — Память олонецкого воеводы Василия Чоглокова старостам и целовальникам разных погостов об освобождении драгун и солдат от уплаты ямских подможных денег на ближайший год // Мюллер Р. Б. Карелия в XVII в.: Сборник документов. Петрозаводск: Гос. изд-во КФССР, 1948. № 78. С. 118—119.
23. 1656, апреля 5. — Отписка олонецкого воеводы Петра Пушкина в Новгородский приказ об отказе зарубежных корелян переходить на Русь и поступать в солдатскую службу // Мюллер Р. Б. Карелия в XVII в.: Сборник документов. Петрозаводск: Гос. изд-во КФССР, 1948. № 79. С. 120.
24. 1657, не ранее января 6. — Челобитная солдат города Олонца и Олонецкого погоста Ефима Стефанова с товарищами в Новгородский приказ об освобождении их от караульной службы на время постройки ими новых дворов // Мюллер Р. Б. Карелия в XVII в.: сборник документов. Петрозаводск: Гос. изд-во КФССР, 1948. № 81. С. 122—123.
25. 1657, не ранее апреля 4. — Отписка Ивана Дивова в Новгородский приказ о злоупотреблениях в денежной отчетности старост Важенского погоста, с приложением выписки из распросных речей старост // Мюллер Р. Б. Карелия в XVII в.: Сборник документов. Петрозаводск: Гос. изд-во КФССР, 1948. № 82. С. 123—127.
26. 1658, март. — Челобитная оседлых сержантов, капралов, драгунов и солдат Заонежских погостов (Шунгского, Кижского, Шуйского, Выгозерского и

- Кузарандской волости) об облегчении их обязанностей по службе // ДАИ. Т. IV. № 146. С. 394—397.
27. 1659, не позднее октября 14. — Отписка олонецкого воеводы Василия Чоглокова в Новгородский приказ о получении «листов» от шведского генерала Эрика Круса по поводу набегов русских «шишей» // Мюллер Р. Б. Карелия в XVII в.: Сборник документов. Петрозаводск: Гос. изд-во КФССР, 1948. № 90. С. 137—138.
28. 1660, после марта 20. — Челобитная Степана Елагина о переводе его на службу из Олонца в Москву или о посылке с ратными людьми для поисков над шведами // ДАИ. Т. IV. № 148. С. 400—401.
29. 1660, ноября 23. — Память из Олонецкой приказной избы подьячему Ивану Черкасову о сыске и высылке на Олонец беглых солдат // Мюллер Р. Б. Карелия в XVII в.: Сборник документов. Петрозаводск: Гос. изд-во КФССР, 1948. № 96. С. 146—148.
30. 1661—1663. — Сметы военных сил Московского государства // Чтения в императорском обществе истории и древностей Российских. Кн. 3. 1911. С. 14—19.
31. 1661, не позднее марта 25. — Отписка старосты Веницкого погоста Ивана Пахомова о невозможности собрать хлебный оброк и недоимки ввиду запустения многих деревень // Мюллер Р. Б. Карелия в XVII в.: Сборник документов. Петрозаводск: Гос. изд-во КФССР, 1948. № 98. С. 149.
32. 1661, не позднее апреля 5. — Челобитная крестьянина Мегорского погоста Лаврентия Родионова об указе по делу о сносе приданого и требовании «пожилого» его невесткой Марией Семеновой дочерью // Мюллер Р. Б. Карелия в XVII в.: Сборник документов. Петрозаводск: Гос. изд-во КФССР, 1948. № 100. С. 151.
33. 1661, декабрь. — Воеводская наказная память олонецким стрельцам об осмотре на пограничной кондуйской заставе торговых людей, чтоб они не провозили тайно в Швецию съестных припасов, медных денег и никаких

- заповедных товаров, также из-за границы меди, вина, табаку и проч. // АИ. Т. IV. № 162. С. 313—314.
34. 1662, не позднее февраля 11. – Из черновика отписки командира Новгородского полка боярина князя Бориса Александровича Репнина о восстановлении боеспособности олонецких полков «нового строя» // Истоки Карелии: время, территория, народы. Полевые исследования и архивные материалы. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2014. С. 99—103.
35. 1662, марта 21. — Из черновика отписки воеводы Новгородского полка Б. А. Репнина о численности ратных людей после смотра 4 февраля // Истоки Карелии: время, территория, народы. Полевые исследования и архивные материалы. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2014. С. 104.
36. 1662, не ранее июня 16. – Из черновика отписки воеводы Новгородского полка Б. А. Репнина о численности ратных людей и о потерях от военных действий и из-за побегов со службы // Истоки Карелии: время, территория, народы. Полевые исследования и архивные материалы. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2014. С. 105—108.
37. 1662, июня 19. – Челобитная на имя царя сержантов и солдат Олонецких полков о возврате к практике призыва по очереди, на три срока в год // Истоки Карелии: время, территория, народы. Полевые исследования и архивные материалы. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2014. С. 111—114.
38. 1662, июня 22. – Отписка воеводы Новгородского полка Б. А. Репнина об изменении практики призыва в Олонецком уезде // Истоки Карелии: время, территория, народы. Полевые исследования и архивные материалы. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2014. С. 108—111.
39. 1662. – «Дело» по челобитной олонецких солдат полка Ягана Трейдена против олончан-посадских // Истоки Карелии: время, территория, народы. Полевые исследования и архивные материалы. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2014. С. 115—117.

40. 1662, после июня 9. – Челобитная солдат Остречинского погоста Олонецкого уезда из полка Томаса Гейса о выплате жалованья // Истоки Карелии: время, территория, народы. Полевые исследования и архивные материалы. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2014. С. 121.
41. 1662. – Челобитная солдат Остречинского погоста Олонецкого уезда из полка Томаса Гейса о выплате жалованья // Истоки Карелии: время, территория, народы. Полевые исследования и архивные материалы. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2014. С. 122.
42. 1663, не позднее января 7. — Челобитная новокрещена Андрея Лукина о несогласии его нести солдатскую службу вместо солдата Шуйского погоста Евсея Глухина // Мюллер Р. Б. Карелия в XVII в.: Сборник документов. Петрозаводск: Гос. изд-во КФССР, 1948. № 103. С. 153.
43. 1663, апреля 30. — Поручная запись крестьян Кижского погоста Семена Евстафьева сына с товарищами по солдате Якове Семенове в несении им тягла с участка в деревне Ваче-Наволоке // Мюллер Р. Б. Карелия в XVII в.: Сборник документов. Петрозаводск: Гос. изд-во КФССР, 1948. № 105. С. 155.
44. 1663, июня 19 — августа 12. — Дело об отводе земли в деревне Варлиле Олонецкого погоста карельскому выходцу Кузьме Леонтьеву // Мюллер Р. Б. Карелия в XVII в.: Сборник документов. Петрозаводск: Гос. изд-во КФССР, 1948. № 107. С. 157—165.
45. Не ранее 1664, сентября 1. — Сказки разных лиц о причинах недобора кабацких и таможенных пошлин на Олонецком кружечном дворе и в таможе // Мюллер Р. Б. Карелия в XVII в.: Сборник документов. Петрозаводск: Гос. изд-во КФССР, 1948. № 118. С. 178—180.
46. 1665, не позднее августа 30. — Мирская челобитная драгун, солдат и охудалых крестьян разных погостов в Новгородский приказ об устранении от дел подьячего Ивана Черкасова и расследовании его злоупотреблений // Мюллер Р. Б. Карелия в XVII в.: Сборник документов. Петрозаводск: Гос. изд-во КФССР, 1948. № 121. С. 182—184.

47. 1668, не позднее апреля 18. — Мирская челобитная крестьян Олонецкого уезда в Новгородский приказ об обложении их тяглом по писцовым книгам // Мюллер Р. Б. Карелия в XVII в.: Сборник документов. Петрозаводск: Гос. изд-во КФССР, 1948. № 125. С. 193.
48. 1671, ноября 19. — Грамота из Новгородского приказа олонецкому воеводе Ивану Баклановскому об отмене тройного тягла в Заонежских погостах // Мюллер Р. Б. Карелия в XVII в.: Сборник документов. Петрозаводск: Гос. изд-во КФССР, 1948. № 132. С. 200—201.
49. Не ранее 1675, сентября 1. — Мирская челобитная «маломожных» крестьян Оштинского погоста об утверждении выбранного ими старосты Семена Юрьева // Мюллер Р. Б. Карелия в XVII в.: Сборник документов. Петрозаводск: Гос. изд-во КФССР, 1948. № 145. С. 227—229.

Неопубликованные

АРХИВ САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО ИНСТИТУТА ИСТОРИИ РАН

Ф. 98: ОЛОНЕЦКАЯ ВОЕВОДСКАЯ ИЗБА

1. 1637—1654. — Опись царских грамот, присланных на Олонец (384 заголовка) // К. 3. Д. 18 (а). Ст. 1—67.
2. 1648/49, после. — Челобитная солдата Никольского Шунгского погоста Сенки Иванова с просьбой освободить его от солдатской службы за своего брата Анисимку, взятого подьячим в олонецкую приказную избу // К. 1. Д. 147 (2). Ст. 4 с об.
3. 1649, не ранее июля. — 1666. — Челобитная жителя Вонгерской деревни Гимольской выставки Спасского Селецкого погоста Ортюшки Стахиева с просьбой о зачислении его в «охудалые» крестьяне по болезни и бедности и освобождении от солдатской службы, на которую его отправляют высылщики // К. 3. Д. 22 (1). Ст. 1 с об.
4. 1649 г. декабрь. — Память старостам и судейкам Шуйского, Кижского, Шунгского, Олонецкого, Важенского, Выгозерского погостов,

- Великогубского конца и волостей Сязозерской и Святозерской с повелением прибыть на Олонец с солдатами и начальными «учительными» людьми к 22 января 1650 г. с «запасом» и подводами на «сход» // К. 1. Д. 40 (а). Сст. 14 с об.
5. 1649 г. декабрь. — Память полковнику Мартыну Кармихелю с начальными людьми и солдатами всех погостов «быть в сход» на Олонец к 22 января с извещением об отсылке памяти старостам погостов об обеспечении солдат подводами и их оповещении о «сходе» // К. 1. Д. 40 (а). Сст. 15 с об.
6. 1649 г. декабрь. — Память старостам и судейкам Важенского, Остречинского, Веницкого, Оштинского, Мегорского, Вытегорского, Андомского, Пудожского, Шальского, Водлозерского погостов с поручением сообщить солдатам и учительным людям о государевом указе о явке «на сход» на Олонец с оружием, недельным запасом продовольствия к 22 января 1650 г. // К. 1. Д. 40 (т). Сст. 13 с об.
7. 1649 г. — Челобитная крестьянина Лопского Никольского Паданского погоста Прошки Иванова с жалобой на капитана Федора Федорова, который велит ему нести пашенную службу и ходить на учение, несмотря на то, что согласно досмотрам стольника Дмитрия Волконского, а затем подьячего Дениса Посникова Прошка был от солдатской службы освобожден // К. 1. Д. 67 (б). Сст. 4 с об.
8. 1649/50. — Челобитная майора полка Мартына Кармихеля, «кормового» иноземца Томаски Бейли, с жалобой на старост Никольского Андомского погоста Федора Фомина и других, не выплативших ему денег, израсходованных на покупку леса и наем рабочих для починки старого двора священника Ивана Борисова, в который майора поселили старосты 1649/50 г. Фетка Июдин и Завьялко Фомин // К. 1. Д. 147 (12). Сст. 21 с об.
9. 1650 г. января 14. — Дело о переселении барабанщиков, размещенных в доме старосты Павелки Пиминова, в пустующий двор // К. 1. Д. 35 (б). Сст. 2, 3.

- 10.1650 г. января 22—24. — Дело по челобитной московского кормового иноземца майора Володимерки Кармихеля об оскорблении его старостой Павлом Пиминовым // К. 1. Д. 80 (а). Сст. 1, 2, 2об.
- 11.1650 г. января 24. — Дело по челобитной полкового квартирмейстера Ивашки Сванова (Шванова) с жалобой на крестьянина Черкаса Федорова с детьми и племянником Микулой Еремеевым, бранивших, бивших и угрожавших убить его брата прапорщика Давыда Свана // К. 1. Д. 80 (в). Сст. 5—8.
- 12.1650 г. января 25. — Дело по челобитной солдата Ильинского Веницкого погоста Микулки Еремиева о сыске по делу против него по челобитью солдатского учителя иноземца Давыда Иванова сына Шванова (Сванова) // К. 1. Д. 80 (б). Сст. 3, 4.
- 13.1650 г. января 23. — Дело об отпуске иноземца поручика Давыдки Вернора из Заонежских погостов в Великий Новгород // К. 1. Д. 35 (г). Сст. 5, 6.
- 14.1650 г. январь. — Челобитная окольного и воеводы князя Федора Федоровича Волконского и воеводы Степана Парфеньевича Елагина с сообщением об отпуске в Москву из Олонца на месяц иноземца Еремея Роформа для того, чтобы он перевез свою семью из Москвы в Олонец // К. 1. Д. 69. Сст. 2об.
- 15.1650 г. март. — Отписка воевод Степашки Елагина и Васки Чоглокова об отпуске Манги Сарыхгера, квартирмейстера полка Мартына Кармихеля, в Москву для подачи челобитной государю о своих личных нуждах // К. 1. Д. 67 (т). Сст. 7об.
- 16.1650 г. марта 28. — Наказная память воевод Василия Чоглокова и Степана Елагина старосте Воскресенского Важенского погоста Федору Павлову и Мирошке Лазареву по челобитной прапорщика полка Мартына Кармихеля иноземца Дмитрия Рыкарева, определенного на полгода на жительство во двор старосты погоста Павла Пименова, с жалобой на

- старосту, который выгнал его со двора и ограбил // К. 1. Д. 147 (8). Сст. 15.
- 17.1650 г. марта 31. — Наказная память воевод Василия Чоглокова и Степана Елагина по мирской челобитной старосты Покровского Вытегорского погоста Сенки Иванова Вотоллина, Дмитрейки Июдина и всех крестьян с жалобой на иноземца капитана Елизаря Мартынова, везшего в Лопские погосты оружие, и отнявшего у посланных с ним из Покровского Вытегорского до Никольского Андомского погоста проводников их сани // К. 1. Д. 116 (б). Сст. 2об.
- 18.1650, марта 31. — Список с обыскных речей старосты Ильинского Панозерского погоста Самсонки Семенова и волостных людей Власки Яковлева и других (всего 11 имен), данных в присутствии целовальника Миронки Рямзина согласно памяти воевод Василия Чоглокова и Степана Елагина, о своевременной выплате ими всех податей и об отсутствии в погосте «сошлых» крестьян и бобылей // К. 1. Д. 118 (в). Сст. 1 об.
- 19.1650 г. апрель. — Дело по челобитной солдата Никольского Пудожского погоста Никифорки Семенова о переводе его из барабанщиков в рядовые солдаты // К. 1. Д. 116 (в). Сст. 1, 2.
- 20.1650 г. апреля 24. — Дело по челобитной старосты Никольского Паданского погоста пашенного солдата Ондрюшки Савина об освобождении солдат от еженедельных военных смотров в Селецком погосте, расположенном в 20-ти верстах от места их обучения // К. 1. Д. 67 (л). Сст. 26 с об., 27 с об.
- 21.1650 г. апреля 24—25. — Дело по челобитной старосты Никольского Паданского погоста пашенного солдата Ондрюшки Савина об освобождении солдат от еженедельных военных смотров в Селецком погосте, расположенном в 20-ти верстах от места их обучения // К. 1. Д. 67 (м). Сст. 28—30.
- 22.1650 г. апреля 27. — Дело по челобитной урядников, сержантов Деониски Голодова и других [всего 2 имени], капралов Сенки Ортемьева и других

- [всего 5 имен] роты майора Роборта Алета полка Александра Гамильтона о самовольной продаже чумаком олонецкого кабака Стенкой Ивановым в Туломозерской волости Олонецкого погоста «питья» и взимании высоких пошлин с продажи лошадей и коров // К. 1. Д. 67 (р). Сст. 35—36.
- 23.1650 г. мая 20. — Наказная память воеводы Василия Чоглокова старосте Рождественского Водлозерского погоста Андрюшке Лукину и крестьянину Андрюшке Конанову об отводе нового солдатского двора для жительства поручика Петра Александрова, служащего в полку Мартына Кармихеля // К. 1. Д. 80 (ж). Сст. 21.
- 24.1650, июнь. — Наказная память воевод Василия Чоглокова и Степана Елагина, данная в ответ на отписку старосты Сямозерской волости Олонецкого погоста Трофимки Ермолина, с разрешением старосте разбирать иски до трех рублей и с указаниями о размере взимания судебных пошлин // К. 1. Д. 156. Сст. 1.
- 25.1650, июня 5. — Дело по челобитной старосты Сямозерской волости Трофимки Ермолина с жалобой на начальных иноземных людей, которые, проезжая через их волость, требуют на основании подорожных, выданных еще в Москве для проезда в Заонежские погосты, предоставлять подводы для проезда в другие места // К. 1. Д. 151. Сст. 1 с об., 2.
- 26.1650, декабря 15. — Дело по отписке полковника Мартына Кармихеля о решении разных вопросов службы // К. 1. Д. 80 (е). Сст. 12—14, 16, 17 с об. — 20 с об.
- 27.1651, января 8—10. — Дело по челобитной старосты Сямозерской выставки Рождественского Олонецкого погоста Ефремки Исакова и за всех солдат с жалобой на капитана Андрея Нилдина, которому велено было по наказной памяти ставить на заставу на шведской границе наравне с солдатами Сямозерской волости солдат Святозерской волости, чего он не делал // К. 2. Д. 16. Сст. 1, 2.

- 28.1651, января 23. — Дело по челобитной поручика Томаски Пенцера [Спенцера] полка Мартына Кармихеля с жалобой на солдат Шокшинской волости Рождественского Остречинского погоста Карпушку и Лазарку Ивановых, бранивших, избивших и поранивших его во время набора солдат на службу // К. 2. Д. 5 (11, 12, 13). Сст. 12 с об., 13, 14.
29. 1651, января 23. — Дело по челобитной солдат Никольского Андомского погоста Ромашки Томилова, Гаврилки Трофимова и Васки Жданова с просьбой о денежной компенсации за постой иноземцев начальных учительных людей, живущих в их дворах вторую зиму // К. 2. Д. 5 (3, 4). Сст. 4 с об., 5.
30. 1651, января 24. — Дело по коллективной челобитной начальных людей полка Мартына Кармихеля с просьбой отвести им для постоянного жительства отдельные дворы, чтобы не терпеть убытков при переезде с одного двора в другой, и взыскать со старост деньги, потраченные ими на постой // К. 2. Д. 5 (9, 10). Сст. 10 с об., 11 с об.
31. 1651, января 26. — Наказная память воеводы Василия Чоглокова полковнику Мартыну Кармихелю с повелением объявить солдатам об указе царя Алексея Михайловича, присланном в город Олонец 24 января 1651 г., об изготовлении фитилей, готовности к службе и об освобождении солдат от государевых податей за службу // К. 2. Д. 5 (14). Сст. 16, 17.
32. 1651, февраля 7—13. — Дело о взыскании долгов по кабалам и записям с жителей Никольского Шуйского и Спасского Селецкого погостов в пользу истца, капрала Мунозерской выставки Шуйского погоста Сенки Иванова // К. 2. Д. 32. Сст. 1—6.
33. 1651, февраля 13—19. — Дело о взыскании с крестьян Никольского Шуйского погоста кабальных долгов в пользу солдата Мунозерской волости того же погоста Сенки Иванова сына Попова // К. 1. Д. 147 (28). Сст. 33, 39, 40.

34. 1651, марта 9. — Дело по челобитной полковника Александра Гамельтона и подполковника Эрички Андерсона и всех «начальных людей» с жалобой на солдат, которые их не слушают, фитили не делают, на солдатскую службу не ходят, а также о бунтовщиках // К. 2. Д. 45. Сст. 1—6.
35. 1651, марта 10. — Дело по челобитной подполковника полка Александра Гамильтона иноземца Иришки Андерсона с просьбой велеть старосте Никольского Шунгского погоста построить во дворе, где его поселили, вторую избу, так как в одной избе ему с семьей и со слугами жить тесно // К. 1. Д. 147 (7). Сст. 13 с об., 14.
36. 1651, марта 10. — Дело по челобитной капитана полка Александра Гамильтона иноземца Андрюшки Бокольтова с жалобой на «заезжего» крестьянина Климентия Козмина, который 2 июня 1650 г. бранил матерно челобитчика, когда тот находился в избе порутчика [имя не указано] // К. 1. Д. 147 (13). Сст. 22 с об., 22а.
37. 1651, март. — Запись об отпуске наказной памяти старостам Никольского Андомского погоста Фетке Фомину, Куземке Мартемьянову и Суботке Григорьеву с указом выплатить деньги, потраченные майором на починку двора // К. 2. Д. 48 (з). Сст. 17.
38. 1651, апреля 1—8. — Дело по челобитной солдата Туломозерской волости Ильинского Олонецкого погоста Марчки Ульянова за всех солдат той же волости с просьбой о строительстве отдельного двора для майора Романа Филипова, который живет у них в волости с 1649 г. по разным крестьянским дворам // К. 2. Д. 48 (а). Сст. 1 с об., 2.
39. 1651, апреля 22. — Наказная память воеводы Василия Чоглокова подполковнику полка Александра Гамолтона Иреку Андресону по челобитной кабацкого откупщика Никольского Шунгского погоста Ивашки Козмина сына Розтовца с указанием начальным людям унимать солдат от хулиганства // К. 2. Д. 48 (г). Сст. 7.

40. 1651, апреля 22—26. — Дело по челобитной солдат Спасского Кижского погоста Сенки Савастьянова и Ивашки Третьякова с жалобой на капрала Тихона Дорофеева «с товарищи», взявших у них перед поездкой под Псков судно со всем судовым запасом, разбивших его и не заплативших за него // К. 2. Д. 60. Ст. 1, 2.
41. 1651, апреля 25. — Наказная память воеводы Василия Чоглокова подполковнику полка Мартына Кармихеля Гуго Краферту о сыске и об отправке в город Олонец крестьянина Никольского Пудожского погоста Гришки Тихонова сына Красильника // К. 2. Д. 48 (б). Ст. 3.
42. 1651, июля 16—18. — Дело по челобитной дьячка Никольского Пудожского погоста солдата Алешки Калинина об исполнении им обязанностей писца в течение года в трёх ротах у подполковника Гуго Крафорта и о невозможности прокормиться // К. 1. Д. 80 (з). Ст. 22, 23.
43. Не позднее мая 1654. — Отписка полковника Мартынки Кармихеля воеводе Василию Александровичу [Чоглокову] с жалобой на то, что воевода шлет распоряжения по солдатским делам к старостам и отнимает у него власть над солдатами // К. 3. Д. 16 (м). Ст. 1.
44. 1656, июля. — 1663 г., декабря 18. — Дело о солдатских разборах, а также о розыске и высылке на службу беглых солдат различных погостов Олонецкого уезда // НА СПб ИИ РАН. Ф. 98. Оп. 1. К. 4. Д. 72. Ст. 1—104.
45. 1657, декабря 16. — 1658, октября 2. — Дело о неповиновении жителей Лопских Ругозерского, Селецкого, Панозерского и Шуезерского погостов, вызванного приездом порутчика полка Вальтера Кармихеля Богдана Васильева сына Головина для сбора солдат и драгун и отправки их на государеву службу по указу олонецкого воеводы Василия Чоглокова // К. 2. Д. 79. Ст. 1—125.
46. 1658, июня 30. — 1663, января 12. — Дело о разборе, розыске и высылке беглых солдат Олонецкого уезда на государеву службу // К. 4. Д. 71. Ст. 1—35 с об.

47. 1658, октября 14—16. — Дело о привлечении к ответственности поручиков за «гулящего человека» Ведлозерской волости Олонецкого погоста Сенку Микитина, который, получив «наемные» деньги с Кирилки Федорова, не стал служить вместо него и сбежал // К. 2. Д. 83 (1). Ст. 1—2.
48. 1658, октября 18—30. — Дело о захвате беглым солдатом Никольского Оштинского погоста Семеном Кузьминым участка его невестки, Парасковьицы Денесьевой // К. 2. Д. 87. Ст. 1 с об., Там же. Д. 83 (17). Ст. 24.
49. 1658, декабря 7. — Дело о приданном, которое житель Сенногубской волости Спасского Кижского погоста Федор Микитин сын Боранов не желает вернуть после смерти своей жены, Анны Назарьевой, ее племяннику, жителю Яндомозерской волости того же погоста Игнашке // К. 2. Д. 92 (32). Ст. 46—47.
50. 1658/59. — 1660, ноября 27. — Дело о розыске убитых, раненых, оставленных на службе в крепостях и беглых солдат, а также об организации высылки солдат и драгун разных погостов Олонецкого уезда в полки // К. 4. Д. 6. Ст. 1—57.
51. [1659] — Список сысканных беглых солдат и их наймитов полка боярина и воеводы князя Ивана Андреевича Хованского, а также отцов и братьев несысканных солдат // К. 3. Д. 8 (б). Ст. 1—8.
52. 1659, после июня. — Список драгун Шимозерских волосток Никольского Оштинского погоста, а также драгу Воскресенского Важенского, Рождественского Остречинского, Ильинского Веницкого погостов, получивших жалованье на Александровской пристани, а также тех, кто не явился на смотр // К. 3. Д. 8 (к). Ст. 1—11.
53. 1659—1661, января 19. — Дело о розыске беглых солдат и драгун разных погостов Олонецкого уезда и их возвращении на службу в полки // К. 3. Д. 82. Ст. 1—97.

54. 1659/60. – 1660, ноября 28. — Дело о розыске беглых солдат и драгун в разных погостах Олонецкого уезда и высылке на службу «нетчиков» и их родственников // К. 4. Д. 1. Сст. 1—98.
55. 1659, марта 29. – 1663, января 13. — Дело о разборе солдат, проведенном Андреем Гавриловичем Измайловым, ротмистром Феклистом Ласунским, новокрещенами Харламом Мевкелевым, Софонкой Ильметевым и другими в разных погостах Олонецкого уезда // К. 4. Д. 7 (1). Сст. 1—35.
56. 1659, июля. — 1663, декабря. — Дело о солдатских разборах, а также о розыске и высылке на службу беглых солдат различных погостов Олонецкого уезда // К. 4. Д. 72. Сст. 1—104.
57. 1660, январь. — Именная роспись соседей и родственников беглых солдат и разысканных беглых солдат полка воеводы Ивана Андреевича Хованского, отправленных с порутчиком Федором Ступиным и с Дмитрием Ивановым на службу в Великий Новгород // К. 3. Д. 20 (в). Сст. 1—16.
58. 1660, января 26. — Списки солдат разных погостов, поданные капитаном Кузьмой Миловановым // К. 3. Д. 20 (т). Сст. 112—115, 116 с об.
59. 1660, марта 6. — декабря 10. — Поручные записи солдат, родственников беглых солдат и наймитов разных погостов Олонецкого уезда в том, что они, их родственники или наймиты пойдут на государеву службу в полк князя Ивана Андреевича Хованского // К. 3. Д. 76. Сст. 1—172.
60. 1660, мая 18—27. — Именная роспись беглых солдат и драгун разных погостов, их родственников и «наймитов», разысканных новокрещеном Харламом Мевкелевым и майором Матвеем Викентьевым и объявившихся на Олонце // К. 3. Д. 20 (е). Сст. 37—51.
61. [1660], июня 17. — Именная роспись беглых драгун и солдат, их соседей, родственников и наймитов, прибывших на Олонец «по высылкам» и отправленных на службу с новокрещеном Агафоном Илметевым // К. 3. Д. 20 (з). Сст. 53—58.

62. 1660, августа 22. — ноября 2. — Дело о розыске умерших и беглых солдат и драгун разных погостов Олонецкого уезда, а также об организации высылки солдат-«нетчиков» и новоприборных в полки // К. 3. Д. 83. Ст. 1—61.
63. 1660, сентябрь. — Отписка воеводы Терентия Мышецкого и дьяка Дружины Протопопова князю Григорию Семеновичу Куракину с сообщением об отправке разысканных беглых драгун и солдат в Великий Новгород на службу с новокрещеном Андреем Тахташевым с приложением именной росписи // К. 3. Д. 20 (о). Ст. 28—32, 36, 89.
64. 1660, сентябрь. — Отписка воеводы князя Терентия Васильевича Мышецкого и дьяка Дружины Ивановича Протопопова князю Григорию Семеновичу [Куракину] о посылке в Новгород с Микитой Ижериным беглых солдат, объявившихся на Олонце в разных числах сентября 1660 г. // К. 3. Д. 20 (п). Ст. 24—27.
65. 1661, сентябрь. — 1663, декабря 18. — Дело о разборе солдат на две «очереди», выдаче им жалованья и отправке на Олонец, а также о розыске беглых солдат, взыскании с них жалованья и высылке на службу // К. 4. Д. 72. Ст. 1—104.
66. 1660, января 26. — Списки солдат разных погостов, поданные капитаном Кузьмой Миловановым // К. 3. Д. 20 (т). Ст. 112—115, 116 с об.
67. 1660, март. — Дело о понуждении вдового священника Виданской волости Никольского Шуйского погоста Тихона Минина к возврату солдатам Деревянской волости того же погоста денег, собранных вторично новым старостой на смолу и на лен // К. 3. Д. 73. Ст. 1—2.
68. 1660, марта 6. — декабря 10. — Поручные записи солдат, родственников беглых солдат и наймитов разных погостов Олонецкого уезда в том, что они, их родственники или наймиты пойдут на государеву службу в полк князя Ивана Андреевича Хованского // К. 3. Д. 76. Ст. 1—172.
69. 1660, марта 16. — Дело по извету солдата Спасского Кижского погоста Лучки Иванова о том, что крестьяне того же погоста Ивашка и Митрошка

- Маркеловы скрыли от властей свой земельный участок и добились освобождения от солдатской службы // К. 3. Д. 39. Сст. 1—2.
70. 1660, августа 22. — ноября 2. — Дело о розыске умерших и беглых солдат и драгун разных погостов Олонецкого уезда, а также об организации высылки солдат-«нетчиков» и новоприборных в полки // К. 3. Д. 83. Сст. 1—61.
71. 1660, августа 28—30. — Отписка воеводы Терентия Мышецкого о князю Григорию Семеновичу Куракину о розыске беглых драгун и солдат и о высылке их на службу в Великий Новгород с новокрещеном Григорием Камаевым сыном Мамаевым с приложением списков посланных и отправленных вслед // К. 3. Д. 20 (н). Сст. 80—88.
72. 1660, декабря 12—13. — Дело о разделе общего имущества между вдовой Великогубского конца Спасского Кижского погоста Евдокеицей Даниловой и племянниками ее умершего мужа // К. 4. Д. 7. Сст. 1—14.
73. 1661, марта 15. — Челобитная жителя Великогубского конца Спасского Кижского погоста Бориски Деева сына Гостева с жалобой на захребетника Рождественского Мегорского погоста Ивашку Васильева с сыном Фролом и солдат того же погоста Трофима Шумилина и других (всего 3 имени), которые не отдают баркас со всей снастью, оставленный челобитчиком на время государевой службы в литовской и немецкой землях // К. 4. Д. 28. Сст. 1 с об.
74. 1661, апреля 9. — Челобитная охудалого крестьянина Никольского Шунгского погоста Роспутки Ульянова с жалобой на старост Дружину Федорова и других (всего 5 имен), а также жителей погоста, которые не вернули ему части денег за покупку нового колокола взамен разбитого // К. 4. Д. 22 (1). Сст. 1 с об.
75. 1661, сентябрь. — Дело о поручительстве жителей Великогубского конца Спасского Кижского погоста за солдат того же погоста по требованию олонечских стрельцов Елесия Дорофиева и Харитона Петрова // К. 4. Д. 77 (2). Сст. 1—23.

76. 1662, после октября 6. — Отписка Андрея Гавриловича Измайлова воеводе Терентию Мышецкому об отправке с десятником Савкой Игнатьевым сысканных на Олонце и «в окольных волостях» солдат, отправленных на Олонец для получения жалования и высылки на стрелецкую службу в «первую очередь» в Великий Новгород, с приложением списка имен // К. 3. Д. 16 (д). Сст. 1—4.
77. 1662, октября 24. — 1665, апреля 25. — Дело о расследовании злоупотреблений бывших старост Никольского Оштинского погоста при сборе денег для выплаты кабал, взятых «в новгородскую издержку» и на содержание дворянина Семена Мякина // К. 5. Д. 124. Сст. 1—59; Д. 152. Сст. 1—25; Д. 178. Сст. 1 с об.; Д. 188. Сст. 1 с об.
78. 1662, ноября 6. — Отписка воеводы князя Терентия Васильевича Мышецкого и дьяка Дружины Ивановича Протопопова царю Алексею Михайловичу о результатах сыска беглых солдат с оправданиями от обвинения в потакании беглым и бездействии // К. 3. Д. 16 (к). Сст. 1—10.
79. 1663, июня 19. — августа 12. — Дело об отводе земельного участка корельскому выходцу Куземке Левонтьеву в Олонецком погосте // К. 4. Д. 91. Сст. 1—19.
80. 1664, января 18. — Челобитная бывшего пономаря Тубозерской волости Георгиевского Толвуйского погоста Ивашки Пантелеева, отставленного от церковной должности по старости, с просьбой о записи его в число «охудалых» крестьян и о передаче «выморочного» солдатского участка, которым пользуются, не уплачивая податей и оброка, солдатский отец Панкрашка Ананьин с детьми // К. 5. Д. 19. Сст. 1 с об.
81. 1664, марта 5. — Челобитная подьячего олонецкой приказной избы Степана Ижорина с жалобой на полкового подьячего Никольского Шунгского погоста Сидора Поздеева, который на яму схватил с головы челобитчика бархатную шапку с соболиным мехом и кисейный платок шитый золотом // К. 5. Д. 34. Сст. 1 с об.

82. 1664, марта 18. — Челобитная солдата Никольского Шунгского погоста Филки Аввакумова с жалобой на церковного дьячка погоста Сидорку Поздеева и других (всего 4 имени), которые не возвращают «наемные» деньги, полученные монастырским служкой-»наймитом» Агафонкой Емельяновым, согласно условиям поручной записи // К. 4. Д. 98 (6). Сст. 6 с об.
83. 1664, марта 21. — Челобитная солдата Кижского конца Спасского Кижского погоста Лучки Карпова с жалобой на солдатского отца того же погоста Федора Андреева и его сыновей, дьякона Июду и церковного дьячка Тимошку, которые самовольно засеяли его земельный участок // К. 5. Д. 68. Сст. 1 с об.
84. 1664, марта 23. — Челобитная крестьянина Шунгского погоста деревни Карпин-наволока Гаврилы Афанасьева на крестьянина того же погоста Якова Мартемьянова и других, укравших у него жеребца, корову, шубу и другое имущество // К. 5. Д. 75. Сст. 1.
85. 1664, марта 24. — Челобитная крестьянки Кижского конца Спасского Кижского погоста Улинки Прокопьевой с жалобой на приставов Киприяна Онаньина и Ондreja Запаса, которые не организовали ей очной ставки с жителями того же погоста Степаном и Иваном Обрамовыми о спорном земельном участке // К. 5. Д. 78. Сст. 1 с об., 2.
86. 1664, июня 14—24. — Дело об избиении жены и сына солдата Лижемской волости Спасского Кижского погоста Анкудинки Григорьева солдатами той же волости Ильюшкой и Якушкой Еупловыми // К. 5. Д. 156. Сст. 1—2.
87. 1664, июня 21. — Повторная челобитная солдатского отца Никольского Шуйского погоста Первушки Микифорова сына Попова с жалобой на священника того же погоста Ивана Дорофеева, который пользуется участком отца челобитчика, бывшего священника Микифорова, и укрывает своих сыновей и братьев от солдатской службы с этого участка // К. 5. Д. 153. Сст. 1—2.

88. 1664, июля 4. — Отписка олончанина Минки Харитонова, священника Сямозерской выставки Олонецкого погоста Гаврилы Григорьева и священника Вешкелицкой выставки того же погоста Федора Ларионова воеводе Василию Чоглокову об отказе крестьян той же волости Якушки Иванова и Ефремки Исакова выплатить деньги «по разводу» старосте Агию Андрееву // К. 5. Д. 159. Ст. 1 с об.
89. 1665, марта 25. — июня 14. — Дело о расследовании новокрещеном Андреем Тахташевым и олончанином Дунаем Остафьевым причин недобора в 1663/64 г. таможенных пошлин на Повенецком рядке и «питейной прибыли» с кабаков, стоящих на погостах в Шуньге, Шуе, Кижях и на Кузаранде // К. 5. Д. 187. Ст. 1—91.
90. 1665, апреля 18. — Сыскные речи священника Вырозерской выставки Георгиевского Толвуйского погоста Леонтия Федорова и крестьян вотчины Вяжицкого монастыря того же погоста о причинах недобора в 1663/64 г. таможенных пошлин на Повенецком рядке и «питейной прибыли» на кружечных дворах в Кузарандской волости того же погоста, на погостах в Шуньге, Шуе и Кижях (без конца) // К. 5. Д. 117. Ст. 1—2.
91. 1665, декабрь. — Список с записи отставного солдата Тулокской волости Олонецкого погоста Ивашки Федорова об отдаче «на кортому» на 15 лет, до декабря 1680 г., своего деревенского участка «охудалому» крестьянину той же волости Якушке Петрову Широкому // К. 5. Д. 189. Ст. 1—2.
92. 1666, февраля 8. — 1667, декабря 16. — Дело о разделе имущества между крестьянами Великогубского конца Кижского погоста Дорофеем Ларионовым и его племянником Якимкой Васильевым // К. 6. Д. 5. Ст. 1—36.
93. 1668, марта 2. — Челобитная выборного окладного сборщика Оштинского погоста Титки Фомина // К. 6. Д. 14. Л. 1 с об.
94. 1668, марта 4. — Отписка старосты Никольского Оштинского погоста Ивашки Томилова воеводе Замятне Левонтьеву об отказе вдовой попадьи Акилинки Григорьевой выплатить кабальные долги ее умершего мужа, священника

- Костянтина Алексеева, в пользу каргопольца Ивашки Евсеева Старицына // К. 6. Д. 19. Сст. 1 с об.
95. 1668, марта 13. — Челобитная жителя Воскресенского Важенского погоста Левки Иванова сына Фишакова с жалобой на священника Никольского Оштинского погоста Ивана Анисимова (Богданова), который проживает во дворе убитого на войне брата, драгуна Филки Богданова Пономарева, но не рассчитывается по записям за рожь, поставить которую обещал некогда Филка // К. 6. Д. 39 (и). Сст. 11 с об.
96. 1668, апреля 13. — Отписка жителя Рождественского Мегорского погоста Викулки Иванова, Алешки Самсонова и Амелки Мелентьева воеводе Замятне Леонтьеву об отказе солдата Петрушки Жданкова, сбежавшего со службы, отвечать по иску солдата Игнашки Федорова сына Шумкова, вместо которого он был послан на службу и получил годовое жалованье // К. 6. Д. 82. Сст. 1 с об.
97. 1675, июля 5. — Дело о краже крестьянином Масельгской волости Никольского Паданского погоста Микиткой Лукиным короба с имуществом, который олончанин Яким Буторин спрятал в лесу «от немецкого сполоху» // К. 7. Д. 80. Сст. 1—3.
98. 1676, ноября 7. — Челобитная крестьянина Лижемской волости Спасского Кижского погоста Калины Анкудинова с жалобой на крестьян разных волостей того же погоста Ждана Омельянова и других (всего 62 имени), которые обвинили его в «миропродавстве и ябедничестве» и отказались приехать на очную ставку на Олонец // К. 8. Д. 21. Сст. 1—2.

КОЛЛЕКЦИЯ 2. КОЛЛЕКЦИЯ АКТОВЫХ КНИГ АРХЕОГРАФИЧЕСКОЙ КОМИССИИ

1. 1660/61—1663/64. — Актовые книги // Оп. 1. Д. 28. 311 с об. л.

ФОНД 141. ПРИКАЗНЫЕ ДЕЛА СТАРЫХ ЛЕТ.

1. 1647. — Челобитные, кабацкие и другие всякие дела из разных Новгородской четверти городов (без начала и без конца) // 1647. Д. 26. 517 л.
2. 1649. — Дело о наборе из Заонежских погостов крестьян для салдатских драгунских полков Александра Гаменты да Мартина Кармихела // 1649. Д. 29. 368 л.
3. 1651. — Выписка о посылке во Псков окольничего князь Федора Федоровича Волконского да дьяка Гарасима Дохтурова для сыску проворовской завод и мятеж во Пскове, також о службах и о учиненной им государю прибыли // 1651. Д. 111. 8 л.
4. 1652. — Дела по челобитьям разных служилых иноземцев, просящих о государевом жалованье // 1652. Д. 79. 732 л.
5. 1653. — Дело по челобитью заонежанина Спасского Кижского погоста крестьянина Гришки Максимова о взятъе и свозе племянника его Томилка из-за Петра Дементьева Шишлова да Климку и Офонку Исаковых от Якова Мордвинова по-прежнему в Заонежские погосты // 1653. Д. 80. 3 л.
6. 1653. — Отписка с Олонца от Василья Чоглокова, во известие, сколько к нему из Новагорода, изо Пскова и из Старой Русы от сыщика Ивана Кобыльского Заонежских погостов сошлых крестьян и бобылей выслано, и на старые деревенские участки посажено, и в солдатскую службу записано, и сколько за поручными записми от оных по жен, по детей и по животы на урочной срокк отпущено. Тут же и росписи тем сошлым крестьянам, которые в росписех свощика Кобыльского написаны, а с целовалники и с пушкари на Олонце пред окольничим Чоглоковым не стали, и кто за кем ныне живут; и сколько по поручным записем в Заонежские и Лопские погосты не объявились // 1653. Д. 70. 26 л.

7. 1653. — Дело о сборе доимочных денег за даточных людей с Заонежских погостов (без начала) // 1653. Д. 123. 30 л.
8. 1654. — Дело 1) О выдаче всех чинов военнослужащим иностранным людям жалованья и месячного корма; 2) О комплектовании полков и о высылке оных на стражение против Литвы; 3) О посылке в Олонец воеводою на место Василья Чоглокова столника Петра Пушкина и с ним в товарищах Гдовского воеводу Степана Елагина, а во Гдов воеводою Степана Нащокина // 1654. Д. 100. 517 л.
9. 1656—1657. — Таможенные, кабацкие и другие всякие дела ... олонецкие // 1657. Д. 65. Ч. II. 444 л.
10. 1657. — Дело о сыску олонецких беглых драгун и солдат, отписки и отпуски грамотам из приказа Тайных дел // 1657. Д. 1. 121 л.
11. 1658 г., февраль. — сыскное дело по обвинению капитана князя Андрея Афанасьевича Вяземского в том, что он брал посулы и поминки с солдат Горской волости Олонецкого уезда // 1626. Д. 7. Л. 1—7.
12. 1659. — Дело о выдаче Олонецким и Заонежским начальным людям казакам и солдатам государевого хлебного и денежного жалованья. Тут же и другие разные воинские дела разных городов солдатам // 1659. Д. 19. 694 л.
13. 1660. — Всякие дела Новгородской четверти городов Новгорода Великого, Олонца, Каргополя // 1660. Д. 15. 386 л.

ФОНД 210: РАЗРЯДНЫЙ ПРИКАЗ

1. 1657. — Роспись полка Александра Гамонта: беглые и больные драгуны, поручики, прапорщики, сержанты, капралы, денщики, музыканты, рядовые по ротам // Оп. 24. Д. 96. 52 л.
2. 1658. — Книги по допросу и сыску дворянина Сергея Малова да подьячего Дружины Протопопова на Олонце и в Заонежских и в Лопских погостах по челобитью, и по сказкам, и по росписям на ком сколько

посульных денег и за какой грабеж доправлено или доправить довелось, и для чего те деньги не доправлены // Оп. 7а. Д. 53. Дела разных городов. По г. Олонцу: Л. 759—807об.

Столбцы Белгородского стола

1. 1656—1657. — Переписка Разряда о военных действиях против шведов и охране рубежа (главным образом о высылке в пограничные места служилых людей Новгородского разряда и о вестях) // Стб. 387.I. Л. 156—158, 164, 171—172, 183—190, 216—218, 220—227, 228—229, 233—243, 246—248, 255—257, 264—266, 289—290, 327—329, 358—366, 367—370, 391—402, 423—427.

Столбцы Новгородского стола

1. 1657. — Переписка Разряда и приказов Большого Дворца, Большие казны, Новгородской четверти, Пушкарского, Стрелецкого и Ямского о полковых делах и военных действиях с полковыми воеводами // Стб. 261. 189 л.
2. 1657—1658. — Документы, касающиеся управления и состояния городов – Олонца // Стб. 118.III. Л. 79—83, 112—114, 127—128, 272—281, 324—329, 332.
3. 1657—1658. — Переписка Разряда и Приказа Тайных дел о военных действиях против шведов с воеводами // Столбец 165. 405 л.
4. 1662. — Переписка БА Репнина о военных действиях с поляками и полковых делах // Стб. 126.II. Л. 13—14, 16об., 19—29, 82—87, 90—91, 233—235, 263об., 282—283.
5. 1662. — Документы, касающиеся сбора солдат и даточных людей и сыска беглецов полка бояр. кн. БА Репнина (переписка его с городскими воеводами и сыщиками о высылке в Новгород беглых солдат) // Стб. 193.I. Л. 345—346, 359, 367—376.

6. 1662. — Документы, касающиеся полка БА Репнина // Стб. 193. II. Л. 3—4, 47, 342—344, 347—358.
7. 1662. — Документы о служилых людях // Стб. 193. III. Л. 451.
8. 1663—1664. — Переписка воеводы Новгородского полка боярина кн. Ив. Андр. Хованского, касающаяся военных действий против Польши (сбор и присылка в полки хлебных запасов, присылка военных припасов, оружия и денежной казны, сыск и высылка на службу беглых служилых людей и недорослей, вести о движениях польского войска, расспросные речи взятых «языков» и выходцев из польского плена) // Стб. 132. I. Л. 63—69.

Столбцы Севского стола

1. 1654. — Документы о военных действиях с поляками и полковых делах // Стб. 157. Л. 150—151, 196—196об., 218.

ЛИТЕРАТУРА

НАУЧНАЯ

1. Баиов А. К. Курс истории русского военного искусства. Вып. I: От начала Руси до Петра Великого. СПб.: Тип. Гр. Скачкова, 1909. 177 с.
2. Беловинский Л. В. Истории полков русской армии // Военно-исторический журнал. 1988. № 12. С. 88—90.
3. Беляев И. Д. О русском войске в царствование Михаила Федоровича и после его, до преобразований, сделанных Петром Великим. М.: Университетская тип., 1846. 120 с.
4. Бескровный Л. Г. Очерки военной историографии России. М.: Изд-во АН СССР, 1962. 323 с.
5. Бобровский П. О. Переход России к регулярной армии. СПб.: Тип. В. С. Балашева, 1885. 215 с.

6. Бобровский П. О. Постоянные войска и состояние военного права в России в XVII столетии. По русским и иностранным памятникам. М.: Тип. А. И. Мамонтова и Ко, 1882. 51 с.
7. Богословский М. М. Земское самоуправление на Руском Севере в XVII в. Т. 1: Областное деление Поморья. Землевладение и общественный строй. Органы самоуправления. М.: Синодальная типография, 1909. 321 с.; Т. 2: Деятельность земского мира. Земство и государство. М.: Синодальная типография, 1912. 311 с.
8. Богоявленский С. К. Вооружение русских войск в XVI—XVII вв. // Исторические записки. 1938. Вып. 4. С. 258 —283.
9. Бородин А. В. Иноземцы – ратные люди на службе в Московском государстве. Пг., 1916. 19 с.
10. Вайнштейн О. Л. Русско-шведская война 1655—1660 годов: историографический обзор // Вопросы истории. 1947. № 3. С. 53—72.
11. Волков В. А. Войны и войска Московского государства. М.: Эксмо, Алгоритм, 2004. 571 с.
12. Волков С. В. Русский офицерский корпус. М.: Воениздат, 1993. 382 с.
13. Воробьёв В. М. Из истории поместного войска в условиях послесмутного времени (на примере новгородских служилых городов) // Мавродинские чтения: Материалы к докладам 10—12 октября 1994 г. Санкт-Петербург: Межвузовская научная программа «Исторический опыт русского народа и современность». СПб.: Изд-во С.-Петерб. гос. ун-та, 1994. С. 82—91.
14. Воробьёв В. М. «Конность, людность, оружность и сбруйность» служилых городов при первых Романовых // Дом Романовых в истории России. СПб., 1995. С. 93—108.
15. Воробьёв В. М. Новгород и Псков – два важных центра военно-политической истории России XVII века // Псков в Российской и Европейской истории (к 1100-летию летописного упоминания). Сб. ст. М., 2003. С. 314—326.

16. Гадзяцкий С. С. Карелия и южное Приладожье в русско-шведской войне 1656—1658 гг. // Исторические записки. Т. 11. М., 1941. С. 236—279.
17. Гарскова И. М. От просопографии к статистике: методика анализа баз данных по источникам, содержащим динамическую информацию // Источник, метод, компьютер. Сб. науч. трудов. Барнаул, 1996. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.hist.msu.ru/Labour/Article/barnaul.htm>, свободный. Яз. Рус. Дата последнего обращения: 05.11.2014.
18. Градобойнова Е. В. Вооружённое противостояние мятежного Пскова и армии И. Н. Хованского в 1650 г. // Вестник Московского государственного университета. 2011. Сер. 8: История. № 3. С. 22—34.
19. Градобойнова Е. В. Документы Разрядного приказа о Псковском мятеже 1650 г. // Отечественные архивы. 2011. № 6. С. 23—32.
20. Гуревич А. Я. История в человеческом измерении (Размышления медиевиста) // Новое литературное обозрение. 2005. № 75. С. 38—63.
21. Гусельцева М. С. Психология и история: от макроанализа – к микроанализу [Электронный ресурс] // Психологические исследования: электрон. науч. журн. 2010. № 2(10). URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2010n2-10/306-guseltseva10.html#e3>, свободный. Яз. Рус. Дата последнего обращения: 05.11.2014.
22. Демидова Н. Ф. Служилая бюрократия в России XVII в. и ее роль в формировании абсолютизма. М.: Наука, 1987. 225 с.
23. Дмитриев А. В. Войска «нового строя» в Сибири во второй половине XVII века: Монография. Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т, 2008. 240 с.
24. Дмитриев А. В. Материальное положение и служебный статус полков «нового строя» в Сибири во второй половине XVII в. // Сибирь в XVII—XX веках: Проблемы политической и социальной истории. Бахрушинские чтения 1999—2000 гг.: Межвуз. сб. науч. тр. Новосибирск, 2002. С. 37—38.

25. Дмитриев А. В. Личный состав сибирских полков «нового строя» во второй половине XVII века (статья первая) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2006. Т. 5. Вып. 1. С. 19—23;
26. Епифанов П. П. Войско // Очерки русской культуры XVII века. Ч. 1: Материальная культура. Государственный строй. / Гл. ред. А. В. Арциховский. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1979. С. 234—264.
27. Епифанов П. П. Оружие // Очерки русской культуры XVII века. Ч. 1: Материальная культура. Государственный строй. / Гл. ред. А. В. Арциховский. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1979. С. 265—283.
28. Жербин А. С. Переселение карел в Россию в XVII в. / Под ред. А. Г. Манькова. Петрозаводск: Гос. изд-во КФССР, 1956. 79 с.
29. Жуков А. Ю. Управление и самоуправление в Карелии в XVII в. Великий Новгород: НовГУ имени Ярослава Мудрого, 2003. 256 с.
30. Жуков А. Ю. Сямозерье в XIV—XVII веках // История и культура Сямозерья. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2008. С. 41—86.
31. Жуков А. Ю. Олонецкие полки «нового строя» в 1662 г.: документы и материалы // Истоки Карелии: время, территория, народы. Полевые исследования и архивные материалы. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2014. С. 91—98.
32. Заборовский Л. В. Россия, Речь Посполитая и Швеция в середине XVII в.: из истории международных отношений в Восточной и Юго-Восточной Европе. М.: Наука, 1981. 178 с.
33. Загоровский В. П. Белгородская черта. Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1969. 291 с.
34. Загоровский В. П. Изюмская черта. Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1980. 238 с.
35. Загоровский В. П. Солдатские села и солдатское землевладение в Воронежском крае XVII века // Из истории Воронежского края. Вып. 4. Воронеж, 1972. С. 90—97.

36. Золотарев В. А. История военной стратегии России / Под ред. В. А. Золотарева. М.: Кучково поле; Полиграфресурсы, 2000. 592 с.
37. Золотарев В. А. Военная история России. М.: Кучково поле, 2001. 736 с.
38. Иванов Д. И. Речь Посполитая в планах московских политиков накануне Виленских переговоров 1656 года (из истории международного кризиса в Восточной Европе середины XVII века) // Славяноведение. 2002. № 2. С. 52—68.
39. История Карелии с древнейших времён до наших дней / Науч. ред. Н. А. Кораблёв, В. Г. Макуров, Ю. А. Савватеев, М. И. Шумилов. Петрозаводск: Периодика, 2001. 944 с.
40. Калинычев Ф. И. Правовые вопросы военной организации Русского государства второй половины XVII века. М.: Гос. изд-во юридической литературы, 1954. 170 с.
41. Капустин С. Я. Древнее русское поручительство. Казань: Изд-во книгопродавца Ивана Дубровина, 1855. 62 с.
42. Каргалов В. В. Засечные черты и их роль в обороне Русского государства в XVI—XVII веках // Военно-исторический журнал. 1986. № 12. С. 61—67.
43. Ким О. В. Военный фактор модернизации допетровской России в современной англоязычной историографии // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2012. № 3. С. 81—86.
44. Киркинен Х., Невалайнен П., Сихво Х. История карельского народа / Пер. с фин. Л. В. Суни; Отв. ред. И. А. Чернякова. Петрозаводск: МП «Барс», 1998. 322 с.
45. Ключевский В. О. Сочинения. В 9-ти т. Т. 3. Курс русской истории. Ч. 3. / Под ред. В. Л. Янина; Послесл. и коммент. составили В. А. Александров, В. Г. Зими́на. М.: Мысль, 1988. 414 с.
46. Кобзарева Е. И. Дипломатическая борьба России за выход к Балтийскому морю в 1655—1661 гг. М.: ИРИ РАН, 1998. 300 с.

47. Кобзарева Е. И. Зарубежная историография о русско-шведских отношениях 1655—1661 годов // Отечественная история. 1993. № 4. С. 115—125.
48. Кобзарева Е. И. Вестфальская мирная система и Россия // Отечественная история. 1999. № 4. С. 146—151.
49. Кобзарева Е. И., Коваленко Г. М. Дипломатический этикет и диалог в условиях подготовки к войне и разрыва дипломатических отношений: шведское посольство в Москве в 1655—1656 гг. // Санкт-Петербург и страны Северной Европы: Материалы Четырнадцатой ежегодной международной научной конференции. СПб., 2013. С. 70—78.
50. Коваленко Г. М. Карелия в русско-шведской войне 1656—1658 гг.: Препр. докл. на Учен. совете Ин-та яз., лит. и истории 29 июня 1978 г. Петрозаводск: КФ АН СССР, 1978. 76 с.
51. Коваленко Г. М. «Для проведывания всяких вестей» // Кандидат на престол: из истории политических и культурных связей России и Швеции XI—XX вв. СПб., 1999. С. 100—106.
52. Кокконен Ю. Безопасность, обеспеченная «снизу»: соглашения о мире на границе в период шведского правления в Финляндии с XIV века по 1809 г. // Восточная Финляндия и Российская Карелия: традиция и закон в жизни карел: Материалы междунар. семинара историков, посвящ. 65-летию ПетрГУ. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2005. С. 48—52.
53. Курбатов О. А. Рецензия на книгу: Сагановіч Г. Невядомая вайна 1654—1667. Мінск, 1995 // Архив русской истории. М., 2002. С. 339—344.
54. Курбатов О. А. Русско-шведская война 1656—1658 гг.: проблемы критики военно-исторических источников // Россия и Швеция в средневековье и новое время: архивное и музейное наследие. М., 2002. С. 150—166.
55. Курбатов О. А. «Литовский поход 7168 года» князя И. А. Хованского и битва при Полонке // Славяноведение. 2003. № 4. С. 25—40.

56. Курбатов О. А. Морально-психологические аспекты тактики русской конницы в середине XVII века // Военно-историческая антропология: Ежегодник. 2003/2004: Новые научные направления. М., 2005. С. 193—213.
57. Курбатов О. А. «Чудо архангела Михаила»: Документы о походе Новгородского полка на Брест и битве при Верховичах. 1655 г. // Исторический архив. № 3. 2005. [Электронный ресурс]. URL: www.vostlit.info/Texts/Documenty/Russ/XVII/1640-1660/Pochod_Novg_polka_1655/text1.htm, свободный. Загл. с экрана. Яз. рус. Дата последнего обращения: 05.11.2014.
58. Курбатов О. А. Роль служилых «немцев» в реорганизации русской конницы в середине XVII века // Иноземцы в России в XV—XVII веках: Сборник материалов конференций 2002—2004 гг. М.: Древлехранилище, 2006. С. 18—22.
59. Курбатов О. А. С. Организация и боевые качества русской пехоты «нового строя» накануне и в ходе русско-шведской войны 1656—1658 гг. // Архив русской истории: сб. рос. гос. архива древних актов; отв. ред. С. С. Ермолаев; сост. А. В. Антонов. М.: Древлехранилище, 2007. Вып. 8. С. 157—195.
60. Курбатов А. А., Курбатов О. А. Инженерно-артиллерийское обеспечение Смоленского и Рижского государевых походов 1654—1656 гг. // Военно-исторический журнал. 2008. № 8. С. 29—34.
61. Курбатов О. А. Рижский поход царя Алексея Михайловича 1656 г.: Проблемы и перспективы исследования // Проблемы социальной и политической истории России: Сборник научных статей / Под ред. Р. Г. Пихоя. М., 2009. С. 83—88.
62. Курбатов О. А. Очерки развития тактики русской конницы «сотенной службы» с середины XVI в. до середины XVII в. // Военная археология. Вып. 2. М., 2011. С. 58—91.

63. Курбатов О. А. Писано кровью: к истории правил техники безопасности по обращению с огнестрельным оружием в середине XVII века [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. 2012. Т. 1. С. 233—257. URL: <http://www.milhist.info/2012/05/04/kyrbatov>, свободный. Дата последнего обращения: 05.11.2014.
64. Курбатов О. А. Западноевропейские военно-теоретические модели XVII в. и их место в реформировании русской армии // Феномен реформ на западе и востоке Европы в начале Нового времени (XVI—XVIII вв.): сборник статей. СПб., 2013. С. 231—249.
65. Лабутина Т. Л. Допетровская Россия глазами британцев // Вопросы истории. 2009. № 5. С. 24—37.
66. Лабутина Т. Л. Представления британцев о русском народе в XVI—XVII вв. // Вопросы истории. 2009. № 8. С. 13—25.
67. Лаптева Т. А. Документы Иноземного приказа как источник по истории России XVII века // Архив русской истории. Вып. 5. 1994. С. 109—127.
68. Лобин А. Н. Неизвестная война 1654—1667 гг. [Электронный ресурс]. На рус. яз. URL свободный: http://scepsis.ru/library/id_1104.html, свободный. Дата последнего обращения: 05.11.2014.
69. Лобин А. Н., Смирнов Н. В. Борьба за Юрьев-Ливонский в годы русско-шведской войны (1656—1658) // Война и оружие: Новые исследования и материалы. 2-я международная научно-практическая конференция. СПб.: ВИМАИВиВС, 2011. С. 534—549.
70. Малов А. В. Конница нового строя в русской армии в 1630—1680-е годы // Отечественная история. 2006. № 1. С. 118—131.
71. Малов А. В. Московские выборные полки солдатского строя в начальный период своей истории. 1656—1671 гг. М.: Древлехранилище, 2006. 624 с.
72. Малов А. В. Русско-польская война 1654—1667 гг. М.: Цейхгауз, 2006. 48 с.

73. Мальцев А. Н. Война за Белоруссию и освобождение Смоленска в 1654 г. // Исторические записки. М.: АН СССР, 1951. Т. 37. С. 125—143.
74. Маньков А. Г. Уложение 1649 г. – кодекс феодального права России. Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1980. 272 с.
75. Масловский Д. Ф. Записки по истории военного искусства в России. СПб., 1891. Вып. 1. С. 24—25.
76. Масловский Д. Ф. Постоянные войска русской армии в XVII столетии // Военный сборник. 1890. Вып. 195. № 9. С. 5—36.
77. Марголин С. Л. К вопросу об организации и социальном составе стрелецкого войска в XVII в. // Ученые записки. Т. XXVII. 1953. Труды кафедры истории СССР. Вып. 2. С. 63—95.
78. Михайлов А. А. Списки раненых как источник по русской военной истории второй половины XVII века // Россия в X—XVII вв. Проблемы истории и источниковедения: Тезисы докладов и сообщений Вторых чтений, посвящённых памяти А. А. Зимина (Москва, 26—28 января 1995 г.). Ч. 2. М.: РГГУ, 1995. С. 355—360.
79. Мышлаевский А. З. Офицерский вопрос в XVII веке (Очерк из истории военного дела в России). СПб., Типография Глав. Упр. Уделов, 1899. 35 с.
80. Мюллер Р. Б. Очерки по истории Карелии XVI—XVII вв. / Под ред. А. И. Андреева. Петрозаводск: Гос. изд-во КФССР, 1947. 176 с.
81. Нефедов С. А. Первые шаги на пути модернизации России: реформы середины XVII века // Вопросы истории. 2004. № 4. С. 33—52.
82. Нефедов С. А. Еще раз о спорных вопросах русской военной истории середины XVII века // Вопросы истории. 2005. № 8. С. 174—175.
83. Новосельский А. А. Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII века. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1948. 452 с.
84. Новосельский А. А. Дворцовые крестьяне Комарицкой волости во второй половине XVII века // Вопросы истории сельского хозяйства, крестьянства и революционного движения в России. М., 1961. С. 65—80.

- [Электронный ресурс]. URL: <http://diderix.petergen.com/lub-nvskj.htm>, свободный. Яз. Рус. Дата последнего обращения: 05.11.2014.
85. Новосельский А. А. Борьба Московского государства с татарами во второй половине XVII века // Новосельский А. А. Исследования по истории эпохи феодализма (Научное наследие). М.: Наука, 1994. С. 13—115.
 86. Новосельский А. А. Очерк военных действий боярина Василия Петровича Шереметева в 1654 г. на новгородском фронте // Новосельский А. А. Исследования по истории эпохи феодализма (Научное наследие). М.: Наука, 1994. С. 117—135.
 87. Ноздрин О. Я. Воин, инженер, предприниматель. Дела и служба Александра Крофорда в Московском государстве // Война и оружие: новые исследования и материалы. Труды Третьей международной научно-практической конференции 16—18 мая 2012 г. СПб., 2012. Ч. II. С. 434—440.
 88. Орленко С. П. Правовой статус выходцев из Западной Европы в России XVII в. // Вопросы истории. 2000. № 6. С. 137—141.
 89. Орленко С. П. «Немцы» и московское правительство в XVII веке // Проблемы изучения памятников духовной и материальной культуры. М., 2001. Вып. 4. С. 15—26.
 90. Орленко С. П. Выходцы из стран Западной Европы в России XVII века: правовой статус и реальное положение. М.: Древлехранилище, 2004. 341 с.
 91. Опарина Т. А. Иноземцы в России XVI—XVII вв. Очерки исторической биографии и генеалогии. М.: Прогресс-Традиция, 2007. 384 с.
 92. Островская М. А. Земельный быт сельского населения Русского Севера в XVI—XVIII веках. СПб.: Тип. гл. управления уделов, 1913. 496 с.
 93. Пенской В. В. Попытка военных реформ в России начала XVII века // Вопросы истории. 2003. № 11. С. 127—138.

94. Пенской В. В. Военная революция в Европе и вооруженные силы России второй половины XV—XVIII вв.: от дружины к регулярной армии. М.: ППП «Типография «Наука», 2004. 283 с.
95. Пенской В. В. От лука к мушкету: вооруженные силы российского государства во 2-ой половине XV—XVII вв.: проблемы развития. Белгород: Изд-во БелГУ, 2008. 256 с.
96. Пенской В. В. Переворот в военном деле Западной европы конца XV—XVII века в новейшей англоязычной историографии // Новая и новейшая история. 2012. № 3. С. 152—158.
97. Петрухинцев Н. Н. К характеристике формирований «нового строя» накануне военных реформ Алексея Михайловича // Война и оружие: Новые исследования и материалы. Труды Четвёртой Международной научно-практической конференции 15—17 мая 2013 года. СПб., 2013. Ч. III. С. 502—523.
98. Пузыревский А. К. Развитие постоянных регулярных армий и состояние военного искусства в век Людовика XIV и Петра Великого. СПб., 1889.
99. Ракитин А. С. Непослушание драгун Комарицкой волости иноземцам начальным людям (1647 год) // Курский край. Курск, 2010. № 3. С. 40—44. [Электронный ресурс]. URL: <http://sevsk32.ru/bylinspast/8/78/>, свободный. Яз. Рус. Дата последнего обращения: 05.11.2014.
100. Рыжков А. С. Офицер – иноземец: проблемы адаптации в местном крестьянском сообществе. [Электронный ресурс] // Журнал отчетов и публикаций ИЛЛМИК. (ISSN 1819-9399). 2006. № 1—2. Электрон. ст. URL: <http://illmik.petrso.ru/2006news3/Ryzhkov2.html>, свободный. Загл. с экрана. Яз. Рус. Дата последнего обращения: 05.11.2014.
101. Рыжков А. С. Поручик Богдан Головин – организатор службы пашенных солдат в Карелии во второй половине XVII века. [Электронный ресурс] // Журнал отчетов и публикаций ИЛЛМИК. (ISSN 1819-9399). 2007. № 1 (3). Электрон. ст. URL: <http://illmik.petrso.ru/2007news3/Ryzhkov2.html>,

- свободный. Загл. с экрана. Яз. Рус. Дата последнего обращения: 05.11.2014.
102. Рыжков А. С. Опыт составления электронной базы данных по переписным книгам карельских пашенных солдат Ивана Дивова // Материалы XV Всероссийской научной конференции «Писцовые книги и другие массовые источники XVI – XX веков». К столетию со дня рождения П. А. Колесникова. М.: Древлехранилище, 2008. С. 269—274.
103. Ryzhkov A. S. Ploughmen-soldiers' social phenomenon in the Russian-Swedish borderland (Karelia) at the early-modern Time. [Электронный ресурс] // Журнал отчетов и публикаций ИЛЛИМИК. (ISSN 1819-9399). 2007. № 2 (4). Электрон. ст. URL: <http://illmik.petrso.ru/2007news4/Ryzhkov.html>, свободный. Загл. с экрана. Яз. Рус. Дата последнего обращения: 05.11.2014.
104. Седов П. В. Подношения в московских приказах XVII века // Отечественная история. 1996. № 1. С. 139—150.
105. Селин А. А. Ладога при Московских царях. СПб.: Нестор-История, 2008. 196 с. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ladogamuseum.ru/article/selin/pub7/>, свободный. Яз. Рус. Дата последнего обращения: 05.11.2014.
106. Селин А. А. Новгородское общество эпохи Смуты. [Электронный ресурс]. URL: <http://nwae.spbu.ru/?0-314>, свободный. Яз. Рус. Дата последнего обращения: 05.11.2014.
107. Селин А. А. Просопографическая база данных «Новгородское общество начала XVII века». [Электронный ресурс]. URL: <http://nwae.spbu.ru/?0-315>, свободный. Яз. Рус. Дата последнего обращения: 05.11.2014.
108. Селин А. А. Городок на Лаве: первые итоги новых исследований // Ладога и Северная Евразия от Байкала до Ла-Манша. Связующие пути и организующие центры. 6-е чтения памяти Анны Мачинской. СПб., 2002. С. 199—206. [Электронный ресурс]. URL: <http://nwae.spbu.ru/?0-313>, свободный. Яз. Рус. Дата последнего обращения: 05.11.2014.

109. Селин А. А. Обзор просопографических исследований 2000—2013 гг. // Исторические биографии в контексте региональных и имперских границ Северной Европы: материалы Международного научного семинара (Санкт-Петербургский кампус НИУ ВШЭ, 24—26 октября 2013 г.). СПб.: Отдел оперативной полиграфии НИУ ВШЭ – Санкт-Петербург, 2013. С. 4—12.
110. Смирнов Н. В. Военная кампания 1654—55 гг. на литовском направлении // Судьбы славянства и эхо Грюнвальда: Выбор пути русскими землями и народами Восточной Европы в Средние века и раннее Новое время (к 600-летию битвы при Грюнвальде/Танненберге). Материалы международной научной конференции / Отв. ред. А. И. Филюшкин. СПб.: Любавич, 2010. С. 284—289.
111. Соловьев С. М. Сочинения: в 18 кн. Кн. 7: История России с древнейших времён. Т. 13—14. М.: Мысль, 1991. 701 с.
112. Старостина Т. В. Мирская челобитная Заонежских погостов 1677 г. // Вопросы истории: Сборник статей. Петрозаводск, 1961. Вып. I. С. 107—127.
113. Старостина Т. В. Волнения крестьян Толвуйского погоста в XVII в. (до конца 60-х гг.) // Вопросы истории: Сборник статей. Петрозаводск, 1961. Вып. I. С. 128—145.
114. Старостина Т. В. Борьба крестьян Карелии против феодального гнета в 70-е гг. XVII века (Массовые волнения в Заонежских и Лопских погостах. Восстание Толвуйского погоста в 1678 г.) // Ученые записки Петрозаводского университета. 1957. Т. VII. Вып. I. С. 41—64.
115. Старостина Т. В. Пашенные солдаты: К 450-летию русской регулярной армии // Военный вестник: Ежемесячный военно-патриотический историко-культурный альманах. 2000. № 7. С. 3. [Приложение к газете «Карелия» № 47 (646). 21 июля 2000].
116. Сулова Е. Д. Конфликт братьев Маркеловых: опыт урегулирования спора о причетнической должности церковного дьячка в Кижском

- погосте в середине XVII века // Рябининские чтения – 2011: Материалы VI научной конференции по изучению и актуализации культурного наследия Русского Севера. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2011. С. 182—184.
117. Сулова Е. Д. Церковь и крестьянское сообщество в Карелии в конце XV – начале XVIII в. Автореф. дис. на соиск. уч. степ. к.и.н. Специальность 07.00.02. – Отеч. история. СПб., 2012. 31 с.
118. Сулова Е. Д. Служители церкви в Карелии раннего нового времени: складывание династий. [Электронный ресурс]. / Науч. ред. И. А. Чернякова. Электрон. дан. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2013. 162 с. URL: http://carelica.petrso.ru/CARELICA/Suslova_2.html, свободный. Яз. Рус. Дата последнего обращения: 05.11.2014.
119. Тихомиров М. Н. Псковское восстание 1650 г. Из истории классовой борьбы в Русском городе XVII в. // Он же. Классовая борьба в России XVII в. М.: Наука, 1969. С. 23—138. (переизд. с изд. 1935 г.)
120. Усенко О. Г. Отношение к «немцам» в России XVII века (на примере движений социального протеста) // Иноземцы в России в XV—XVII веках. Сборник материалов конференций 2002—2004 гг. М.: Древлехранилище, 2006. С. 395—404.
121. Флоря Б. Н. Русское государство и его западные соседи (1655—1661). М., ИНДРИК, 2010. 655 с.
122. Чепель А. И. Проблема перебежчиков в русско-шведских отношениях: от Столбовского до Кардисского мира (по материалам Архива Санкт-Петербургского Института истории Российской Академии Наук) // Проблемы истории, филологии, культуры. 2009. № 26. С. 29—41.
123. Чепель А. И. «Заставу учал было обходить лесом»: шведско-русское приграничье после Столбовского мира // Новый исторический вестник. 2010. Т. 24. № 2. С. 43—50.
124. Чепель А. И. Шведские «державцы» и русские воеводы на страже рубежей: от Столбовского до Кардисского мира (по документам

- русских архивов) // Вестник Псковского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные и психолого-педагогические науки. 2010. № 11. С. 108—113.
125. Чернов А. В. Вооруженные силы Русского государства в XVI—XVII вв. М.: Воениздат, 1954. 224 с.
126. Чернякова И. А. Население Олонецкого края в XVII веке (по писцовым и переписным книгам) // Вопросы истории Европейского Севера (социально-экономические проблемы): Межвузовский сборник. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ им. О. В. Куусинена, 1988. С. 115—133.
127. Чернякова И. А. Карелия на переломе эпох: Очерки социальной и аграрной истории XVII века. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 1998. 295 с.
128. Чернякова И. А. Опыт подготовки электронной публикации архивной коллекции «Олонецкая воеводская изба» в исследовательской лаборатории локальной и микроистории Карелии // Рябининские чтения – 2011: Материалы VI научной конференции по изучению и актуализации культурного наследия Русского Севера. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2011. С. 196—199.
129. Чернякова И. А. База данных, составленная по архивным документальным источникам массового характера, как способ историко-демографического исследования семьи и домохозяйства карельского крестьянства XIX века // Информационные технологии и письменное наследие: Материалы IV междунар. науч. конф. (Петрозаводск, 3—8 сентября 2012 г.). Петрозаводск, Ижевск, 2012. С. 279—285.
130. Швейковская Е. Н. Государство и крестьяне России. Поморье в XVII веке. М.: Археографический центр, 1997. 285 с.
131. Устрялов Н. Г. Ратное дело в России до Петра Великого // Библиотека для чтения. 1834. № 2. Кн. 1—2.
132. Юмашева Ю. Ю. Историография просопографии // Известия Уральского государственного университета. 2005. № 39. С. 95—127.

133. Носевич В.Л. Традиционная белорусская деревня в европейской перспективе. Минск: Технология. 2004. 350 с.
134. Носевич В. Л. К вопросу об объективности исторического исследования // [Электронный ресурс]. URL: <http://vln.by/node/105>, свободный. Яз. Рус. Дата последнего обращения: 05.11.2014.
135. Kokkonen J. Border peace agreements: local attempts to regulate early modern border conflicts // *Imagined, negotiated, remembered: Constructed European borders and borderlands*. London, 2012. P. 47—66.
136. Poe M. The Consequences of the military revolution in Moscovy: a comparative perspective // *Comparative studies in society and history*. Vol. 38. № 4 (Oct., 1996), pp. 603—618.
137. Reger IV William M. European mercenary officers and the reception of military reform in the seventeenth-century Russian army // *Modernizing Muscovy: Reform and social change in seventeenth-century Russia* / Edited by J. Kotilaine, Marshall Poe. London, 2004. P. 214—237.

СПРАВОЧНАЯ

138. Большая советская энциклопедия. 2-е изд. 1954. Т. 30.
139. Веселовский С. Б. Дьяки и подьячие XV—XVII вв. М.: Наука, 1975. 607 с.
140. Демидова Н. Ф. Служилая бюрократия в России XVII века (1625—1700). Биографический справочник / Отв. сост. Г. А. Иванова. М.: Памятники исторической мысли, 2011. 720 с.
141. Куратов А. А. Метрология России и Русского Севера. Архангельск: Архангельский филиал географического общества СССР, 1991. 23 с.
142. Каменцева Е. И., Устюгов Н. В. Русская метрология. М.: Высшая школа, 1975. 326 с.
143. Русский военно-исторический словарь. М.; Олма-Пресс, 2001. 656 с.
144. Списки городовых воевод и других лиц воеводского управления Московского государства XVII столетия по напечатанным

правительственным актам / Сост. А. П. Барсуков. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1902. 626 с.

145. Тарасов К. И. Краткий военно-исторический словарь. Минск: Лекция, 1998. 222 с.
146. Словарь русского языка XI—XVII вв. Вып. 1—28. М.: Наука, 1975—2006.

Карта Заонежских и Лопских погостов в XVII веке

(Источник: Чернякова И. А. Карелия на переломе эпох: Очерки социальной и аграрной истории XVII века. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 1998. С. 37.)

**Карточка базы данных, составленной по переписным книгам
пашенных солдат и крестьян И. С. Дивова 1657 г.**

Books by Ivan Divov_new2

Records: 2 / 2194 Found (Unsorted)

Show All New Record Delete Record Find Sort

Layout: Books_7 View As: [Table View] Preview [Aa] Edit Layout

Navigation: [Back] [Forward] [New] [Delete] [Form] [List] [Reports] [Save as Exce]

Village: Борзуновская Tret': Залеская

Vystavka: Pogost: Никольский Оштинский

Volost': Щелейки волостка Stan: Оштинский

Fathers, brothers, stepfathers, uncles, fathers-in-law: Children, grandchildren, brothers, nephews, zakhrebetniki:

State of health:

Age:

Persons, who were not on the inspection:

Bobyli, who were not on inspection: Conscripts:

The Fugitive: Total: 3

Archive Information:

Archive РГАДА Collection 137 Inventory 1 Book 5 Page 993

150 [Icons] Browse

Карточка просопографической базы данных «Пашенные солдаты Олонецкого уезда»

ploughmen soldiers

Records 2
1005 Total (Unsorted)

Show All
New Record
Delete Record
Find
Sort

Layout: Untitled View As: [Table] [List] [Grid] Preview

Helvetica 12 pt [B] [I] [U]

ПАШЕННЫЕ СОЛДАТЫ ОЛОНЕЦКОГО УЕЗДА

№ 2

сведения из биографии

имя, отчество

Томилка Андреев, он же Левка Андреев прозвище Томилка (Томила)

погост

Оштинский

волесть, треть, конец

деревня

Микитинская Борзуновская (Горбуновская)

статус, чин, занятие

- солдатский отец
- солдат
- беглый солдат/нетчик
- погиб/умер на службе
- "сшол (безвестно)"
- драгун
- сержант
- барабанщик
- трубач
- подзнаменщик
- фитильный мастер
- кузнец
- наймит
- "хозяин" наймита
- охудалый
- боболь
- больной/увечный
- поручитель
- староста
- судейка
- пристав
- целовальник
- рассыльщик
- подъячий
- дьячок
- попов сын
- грамотный
- неграмотный

биография

До 1647 г. "при воеводах" был рассыльщиком. В 1647 г. активно выступал против введения солдатской службы и убедил крестьян Оштинского погоста не соглашаться быть солдатами. Однако другой крестьянин того же погоста - Родка Симанов - обвинил Томилку в том, что он хочет "мир есть по-прежнему", а также в том, что скрыл от переписи 1646 г. своих сыновей. После того, как Родка Симанов подал свою сказку о согласии на солдатскую службу с упреками в адрес Томилки и некоторых других, крестьяне передумали и согласились на службу. На обороте поданной ими сказки есть и собственноручная подпись Томилки Андреева. Известно, что в 1648/49 г. и в 1657 г. был старостой Оштинского погоста. 7 января 1650 г. Томила Андреев подал челобитную с жалобой на плотников Залесской трети Оштинского погоста, которых мир нанял для заготовки леса для городских работ в Олонце. С плотниками у старосты и мирских людей произошел спор о размере платы за найм: первоначально были подписаны записи о плате 1,5 рубля на месяц человеку, но олонечские воеводы указали платить только по 40 алтын. Так плотникам и было уплачено. Однако плотники старых записей в мир не вернули и грозились, как только воеводы сменятся

сведения о семейном положении, родственниках

жена

родители

дети, внуки, братья, сестры, прочие

имя	возраст	доп. инф.	источник
сын Лука			ПК 1646 г.
сын Гаврилка			ПК 1646 г.
сын Силка Томилин		солдат, убит под Витбеком	ПК 1657 г.
сын Ивашко Томилов		солдат; в 1668 г. староста	ПК 1657 г.; ОБИ. К. Б. Д. 15. Л. 1 с об.
сын Фомка Львов сын Томилов	30 лет в 1657 г.		ПК 1657, 1678 гг.
внук Сенка Силин	7 лет в 1657 г.		ПК 1657, 1678 гг.
правнук Филимонко Семенов	1 год		ПК 1678 г.

упоминание в источниках

в переписных книгах

год	лист
☒ 1646 г.	л. 501 об.
☒ 1657 г.	л. 993.
☐ 1678 г.	

в актовых материалах

название документа	год	архивный фонд	дело, лист
Отписка В. Д. Золотарева	9 июня 1647 г.	РГАДА. Ф. 141. Приказные дела старых лет.	1647. Д. 26. л.
Сказка Родки Симанова, крестьянина	9 мая 1647 г.	РГАДА. Ф. 141. Приказные дела старых лет.	1647. Д. 26. л.
Сказка крестьян Оштинского погоста	9 мая 1647 г.	РГАДА. Ф. 141. Приказные дела старых лет.	1647. Д. 26. л. 309-310 об.
Челобитная солдата Ивана Григорьева	1649/50 г.	НА СПб ИИ РАН. Ф. 98. ОБИ.	К. 1. Д. 42. л. 1.
Дело о неуплате договорных денег плотникам Оштинского	3 января 1650 г.	НА СПб ИИ РАН. Ф. 98. ОБИ.	К. 1. Д. 49. л. 2.
Дело по челобитной Томилы Андреева на избивших его крестьян	5-6 января 1650 г.	НА СПб ИИ РАН. Ф. 98. ОБИ.	К. 1. Д. 40. л. 16, 17; Д. 96. л. 1-2.
Челобитная Томилки Андреева, наказанная замять по челобитной	7 января 1650 г.	НА СПб ИИ РАН. Ф. 98. ОБИ.	К. 1. Д. 103. л. 1, 2 с об.
Челобитная крестьянина Вендического погоста Мирюшки	10 октября 1658 г.	НА СПб ИИ РАН. Ф. 98. ОБИ.	К. 2. Д. 83 (21). Л. 28 с об.
Челобитная выборного складного оборышка Оштинского погоста	25 марта 1668 г.	НА СПб ИИ РАН. Ф. 98. ОБИ.	К. 6. Д. 14. л. 1 с об.

100 Browse